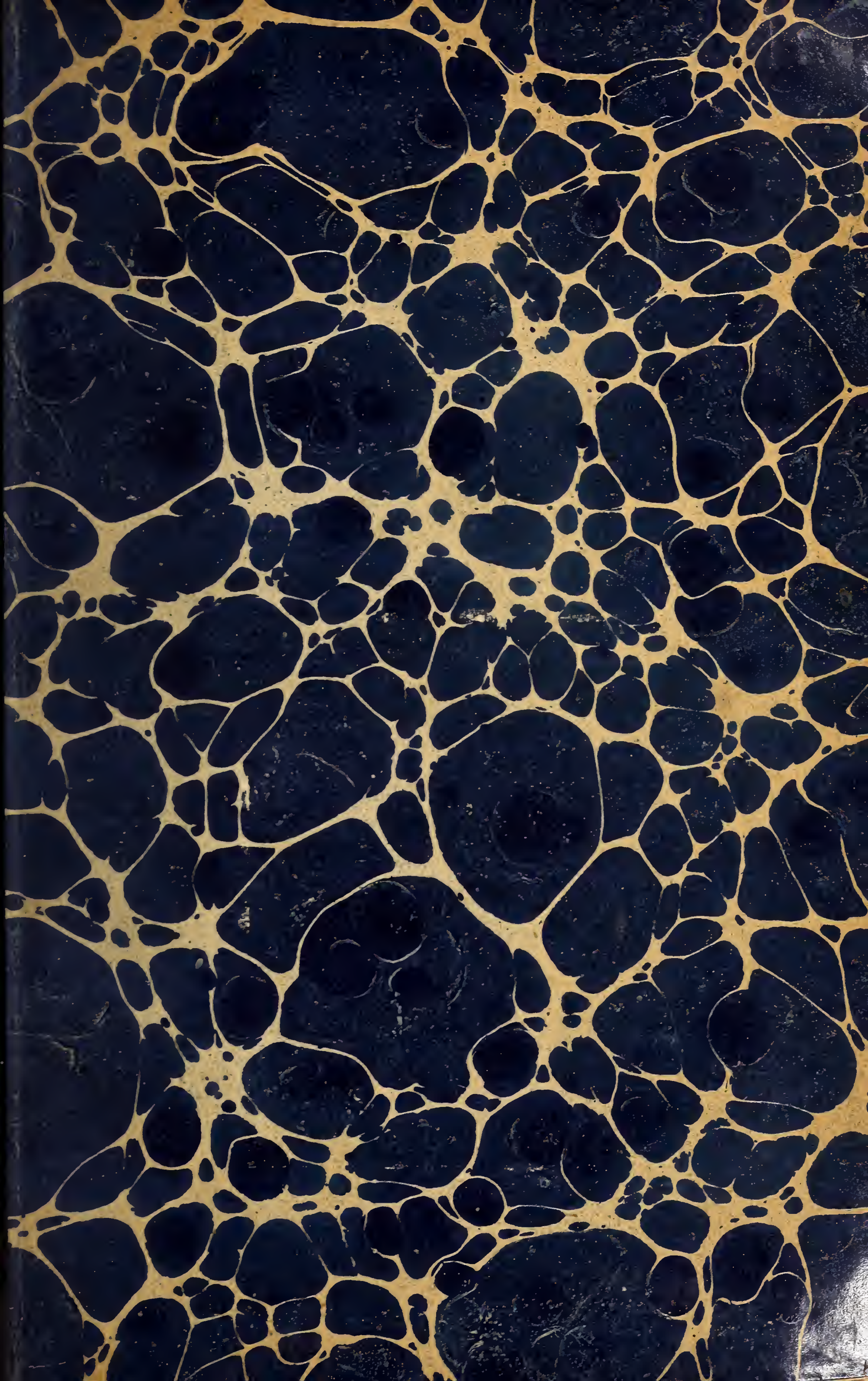

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА
THE LIBRARY OF CONGRESS
1800
Class
Book
YUDIN COLLECTION

Д. С. Боровиковский

ИСТОРІЯ

ПАДЕНІЯ ПОЛЬШИ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1863.

ИСТОРІЯ
ПАДЕНІЯ ПОЛЬШИ.

Solov'ev, Sergei Mikhailovich.

ИСТОРІЯ

ПАДЕНІЯ ПОЛЬШИ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1863.

Дозволено цензурою. Москва, декабря 3 дня 1863 года.

Въ 1620 году католицизмъ праздновалъ великую побѣду: страна, въ которой нѣкогда было высоко поднято знамя возстанія противъ него во имя славянской народности, страна, которая и теперь вздумала было возстановить свою самостоятельность вслѣдствіе религіознаго движенія, — Богемія была залита кровію, десятки тысячъ народа покидали родину, іезуитъ могъ на свободѣ жечь чешскія книги и служить латинскую обѣдню. Теперь оставались только два самостоятельныхъ славянскихъ государства въ Европѣ — Россія и Польша; но и между ними исторія уже постановила роковой вопросъ, при рѣшеніи котораго одно изъ нихъ должно было окончить свое политическое бытіе. Въ томъ самомъ 1620 году, столь памятномъ въ исторіи Славянъ, въ исторіи борьбы ихъ съ католицизмомъ *), на Польскомъ сеймѣ Волынскій депутатъ, описывая нестерпимыя гоненія, которыя Русскій народъ въ польскихъ областяхъ терпѣлъ за свою вѣру, закончилъ такъ свою рѣчь: «Уже двадцать лѣтъ на каждомъ сеймикѣ, на каждомъ сеймѣ горькими слезами молимъ, но вымолить не можемъ, чтобъ оставили насъ при правахъ и вольностяхъ нашихъ. Если и теперь желаніе наше не исполнится, то будемъ принуждены съ пророкомъ возопить: «Суди ми, Боже, и разсуди прю мою.»

*) Въ этомъ году православные Западной Россіи получаютъ своихъ архіереевъ, поставленныхъ Іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ, вслѣдствіе чего пріобрѣтаютъ новыя силы въ борьбѣ. См. Исторію Россіи съ древн. врем. т. X, стр. 18 и слѣд.

Судъ Божій приближался: Русскіе люди были не одни среди враговъ своей вѣры и народности, за ними стояло обширное и независимое русское, православное государство. Послѣ цѣлаго ряда возстаній, страшной рѣзни и опустошеній по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, Малороссія поддалась Русскому царю. Завѣтная цѣль собирателей Русской земли, Московскихъ государей, государей всея Руси, казалось, была достигнута. Послѣ небывалыхъ успѣховъ русскаго оружія, послѣ взятія Вильны, царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ право думать, что Малороссія и Бѣлоруссія, Волынь, Подолія и Литва останутся навсегда за нимъ. Но великое дѣло только что начиналось, и для его окончанія нужно было еще безъ малаго полтораста лѣтъ. Шатость, измѣнчивость козаковъ дали возможность Польшѣ оправиться и затянули войну, истощившую Московское государство, только что начавшее собираться съ силами послѣ погрома смутнаго времени *); гетманъ западной Украйны, Дорошенко передался султану и этимъ навлекалъ и на Польшу и на Россію новую войну съ страшными тогда для Европы Турками. Россія и Польша, истощенныя тринадцатилѣтнею борьбою, спѣшили прекратить борьбу въ виду общаго врага; въ 1667 году заключено было Андрусовское перемиріе, Россія получала то, что успѣла удержать въ своихъ рукахъ въ послѣднее время, Смоленскъ, Черниговъ и Украйну на восточной сторонѣ Днѣпра, Кіевъ удерживала только на два года, но потомъ, по московскому договору 1686 года Кіевъ былъ уступленъ ей на вѣки.

Здѣсь почти на сто лѣтъ пріостановлено было собираніе русской земли. Сначала опасность со стороны Турокъ требовала не только прекращенія борьбы между Россіею и Польшею, но и заключенія союза между ними; въ слѣдъ за

*) См. Исторію Россіи съ древн. врем. т. XI.

тѣмъ преобразовательная дѣятельность Петра Великаго подняла другую борьбу, съ Швеціею. Съ основанія Русскаго государства, въ продолженіи осьми вѣковъ мы видимъ въ нашей исторіи движеніе на востокъ или сѣверо-востокъ. Въ XII и XIII вѣкахъ историческая жизнь видимо отливаетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, съ береговъ Днѣпра къ берегамъ Волги; западная Россія теряетъ свое самостоятельное существованіе, Россія Восточная, Московское государство, сохраняя свою самостоятельность, распространяется все на востокъ, обхватываетъ восточную равнину Европы и потомъ занимаетъ всю сѣверную Азію вплоть до Восточнаго океана, а на западѣ не только не распространяется, но теряетъ и часть своихъ земель, которыя въ первой четверти XVII вѣка отошли къ Польшѣ и Швеціи. Уходъ Русскаго народа на далекій сѣверо-востокъ важенъ въ томъ отношеніи, что, благодаря ему, русское государство могло окрѣпнуть вдали отъ западныхъ вліяній: мы видимъ, что тѣ славянскіе народы, которые преждевременно, не окрѣпнувъ, вошли въ столкновеніе съ западомъ, сильнымъ своею цивилизаціею, своимъ Римскимъ наслѣдствомъ, поникли передъ нимъ, утратили свою самостоятельность, а нѣкоторые даже и народность. Но и вредныя слѣдствія удаленія русскаго народа на сѣверовостокъ также видны: застой, слабость общественнаго развитія, банкротство экономическое и нравственное *). Окрѣпнувъ, русское государство не могло долѣе ограничиваться однимъ востокомъ; для продолженія своей исторической жизни, оно необходимо должно было сблизиться съ западомъ, пріобрѣсти его цивилизацію,—и въ концѣ XVII вѣка Россія перемѣняетъ свое прежнее направленіе на востокъ, поворачиваетъ къ западу. Этотъ поворотъ, который мы обыкновенно называемъ пре-

*) См. Исторію Россіи съ древн. врем. т. XIII, гл. I.

образованіемъ, тяжкій для народа, пошедшаго въ науку къ чужимъ народамъ, теперь однако не могъ повредить его самостоятельности, ибо Россія являлась предъ Европою могущественнымъ государствомъ. Этотъ поворотъ Россіи съ востока на западъ не замедлилъ обнаружиться и тѣмъ, что границы ея начинаютъ расширяться на западъ; повидимому Россія, съ начала XVIII вѣка, принимаетъ наступательное, завоевательное движеніе въ эту сторону. Всмотримся попристальнѣе въ явленіе.

Съ начала XVIII вѣка въ отношеніяхъ Россіи къ Западной Европѣ господствуютъ три вопроса: Шведскій, Турецкій или Восточный и Польскій, иногда они соединяются вмѣстѣ по два, иногда всѣ три. Первый поднялся Шведскій, потому что поворотъ Россіи съ востока на западъ былъ поворотъ къ морю, безъ котораго она задыхалась какъ безъ необходимой отдушины, а море было въ шведскихъ рукахъ. Россія, послѣ упорной и тяжкой борьбы, овладѣла Балтійскимъ берегомъ. Швеція не могла забыть этого, и, при удобныхъ случаяхъ, при затруднительномъ положеніи Россіи, предъявляла свои притязанія на возвратъ старыхъ владѣній.

Другой господствующій вопросъ касался береговъ другаго моря, Чернаго, ибо Россія, какъ извѣстно, родилась на дорогѣ между двумя морями, Балтійскимъ и Чернымъ. Первый князь ея является съ Балтійскаго моря и утверждается въ Новгородѣ, а второй уже утверждается въ Кіевѣ и побѣдоносно плаваетъ на Черномъ морѣ.

Еще до начала русской исторіи Днѣпромъ шла дорога въ Грецію, и потому при первыхъ князьяхъ русскихъ завязалась тѣсная связь у Руси съ Византіей, скрѣпленная принятіемъ христіянства, *греческой вѣры*; а по нижнему Дунаю и дальше на югъ сидѣли все родныя славянскія племена, тѣмъ болѣе близкія къ Русскимъ, что исповѣдывали ту же греческую вѣру. Когда Турки взяли Константинополь,

поработили и восточныхъ Славянъ греческой вѣры, Россія, отбиваясь отъ Татаръ, собиралась около Москвы. Московское государство осталось единственнымъ независимымъ государствомъ греческой вѣры; понятно слѣдовательно, что къ нему постоянно обращены были взоры народовъ Балканскаго полуострова. Но въ какомъ отношеніи находился султанъ турецкій къ христіянскому народонаселенію своихъ областей, въ такомъ же отношеніи находился государь московскій и всея Россіи къ мусульманскому народонаселенію своихъ восточныхъ областей. Московскіе послы, возвращавшіеся изъ Турціи, привозили вѣсти: «Христіяне говорятъ одно: далъ бы Богъ хотя малую побѣду великому государю, то мы бы встали и начали промышлять надъ Туркомъ. Къ султану приходили послы отъ Татаръ Казанскихъ и Астраханскихъ и отъ Башкиръ, просили, чтобы султанъ освободилъ ихъ отъ Русскихъ и принялъ подъ свою власть царство Казанское и Астраханское. Султанъ принялъ этихъ пословъ ласково, но сказалъ, чтобы подождали немного.»

Чего же надобно было дожидаться, — съ одной стороны христіянскому народонаселенію Турецкой имперіи, съ другой мусульманскому народонаселенію восточныхъ областей Россіи? Дожидаться, чтобы взялъ верхъ кто-нибудь изъ двоихъ, царь русскій, единственный на свѣтѣ православный государь восточный, какъ выражались въ XVII вѣкѣ, или султанъ турецкій, естественный покровитель всего мусульманства. Кажется ясно, какъ этотъ вопросъ относится къ исторіи Европы и христіянства.

Вопросъ не былъ рѣшенъ ни въ XVII, ни въ первой половинѣ XVIII вѣка; побѣды Миниха только смыли позоръ прутскій. Россія, такъ поднятая въ глазахъ Европы Петромъ Великимъ, Россія, которой союза наперерывъ искали западныя державы, Россія, въ отношеніи къ хищническому народонаселенію Востока, находилась въ томъ же положе-

ніи, въ какомъ остановилась еще въ XVI вѣкѣ. Нестерпимое хищничество ордъ — казанской, ногайско-астраханской и сибирской заставило Россію покончить съ ними; но она не была въ состояніи покончить съ самою хищною изъ ордъ татарскихъ, съ крымскою, которая находилась подъ верховною властію султана турецкаго. Крымскій вопросъ былъ жизненнымъ вопросомъ для Россіи, ибо допустивъ существованіе крымской орды, надобно было допустить, чтобы южная Россія навсегда оставалась степью, чтобы вмѣсто хлѣбныхъ каравановъ, назначенныхъ для прокормленія западной Европы въ неурожайные годы, по ней тянулись разбойничьи татарскія шайки, гнавшія толпы плѣнниковъ, назначенныхъ для наполненія восточныхъ невольничьихъ рынковъ.

Вопросъ крымскій не былъ рѣшенъ въ первой половинѣ XVIII вѣка и переданъ былъ второй. Переданъ былъ и другой подобный же вопросъ, — вопросъ польскій.

Во второй половинѣ XVIII вѣка, волею-неволею, Россіи надобно было свести старые счеты съ Польшею. Привели дѣло къ концу: 1) Русское національное движеніе, совершавшееся, какъ прежде, подъ религіознымъ знаменемъ; 2) завоевательныя стремленія Пруссіи; 3) преобразовательныя движенія, господствовавшія въ Европѣ съ начала вѣка до конца его.

Религіозная борьба, поднявшая Русь противъ Польши въ XVI вѣкѣ, повела во второй половинѣ XVIII-го къ знаменитому вопросу о диссидентахъ, игравшему такую роль въ исторіи паденія Польши. Здѣсь связь явленій, кажется, очень ясна; распространяться о ней не нужно. Что касается до завоевательныхъ стремленій Пруссіи, то мы за объясненіями ихъ можемъ обратиться къ нѣмецкимъ историкамъ, которые скажутъ намъ слѣдующее:

«Шляхетская республика (Польша) въ XVI столѣтіи взяла на себя относительно восточной Европы ту же самую роль, какую, относительно запада, взялъ на себя Филиппъ испанскій, то-есть стремленіе къ всемірному владычеству во имя католицизма. Какъ Филиппъ, въ качествѣ защитника старой церкви, старался подчинить себѣ Англію, такъ Сигизмундъ Польскій старался водчинить себѣ свою родину, Швецію; какъ Филиппъ имѣлъ приверженцевъ во Франціи, держалъ гарнизонъ въ Парижѣ и имѣлъ въ виду посадить дочь свою на французскій престолъ, такъ Сигизмундъ имѣлъ партію въ Москвѣ, занималъ своимъ войскомъ кремль и наконецъ видѣлъ избраніе сына своего въ цари московскіе. Но и слѣдствія были одни и тѣ же какъ на востокѣ, такъ и на западѣ: повсюду кончилось неудачей. Какъ Франція соединилась около Генриха IV, такъ Россія собралась около Михаила Романова; какъ въ борьбѣ съ Филиппомъ развилась юная морская сила Англіи, такъ въ польскихъ войнахъ выросъ герой протестантизма Густавъ-Адольфъ *). Польша вышла изъ борьбы столь же изможденною и лишенною средствъ къ жизни, какъ и Испанія. Такая роль Польши въ религіозныхъ войнахъ конечно не могла смягчить той застарѣлой ненависти, которая изначала существовала между Польшей и нѣмецкимъ сѣверомъ. Цѣлые вѣка оба народа вели борьбу за широкія равнины между Ельбой и Вислой, которыя сначала были заняты Германцами, потомъ, по удаленіи послѣднихъ во время великаго переселенія народовъ, стали жилищами Славянъ. Здѣсь нѣмецкая колонизація снова завоевала бранденбургскія марки и Силезію, потомъ нѣмецкій мечъ покорилъ прусскія земли. Господство

*) Здѣсь нѣмецкій историкъ пропустилъ, что отпаденіе Малороссіи вслѣдствіе религіозной борьбы вполнѣ соотвѣтствуетъ отпаденію Нидерландовъ отъ Испаніи. Мы увидимъ, куда онъ, по своему взгляду, отнесетъ это соотвѣтствіе.

нѣмецкаго ордена утвердилось здѣсь сначала съ согласія Поляковъ: но когда орденъ пересталъ признавать верховную власть Польши, послѣдовала смертельная борьба, кончившаяся послѣ вѣковыхъ войнъ полнымъ покореніемъ ордена. Восточная Пруссія стала польскимъ леномъ, западная — польскою провинціей. Страны эти приняли протестантизмъ, и восточная Пруссія сдѣлалась черезъ это свѣтскимъ герцогствомъ, которое скоро послѣ того досталось курфирстамъ бранденбургскимъ. Западная Пруссія, которой горожане и дворянство большею частью были протестантами, приняла относительно короля Сигизмунда положеніе, подобное положенію Нидерландовъ относительно Филиппа II; враждебное отношеніе провинціи къ королевству, нѣмецкаго языка къ польскому было усилено враждою религіозной: здѣсь побѣда католической реакціи повлекла бы за собою непосредственно паденіе нѣмецкаго элемента. Курфирстамъ бранденбургскимъ удалось принудить Польшу отказаться отъ своихъ ленныхъ правъ, и восточная Пруссія стала самостоятельнымъ государствомъ. Польша подчинилась необходимости, но не забыла своихъ притязаній; скоро потомъ она заключила союзъ съ Лудовикомъ XIV для возвращенія себѣ Пруссіи, и когда Фридрихъ I принялъ титулъ прусскаго короля, посыпались протесты польскихъ магнатовъ. Такъ родилось Прусское государство въ борьбѣ за нѣмецкую національность и свободу вѣроисповѣданія, въ полной внутренней и внѣшней противоположности къ Польшѣ. Вражда заключалась здѣсь въ натурѣ вещей. Кто объ этомъ не пожалѣетъ? Но что̀ значитъ человѣческое сожалѣніе въ отношеніяхъ между народами? Пока Польша существовала, она должна была стремиться сдѣлать Кенигсбергъ опять польскимъ городомъ, а Данцигъ католическимъ. Пока Бранденбургія оставалась страною нѣмецкою и протестантскою, главная задача ея состояла въ томъ, чтобы сдѣлать мархію

и герцогство цѣлостнымъ государствомъ чрезъ освобожденіе западной Пруссіи» *).

Третьею причиной паденія Польши указали мы преобразовательныя движенія XVIII вѣка. Преобразовательная дѣятельность европейскихъ правительствъ началась на востокѣ въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка: вслѣдствіе преобразовательной дѣятельности Петра Великаго восточная Европа приняла новый видъ и соединилась съ западною; во второй половинѣ вѣка на новыя движенія въ литературѣ и обществѣ откликнулись три монарха: Екатерина II въ Россіи, Фридрихъ II въ Пруссіи, Іосифъ II въ Австріи; во Франціи правительство не сумѣло удержать въ своихъ рукахъ направленіе преобразовательнаго движенія — и слѣдствіемъ былъ страшный переворотъ, взволновавшій всю Европу. Среди преобразовательныхъ движеній, которыми знаменовался вѣкъ, среди движеній, происходившихъ всюду около, Польша не могла оставаться спокойною, тѣмъ болѣе, что въ ней преобразованія были нужнѣе чѣмъ гдѣ-либо: вслѣдствіе безобразно односторонняго развитія одного сословія, вслѣдствіе внутренняго безнарядья Польша потеряла свое политическое значеніе, ея независимость была только номинальною, болѣе вѣка она уже страдала изнурительною лихорадкой, истощившею ея силы. Естественно, что нѣкоторые Поляки должны были придти къ мысли, что единственнымъ средствомъ спасенія для ихъ отечества было преобразованіе правительственныхъ формъ; съ этою мыслію вступилъ на престолъ король Станиславъ-Августъ Понятовскій, который хотѣлъ быть для Польши тѣмъ же, чѣмъ его знаменитые сосѣди, Екатерина, Фридрихъ, Іосифъ были для своихъ государствъ. Но что̀ бываетъ спасительно для крѣпкихъ организмовъ, то губитъ слабые, и попытка преобразо-

*) Sybel: *Geschichte der Revolutionszeit*, I, 157.

ванія только ускорила паденіе Польши. Станиславъ Понятовскій взялъ на себя задачу, которая пришлась не по силамъ его, какъ короля, и не по силамъ его, какъ человѣка.

Чтобъ понять преобразовательныя попытки въ Польшѣ во второй половинѣ XVIII вѣка, мы должны обратиться къ устройству республики, въ какомъ засталъ ее Станиславъ Августъ. Польша представляла собою обширное военное государство. Вооруженное сословіе, шляхта, имѣя у себя исключительно всѣ права, кормилась на счетъ земледѣльческаго, рабствующаго народонаселенія; городъ не поднимался и его народонаселеніе не могло сопоставить съ шляхтою другую уравновѣшивающую силу, потому что промышленность и торговля были въ рукахъ иностранцевъ, Нѣмцевъ, Жидовъ. Войско слѣдовательно было единственною силою, могшею развиваться безпрепятственно, и опредѣлить въ свою пользу отношенія къ верховной власти, которая была сдержана въ самомъ началѣ Польской исторіи и потомъ все никла болѣе и болѣе передъ вельможествомъ и шляхтою *). Отсутствіе государственныхъ и общественныхъ сдержекъ, сознаніе своей силы, исключительной полноправности и независимости условливали въ польской шляхтѣ крайнее развитіе личности, стремленіе къ необузданной свободѣ, неумѣнье сторониться съ своимъ *я* передъ требованіями общаго блага.

Король избирался—одною шляхтою. Шляхта, собиравшаяся на провинціальные сеймы (сеймики), выбирала пословъ на большой сеймъ, давала имъ наказы, и, по возвращеніи съ сейма; они обязаны были отдавать отчетъ избирателямъ своимъ. Сеймъ собирался каждые два года самъ собою. Для сеймоваго рѣшенія необходимо было *единогласіе:* каждый

*) См. Истор. Россіи съ древн. врем. I, 228; II, 35, 124; III, 165, 303.

посолъ могъ *сорвать сеймъ*, уничтожить его рѣшенія, провозгласивши свое несогласіе (veto) съ ними: знаменитое право, извѣстное подъ именемъ *liberum veto*. Въ продолженіе 30 послѣднихъ лѣтъ всѣ сеймы были сорваны. Противъ произвольныхъ дѣйствій правительства было организовано и узаконено вооруженное возстаніе — *конфедерація:* собиралась шляхта, публиковала о своихъ неудовольствіяхъ и требованіяхъ, выбирала себѣ вождя, маршала конфедераціи, подписывала конфедераціонный актъ, предъявляла его въ присутственномъ мѣстѣ, и конфедерація, возстаніе получало законность.

Для управленія при королѣ находились независимые и безсмѣнные сановники, въ равномъ числѣ для Польши (для короны) и для Литвы: 2 великихъ маршала для гражданскаго управленія и полиціи; 2 великихъ канцлера и 2 вице-канцлера завѣдывали судомъ, были посредниками между королемъ и сеймомъ, сносились съ иностранными послами; 2 великихъ и 2 польныхъ гетмана начальствовали войсками и управляли всѣми войсковыми дѣлами; 2 великихъ казначея съ 2 помощниками управляли финансами; 2 надворныхъ маршала завѣдывали дворомъ королевскимъ.

ГЛАВА I.

Рѣдкій государь восходитъ на престолъ съ такими миролюбивыми намѣреніями, съ какими взошла на русскій престолъ Екатерина II. Это миролюбіе проистекало изъ убѣжденія въ необходимости прежде всего заняться внутренними дѣлами, поправить разстроенные финансы, а для этого нужно было, по разсчету императрицы, по крайней мѣрѣ пять лѣтъ мира. Отсюда понятно, съ какимъ безпокойствомъ смотрѣла Екатерина на Польшу, въ которой происходили сильныя волненія партій, грозившія еще усилиться, потому что королю Августу III оставалось не долго жить и предстояли королевскіе выборы. Екатерина должна была поддерживать свою партію между польскими вельможами, оказывать покровительство русскому православному народонаселенію, подававшему ей жалобы на притѣсненія отъ католиковъ, должна была заботиться, чтобъ избранъ былъ въ короли человѣкъ, отъ котораго ей нечего было бы опасаться въ будущемъ, и въ то же время должна была хлопотать изо всѣхъ силъ, чтобы все это было достигнуто мирнымъ путемъ. Задача очень нелегкая! Въ Польшѣ боролись двѣ партіи: партія придворная, во главѣ которой стоялъ всемогущій при Августѣ III министръ Брюль и зять его Мнишекъ, и партія, во главѣ которой стояли князья Чарторыйскіе; послѣдняя

партія держалась Россіи, и это опредѣляло взглядъ русскаго двора на польскія дѣла: чтобы поддержать своихъ, надобно было дѣйствовать противъ брюлевской или саксонской партіи, противодѣйствовать ея стремленію возвести на польскій престолъ по смерти Августа III сына его, курфирста Саксонскаго.

Трудность задачи, какъ мы видѣли, состояла въ томъ, чтобы достигнуть своихъ цѣлей мирнымъ путемъ и въ то же время не показать слабости, неспособности къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Встревоженная извѣстіями, что придворная партія готова употребить насилія надъ членами партіи Чарторыйскихъ, Екатерина, 1 апрѣля 1763 года, послала приказаніе послу своему при польскомъ дворѣ, Кайзерлингу: «Разгласите, что если осмѣлятся схватить и отвезти въ Кенигсштейнъ кого-нибудь изъ друзей Россіи, то я населю Сибирь моими врагами и спущу Запорожскихъ козаковъ, которые хотятъ прислать ко мнѣ депутацію съ просьбою позволить имъ отомстить за оскорбленія, которыя наноситъ имъ король польскій.» Относительно православныхъ, Екатерина писала Казейрлингу: «Епископъ Георгій бѣлорусскій *) подалъ мнѣ просьбу отъ имени всѣхъ исповѣдующихъ греческую вѣру, съ жалобами на бѣдствія, которыя они претерпѣваютъ въ Польшѣ; поручаю ихъ вашему покровительству; сообщите мнѣ, что̀ нужно для усиленія моего значенія тамъ, моей партіи; я не пренебрегу ничѣмъ для этого.» Но въ то же время она требовала отъ Кайзерлинга, чтобъ онъ сдерживалъ рьяность партіи Чарторыйскихъ; такъ писала она отъ 14 іюля: «Я вижу, что наши друзья очень разгорячились и готовы на конфедерацію; но я не вижу, къ чему поведетъ конфедерація при жизни короля польскаго? Говорю вамъ сущую правду: мои сундуки пусты и останутся пусты

*) Знаменитый Кониссій.

до тѣхъ поръ, пока я не приведу въ порядокъ финансовъ, чего въ одну минуту сдѣлать нельзя; моя армія не можетъ выступить въ походъ въ этомъ году: и потому я вамъ рекомендую сдерживать нашихъ друзей, а главное, чтобы они не вооружались, не спросясь со мною; я не хочу быть увлечена далѣе того, сколько требуетъ польза моихъ дѣлъ.» Отъ 26 іюля: «Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я приказывала вамъ удерживать друзей моихъ отъ преждевременной конфедераціи; но въ то же время дайте имъ самыя положительныя удостовѣренія, что мы ихъ будемъ поддерживать во всемъ что̀ благоразумно, будемъ поддерживать до самой смерти короля, послѣ которой мы будемъ дѣйствовать, безъ сомнѣнія, въ ихъ пользу.»

Между тѣмъ не одну Варшаву волновалъ вопросъ: кому быть королемъ по смерти Августа III? — сильно занимались имъ также въ Петербургѣ и Москвѣ, и Несторъ русскихъ дипломатовъ, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ настаивалъ, что всего лучше возвести на престолъ сына Августа III, будущаго курфирста саксонскаго. Но иначе опредѣлилъ совѣтъ, созванный императрицею, когда получено было извѣстіе, что король очень слабъ: совѣтъ рѣшилъ, что при будущихъ выборахъ надобно дѣйствовать въ пользу Пяста (природнаго Поляка), и именно стольника литовскаго, графа Станислава Понятовскаго; если же его нельзя, то двоюроднаго брата его, князя Адама Чарторыйскаго, сына князя Августа, воеводы русскаго; хранить это втайнѣ, держать 30,000 войска на границѣ, и еще 50,000 наготовѣ.

Наконецъ рѣшительная минута наступила: 5 октября 1763 умеръ король Августъ III. «Не смѣйтесь мнѣ, что я со стула вскочила, какъ получила извѣстіе о смерти короля польскаго; король прусскій изъ-за стола вскочилъ какъ услышалъ,» писала Екатерина Панину. Старикъ Бестужевъ опять подалъ мнѣніе въ пользу курфирста саксонскаго, ко-

тораго слѣдовало поддерживать «во 1) главнѣйше вслѣдствіе того намѣренія, которое уже о немъ при государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ принято, и союзнымъ дворамъ—вѣнскому, французскому и самому саксонскому сообщено было, а притомъ и въ такомъ разужденіи, что 2) всякій избираемый природный Полякъ или Пястъ, сколь бы знатепъ и богатъ ни былъ, безъ чужестранной денежной помощи себя содержать не въ состояніи, слѣдовательно въ случаѣ перевѣса отъ кого-либо другаго денежной дачи, для Россіи и вредителенъ будетъ. 3) Равномѣрно и изъ иностранныхъ принцевъ, а того больше изъ усилившагося бранденбургскаго дома для Россіи и ея интересовъ отнюдь индиферентенъ быть не можетъ. 4) Государь Петръ Великій по своей прозорливости и находя пользу своихъ интересовъ объ удержаніи польской короны въ саксонскомъ домѣ со всею колеблемостію онаго наивозможнѣйше старался. 5) Избраніе помянутаго курпринца можетъ быть не столько затрудненій возымѣетъ, когда безъ сумнѣнія Поляки уже къ тому исподоволь приготовлены, такъ что можетъ быть и нужды не будетъ гораздо великихъ денегъ на то отсюда тратить. Между тѣмъ по имѣющимся въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ дѣламъ извѣстно, что хотя Поляки желаютъ лучше себѣ королемъ Пяста, но въ то же время подвергая выборъ онаго сколько отъ самихъ себя, столь же больше отъ мелкаго шляхетства крайнимъ затрудненіямъ или и самой невозможности, устремляются уже въ своихъ мысляхъ главнѣйше на двухъ иностранныхъ князей, то есть принца Карла Лотаринскаго и ландграфа гессенъ-кассельскаго, изъ которыхъ о первомъ вѣнскій, а о послѣднемъ берлинскій дворъ стараются, имѣя уже для того въ Польшѣ нѣкоторыя партіи. Но какъ избраніе того или другаго изъ сихъ принцевъ россійскимъ интересамъ въ разсужденіи натуральной ихъ преданности и зависимости отъ вѣнскаго или бер-

линскаго двора полезно, а потому и индиферентно быть не можетъ, то необходимо нужно немедленно избрать и назначить изъ другихъ иностранныхъ принцевъ или изъ пястовъ такого кандидата, на котораго бы Россія совершенно полагаться могла, и который бы свое возвышеніе только ея императорскому величеству долженствовалъ и отъ нея единой зависимъ былъ. Если ея императорскому величеству неугодно будетъ избрать и назначить къ тому нынѣшняго курфирста саксонскаго, то выборъ изъ другихъ иностранныхъ или изъ его же саксонскаго дома удѣльныхъ принцевъ ничѣмъ разниться не могъ бы и отъ самыхъ пястовъ, потому что неминуемо надлежало бы избираемаго изъ первыхъ или послѣднихъ короля польскаго для обязательства къ Россіи ежегодными денежными субсидіями снабдѣвать. Что особливо до Пястовъ касается, то сколько графу Бестужеву-Рюмину извѣстно, находятся въ Польшѣ только двое къ тому способныхъ, а съ другой стороны и для Россіи надежныхъ, а именно князь Адамъ Чарторижской да стольникъ литовской графъ Понятовской. Но какъ первый очень богатъ, слѣдовательно не имѣя большой нужды въ полученіи отъ Россіи денежнаго вспоможенія, хотя въ руки какой другой иностранной державы и не отдастся, однакожъ и отъ Россіи совсѣмъ зависимъ быть не похочетъ; то въ разсужденіи сего важнаго обстоятельства и въ случаѣ если всевысочайшее ея императорскаго величества соизволеніе точно на выборъ Пяста будетъ, не безъ основанія кажется, что сей послѣдній, тоесть графъ Понятовскій для Россіи и ея интересовъ гораздо надежнѣйшимъ и полезнѣйшимъ былъ бы, столь наипаче, что пользуясь въ прибавокъ къ своему собственному достатку нѣкоторымъ ежегоднымъ отсюда денежнымъ вспоможеніемъ, натурально былъ бы въ россійской зависимости, а сверхъ того и возвышеніе свое единственно ея императорскому величеству долженствовалъ бы.»

Старикъ жилъ воспоминаніями прошедшаго времени, когда онъ былъ канцлеромъ императрицы Елисаветы и сваталъ саксонскую принцессу за наслѣдника русскаго престола. Странно было теперь толковать о кандидатурѣ саксонскаго курфирста, когда поддерживать послѣдняго значило губить «своихъ друзей», когда въ Курляндіи русскія войска дѣйствовали противъ принца Карла, сына Августа III. Говорили, будто Бестужевъ дѣйствовалъ противъ Понятовскаго въ угоду Орловымъ, врагамъ послѣдняго; но мы видѣли, что Бестужевъ предлагалъ Понятовскаго, если уже непремѣнно нужно выбрать Пяста; вѣрнѣе, что самолюбивый старикъ защищалъ собственное дѣло: при Елисаветѣ Петровнѣ было порѣшено оставить польскую корону въ саксонской династіи!

Король прусскій выскочилъ изъ-за стола какъ услышалъ о смерти Августа III. Мысль объ увеличеніи своихъ владѣній насчетъ Польши не покидала Фридриха II; но теперь было не время ее высказывать. За пріобрѣтеніе Силезіи отъ Австріи онъ поплатился очень дорого. Истощенный Семилѣтнею войной, которая едва было не довела его до погибели, онъ стоялъ одинокъ, и сильно желалъ опереться на союзъ съ императрицею русской. Съ этою цѣлію онъ рѣшился войдти въ виды Екатерины относительно избранія новаго короля, поддерживать ея кандидата, лишь бы онъ не предпринималъ никакихъ преобразованій въ государственномъ устройствѣ Польши. Екатерина, лично нерасположенная къ саксонской династіи и къ Маріи Терезіи, сочувствуя Фридриху какъ человѣку и не имѣя причинъ опасаться его какъ государя, рада была дѣйствовать съ нимъ заодно въ Польшѣ, и самая дружеская переписка завязалась между ними. Фридрихъ не щадилъ ѳиміама передъ императрицей и женщиною; Екатерина отвѣчала ему въ томъ же тонѣ. Еще до кончины Августа III, Фридрихъ сообщилъ Екатеринѣ

извѣстія изъ Вѣны, что̀ тамъ думаютъ, какія имѣютъ подозрѣнія относительно видовъ на Польшу со стороны Россіи; просилъ не тревожиться мнѣніями и подозрѣніями вѣнскаго двора, потому что въ Вѣнѣ нѣтъ денегъ, и Марія Терезія вовсе не въ такомъ выгодномъ положеніи, чтобы могла начать войну: «Вы достигнете своей цѣли, писалъ Фридрихъ, если только немножко прикроете свои виды и накажете своимъ посланникамъ въ Вѣнѣ и Константинополѣ опровергать ложные слухи, тамъ распускаемые; въ противномъ случаѣ ваши дѣла пострадаютъ. Вы посадите на польскій престолъ короля по вашему желанію и безъ войны, а это послѣднее въ сто разъ лучше, чѣмъ опять погружать Европу въ пропасть, изъ которой она едва вышла. Саксонцы сильно встревожились; причины тревоги—дѣла курляндскія и вступленіе въ Польшу отряда русскихъ войскъ подъ начальствомъ Салтыкова. Крики Поляковъ—пустые звуки; короля польскаго бояться нечего: едва въ состояніи онъ содержать семь тысячъ войска. Но они могутъ заключить союзы, которымъ надобно воспрепятствовать; надобно ихъ усыпить, чтобъ они заранѣе не приняли мѣръ, могущихъ повредить вашимъ намѣреніямъ». Фридрихъ не скрывалъ, что желалъ бы видѣть на польскомъ престолѣ Пяста; Екатерина отвѣчала, что это и ея желаніе, только бы этотъ Пястъ не былъ старикъ смотрящій въ гробъ, ибо тогда начнутся новыя волненія и интриги съ разныхъ сторонъ въ чаяніи скорыхъ выборовъ.

Смерть Августа III повела къ объясненіямъ болѣе рѣшительнымъ относительно его преемника. Едва Августъ успѣлъ испустить духъ, какъ невѣстка его, новая курфирстина саксонская отправила письмо къ Фридриху II съ просьбою помочь ея мужу въ достиженіи польскаго престола, и быть посредникомъ между нимъ и Россіей, предлагая сдѣлать для послѣдней всѣ возможныя удовлетворенія. Фридрихъ, отправляя копію этого письма въ Петербургъ, писалъ Екате-

ринѣ: «Если ваше императорское величество подкрѣпите теперь свою партію въ Польшѣ, то никакое государство не будетъ имѣть права этимъ оскорбиться. Если образуется противная партія, то велите только Чарторыйскимъ попросить вашего покровительства; эта формальность дастъ вамъ предлогъ, въ случаѣ нужды, отправить войско въ Польшу; мнѣ кажется, что если вы объявите саксонскому двору, что не можете согласиться на избраніе курфирста въ короли польскіе, то Саксонія не двинется и не запутаетъ дѣла.»

На встрѣчу этому письму шло письмо изъ Петербурга въ Берлинъ: «Получивши извѣстіе о смерти короля польскаго, мнѣ было естественно обратиться къ вашему величеству, писала Екатерина Фридриху: такъ какъ мы согласны на счетъ избранія Пяста, то слѣдуетъ намъ теперь объясниться, и безъ дальнѣйшихъ околичностей я предлагаю вашему величеству между Пястами такого, который болѣе другихъ будетъ обязанъ вашему величеству и мнѣ за то, что̀ мы для него сдѣлаемъ. Если ваше величество согласны, то это стольникъ литовскій, графъ Станиславъ Понятовской, и вотъ мои причины. Изъ всѣхъ претендентовъ на корону онъ имѣетъ наименѣе средствъ получить ее, слѣдовательно наиболѣе будетъ обязанъ тѣмъ, изъ рукъ которыхъ онъ ее получитъ. Этого нельзя сказать о главахъ нашей партіи: тотъ изъ нихъ, кто достигнетъ престола, будетъ считать себя обязаннымъ сколько намъ, столько же и своему умѣнью вести дѣла. Ваше величество мнѣ скажете, что Понятовскому нечѣмъ будетъ жить; но я думаю, что Чарторыйскіе, заинтересованные тѣмъ, что одинъ изъ ихъ дома будетъ на престолѣ, дадутъ ему приличное содержаніе. Ваше величество не удивляйтесь движеніямъ войскъ на моихъ границахъ: они въ связи съ моими государственными правилами. Всякая смута мнѣ противна, и я пламенно желаю, чтобы великое дѣло совершилось спокойно.»

Фридрихъ отвѣчалъ, что согласенъ, и что немедленно же прикажетъ своему министру въ Варшавѣ дѣйствовать заодно съ Кайзерлингомъ въ пользу Понятовскаго. Прусскому королю дали знать, что Французы и Саксонцы интригуютъ изо всѣхъ силъ, чтобы внушить Полякамъ отвращеніе къ Пясту; но Фридрихъ не боялся этихъ интригъ; онъ былъ твердо увѣренъ, что если русскій и прусскій министры вмѣстѣ объявятъ главнымъ вельможамъ о желаніи своихъ государей, тѣ сейчасъ же согласятся. Фридрихъ былъ спокоенъ и отнсительно Австріи: по его убѣжденію вѣнскій дворъ не вмѣшается въ выборы, лишь бы соблюдены были формальности. «Что же касается Порты Оттоманской, писалъ Фридрихъ Екатеринѣ, то я въ этомъ отношеніи предупредилъ ваши желанія.» Фридрихъ приказалъ своему министру въ Константинополѣ дѣйствовать согласно съ желаніями обоихъ дворовъ, брался внушить интернунцію, что избраніе Пяста въ короли польскіе вполнѣ согласно съ интересами султана. «Я съ своей стороны, писалъ Фридрихъ, не пощажу ничего, чтобы могло успокоить умы, чтобы все прошло спокойно и безъ кровопролитія, и я заранѣе поздравляю ваше императорское величество съ королемъ, котораго вы дадите Польшѣ.» Король не упускалъ случая высказываться, что смотритъ на мирное избраніе Понятовскаго какъ на дѣло рѣшенное. Екатерина послала ему въ подарокъ астраханскихъ арбузовъ; Фридрихъ (7 ноября 1763 г.) отвѣчалъ на эту любезность: «Кромѣ рѣдкости и превосходнаго вкуса плодовъ, безконечно дорого для меня то, отъ чьей руки получилъ я ихъ въ подарокъ. Огромное разстояніе между астраханскими арбузами и польскимъ избирательнымъ сеймомъ: но вы умѣете соединить все въ сферѣ вашей дѣятельности; та же рука, которая разсылаетъ арбузы, раздаетъ короны и сохраняетъ миръ въ Европѣ.»

Прошелъ 1763 годъ. Въ началѣ 1764 Фридрихъ не переставалъ утверждать Екатерину въ тѣхъ же надеждахъ: Франція и Австрія будутъ мѣшать при выборахъ только тайкомъ, интригами, а не силою; надобно бояться одного, чтобъ они своими интригами не подняли Порту. Относительно Поляковъ Фридрихъ безпокоился менѣе всего: «Деньгами и угрозами вы заставите ихъ сдѣлать все что̀ вамъ угодно; но разумѣется сначала должно употребить всѣ кроткія мѣры, чтобы не дать сосѣдямъ предлога вмѣшаться въ дѣло, которое вы считаете своимъ.» Фридрихъ увѣрялъ, что не будетъ ничего серiознаго, основываясь на своемъ знанiи нацiональнаго польскаго характера: «Поляки горды, когда считаютъ себя внѣ опасности, и ползаютъ, когда видятъ опасность. Я думаю, что не будетъ пролито крови: развѣ отрѣжутъ носъ или ухо у какого-нибудь шляхтича на сеймикѣ. Поляки получили нѣкоторую сумму денегъ отъ Саксонскаго двора; кто захочетъ получить ихъ, тотъ произведетъ нѣкоторый шумъ; но все и ограничится шумомъ. Ваше величество приведете въ исполненiе свой проектъ: этотъ оракулъ вѣрнѣе Калхасова.»

Оракулъ дѣйствительно оказался вѣрнымъ. Какъ обыкновенно бывало при королевскихъ выборахъ, Польша взволновалась борьбою партiй: въ челѣ одной стороны стояли Чарторыйскiе, въ челѣ другой противной имъ стороны находились—великiй гетманъ коронный Браницкiй *), первый богачъ Литвы князь Карлъ Радзивиллъ и кiевскiй палатинъ графъ Потоцкiй; въ Литвѣ противъ Радзивилла дѣйствовали

*) Браницкiй самъ думалъ о коронѣ. Разсказывали, что между нимъ и саксонскимъ курфюрстомъ былъ заключенъ договоръ: если курфюрстъ потеряетъ надежду на успѣхъ, то будетъ поддерживать Браницкаго. Курфюрстъ имѣлъ въ виду при этомъ, что гетманъ старъ, скоро умретъ, и тогда можно будетъ опять возобновить свои искательства. Но вмѣсто старика гетмана умеръ молодой курфюрстъ, и смерть его нанесла страшный ударъ саксонской партiи.

Масальскіе — одинъ гетманъ, другой епископъ виленскій. По обычаю, усобица была прекращена иностраннымъ оружіемъ: Чарторыйскіе призвали русскія войска, которыя заставили Браницкаго и Радзивилла бѣжать за границу; восторжествовавшая сторона выбрала королемъ Станислава Понятовскаго (7 сентября 1764 г.) «Поздравляю васъ съ королемъ, котораго мы сдѣлали, писала Екатерина Никитѣ Ивановичу Панину, управлявшему внѣшними сношеніями; сей случай наивяще умножилъ къ вамъ мою довѣренность, понеже я вижу сколь безошибочны были всѣ вами взятыя мѣры.»

Что всего важнѣе было для Екатерины: торжество ея въ Польшѣ не повело къ нарушенію мира въ Европѣ, Австрія и Франція не двинулись. Не смотря на то, спокойствіе со стороны Польши не могло быть продолжительно: съ одной стороны поднимался тамъ старый вопросъ о диссидентахъ, съ другой новый—о преобразованіяхъ. Еще до королевскаго избранія Чарторыйскіе, пользуясь своимъ торжествомъ, выказали явное стремленіе къ преобразованіямъ, и новый король вступилъ на престолъ съ тѣмъ же намѣреніемъ. Фридрихъ II встревожился. «Многіе изъ польскихъ вельможъ, писалъ онъ Екатеринѣ *), желаютъ уничтожить liberum veto и замѣнить его большинствомъ: это намѣреніе очень важно для всѣхъ сосѣдей Польши; согласенъ, что намъ нечего безпокоиться при королѣ Станиславѣ; но на будущее время? Если ваше величество согласитесь на эту перемѣну, то можете раскаяться, и Польша можетъ сдѣлаться государствомъ опаснымъ для своихъ сосѣдей; тогда какъ поддерживая старые законы государства, которые вы гарантировали, у васъ всегда будутъ средства дѣлать перемѣны, когда сочтете это для себя нужнымъ. Чтобъ воспрепятство-

*) 30 октября 1764 года.

вать Полякамъ предаться первому энтузіазму, всего лучше оставить у нихъ русскія войска до окончанія сейма.»

Екатерина дала знать Понятовскому, чтобъ онъ удержался отъ преобразованій. Король исполнилъ ея желаніе, но отвѣчалъ откровенно, что это самая тяжелая для него жертва: «Смѣю думать, ваше императорское величество видите самое сильное доказательство моего безграничнаго уваженія къ вамъ въ той жертвѣ, которую я принесъ на нынѣшнемъ сеймѣ: я пожертвовалъ тѣмъ, что мнѣ всего дороже. Большинство голосовъ на сеймикахъ и уничтоженіе *liberum rumpo* составляютъ предметы самыхъ пламенныхъ моихъ желаній. Но вы пожелали, чтобъ этого еще пока не было,— и это даже не было предложено.» Чтобы выпросить у Екатерины позволеніе приступить немедленно къ реформамъ, Станиславъ Августъ началъ представлять ей, что реформы необходимы для исполненія главнаго его желанія — полноправія диссидентовъ «Вы хотите, чтобы Польша оставалась свободною,» писалъ онъ ей *): Вы желаете, чтобы союзъ Польши съ вашею имперіей сталъ еще тѣснѣе и выгоднѣе для обоихъ народовъ чѣмъ прежде, чтобы каждый гражданинъ польскій, включая сюда и диссидентовъ, любилъ васъ и былъ вамъ обязанъ. Я также хочу, чтобы Польша оставалась свободною, и потому-то я желалъ бы извлечь ее изъ того страшнаго безпорядка, который въ ней царствуетъ. Множеству ревностныхъ патріотовъ до того стала противна анархія, что они начинаютъ громко говорить, что предпочтутъ абсолютную монархію тѣмъ постыднымъ злоупотребленіямъ своеволія, если уже невозможно достигнуть свободы болѣе умѣренной. Отъ этого-то отчаянія я хочу ихъ предохранить; но для того единственное средство—сеймовыя преобразованія. Ваше величество при-

*) 15 ноября 1764 года.

нимаетъ живое участіе въ диссидентахъ: но для ихъ дѣла, какъ для всякаго другаго, нужно болѣе порядка на сеймахъ, а этого нельзя достигнуть безъ исправленія нашихъ сеймиковъ.

Но Станиславу Августу было трудно убѣдить кого бы то ни было въ послѣднемъ. Опытъ былъ сдѣланъ, и оказалось, что успѣхъ дѣла диссидентовъ не могъ зависѣть отъ преобразованія сеймиковъ и сейма: едва только примасъ упомянулъ на сеймѣ о требованіяхъ диссидентовъ, какъ страшный, всеобщій крикъ остановилъ дѣло; здѣсь слѣдовательно не одинъ шляхтичъ своимъ veto *сорвалъ* сеймъ. Самъ король увѣдомилъ объ этомъ Екатерину, выставляя трудность дѣла и свое усердіе въ исполненіи желаній русской императрицы: «Никогда во всю мою жизнь ничего не добивался я съ такимъ трудомъ, съ какимъ добивался у сейма позволенія вступить съ вами въ переговоры на счетъ предметовъ, вами желаемыхъ. Вопреки мнѣнію всѣхъ моихъ совѣтниковъ, я поднялъ вопросъ о диссидентахъ, потому что вы того желали. Чуть-чуть не умертвили примаса въ моемъ присутствіи» *).

Но могла ли Екатерина отказаться отъ своего требованія? Могла ли Россія отказать въ помощи русскому народу? Дѣло шло не объ одномъ уравненіи правъ православныхъ съ католиками; дѣло шло о томъ, что полтораста церквей были отняты у православныхъ. Екатерина не могла не помочь диссидентамъ, показывая въ то же время, что готова одинаково помогать и Польшѣ, защищать ее отъ своего союзника, короля прусскаго. Чтобы сколько-нибудь поправить истощенную казну, польское правительство издало тарифъ относительно привозныхъ товаровъ. Прусскому королю это очень не понравилось, потому что пошлины легли

*) 20 апрѣля 1765 года.

преимущественно на привозимые изъ его владѣній товары. Чтобъ отомстить, онъ устроилъ на Вислѣ, не далеко отъ Маріенвердера таможню снабженную батареей; пушки грозили гибелью каждому польскому судну, которое бы отказалось заплатить пошлину съ перевозимыхъ товаровъ, а пошлина эта простиралась отъ 10 до 15 процентовъ. Поднялся всеобщій вопль. Станиславъ Августъ обратился къ Екатеринѣ съ просьбой о помощи, написавъ къ Фридриху письмо въ сильныхъ выраженіяхъ. По поводу этого письма Екатерина писала къ Панину: «Признаюсь, я была испугана жаромъ, съ какимъ написанъ первый параграфъ этого письма. Написано прекрасно, но вовсе не прилично. О, какъ бы вы забранились, еслибъ я написала такое блестящее, но вредное для моихъ дѣлъ письмо! Прошу васъ, поставьте польскаго короля на ту же ногу, на какую вы поставили меня. Вы этимъ доставите ему величайшее благо, то-есть спокойное и благоразумное царствованіе; сдержите его живость, не дайте ему показывать столько остроумія на счетъ пользы его дѣлъ.»

По ходатайству русской императрицы маріенвердерская таможня была снята. «Уничтоженіе маріенвердерской таможни, писалъ Станиславъ Екатеринѣ, доказываетъ, съ одной стороны, истинную дружбу вашего императорскаго величества ко мнѣ, съ другой, силу вашего вліянія на короля прусскаго. Страшно мнѣ было думать, что несчастіе, неизвѣстное Польшѣ при моихъ предшественникахъ, постигло ее въ мое царствованіе, и что бѣда пришла со стороны того государя, который содѣйствовалъ моему избранію; уже начались было толки, что маріенвердерская таможня была выговорена въ награду за это содѣйствіе.»

Важная услуга была оказана; но за нее слѣдовало заплатить. Вопросъ о диссидентахъ стоялъ на очереди.

ГЛАВА II.

Въ 1653 году посолъ московскаго царя Алексѣя Михайловича, князь Борисъ Александровичъ Репнинъ, потребовалъ отъ польскаго правительства, чтобы православнымъ Русскимъ людямъ впередъ въ вѣрѣ неволи не было, и жить имъ въ прежнихъ вольностяхъ. Польское правительство не согласилось на это требованіе, и слѣдствіемъ было отпаденіе Малороссіи. Черезъ сто съ чѣмъ-нибудь лѣтъ, посолъ россійской императрицы, также князь Репнинъ предъявилъ то же требованіе, получилъ отказъ, и слѣдствіемъ былъ первый раздѣлъ Польши.

Мы видѣли, какую важную долю вліянія на благопріятный исходъ польскихъ дѣлъ императрица приписывала Никитѣ Ивановичу Панину: «Я вижу, сколь безошибочны были всѣ вами взятыя мѣры», и это говорилось не въ рескриптѣ, назначенномъ для публики. Панинъ былъ не доволенъ старикомъ Кайзерлингомъ, неудовлетворительностію его донесеній о положеніи дѣлъ, и потому, не отзывая Кайзерлинга, отправилъ къ нему на помощь родственника своего, князя Николая Васильевича Репнина; въ сентябрѣ 1764 года Кайзерлингъ умеръ, и Репнинъ остался одинъ. Всякому, кто знакомъ съ иностранными извѣстіями объ описываемыхъ событіяхъ, Репнинъ необходимо представляется человѣкомъ стремительнымъ на захватъ, на рѣшительныя, насильственныя мѣры. Не предупреждая событій, мы позволимъ себѣ только напомнить читателю, что Репнинъ былъ орудіемъ

Панина, дѣйствовалъ по его инструкціямъ; но въ характерѣ Панина была ли эта стремительность? Всѣ отзывы о Панинѣ согласны въ одномъ, всѣ указываютъ на его медленность. Мы видѣли изъ собственнаго признанія Екатерины, какое вліяніе эта медленность, осторожность министра производили на рѣшенія пылкой императрицы: «О, какъ бы вы забранились, еслибъ я написала такое блестящее, но вредное для моихъ дѣлъ письмо! Прошу васъ, поставьте польскаго короля на ту же ногу, на какую вы поставили меня». Дѣйствительно, инструкціи Панина посламъ въ Польшѣ проникнуты осторожностію, желаніемъ какъ можно менѣе обнаруживать вмѣшательства въ дѣла. Такъ напримѣръ, когда Кайзерлингъ и Репнинъ дали знать, что Чарторыйскіе требуютъ русскаго войска, Панинъ подалъ мнѣніе: «Тысяча легкихъ войскъ уже готова и ожидаютъ польскихъ коммиссаровъ для препровожденія, что казалось бы уже и довольно въ соотвѣтствіе саксонскимъ войскомъ; но, повидимому, наши друзья ищутъ сколько возможно облегчать свои собственные депансы, и себя усиливать нашими ресурсами, почему мое всеподаннѣйшее мнѣніе: другую тысячу, по ихъ желанію, хотя и заготовить, но однакожь къ графу Кайзерлингу напередъ написать, чтобъ наши друзья гораздо осмотрѣлись, *не могутъ ли они такимъ безвременнымъ введеніемъ къ себѣ чужестранныхъ войскъ возпричинствовать противъ себя національную недовѣренность и противу насъ подозрѣніе*, чѣмъ наипаче противные могутъ воспользоваться и отъ чужестранныхъ державъ достать себѣ большее деньгами подкрѣпленіе, а намъ навести отъ нихъ какія-либо безпокойства новыми дѣлами съ ихъ стороны. Итакъ не лучше ли остаться при первомъ нашемъ планѣ, чтобы, не притворяясь и не отлагая, устремиться къ изгнанію Саксонцевъ изъ Польши производимыми движеніями нашихъ войскъ на границахъ и перепущеніемъ въ Польшу

готовыхъ уже тысячи козаковъ, и потомъ стараться единодушно взять поверхность надъ противными нынѣ раздробленными факціями собственнымъ вооруженіемъ благонамѣренныхъ магнатовъ, и подкрѣпленіемъ ихъ нашими деньгами, нашимъ кредитомъ и нашею въ ихъ дѣлахъ инфлюенціею, соединенною съ королемъ прусскимъ, и наконецъ тою опасностію, которую натурально Поляки имѣть должны отъ насъ, когда ихъ дѣло пойдетъ противъ нашей воли, а особливо въ такое время, какъ у насъ со всѣхъ сторонъ руки останутся свободны, что̀ мы несумнѣнно имѣть и будемъ, если *съ благоразумною умѣренностію* пойдемъ въ семъ дѣлѣ, не напрягая излишне свои струны». На этомъ мнѣніи Екатерина написала: «Я весьма съ симъ мнѣніемъ согласна, и, прочитавъ промеморію, почти всѣ тѣ же рефлекціи дѣлала».

Имѣемъ право ожидать, что и въ диссидентскомъ дѣлѣ Панинъ будетъ поступать также съ благоразумною умѣренностію, и не ошибаемся. Вотъ что̀ писалъ онъ Репнину 13 октября 1764 года: «Отъ проницанія вашего, согласія съ прусскимъ посломъ и отъ соображенія имѣющихся у васъ ея императорскаго величества постановленій долженствуетъ зависѣть благовременное кстати употребленіе такихъ *откровенно* избираемыхъ и употребляемыхъ способовъ (изъясненія съ королемъ и лучшими по характеру магнатами), дабы если совершенная невозможность одержать для диссидентовъ все у нихъ похищенное, по крайней мѣрѣ однакоже, что ни есть довольно знатное и важное въ пользу ихъ возстановлено и исходатайствовано было. Нѣтъ нужды распространяться здѣсь, сколь много польза и честь отечества нашего, а особливо персональная ея императорскаго величества слава интересованы въ доставленіи диссидентамъ справедливаго удовлетворенія. Для приклоненія къ тому короля и всѣхъ способствовать могущихъ магнатовъ довольно уже, и кромѣ формальныхъ трактатами опредѣленныхъ

обязательствъ представлять имъ въ убѣжденіе, что когда ея императорское величество для пользы республики не жалѣла ни трудовъ, ни денегъ, дабы ее, въ толь смущенное и критическое время, каковы для нея бывали обыкновенно прежнія междоцарствія, сохранить отъ безпокойствъ, гражданскаго нестроенія и другихъ съ онымъ неразлучно соединенныхъ бѣдствій, безо всякой для себя изъ того корысти, то коль справедливо она можетъ требовать и ожидать отъ благодарности королевской и всея республики, чтобъ правосудное и столь къ персональной ея величества славѣ, сколько къ собственной чести нынѣшняго польскаго вѣка служащее предстательство и заступленіе ея возымѣли дѣйствіе свое въ пользу нѣкоторой части ихъ согражданъ, кои, вопреки торжественнымъ трактатамъ, собственнымъ польскимъ фундаментальнымъ законамъ, общей вольности вольнаго народа и множеству королевскихъ привилегій, невинно страждутъ подъ игомъ порабощенія за одно исповѣданіе другихъ признанныхъ христіянскихъ религій, въ коихъ они рождены и воспитаны. Къ симъ представленіямъ можетъ ваше сіятельство присовокупить всѣ тѣ, кои вы сами за приличныя почесть изволите, отзываясь въ случаѣ крайности, то-есть когда всѣ другія средства втунѣ истощены будутъ, что и то имъ предостерегать должно, дабы ея императорское величество, увидя къ заступленію своему въ справедливомъ дѣлѣ столь малое со стороны республики уваженіе, не нашлась напослѣдокъ отъ ихъ дальняго упорства приневоленною одержать нѣкоторыми вынужденными способами то, чего она отъ признанія знатнаго имъ своего благодѣянія и дружбы инако достигнуть не могла, и чтобъ для того ея величество не указала далѣе ставить въ земляхъ ея тѣ самыя войска, кои по сю пору столь охотно и съ такимъ знатнымъ иждивеніемъ употребляемы были для единой пользы и службы республики, которая долженствовала

бы сама собою чувствовать, что утѣсненіемъ одной части сограждаиъ уничтожается общая ея вольность и равенство. При вынужденномъ иногда употребленіи сей угрозы надобно будетъ вашему сіятельству согласовать съ словами и самое дѣло, и сходно съ тѣмъ учреждать и дальнѣйшее войскъ нашихъ въ Польшѣ пребываніе, дабы, по крайней мѣрѣ, страхомъ вырвать у Поляковъ то, чего отъ нихъ ласково добиться не можно было. *Не думаю я, да и думать почти нельзя*, чтобы можно было въ одинъ разъ возвратить диссидентамъ все то, чего они лишились: довольно когда они въ нѣкоторое равенство правъ и преимуществъ республики приведены и для переду отъ новаго гоненія совершенно ограждены будутъ, дабы инако продолженіемъ прежняго утѣсненія не могли они, и въ томъ числѣ и наши единовѣрные къ невозвратному ущербу государственыхъ нашихъ интересовъ вовсе искоренены быть».

Въ послѣдствіи (15 сентября 1766 года) Репнинъ получилъ отъ императрицы подробную инструкцію, чего требовать для диссидентовъ: «Мы не удаляемся конечно отъ дозволенія и сохраненія господствующей религіи нѣкоторыхъ предъ терпимыми отличностей, какъ во всякомъ благоустроенномъ правленіи обыкновенно бываетъ, а посему и согласимся мы охотно на исключеніе диссидентовъ изъ сената и отъ чиновъ внѣ онаго, всю довѣренность республики требующихъ, то-есть гетманскихъ, еслибъ во взаимство сей важной уступки возвращено было диссидентамъ право избранія въ послы на сеймъ, въ депутаты къ трибуналамъ и городовые старосты, съ узаконеніемъ, чтобъ для соблюденія имъ навсегда сего права, быть изъ нихъ въ нѣкоторыхъ воеводствахъ непремѣнно къ каждому сейму третьему послу при двухъ католикахъ. За важную бы отъ васъ услугу намъ и отечеству сочли мы одержаніе отъ васъ всего вышеписаннаго, но если и не будетъ во всемъ пространствѣ

соотвѣтствовать успѣхъ сему нашему опредѣленію, не припишемъ мы однако недостатку усердія или трудовъ вашихъ, зная весьма, сколько трудно или паче невозможно преодолѣть гидру суевѣрія и собственную корысть въ людяхъ; и такъ полагаемъ мы за ультиматъ нашего желанія, чтобъ всемѣрно одержать для диссидентовъ способпость владѣть городовыми староствами, дабы они тѣмъ или другимъ образомъ нѣкоторое участіе въ земскомъ правленіи, а чрезъ то самое и вящую нежели нынѣ сами по себѣ важность пріобрѣсть могли съ совершенною свободой исправленія ихъ религіи во всѣхъ пунктахъ до церкви касающихся. Если сеймъ не согласится ни на что, надлежитъ вамъ, имѣя въ Варшавѣ диссидентовъ сколько возможно въ большемъ числѣ, приготовить ихъ къ тому, дабы они, отъѣзжая тогда всѣ вдругъ отъ сейма съ учиненіемъ по тамошнимъ обрядамъ правительства протестаціи, могли составить между собою конфедерацію, и оною формально просить помощи и защищенія у насъ, или же и вообще у тѣхъ своихъ сосѣдей, которые нынѣ въ ихъ пользу итересуются. Мы вѣрно полагаемся на ваше благоразуміе въ такомъ крайнемъ ресурсѣ, что вы его, безъ самой неизбѣжной нужды и съ нами не описавшись, въ дѣйство не произведете, однакожь тѣмъ не меньше вы можете онымъ яко послѣднею нашею твердою резолюціей воспользоваться и при негоціяціяхъ вашихъ тутъ, гдѣ надобно будетъ въ конфиденцію объ ней сообщать, съ тѣмъ чтобъ Поляки знали и удостовѣрены были, что мы не допустимъ успокоить сіе дѣло по ихъ единовиднымъ желаніямъ, а поведемъ оное лучше до самой крайности».

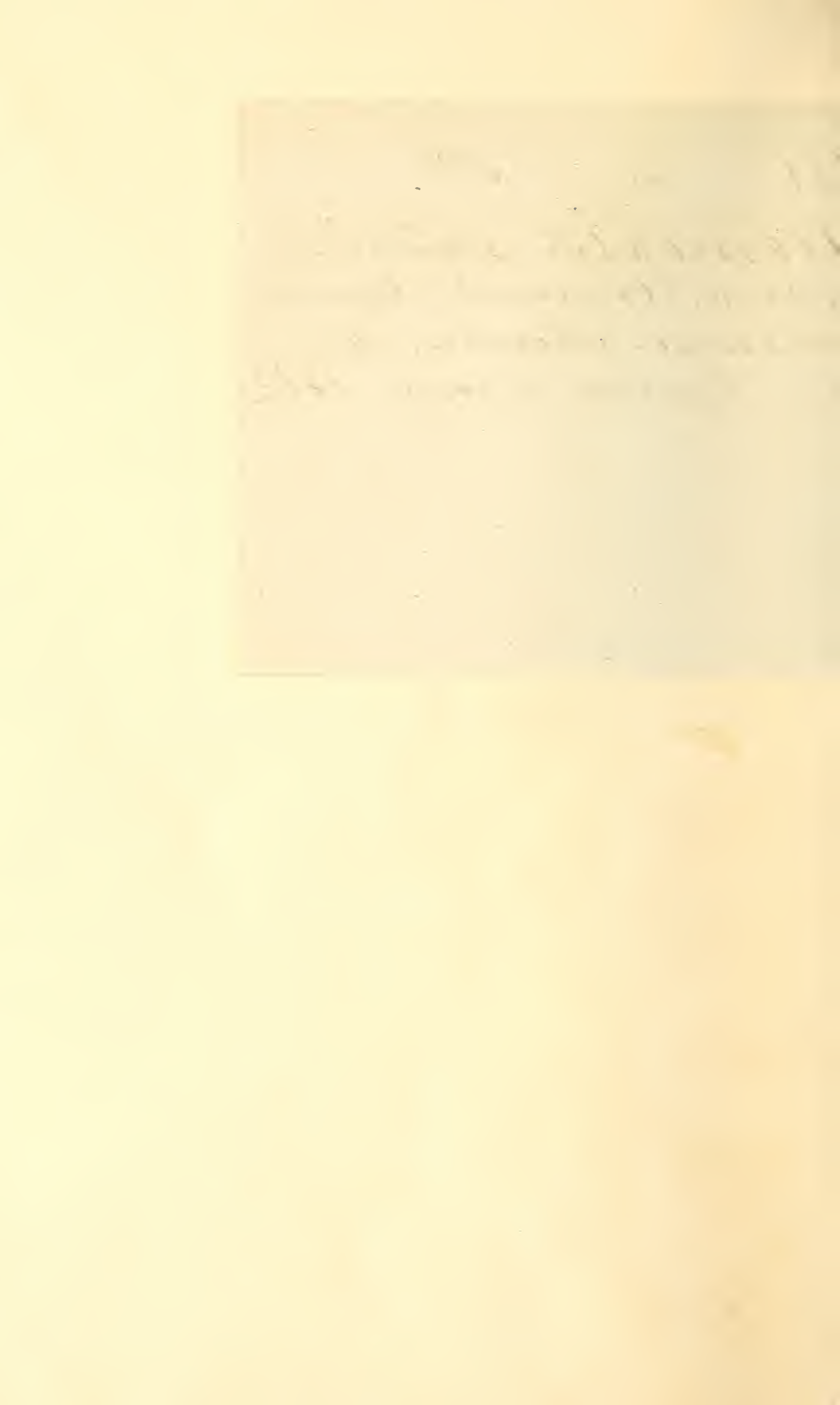
Напрасно въ Петербургѣ, желая дѣйствовать съ благоразумною умѣренностію, урѣзывали требованія диссидентовъ: въ Польшѣ не хотѣли уступить ничего. Мы видѣли, что еще въ 1763 году православный епископъ могилевскій, Георгій Конисскій, подалъ императрицѣ жалобу на жестокія

притѣсненія: «Гонители благочестія святаго, писалъ Конисскій, не видя себѣ въ томъ гонительствѣ ни отъ кого воспященія, тѣмъ паче свирѣпѣютъ, и на всѣ церкви благочестивыя, особливо въ городѣ Могилевѣ состоящія, напасть вскорѣ, при случаѣ нынѣшняго междукоролевства, намѣрены, и нѣкоторые священники, страха ради, на унію уже предаются; особенно же жившій въ монастырѣ моемъ іеромонахъ Никаноръ Митаревскій, кой родимецъ малороссійскій, бывъ прежде въ семинаріи Переяславской префектомъ и тамо въ важныя преступленія впавъ, отъ священнодѣйствія отлученъ, избѣгъ изъ Россіи и у уніятовъ былъ, послѣ пришедъ ко мнѣ въ Могилевъ для единаго только исправленія его при мнѣ безъ священнодѣйствія держанъ, нынѣ въ отсутствіи моемъ предался къ уніятамъ въ Онуфріевскій, прежде благочестивый бывшій, а нынѣ уніятскій монастырь, къ живущему въ томъ монастырѣ архіепископу уніятскому, родимцу же малороссійскому, Лисянскому, и оной Митаревскій, согласясь съ плебаномъ Кричевскимъ Рейнолдомъ Изличомъ, превеликое священству благочестивому, а особливо строителю монастыря Охорскаго Кричевскаго, дѣлаютъ угнетеніе, такъ чтототъстроитель съ братіею по лѣсамъ принужденъ отъ нихъ крытись». Отъ кіевскаго митрополита пришло извѣстіе, что Трембовльскій староста Іоакимъ Потоцкій насильно четыре православныхъ церкви отнялъ на унію; пинскій епископъ Георгій Булгакъ отнялъ на унію четырнадцать церквей, изувѣчилъ игумена Θеофана Яворскаго.

Когда русская партія восторжествовала, когда кандидатъ русской императрицы избранъ былъ въ короли, Конисскій получилъ надежду, что его жалобы будутъ выслушаны въ Варшавѣ, и въ 1765 году рѣшился самъ туда отправиться; но вотъ что̀ онъ доносилъ синоду объ успѣхѣ своего путешествія: «Когда я прошлаго іюня 15 дня, получивши отъ

И. п. №

Исторія паденія Польши. Сочиненіе Сергѣя Соловьева. Москва. Въ тип. Грачева и комп. 1863.

команды смоленской трехъ драгунъ въ конвой, выѣхалъ изъ Могилева, а іюля 11 прибылъ въ Варшаву, то по отдачи прежде поклону фамиліи его королевскаго величества и министрамъ короннымъ и литовскимъ, представленъ былъ его королевскому величеству. Его величество, выслушавъ мою рѣчь*) и принявъ челобитную, самъ оную, хотя и большая была, изволилъ вычитать, и обнадеживалъ во всемъ томъ удовольствіе учинить, на что имѣемъ права и привелегіи, только велѣлъ обождать пріѣзду въ Варшаву вице-канцлера литовскаго, г. Предзѣцкаго. По прибытіи своемъ онъ, вице-канцлеръ литовскій, въ Варшаву, велѣлъ мнѣ челобитную мою передѣлать на двѣ челобитныя, изъ коихъ одну заключилъ — обиды, внутрь экономіи могилевской починенныя, подать въ камеру королевскую, другую — съ обидами, внѣ экономіи подѣланными, расписавъ на три экземпляра, подать имъ министрамъ, коронымъ канцлеру и вице-канцлеру, и ему, вице-канцлеру литовскому, что я и учинилъ. Съ того же времени какъ начали водить, то и понынѣ водятъ безъ всякаго и малѣйшаго успѣха. Расписали до нѣкоторыхъ въ челобитной моей показанныхъ обидчиковъ, чтобъ въ отвѣты на мои жалобы присылали; я о томъ отъ нихъ же господъ министровъ извѣстясь, представлялъ имъ, что мнѣ чрезъ такое собираніе отвѣтовъ новая причиняется обида, понеже и не ко всѣмъ обидчикамъ

*) Въ этой рѣчи Конисскій говорилъ между прочимъ: «Христіане отъ христіанъ угнетаемы, и вѣрные отъ вѣрныхъ болѣе, нежели отъ невѣрныхъ озлобляемы бываемъ. Затворяются наши храмы, гдѣ Христосъ непрестанно восхваляется; отверсты же и безнавѣтны Жидовскіе Синагоги, въ коихъ Христосъ непрестанно поруганъ бываетъ. Что мы человѣческихъ преданій въ равной съ вѣчнымъ Божіимъ закономъ важности имѣть, и землю мѣшать съ небомъ не дерзаемъ, — за то раскольниками, еретиками, отступниками насъ называютъ; и что гласу совѣсти безстудно противорѣчить страшимся, — за то въ темницы, на раны, на мечъ, на огнь осуждаемы бываемъ.

за таковыми отвѣтами послано, и посылать ко всѣмъ невозможное дѣло, яко большая ихъ часть на судъ Божій позвана, и я съ таковыхъ никакой сатисфакціи не прошу, только возвращенія отнятаго, или только чтобы впредь подобныхъ обидъ дѣлать запрещено, да и которые обидчики въ живыхъ остались и пришлютъ отвѣты, то съ ихъ отвѣтовъ не доведется никакой чинить резолюціи, понеже сами себя виновными не признаютъ, и въ чемъ ложно извиняться захотятъ, я готовъ всегда опровергать, и такимъ способомъ собиранія отвѣтовъ да доказательствъ конца не будетъ, и какъ имъ обидчикамъ таковыхъ отвѣтовъ и доказательствъ съ домовъ своихъ безъ малѣйшихъ убытковъ присылка очень понаровочна, такъ мнѣ ожидать оныхъ отвѣтокъ здѣсь въ Варшавѣ и большіе убытки нести весьма тяжело и несносно, и что на остатокъ съ моихъ жалобъ нѣкоторыя суть таковыя, которыя, по разсмотрѣніи документовъ письменныхъ, никакому изслѣдованію не подлежатъ. Таковое однако мое представленіе мѣсто у нихъ господъ министровъ не получило, еще учинили меня богатымъ: ты де богатъ, можешь здѣсь проживать, а отвѣтную сторону волочить сюда по скудости ихъ не доведется».

Удивительное зрѣлище представляла въ это время Польша: народныя силы, казалось, пробуждались послѣ долгаго усыпленія, обнаруживалось необыкновенное единодушіе—но для чего? для того ли чтобъ установить лучшій порядокъ, освободиться отъ иностраннаго вліянія? нѣтъ, для того чтобы не сдѣлать ни малѣйшей уступки требованіямъ диссидентовъ, чтобы не признать никакихъ правъ за христіанами другихъ вѣроисповѣданій, кромѣ католическаго? И въ то же время все ограничивалось страдательнымъ упорствомъ, ограничивалось одними криками; никто не думалъ о средствахъ дѣятельнаго, серіознаго сопротивленія сосѣднимъ державамъ, Россіи и Пруссіи, которыя не могли бросить дисси-

дентскаго дѣла; фанатизмъ только гальванизировалъ мертвое тѣло, но къ жизни его не возбуждалъ. Репнинъ былъ въ изумленіи: «что̀ это такое? писалъ онъ въ Петербургъ: нашимъ требованіямъ уступить не хотятъ; но на что же они надѣются? Своихъ силъ нѣтъ, иностранцы не помогутъ».

Положеніе Репнина въ Варшавѣ было не завидное. Изъ Петербурга присылаютъ къ нему умѣренныя, но твердыя требованія относительно диссидентовъ, тогда какъ на мѣстѣ онъ видитъ ясно, что требованіямъ этимъ ни малѣйшей уступки быть не можетъ. Всякому дипломату бываетъ очень непріятно, когда на него возлагаютъ порученіе, которое исполнить онъ не видитъ возможности; онъ не можетъ освободиться отъ тяжкой для его самолюбія мысли, что правительство его можетъ усумниться, дѣйствительно ли дѣло невозможно, не виновато ли въ этой невозможности, хотя отчасти, неумѣнье уполномоченнаго? Поэтому неудивительно, что Репнинъ сначала сдѣлалъ было отчаянную попытку убѣдить свой дворъ отказаться отъ диссидентскаго дѣла, рѣшился представить, что стоитъ ли заступаться за диссиндентовъ?—между ними нѣтъ знатныхъ людей! Понятно, что попытка не удалась: «польза, честь отечества и персональная ея величества слава» требовали, чтобы Репнинъ проводилъ диссидентское дѣло. Такимъ образомъ посолъ былъ поставленъ, съ одной стороны, между неуклонными требованіями своего двора, и съ другой, упорствомъ Поляковъ, отвергавшихъ всякую мысль къ уступчивости и сдѣлкѣ. Но неужели Репнинъ не могъ ни въ комъ найдти себѣ помощи? Неужели фанатизмъ одинаково обуялъ всѣхъ? Что̀ король? что̀ Чарторыйскіе?

Репнинъ былъ отправленъ въ Польшу, чтобы поддерживать тамъ русскую партію, партію Чарторыйскихъ, и содѣйствовать возведенію на престолъ племянника ихъ, Стани-

слава Понятовскаго. До достиженія этой цѣли Чарторыйскіе и Понятовскій составляли одно, что, разумѣется, облегчало положеніе Репнина, упрощая его отношенія къ этимъ лицамъ. Но съ достиженіемъ цѣли, съ восшествіемъ на престолъ Понятовскаго, положеніе посла затруднилось. Королю хотѣлось освободиться изъ подъ опеки дядей, дѣйствовать самостоятельно, но, какъ человѣкъ слабохарактерный, онъ не могъ этого сдѣлать вдругъ, рѣшительно, да и человѣку съ болѣе твердымъ характеромъ не легко было бы это сдѣлать въ положеніи Станислава-Августа. Въ отсутствіи дядей король былъ храбръ и самостоятеленъ, но только кто-нибудь изъ стариковъ являлся, король не имѣлъ духа въ чемъ-либо попротиворѣчить, въ чемъ-либо отказать ему. Умные старики, разумѣется, сейчасъ же поняли, что эта уступчивость невольная, что тутъ нѣтъ искренности, что они своими личными достоинствами и своимъ значеніемъ въ странѣ дѣлаютъ только насиліе королю. Понятно, что вслѣдствіе этого возникла холодность между дядьми и племянникомъ, а это затруднило положеніе Репнина. Держаться теперь на одной ногѣ и съ королемъ, и съ Чарторыйскими стало тяжело; естественно, что Репнину хотѣлось упростить свои отношенія, то-есть имѣть дѣло съ однимъ королемъ и для этого желать полной независимости послѣдняго отъ дядей. При этомъ естественномъ стремленіи Репнинъ легко перешелъ границу: Чарторыйскіе замѣтили, что посолъ ближе съ королемъ чѣмъ съ ними, и отплатили ему тѣмъ же удаленіемъ и холодностію. Репнинъ сталъ жаловаться на нихъ въ Петербургъ: «Что касается до моего обращенія съ князьями Чарторыйскими, то послѣ сейма коронаціи усумнясь о ихъ прямодушіи, а особливо послѣ какъ я отказалъ платить впредь до указу воеводѣ русскому мѣсячной пенсіи, братъ его единственно съ тѣхъ поръ холоденъ. Учтивость основаніе дѣлаетъ нашего обхожденія, о дѣлахъ же я болѣе съ самимъ королемъ говорю.»

Въ Петербургѣ были увърены, что по милости Чарторыйскихъ не удалось диссиндентское дѣло на первомъ сеймѣ; мы видѣли, въ какихъ выраженіяхъ писалъ объ этомъ король императрицѣ. «*Вопреки мнѣнію всѣхъ моихъ совѣтниковъ* (Чарторыйскіе были самые близкіе совѣтники!) я поднялъ вопросъ о диссиндентахъ, потому что вы того желали. Чуть-чуть не умертвили примаса въ моемъ присутствіи» *). Въ Петербургѣ хотѣли, чтобъ Чарторыйскіе всѣмъ своимъ могущественныхъ вліяніемъ проводили диссиндентское дѣло на сеймѣ, и, вмѣсто того, узнаютъ, что они даже отговаривали короля начинать его! Еще 12 февраля 1765 года Панинъ писалъ Репнину: «Мы не можемъ и не хотимъ поставлять польскія дѣла совсѣмъ оконченными, пока не сдѣлано будетъ справедливое поправленіе состоянію тамошнихъ диссидентовъ, хотябъ то и самой вооруженной негоціаціи требовало. Здѣсь удостовѣрены, что Чарторыйская фамилія есть та, которая въ семъ пунктѣ больше другихъ недоброжелательна и она существительною причиною въ вашей неудачѣ на послѣднемъ сеймѣ. Вамъ надлежитъ ту фамилію убѣждать и склонять, въ случаѣ же въ томъ безнадежности, воспользоваться настоящею разстроицею между ею и королемъ, и его величество ободрять противу ея. Кромѣ зачинающихся въ вашемъ мѣстѣ женскихъ сплетней и интригъ между фамиліею, и кромѣ духа господствованія двухъ братьевъ Чарторыйскихъ, новый государь больше горячо, нежели прозорливо, за свои дѣла принимается; надобно опасаться, чтобы такимъ образомъ примѣривая все ко внутреннему польскому аршину, онъ не навелъ на себя такихъ хлопотъ, которыя могутъ привести въ разстроицу весь сѣверный акортъ и его посадить между двухъ стульевъ. Благоразуміе, конечно, требуетъ отъ его польскаго величества,

---

*) См. первую главу, письмо короля отъ 20 апрѣля 1765 г.

чтобъ онъ для будущихъ своихъ выгодъ, изволилъ съ достаточною весьма политическою экономіею и уваженіемъ касаться до своихъ внутреннихъ дѣлъ, и сколько возможно, воздерживался отъ всего того, что истолкованіе и видъ новости получить можетъ, а вмѣсто того гораздо вѣрнѣе и надежнѣе быть кажется, еслибъ усугубилъ свое стараніе акредитовать и укрѣпить себя средствами истинной дружбы и союзовъ съ тѣми державами, которыя возобновленіе природныхъ королей въ Польшѣ постановляютъ частію ихъ политической системы.»

Въ этомъ письмѣ Панинъ излагаетъ свой взглядъ на польскія отношенія и даетъ видѣть связь этого взгляда съ своимъ главнымъ стремленіемъ. Послѣднее состояло въ томъ, чтобы сѣверныя европейскія государства — Россія, Пруссія, Англія, Данія, Швеція и Польша составляли постоянный союзъ, противоположный австро-французскому союзу южной Европы. Польскій король своею поспѣшностію въ нововведеніяхъ могъ возбудить противъ себя непріязнь короля прусскаго, и этимъ нарушить сѣверный *акортъ*, поставить Россію въ затруднительное положеніе между польскимъ и прусскимъ королями, одинаково ей союзными, и что всего хуже, если вражда между Пруссіей и Польшею разгорится, то послѣдняя можетъ перейдти къ австро-французскому союзу. Соотвѣтственно этому основному своему взгляду, Панинъ писалъ Репнину, чтобы тотъ всѣми силами содѣйствовалъ браку польскаго короля на дочери короля португальскаго, ибо *это выгодно для сѣверной системы:* португальскій дворъ связанъ съ Англіей, и его вліяніе никогда не будетъ вредить союзу Польши съ Россіей и со всѣмъ сѣверомъ.

Но если въ Петербургѣ сердились на Чарторыйскихъ за охлажденіе къ русскимъ интересамъ, тѣмъ не менѣе не хотѣли разрыва съ могущественною фамиліей и предписывали

Репнину сначала убѣждать и склонять ее. Самъ Репнинъ, жалуясь на Чарторыйскихъ, въ то же время писалъ о ихъ могуществѣ и слабости короля, и тѣмъ самымъ, разумѣется, обвинялъ себя въ слишкомъ поспѣшномъ предпочтеніи племянника дядьямъ: «Я уже предъ симъ доносилъ, писалъ онъ къ Панину *), сколь двое братьевъ Чарторыйскихъ духомъ владычества исполнены, а притомъ что и кредитъ ихъ весьма въ націи великъ, который болѣе еще возросъ тѣмъ, что они въ послѣднее междоцарствіе были шефами нашей партіи, и что черезъ ихъ руки всѣ деньги шли для пріумноженія партизановъ, которые имъ преданы и осталися; къ тому же тотъ кредитъ содержится въ своей силѣ слабостью короля, который еще не можетъ осилиться и изъ привычки выйдти имъ что-либо отказать, хотя часто и съ неудовольствіемъ на ихъ требованія соглашается.» Чѣмъ болѣе Репнинъ сближался съ королемъ, тѣмъ болѣе удостовѣрялся въ его слабости: «Во время бытности на охотѣ, писалъ **) онъ Панину, имѣлъ я случай говорить съ его величествомъ о духѣ владычества князей Чарторыйскихъ и о необходимой нуждѣ, чтобъ онъ наконецъ старался самъ господиномъ быть, а не вѣчно бы въ зависимости ихъ остался. По несчастію, онъ себѣ въ голову ту надежду забралъ, что онъ своихъ дядьевъ резонами и ласкою убѣдитъ и приведетъ въ тѣ границы, въ коихъ подданнымъ быть надлежитъ. Слабость его столь удивительна, что не узнаютъ его передъ тѣмъ какъ онъ партикулярнымъ былъ человѣкомъ.»

Но слабость короля естественно заставляла возвратиться къ Чарторыйскимъ, особенно въ виду сейма 1766 года, когда снова должно было подняться диссидентское дѣло. Заблагоразсудили войдти въ непосредственную переписку съ Чарторыйскими: старики увѣряли, что преданность ихъ къ

*) 13 (26) мая 1765.

**) 2 января 1766.

Россіи не измѣнилась, жаловались на короля, на то, что онъ ихъ не слушается, жаловались и на Репнина, приписывая его холодность къ себѣ веселостямъ, которымъ предался посолъ. Репнинъ по этому случаю писалъ Панину *). «Князей Чарторыйскихъ содѣйствіе на будущемъ сеймѣ конечно необходимо нужно, не потому чтобы на ихъ прямодушное усердіе считать точно было можно, но потому что кредитъ ихъ весьма великъ, и что хотя при двоякости ихъ сердецъ, но головы, признаться должно, имѣютъ здравѣе нежели всѣ другіе въ сей землѣ. Изъясненія ихъ къ вашему высокопревосходительству не всѣ справедливы, какъ напримѣръ говоря о королевскомъ поведеніи. Согласенъ я весьма, что слабости и скоропостижности въ томъ чрезвычайно много; но не могу я на то согласиться, чтобы какое-нибудь однакожь дѣло хотя маловажное было сдѣлано безъ ихъ свѣдѣнія и согласія. Что же касается до моего противъ нихъ положенія, то не веселья конечно мое отдаленіе воспричинствовали, но двоякость ихъ и неблагодарность къ нашему двору.»

Какъ бы то ни было, Репнинъ долженъ былъ сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ Чарторыйскими. Одинъ братъ, Михаилъ, канцлеръ литовскій, проводилъ лѣто 1766 года въ своихъ деревняхъ, и потому Репнинъ обратился къ князю Августу, воеводѣ русскому, прося его назначить свободный часъ для переговоровъ о нѣкоторыхъ интересныхъ дѣлахъ; воевода отвѣчалъ, что завтра самъ пріѣдетъ къ послу. Репнинъ началъ разговоръ увѣреніемъ «о возвращеніи къ нему, Чарторыйскому, высочайшей довѣренности и благоволенія ея императорскаго величества, въ томъ точно упованіи, что его усердіе и преданность совершенно соотвѣтствуютъ сей высочайшей милости. Мнѣ повелѣно, продолжалъ Репнинъ,

*) 21 августа 1766.

съ истинною откровенностію во всѣхъ нашихъ дѣлахъ съ нимъ и съ канцлеромъ литовскимъ соглашаться и обще съ ними къ успѣху оныхъ доходить. Всемилостивѣйшей государынѣ желательно и пріятно будетъ, чтобъ его польское величество также противъ нихъ въ совершенной откровенности и довѣренности былъ, и совѣты бъ ихъ предпочиталъ прочимъ.» Репнинъ заключилъ привѣтствіемъ, что онъ съ удовольствіемъ получилъ сіи высочайшія повелѣнія, и что пріятно ему будетъ ихъ въ самой точности исполнять. Чарторыйскій отвѣчалъ увѣреніями въ своемъ усердіи, преданности и благодарности. Послѣ этихъ взаимныхъ учтивостей Репнинъ приступилъ къ дѣлу, обратился къ Чарторыйскому съ просьбою открыть съ довѣренностію всѣ тѣ способы, которые могутъ привести диссидентское дѣло къ желанному успѣху. Воевода опять началъ рѣчь увѣреніями въ своемъ усердіи, но кончилъ объявленіемъ, что не хочетъ отвѣчать за успѣхъ дѣла. «Кто первый станетъ говорить объ этомъ дѣлѣ на сеймѣ? я, признаюсь, сдѣлать этого не осмѣлюсь,» сказалъ Чарторыйскій. Репнинъ сталъ говорить, что волненія между католиками по поводу диссидентскаго дѣла раздуваютъ епископы своими возмутительными разглашеніями—виленскій—Масальскій, краковскій—Солтыкъ и каменецкій — Красицкій: «Не пристойно ли бы было, для ихъ усмиренія и для обузданія впредь прочихъ, расположить по ихъ деревнямъ находящіяся теперь въ Польшѣ россійскія войска?» спросилъ Репнинъ. Чарторыйскій противъ этого «крѣпко уперся,» говоря, что такой поступокъ встревожитъ, оскорбитъ и отвратитъ «всѣ духи» отъ русской стороны. Репнинъ согласился, особенно когда услышалъ и отъ короля такое же мнѣніе: «Разсудилъ я лучше отъ сего поступка удержаться (писалъ онъ Панину), дабы не дать имъ претекста сказать, что я горячностію своею испортилъ то, чтобъ они усердною лаской и привѣт-

ствіемъ исполнить могли. Признаюсь, что мнѣніе мое съ ними не согласно, считая, что въ такихъ возмутительныхъ покушеніяхъ твердостію одною дѣла въ порядокъ можно привести; но чувствую однакожь, что сдѣлавъ то противъ ихъ согласія, чрезъ оное дамъ только имъ претекстъ къ извиненію въ случаѣ неудачи.» Чарторыйскій, мало того что не согласился на занятіе русскими войсками епископскихъ деревень, но и выразилъ мнѣніе, что считаетъ полезнымъ вывести совсѣмъ русскія войска изъ Литвы во время сейма: этимъ, говорилъ онъ, нація будетъ обрадована, и докажется желаніе Россіи не силою, но ласкою приводить дѣла къ концу; «тѣмъ болѣе, прибавилъ воевода, что русскія войска всегда могутъ опять сюда вступить по обстоятельствамъ.» На это Репнинъ замѣтилъ съ учтивостію, что конфедерація еще не разрушена, и потому причина, приведшая русскія войска въ Польшу, остается по прежнему. (Конфедерацію устроили и русскія войска призвали Чарторыйскіе!)

Разговоръ съ воеводою русскимъ привелъ однако Репнина въ отчаяніе, что̀ видно по тону письма его къ Панину *): «Повелѣнія данныя (изъ Петербурга) по диссидентскому дѣлу ужасны, и истинно волосы у меня дыбомъ становятся, когда думаю объ ономъ, не имѣя почти ни малой надежды, кромѣ единственной силы исполнить волю всемилостивѣйшей государыни касательно до гражданскихъ диссидентскихъ преимуществъ.» Репнинъ поѣхалъ къ королю и объявилъ ему подробно, чего требуетъ Россія для диссидентовъ, прибавя, что это послѣднее слово, и если на нынѣшнемъ сеймѣ всего этого не исполнятъ, то уже 40.000 войска готовы на границахъ для подкрѣпленія требованій. «Король, по словамъ Репнина, представлялъ трудности или, паче сказать, невозможности къ сему націю согласить; всячески онъ меня оборачивалъ и выпрашивалъ, подлинно ли

*) 6 сентября 1766

сіе наше послѣднее слово и подлинно ли наши вступятъ, коли всего на сеймѣ не исполнятъ, въ чемъ я его твердо увѣрялъ. Разговоръ кончился вопросомъ отъ короля: могу ли я точнымъ образомъ ему отвѣчать, что ея императорское величество, коли все требуемое мною исполнится, совершенно опымъ довольна будетъ и далѣе сего дѣла и впередъ не поведетъ, на которое я ему донесъ, что я считаю, что сіе обѣщаніе совершенно сдѣлать могу.»

Послѣ этого разговора съ Репнинымъ, король написалъ къ своему министру при петербургскомъ дворѣ, графу Ржевускому, чтобъ онъ представилъ императрицѣ всю невозможность исполнить ея требованія относительно диссидентовъ: «Послѣднія приказанія, данныя Репнину, писалъ Понятовскій, приказанія ввести диссидентовъ даже въ законодательство—громовой ударъ для страны и для меня лично. Если еще человѣчески возможно, то представьте императрицѣ, что корона, которую она мнѣ доставила, сдѣлается для меня одеждою Нессоса: она меня сожжетъ, и смерть моя будетъ ужасна. Мнѣ предстоитъ или отказаться отъ дружбы императрицы, или явиться измѣнникомъ отечеству. Если Россія непремѣнно хочетъ ввести диссидентовъ въ законодательство, то это будутъ (еслибы даже ихъ было не болѣе 10 или 12) законно существующія главы партіи, которая будетъ видѣть въ государствѣ и правительствѣ польскомъ враговъ, и которая будетъ необходимо и постоянно искать противъ нихъ помощи извнѣ.»

Между тѣмъ Репнинъ сдѣлалъ новую попытку у Чарторыйскихъ: онъ обратился къ нимъ съ просьбою, чтобы дали честное слово, не отвѣчая за успѣхъ, приложить всѣ свои старанія къ доведенію диссидентскаго дѣла до желаемаго конца, то-есть, чтобъ открыты были диссидентамъ всѣ гражданскіе чины въ судебныхъ мѣстахъ и дано было участіе въ правленіи, допустивъ ихъ хотя въ ограниченномъ числѣ

въ земскіе послы (депутаты) на сеймы. Чарторыйскіе отвѣчали, что не могутъ дать слова и не въ состояніи употреблять свои труды во вредномъ для отечества дѣлѣ. Репнинъ обратился къ королю за рѣшительнымъ отвѣтомъ, и тотъ объявилъ, что не можетъ стараться о диссидентскомъ дѣлѣ. Репнинъ напомнилъ и королю, и Чарторыйскимъ о прежнемъ обѣщаніи ихъ содѣйствовать диссидентскому дѣлу: отвѣтъ былъ одинъ, что тогда разумѣлась одна терпимость. Увѣдомивши объ этомъ свой дворъ, Репнинъ писалъ отъ 24 сентября 1766: «Для того я рѣшился къ генералъ-майору Салтыкову отъ сего жь числа чрезъ курьера повелѣніе послать вступить съ своимъ корпусомъ въ деревни епископовъ краковскаго и виленскаго, питаясь на ихъ коштѣ, ибо ничего уже хуже по диссидентскому дѣлу быть пе можетъ, какъ то, что̀ есть, а можетъ-быть сей поступокъ импрессію сдѣлаетъ и что-либо поправитъ. Никакой надежды нѣтъ безъ употребленія силы въ семъ дѣлѣ предуспѣть: и такъ на нее одну остается уповать, ибо не только часть сейма сему дѣлу противна будетъ, но и всѣ головой, когда сверхъ всего духовенства и его инфлюенцій присовокупляются къ противникамъ король, князья Чарторыйскіе и ихъ партизаны, что̀ ужь въ себѣ все и заключаетъ. Долженъ я донести, что во время сеймиковъ и для будущихъ расходовъ на сеймѣ по требованіямъ королевскимъ мной ему выдано 11,000 червонныхъ, изъ которыхъ 6,000 уже выданы послѣ объявленія королю во всемъ пространствѣ нашихъ требованій по диссидентскому дѣлу: почему слѣдственно я и надѣялся, что сіе его заведетъ согласно съ нами о полномъ успѣхѣ онаго работать, а теперь я въ безпокойствѣ нахожусь по симъ издержкамъ.»

На это донесеніе императрица отвѣчала Репнину рескриптомъ *), что *если* на сеймѣ диссидентское дѣло не будетъ доведено до формальной съ нимъ, посломъ, и съ диссиден-

*) 6 октября 1766 года.

тами негоціаціи, изъ которой бы резонабельныхъ плодовъ ожидать было можно, и *если* опять потерю всякой надежды должно будетъ приписать одному коварству стариковъ Чарторыйскихъ, въ такомъ случаѣ, опредѣля съ разборчивостію положеніе дѣлъ, употребить все стараніе къ разрыву генеральной конфедераціи и сейма, потому что Чарторыйскіе посредствомъ конфедераціи хотѣли провести преобразованія, и Августъ Чарторыйскій былъ маршаломъ конфедераціи. «Въ самомъ началѣ должно прямо адресоваться къ тѣмъ изъ соперниковъ фамиліи Чарторыйскихъ, которые пріобрѣтенному ея во дѣлахъ перевѣсу наиболѣе завидуютъ. Нельзя сомнѣваться, чтобъ такой во мнѣніяхъ нашихъ оборотъ не произвелъ важной въ духахъ перемѣны, и чтобъ многіе изъ соперниковъ князей Чарторыйскихъ, кои теперь диссидентскому дѣлу противны, не обратились на лучшія по оному мысли.»

Дѣло усложнилось тѣмъ, что король, подъ шумокъ, хотѣлъ провести на сеймѣ важныя преобразованія, именно, чтобы вопросы объ умноженіи податей и войска рѣшались большинствомъ голосовъ. Но противники нововведеній дали знать Репнину о замыслахъ, отъ которыхъ онъ имѣлъ наказъ удерживать короля. Вмѣстѣ съ прусскимъ посломъ Бенуа, Репнинъ сильно воспротивился проведенію большинства голосовъ; Чарторыйскіе, изъ нерасположенія къ королю съ одной стороны, а съ другой видя невозможность успѣха и желая показать русской императрицѣ свою преданность, желая показать что они готовы служить ей во всемъ, что̀ возможно,—Чарторыйскіе помогли Репнину въ этомъ дѣлѣ, помогли и въ дѣлѣ распущенія конфедераціи. Король, съ страшною тоской въ сердцѣ, долженъ былъ отказаться отъ своихъ намѣреній и публично заявить объ этомъ. Репнинъ былъ дѣйствительно подкупленъ поступками *фамиліи* *), писалъ съ похвалой въ Петербургъ о ея поведеніи,

*) Говоря о Чарторыйскихъ, обыкновенно употребляли это слово.

и холодность ея къ диссидентскому дѣлу приписывалъ единственно его непреодолимой трудности. «Прошу покорнѣйше ваше высокопревосходительство, писалъ онъ Панину *), не только графу Ржевускому, но если можно къ самимъ Чарторыйскимъ, включа великаго маршала короннаго, князя Любомирскаго, ласково отозваться за содѣйствіе ихъ по дѣламъ истребленія множества (большинства) голосовъ и разрыва конфедераціи, а особливо къ князю Адаму Чарторыйскому, хотя чрезъ письмо ко мнѣ, кое бы я могъ показать: ибо онъ (князь Адамъ) былъ мнѣ первымъ инструментомъ къ приведенію стариковъ на мою сторону.» Въ слѣдующемъ донесеніи писалъ **): «Я въ семъ дѣлѣ (уничтоженія большинства голососъ) какъ точнымъ содѣйствіемъ короля, такъ и Чарторыйскихъ совершенно доволенъ. Я долженъ по справедливости донесть, что успѣхъ диссидентскаго дѣла не въ силахъ короля, ни Чарторыйскихъ. Лучшее доказательство сему сіе самое истребленіе множества голосовъ, которое они вчерась сдѣлали. Неоспоримо, оное дѣло имъ гораздо дороже было и нужнѣе, но, видя пропасть разверстую, сами раздѣлали то, что имъ драгоцѣннѣе всего было, и тако и диссидентское бъ дѣло слѣлали, коль бы могли, ибо тѣхъ же точно крайностей и по оному ожидаютъ, не имѣя однакожь таковой же противности къ нему, какъ къ первому. Однимъ словомъ, антузіазмъ и сумасбродство, заразившіеся отъ внушеній духовенства и отъ скупости, чтобъ авантажи коронные не раздѣлять съ диссидентами, столь чрезвычайны, что совершенно свыше всѣхъ здѣшнихъ силъ. Король же, коего я нынче видѣлъ во дворцѣ при обыкновенномъ по воскресеньямъ съѣздѣ, въ такомъ уныніи духа, что я онаго изобразить довольно не могу. Я лишь подошелъ къ нему и помянулъ объ разрушенномъ дѣлѣ множества голосовъ съ

*) 9 ноября 1766 г.

**) 12 ноября.

благодаренiемъ, что онъ самъ о томъ публично говорилъ, то онъ вдругъ при всей публикѣ горько заплакалъ и ничего не былъ мнѣ въ состоянiи отвѣчать. Сiя самая горесть доказываетъ, сколь онъ къ сему дѣлу привязанъ былъ.»

Чарторыйскiе не переставали увиваться около Репнина, выставлять свою преданность Россiи, просить о возвращенiи прежней милости и наговаривать на короля. Репнинъ писалъ Панину *): «Канцлеръ литовской симъ утромъ у меня былъ, чтобъ мнѣ сообщить дружески объ учиненномъ разрывѣ конфедерацiи, при чемъ я его благодарилъ за содѣйствiе ихъ въ ономъ и въ истребленiи множества голосовъ по матерiямъ умноженiя податей и войска. Онъ много увѣренiй дѣлалъ о преданности къ нашему двору, и что бывъ въ послѣднихъ временахъ въ нѣкоторой у насъ недовѣркѣ, лестно бы ему было и съ братомъ имѣть увѣренiе отъ вашего высокопревосходительства о возвращенiи къ нимъ покровительства и милости ея императорскаго величества, для достиженiя которой они все сдѣлали, что имъ возможно было. Канцлеръ литовскiй со мною изъяснился, что король часъ отъ часу болѣе къ нимъ недовѣрiя имѣетъ, несогласiе ихъ умножася въ семъ послѣднемъ сеймѣ, чрезъ противность, которую они ему, въ угодность къ намъ, показали, и въ чемъ король не иначе согласился, какъ по необходимости. Канцлеръ прибавилъ, что увѣряся въ согласiи хотя принужденномъ королевскомъ, нужно будетъ учредить всѣ пункты новаго союза (съ Россiею), которымъ они весьма желаютъ убавить требованiя королевскiя, коимъ онъ во многомъ лишности даетъ.»

Но всѣ эти увѣренiя въ преданности и выказыванiе услугъ не могли повести ни къ чему, благодаря роковому дѣлу о диссидентахъ. Въ другой разъ на сеймѣ всякое соглашенiе по этому дѣлу было отвергнуто съ прежнимъ ожесточе-

*) 19 ноября 1766.

ніемъ: грозились изрубить въ куски депутата Гуровскаго, начавшаго рѣчь въ пользу диссидентовъ. Репнинъ имѣлъ право доносить въ Петербургъ, что не въ силахъ Чарторыйскихъ преодолѣть фанатизмъ своихъ соіраждан; въ Петербургѣ могли этому вѣрить; но изъ этого не слѣдовало еще, что должно было принять позоръ неудачи и отказаться отъ дѣла, когда еще оставалось средство возможное и законное въ Польшѣ. Репнину уже было указано это средство: конфедерація между диссидентами, которые должны были обратиться къ Россіи съ просьбою о помощи, и, если Чарторыйскіе откажутся содѣйствовать дѣлу, поднять противную имъ партію. Панинъ непосредственно обратился къ *фамиліи* съ вопросомъ, будетъ ли она помогать диссидентскому дѣлу? Чарторыйскіе отвѣчали уклончиво. Репнинъ замѣтилъ имъ это, замѣтилъ, что мало толковать о своемъ добромъ желаніи, надобно его доказать на дѣлѣ: «Вы говорите объ опасностяхъ отъ диссидентской конфедераціи для самихъ диссидентовъ, а не указываете другихъ средствъ, которыя можно было бы употребить вмѣсто конфедераціи; опасность будетъ грозить не диссидентамъ, а тѣмъ, которые позволятъ себѣ причинить какое-нибудь насиліе диссидентамъ, потому что Россія отомститъ страшно обидчикамъ.» Репнинъ показалъ отвѣтъ Чарторыйскихъ главнымъ изъ диссидентовъ, и спросилъ: когда они будутъ готовы съ своею конфедераціей? Тѣ назначили 9 марта 1767 года. Съ другой стороны, вполнѣ предавшійся Репнину референдарій коронный Подоскій отправился въ объѣздъ по главнымъ членамъ противной *фамиліи* партіи, къ Потоцкому, Оссолинскому, Мнишку, епископамъ—Солтыку и Красинскому, испытать ихъ расположеніе, обѣщая покровительство Россіи, посредствомъ котораго они могутъ взять верхъ надъ Чарторыйскими, если только, съ своей стороны, согласятся содѣйствовать диссидентскому дѣлу.

ГЛАВА III.

Вожди диссидентовъ сдержали слово, данное Репнину. Къ назначенному сроку, въ мартѣ 1767 года, образовалась конфедерація изъ протестантовъ въ Торнѣ, маршаломъ которой былъ графъ фонъ-Гольцъ; въ то же время образовалась другая конфедерація въ Слуцкѣ подъ маршальствомъ генерала Грабовскаго: къ ней принадлежали православные Новогрудска и другихъ сосѣднихъ областей. Чтобы поднять католическую конфедерацію изъ враговъ *фамиліи*, и дать этой конфедераціи сильнаго вождя, еще въ январѣ начаты были сношенія съ изгнанникомъ, княземъ Радзивиломъ, первымъ богачемъ Литвы: ему обѣщано было позволеніе возвратиться въ отечество, съ возстановленіемъ во всѣхъ правахъ и въ прежнемъ значеніи, но подъ условіями: дѣйствовать въ интересахъ императрицы всероссійской, особенно поддерживать ея намѣренія относительно диссидентовъ, не притѣснять ихъ въ своихъ имѣніяхъ, возвратить имъ ихъ церкви, выдавать русскихъ перебѣжчиковъ, вести себя благоразумно. Послѣднее условіе было необходимо, потому что знаменитый вельможа особенно подъ веселый часъ (а эти часы случались нерѣдко), позволялъ себѣ дикія выходки. Радзивилъ былъ въ восторгѣ, и отвѣчалъ Репнину *), что, проникнутый чувствомъ самой живой признательности къ императрицѣ за предлагаемое покровительство, покорный ея ве-

*) 28 февраля 1767, изъ Дрездена.

ликодушной волѣ для блага республики и всѣхъ добрыхъ патріотовъ, провозглашаетъ и обѣщаетъ, что будетъ всегда держаться русской партіи, что приказанія, которыя угодно будетъ русскому двору дать ему, будутъ приняты всегда съ уваженіемъ и покорностію, и что онъ будетъ исполнять ихъ безъ малѣйшаго сопротивленія, прямаго или косвеннаго (déclare et promet qu'il sera toujours du parti russe, qu'il fera dépendre toutes ses démarches de la cour de Russie, et que les ordres qu'il plaira à cette cour de lui faire donner, seront toujours reçu avec respect et soumission, et qu'il les suivra sans la moindre opposition directe ou indirecte). Чтобы не оставить и тѣни сомнѣнія на счетъ его поступковъ, чтобы не дать врагамъ ни малѣйшей возможности чернить его, и въ знакъ покровительства императрицы, Радзивилъ просилъ, чтобы при немъ постоянно находился русскій чиновникъ, который бы давалъ ему непосредственно знать о намѣреніяхъ императрицы. Въ заключеніи Радзивилъ обѣщалъ содѣйствовать успѣху диссидентскаго дѣла всѣми силами и въ тѣхъ размѣрахъ, какія русскій дворъ заблагоразсудитъ дать этому дѣлу.

Съ Радзивиломъ дѣло было улажено; и относительно другихъ вельможъ, враговъ *фамиліи*, пришли благопріятныя вѣсти. Мы видѣли уже, что о составленіи католической конфедераціи хлопоталъ коронный референдарій Гавріилъ Подоскій; въ началѣ марта онъ возвратился изъ своего объѣзда, и донесъ Репнину, что видился съ епископомъ краковскимъ Солтыкомъ, съ воеводою волынскимъ, Оссолинскимъ, съ надворнымъ маршалкомъ короннымъ, съ великимъ подскарбіемъ (казначеемъ) короннымъ, съ кухмистромъ литовскимъ Вельгурскимъ, съ воеводою кіевскимъ и другими Потоцкими, которые всѣ согласны общимъ письмомъ просить покровительства императрицы, а потомъ образовать конфедерацію подъ ея протекціей и провести диссидентское дѣло по ея же-

ланію, но хотятъ прежде всего видѣться съ русскимъ посломъ. Репнинъ далъ имъ знать, чтобы пріѣзжали въ Варшаву не позднѣе 10 апрѣля новаго стиля. «Кажется сіе начало столь хорошо, сколь желать было можно, писалъ Репнинъ Панину *): однако я, бывъ уже здѣсь столько разъ каждымъ особо обманутъ, за успѣхъ отвѣчать совсѣмъ не смѣю, а стараться не упущу оный вѣрнымъ сдѣлать». Кромѣ Подоскаго, Репнинъ нашелъ себѣ еще союзника и не между Поляками: разрывъ съ Чарторыйскими, неподатливость короля въ диссидентскомъ дѣлѣ, движеніе русскихъ войскъ въ польскія владѣнія возбудили въ принцѣ Карлѣ Саксонскомъ надежду на важныя перемѣны въ Польшѣ, которыми онъ могъ воспользоваться. Агентъ Карла, Алое, получилъ отъ него приказаніе сблизиться съ Репнинымъ, и во всемъ сообразоваться съ его желаніями. Это было очень выгодно для русскаго уполномоченнаго, потому что Алое былъ въ сношеніяхъ со всею старою саксонскою партіей, съ которою теперь хотѣлъ дѣйствовать за одно противъ Чарторыйскихъ. При помощи Алое и Подоскаго Репнинъ составилъ проектъ литовской католической конфедераціи.

Что же король? Въ январѣ мѣсяцѣ, когда дѣлались приготовленія къ конфедераціямъ, Станиславъ Августъ удивилъ Репнина вопросомъ: какъ онъ думаетъ? французская актриса Клеронъ предлагаетъ ему, королю, свои услуги, и онъ хочетъ ими воспользоваться: но безпокойства нынѣшняго года не помѣшаютъ ли удовольствіямъ? Репнинъ отвѣчалъ, что удивляется, какъ его величество серіозныя дѣла мѣшаетъ съ такими мелочами. Но король продолжалъ разговоръ объ актрисѣ и кончилъ вопросомъ: «Не пойдете ли вы на насъ войною»? Репнинъ отвѣчалъ, что это зависитъ отъ нихъ, потому что война бываетъ тамъ, гдѣ есть сопротивленіе;

*) 7 марта.

кто же не сопротивляется ни прямо, ни происками у другихъ, но, видя и право и силу въ соединеніи, старается имъ удовлетворить *добрымъ манеромъ*, смотря съ терпѣніемъ на подвиги ихъ, тотъ не можетъ опасаться войны. «Мое мнѣніе то же самое, сказалъ на это король: увѣряю васъ, что не хочу ни прямо, ни стороной противиться Россіи въ случаѣ вступленія вашихъ войскъ сюда; но кромѣ этого, что̀ вы мнѣ присовѣтуете еще сдѣлать»? «Удовлетворить нашимъ требованіямъ, отвѣчалъ Репнинъ: если это удовлетвореніе будетъ соединено съ осторожнымъ и благоразумнымъ поведеніемъ, то ваше валичество непремѣнно достигнете прежней дружбы съ Россіею» *).

Случай послѣдовать совѣту Репнина скоро представился: конфедераціи торнская и слуцкая потребовали, чтобы правительство признало ихъ законность, чтобы король принялъ ихъ пословъ. Чарторыйскіе настаивали, чтобы король не соглашался на это, а между тѣмъ въ глаза увѣряли Репнина, что нетолько ничего не предпринимаютъ противъ русскихъ мѣръ, но готовы и пособлять имъ по возможности; король жа давалъ разумѣть послу, что дядья не позволяютъ ему принять конфедератовъ. Во второй половинѣ марта созванъ былъ сенатскій совѣтъ, въ которомъ читались русская и прусская деклараціи въ пользу диссидентовъ и самый актъ диссидентской конфедераціи. Засѣданіе кончилось тѣмъ, что назначили собрать генеральный сенатскій совѣтъ къ 25 мая. Король далъ знать Рѣпнину, что онъ нарочно отложилъ такъ на долго срокъ генеральнаго совѣта, чтобы дать время русскимъ войскамъ углубиться въ польскія владѣнія. Но Репнину не этого хотѣлось: онъ хотѣлъ, чтобы король прямо и открыто дѣйствовалъ въ пользу диссидентовъ **). 4 апрѣля

*) Репнинъ Панину 31 января 1767 г.

**) Рѳпнинъ Панину $\frac{\text{28 марта}}{\text{8 апрѣля}}$ 1767 г.

онъ призвалъ къ себѣ пана Огродскаго, управляющаго королевскимъ кабинетомъ, и потребовалъ немедленнаго и прямаго рѣшенія вопроса, приметъ ли король диссидентскихъ депутатовъ или нѣтъ? Посолъ кончилъ свой разговоръ съ Огродскимъ словами: «Если король и министерство не захотятъ депутатовъ съ пристойностію принять, то его величество рискнетъ лишиться дружбы нашей всемилостивѣшей государыни». Слова эти произвели немедленное дѣйствіе: Огродскій возвратился съ объявленіемъ, что «король, уважая дружбу ея императорскаго величества и всегда желая доказывать свою къ ней преданность, хотя совѣтъ его и противился, намѣренъ однакоже принять депутатовъ диссидентскихъ» *).

28 апрѣля новаго стиля былъ этотъ пріемъ. Послѣ предъявленія своихъ желаній депутаты были допущены къ королевской рукѣ, что̀ было знакомъ утвержденія законности диссидентской конфедераціи. Но уже не было тайною, что конфедерація не ограничивается предѣлами диссидентской, что готовится генеральная конфедерація, поднимаемая врагами Чарторыйскихъ и короля, что Радзивилъ будетъ ея маршаломъ. Въ маѣ мѣсяцѣ Станиславъ-Августъ обратился къ Репнину съ вопросомъ: «Правда ли, что князь Радзивилъ будетъ маршаломъ генеральной коронной (польской) конфедераціи?» — «Правда», отвѣчалъ посолъ, — «А для чего это дѣлается?» спросилъ опять король. — «Для того», отвѣчалъ Репнинъ, «что я болѣе увѣренъ въ его зависимости отъ насъ, чѣмъ въ зависимости всякаго другаго; я желаю имѣть людей послушныхъ, а не ждать изъ чужихъ рукъ исполненія моихъ собственныхъ дѣлъ, тогда какъ я уже столько разъ былъ обманутъ фальшивыми обѣщаніями». Репнинъ впрочемъ кончилъ увѣреніемъ, что поведеніе Радзивила

*) Репнинъ Панину 4 апрѣля стараго стиля 1767 г.

останется совершенно въ границахъ умѣренности. Послѣ этого откровеннаго объясненія съ королемъ, является къ Репнину Чарторыйскій, воевода русскій: «Конфедераціи начинаются, обстоятельства такія деликатныя: не знаю, какъ вести себя съ *фамиліей* и пріятелями; боюсь, чтобы по незнанію не сдѣлать чего-нибудь непріятнаго императорскому двору, которому мы такъ преданы». — Знаю силу твоихъ словъ, подумалъ Репнинъ и отвѣчалъ: «Конфедераціи эти дѣлаются противъ вредныхъ новостей, введенныхъ въ правленіе, дѣлаются противъ нарушенія древнихъ законовъ и формы правленія, согласны слѣдовательно съ полезными видами ея императорскаго величества на счетъ республики здѣшней; а сверхъ того, такъ какъ эти конфедераціи прибѣгаютъ къ покровительству ея императорскаго величества, и ручательства ея просятъ, для непоколебимаго сохраненія правъ республики и вольностей, то это высочайшее покровительство имъ и слѣдуетъ, съ утвержденіемъ, по ихъ желанію, на всѣ вѣка, формы здѣшняго правленія и преимуществъ каждаго. Но такъ какъ великодушіе и человѣколюбіе суть основаніе справедливаго поведенія ея императорскаго величества, вслѣдстіе того и не должны эти конфедераціи никого силою принуждать къ соединенію съ ними, а только тѣхъ за злодѣевъ почитать будутъ, которые противъ нихъ дѣйствовать дерзнутъ. Поэтому вы, господа, совершенно вольны пристать къ конфедераціямъ, или нѣтъ, оставаясь покойными и нейтральными зрителями». Чарторыйскій разсыпался въ благодарности, превозносилъ умѣренность русскаго правительства, нежеланіе употреблять силу, въ заключеніе предлагалъ свои услуги, сколько можетъ. Но услуги Чарторыйскаго могли теперь только затруднить Репнина: опять сближаться съ Чарторыйскими значило удалить всѣхъ новыхъ приверженцевъ,

которые потому только и перешли на русскую сторону, что Репнинъ разладилъ съ *фамиліею* *).

Репнинъ, принужденный прибѣгнуть къ такому сильному средству, какъ конфедерація, хлопоталъ однако, какъ бы предотвратить безпорядки, потрясенія, бывшія обыкновенно слѣдствіемъ конфедераціи. По старому обычаю, какъ скоро конфедерація образовывалась и получала признаніе, то вдругъ всѣ прежнія власти переставали дѣйствовать; авторитетъ всѣхъ существующихъ магистратуръ и юрисдикцій исчезалъ; все подчинялось верховной волѣ сконфедерованной шляхты; король, сенатъ, всѣ высшіе чиновники и суды должны были отдавать ей отчетъ. Репнинъ не хотѣлъ на это согласиться: «Понеже напрасно бъ я короля тѣмъ оскорбилъ, ибо по нашимъ видамъ оное не нужно, а только бъ дало болѣе власти конфедераціи, отмщевая прежнія дѣла по внутреннимъ судамъ, несправедливости дѣлать. Сверхъ того, запретивъ всѣ юрисдикціи, запретили бъ чрезъ то и коммиссіи скарбовую и военную, а ихъ поправка хотя точно нужна, но совершенное испровержевіе мнѣ кажется не авантажно; и тако держусь сколь возможно и противлюсь сему закрытію юрисдикцій, а межъ тѣмъ пользуюсь симъ же, *угодность и пріятство тѣмъ дѣлаю королю*, котораго для переду въ преданности я хочу соблюсть къ нашему двору, находя за полезное, *чтобы не всегда здѣсь съ употребленіемъ силы все дѣлать.* Сверхъ же того долженъ я и въ томъ по справедливости признаться, что его величество, не входя явнымъ образомъ въ содѣйствованіе съ нами, противностей однакоже никакихъ не дѣлаетъ, и хотя съ оскорбленіемъ иногда и съ натуральною просьбой, чтобы друзей его сберегали, но все почти по внутреннимъ здѣсь моимъ мѣрамъ къ исполненію допускаетъ

*) Репнинъ Панину $^{16}/_{27}$ мая 1767 г.

и удерживаетъ преданныхъ себѣ отъ безразсудной горячности» *).

Дѣйствительно король допускалъ все по внутреннимъ мѣрамъ русскаго посла: смертію примаса, князя Лубенскаго, очистилось первое духовное мѣсто въ королевствѣ, архіепископство гнезенское, и король согласился на желаніе Репнина возвести Подоскаго на это мѣсто. Репнинъ былъ очень доволенъ: «Возвышеніе Подоскаго въ примасы великое пріумноженіе нашей инфлюенціи здѣсь сдѣлаетъ (писалъ онъ въ Петербургъ **). Онъ (Подоскій) открытымъ образомъ мнѣ преданъ былъ и какъ бы секретарь мой во всѣхъ настоящихъ обстоятельствахъ работалъ; черезъ его же возвышеніе увидитъ нація вся, коль мы великолѣпно награждаемъ тѣхъ, которые намъ прямо и усердно служатъ. Увидитъ она, что можно совершенно полную довѣренность имѣть къ покровительству нашего высочайшаго двора, когда въ самое сочиненіе столь оскорбительной королю конфедераціи, не могъ онъ отказать первый чинъ въ государствѣ тому точно, который въ угодность Россіи главнымъ и начальнымъ работникомъ въ томъ былъ».

Между тѣмъ, къ началу іюня 1767 года, въ Литвѣ образовалось уже 24 конфедераціи, маршалами которыхъ повсюду выбраны были друзья Радзивила, а самъ онъ былъ выбранъ маршаломъ подляшской конфедераціи. Въ Польшѣ и Литвѣ конфедерація считала подъ своими знаменами до 80,000 шляхты. 3-го іюня Радзивилъ, окруженный толпами шляхты, имѣлъ торжественный въѣздъ въ Вильну, а черезъ три недѣли послѣ этого провозглашенъ былъ генеральнымъ маршаломъ соединенной польско-литовской конфедераціи, собравшейся въ Радомѣ (въ 15 миляхъ отъ Вар-

*) Репнинъ Панину 31 мая (11 іюня).

**) 14 (25) іюня 1767 г.

шавы). Но Репнинъ тотчасъ же увидалъ, что этимъ дѣло не кончается, а только начинается. Репнинъ поднялъ генеральную конфедерацію, чтобы покончить диссидентское дѣло: не хотѣли кончать его король и Чарторыйскіе, пусть покончатъ враги ихъ. Но конфедераты откликнулись на приглашеніе русскаго посла, имѣя въ виду свергнуть короля и сдѣлать съ Чарторыйскими то же, что̀ тѣ сдѣлали съ ними во время своего торжества. Начальные люди конфедераціи къ диссидентскому дѣлу были равнодушны, а толпа была одушевлена тою же нетерпимостію какъ и прежде; слѣдовательно опять Репнинъ, чтобы преодолѣть это тупое сопротивленіе, долженъ былъ прибѣгать къ крайнимъ средствамъ, къ военной силѣ. Рядомъ съ предложеніемъ о правахъ диссидентовъ шло предложеніе о томъ, чтобы все постановленное на будущемъ сеймѣ было гарантировано Россіей. Въ Радомѣ предложенія прошли, и то вслѣдствіе присутствія русскихъ войскъ; но въ провинціяхъ шляхта волновалась, — а что̀ будетъ на сеймѣ? Краковскій епископъ Солтыкъ сталъ въ челѣ религіознаго движенія: пятнадцать секретарей день и ночь писали его пастырскія посланія. «Любезнѣйшіе сыны, пастырству нашему порученные!» гласили посланія: «упражняйтесь во всякаго рода добрыхъ дѣлахъ, взывайте съ сокрушеніемъ духа къ трону милосердія, чтобы ниспослалъ Духа Святаго на сеймъ для утвержденія вѣры св. католической, для мужественнаго отпора претензіямъ диссидентовъ, для сохраненія кардинальныхъ правъ вольности. Чтобы во все продолженіе сейма во всѣхъ косцёлахъ ежедневно происходило молебствіе предъ св. тайнами, съ пѣніемъ: Святый Боже!» Въ этомъ посланіи Солтыкъ является передъ нами какъ епископъ католическій; но въ письмѣ къ одному изъ пріятелей своихъ, Віельгурскому, онъ является какъ политикъ: «Императрица, пишетъ онъ, домогается двухъ вещей: генеральнаго поручительства и

возстановленія диссидентовъ. Гарантировалъ король польскій курляндскія вольности, утвердилъ привилегіи земель прусскихъ, а черезъ это обѣ націи привлечены были въ зависимость отъ республики. Главное средство отбиться отъ гарантіи, это поднять вопросъ, что Турція не позволитъ. Что касается до диссидентовъ, то покой націи зависитъ отъ того, чтобы диссиденты, а именно не уніаты, не были ни въ сенатѣ, ни въ министерствѣ; довольно будетъ припомнить, что въ Россіи есть тридцать фамилій, которыя ведутъ родъ свой изъ Польши, а раздача достоинствъ въ Польшѣ находится во власти императрицы русской: такъ хорошо ли будетъ, когда сенатъ московскій перенесенъ будетъ въ Польшу, а насъ передвинутъ въ Сибирь. Главная политика польскихъ недовольныхъ должна состоять въ продленіи сейма для того: 1) чтобы конфедерація пришла въ совершенство; 2) чтобъ иностраннымъ дворамъ дать время къ негоціаціи; 3) чтобъ электоръ (саксонскій) пришелъ въ совершеннолѣтіе; 4) чтобы лучше изъясниться съ дворомъ петербургскимъ чрезъ нашихъ посланниковъ, а не чрезъ того деспота (Репнина); 5) для слабости короля прусскаго: еслибы умеръ, то что̀ бы помѣшало саксонскому войску войдти въ Польшу?»

Для бо́льшаго восспламененія умовъ, въ Польшѣ явилось циркулярное письмо къ епископамъ папы Климента XIII противъ правъ диссидентскихъ: на копіи письма, пересланной Репнинымъ въ Петербургъ, отмѣчено тою же рукою, которая писала Наказъ: «Куда папа гораздъ сказки сказывать!» Но что̀ были сказки въ Петербургѣ, тому съ благоговѣніемъ внимали въ Польшѣ. «Я не могу довольно изобразить, писалъ Репнинъ, сколь заражена здѣшняя нація суевѣріемъ и фанатизмомъ закона, и думаю, что не могло то въ сильнѣйшемъ градусѣ быть и во время самыхъ кроазадовъ.» *) Но кромѣ

*) Репнинъ Панину 5 (16) августа.

фанатизма толпы, Репнина приводило въ отчаяніе двоедушіе людей руководившихъ толпою: посолъ видѣлъ, что и прежній вѣрный секретарь его, новый примасъ Подоскій, стакнулся съ Солтыкомъ, съ Красинскимъ (епископомъ каменецкимъ), маршаломъ Мнишкомъ, Потоцкимъ (воеводою кіевскимъ) и подскарбіемъ Весселемъ; но, дѣйствуя заодно, эти люди пріѣзжали къ Репнину, и Богъ знаетъ что̀ наговаривали другъ на друга. «Изволите видѣть, писалъ Репнинъ, съ сколь честными людьми я дѣло имѣю, и сколь пріятны должны быть мои обороты и поведеніе; истинно боюсь, чтобы самому, въ семъ ремеслѣ съ ними обращаясь, мошенникомъ наконецъ не сдѣлаться.» Но главнымъ мучителемъ посла былъ все тотъ же Солтыкъ: «Истинно я ему отъ себя бъ что̀ ни есть подарилъ, чтобъ онъ отсель куда-нибудь провалился: надоѣлъ ужь мнѣ смертельно,» писалъ Репнинъ. Однажды пріѣзжаютъ къ нему два прелата, Подоскій и Солтыкъ, и начинаютъ жаловаться на насиліе русскихъ войскъ во время сеймиковъ, на арестъ шляхтича Чацкаго, сдѣланный по приказанію Репнина: «Если мы, говоритъ Солтыкъ, не можемъ сносить деспотизма собственнаго короля, то тѣмъ менѣе можемъ сносить деспотизмъ иностранной государыни, которая къ тому же еще объявляетъ, что поддерживаетъ нашу свободу.» Репнинъ отвѣчалъ ему прямо: «Если вы такъ смотрите на дѣло, то объявите войну императрицѣ и ея войскамъ, собирайте для этого собственныя войска.»—«У меня никогда не было въ головѣ столь страшныхъ и безумныхъ идей, сказалъ на это Солтыкъ: я не хочу даже воевать съ посланникомъ императрицы, желаю только для себя и для націи пользоваться высокимъ покровительствомъ императрицы, дружбою и благосклонностію ея посланника.» Во время этого разговора Подоскій сидѣлъ не открывая рта. *)

---

*) Репнинъ Панину 30 августа (10 сентября).

Приближалось время сейма: «Если хотимъ мы успѣха въ диссидентскомъ дѣлѣ на будущемъ сеймѣ, писалъ Репнинъ, то необходимо надобно будетъ епископа краковскаго и подобныхъ фанатиковъ забрать подъ караулъ, а инакъ съ ними никакимъ образомъ не совладѣемъ.» Получивъ на это позволеніе изъ Петербурга, посолъ отвѣчалъ Панину: «Имѣю чсстъ отвѣчать съ увѣреніемъ наикрѣпчайшимъ, что безъ самой крайней необходимости конечно пользоваться не буду позволеніемъ употреблять мѣры силы противъ здѣшнихъ противниковъ, но признаюсь, что весьма боюсь, чтобы къ тому не былъ принужденъ *). Страхъ былъ не напрасный: Солтыкъ разослалъ по сеймикамъ письма, въ которыхъ объявлялъ, что и на будущемъ сеймѣ будетъ поступать въ диссидентскомъ дѣлѣ точно также, какъ и на прошедшихъ; то же самое говорилъ всѣмъ въ Варшавѣ. Репнинъ поручилъ Подоскому поговорить дружески Солтыку, чтобъ онъ остерегался, что терпѣнію бываетъ конецъ, что передъ россійскою императрицею онъ не важный господинъ, что его могутъ взять и не выпустить. «Не стану молчать, когда интересъ религіи потребуетъ моей защиты,» отвѣчалъ Солтыкъ. «Сокрушаетъ онъ меня своимъ непреодолимымъ упорствомъ противъ диссидентскаго дѣла, писалъ Репнинъ: я уже ему стороной внушалъ, чтобъ онъ на сеймъ не ѣздилъ, коль не хочетъ участвовать диссидентскому возстановленію и коль не можетъ воздержаться, чтобы противъ нихъ не говорить, но и на то не соглашается» **). Наконецъ Солтыкъ далъ знать Репнину, что желаетъ войдти съ нимъ въ соглашеніе, ручаясь за всѣхъ епископовъ и за всю свою партію. Репнинъ отвѣчалъ, что въ формальное трактованіе онъ можетъ войдти только съ тѣми, кто по своему чину въ республикѣ имѣетъ на то право; епископъ же краковскій и всѣ

*) Репнинъ Панину 6 (17) сентября.

**) Репнинъ Панину 30 августа (10 сентября)

епископы вмѣстѣ этого права не имѣютъ; если же онъ хочетъ по пріятельски договориться, то пусть пріѣзжаетъ самъ безо всякихъ церемоній; но прежде всего надобно согласиться въ самомъ главномъ, а именно чтобы диссиденты были уравнены въ правахъ съ католиками, безъ чего ни въ какіе договоры вступать нельзя. Въ отвѣтъ на это, Солтыкъ началъ разглашать, что скорѣе тѣло свое на разсѣченіе дастъ, скорѣе умретъ со всѣми своими пріятелями, чѣмъ позволитъ на уравненіе диссидентовъ съ католиками. Желая показать, что готовъ подвергнуться той участи, какою грозилъ ему Репнинъ, онъ сталъ готовить подарки для тѣхъ, которые придутъ брать его подъ стражу, такъ что, по словамъ Репнина, комната его стала похожа на нюренбергскую лавку. Но мученичество, какъ видно, не очень нравилось краковскому епископу, и онъ далъ знать Репнину, что берется уговорить всѣхъ ревностныхъ католиковъ дать удовлетвореніе диссидентамъ, если русскій посолъ позволитъ ему продолжать прежнее поведеніе для сохраненія кредита въ своей партіи. Репнинъ отвѣчалъ ему черезъ Подоскаго, что никакъ не можетъ на это согласиться: или епископъ не понимаетъ, что такое поведеніе можетъ причинить только вредъ дѣлу, а не пользу, что̀ не дѣлаетъ чести его головѣ; или онъ хитритъ, чтобъ испортивъ дѣло, послѣ вывернуться и всю вину сложить на другихъ, выставляя на видъ, что внутренно согласенъ былъ съ нимъ, посломъ. «Я прошу епископа,» продолжалъ Репнинъ, «чтобъ онъ и словами и поступками, прямодушно и явно, дѣйствовалъ въ пользу совершеннаго равенства диссидентовъ съ католиками.» *)

Между тѣмъ король понималъ, что только тотъ можетъ утишить бурю, кто ее поднялъ, понималъ, что только Репнинъ можетъ защитить его отъ враговъ, и отдался въ пол-

*) Репнинъ Панину 12 (23) сентября.

ное распоряженіе русскаго посла: «Король,» писалъ Репнинъ, «со мною разговоръ имѣлъ, въ которомъ неоднократно съ клятвами обѣщалъ именно сими терминами, что хотя бы всѣ струны лопнули, хотя бы всѣ наши партизаны отъ насъ отстали, хотя бы наконецъ одинъ онъ остался, но непремѣнно и непоколебимо насъ держаться станетъ, и безъ изъятія все то дѣлать будетъ, что̀ я потребую для успѣха диссидентовъ и желанныхъ нами дѣлъ, то есть и ручательства» *). Но надобно было условиться съ королемъ, чего-же именно требовать для диссидентовъ, какъ разумѣть уравненіе правъ?

Подчиняя все политическимъ разсчетамъ, Панинъ прямо писалъ Репнину, что русское правительство, стараясь о диссидентскомъ дѣлѣ, вовсе не должно имѣть въ виду распространенія въ Польшѣ православія и протестантизма въ ущербъ католицизму. Самое видное право, которое всего лучше свидѣтельствовало объ уравненіи православныхъ съ католиками, состояло въ томъ, чтобы православные архіереи могли присутствовать въ сенатѣ наравнѣ съ католическими, право, которое еще въ XVII вѣкѣ было уступаемо православнымъ на бумагѣ; но на дѣлѣ католики никогда не могли рѣшиться пустить православнаго архіерея въ сенатъ. Теперь православные требовали, чтобъ епископъ бѣлорусскій получилъ мѣсто въ сенатѣ; но король требовалъ, чтобы вмѣстѣ съ православнымъ епископомъ вошли въ сенатъ и два уніатскіе. Россія требовала уравненія правъ не для однихъ православныхъ, но для всѣхъ диссидентовъ, дѣйствовала тутъ не одна, но вмѣстѣ съ другими державами протестантскими, слѣдовательно исключительности быть не могло. Но Панинъ взглянулъ на дѣло и съ другой стороны: «хотя,» писалъ онъ, «помѣщеніе въ сенатѣ

*) Репнинъ Панину 30 августа (10 сентября).

двухъ епископовъ уніатскихъ и согласуетъ отчасти въ существѣ своемъ съ вышеположеннымъ главнымъ правиломъ (чтобы не имѣть въ виду распространенія другихъ вѣроисповѣданій въ ущербъ католицизму), однакоже въ разсужденіи настоящаго, совсѣмъ разнствующаго случая было бы весьма *прикро* для славы ея императорскаго величества. Не можетъ ли такое уніатскихъ епископовъ помѣщеніе показаться свѣту какъ бы нарочно сдѣланное въ досаду ея величества, когда напротивъ самое состояніе дѣлъ требуетъ, чтобъ всѣ ея желанія исполнены были.»—На второе и третье требованіе короля, чтобы королемъ могъ быть только католикъ и чтобы католическая религія была признана господствующею, Панинъ изъявлялъ согласіе; но не соглашался на четвертое объ опредѣленіи наказанія отступникамъ отъ господствующей религіи. Панина затрудняло то, что издавна позволено было уніатамъ переходить въ православіе, и потому надобно, писалъ онъ, «сохранить предъ глазами публики непорочность нашихъ намѣреній, касающихся до нашей собственной вѣры.» На пятое королевское требованіе, чтобы необходимое число диссидентовъ въ сенатѣ и сеймѣ было съ точностію опредѣлено, Панинъ соглашался; требованіе это онъ даже считалъ для себя желательнымъ, потому что безъ точнаго опредѣленія числа, королю католику и шляхтѣ католической, составляющей огромное большинство, легко будетъ вовсе удалять диссидентовъ; но Панинъ не хотѣлъ согласиться на шестое требованіе, чтобы четыре епархіи, отступившія въ унію, оставлены были въ настоящемъ ихъ состояніи не тронутыми. «Требованіе это,» писалъ онъ, «будучи само по себѣ согласно съ главнымъ нашимъ правиломъ, не повстрѣчало бы конечно съ нашей стороны препятствія; но какъ всякое о сихъ епархіяхъ упоминовеніе можетъ подлежать неудобству, выше сего описанному, то дабы въ разсужденіи ихъ не навести

себѣ и королю польскому новыхъ и напрасныхъ хлопотъ, всего лучше будетъ оставить ихъ со всею уніею какъ на сеймѣ, такъ и въ будущемъ трактатѣ въ полномъ и неприкосновенномъ молчаніи, яко такую секту, которая ни съ тѣмъ, ни съ другимъ закономъ прямо соединенною считаться не можетъ» *).

Эти рѣшенія Панина не остались безъ сильныхъ возраженій со стороны Репнина. «Если воспрепятствовать введенію уніатскихъ епископовъ въ сенатъ, то это будетъ значить, что мы требуемъ уже не равенства, а преимуществъ; давая православнымъ больше правъ, побуждаемъ уніатовъ переходить въ православіе: какъ же не будемъ имѣть въ виду распространеніе нашей вѣры? Правда, что по закону 1635 года позволено было свободно переходить изъ уніи въ православіе и наоборотъ, но о католикахъ нигдѣ не упоминается, а есть найстрожайшіе законы, которые запрещаютъ отступать отъ католической религіи: какимъ же образомъ будетъ успокоить сумасбродство и фанатизмъ, представляющій себѣ, что мы хотимъ совсѣмъ другое исповѣданіе здѣсь ввести и ихъ всѣхъ отъ католической религіи отвратить, когда не позволимъ возобновить этихъ законовъ? Нельзя опредѣлять необходимое число диссидентскихъ депутатовъ на сеймѣ, потому что нѣсколько сеймиковъ въ разныхъ мѣстахъ можетъ разорваться, но это не мѣшаетъ собираться сейму, хотя въ немъ и не будетъ депутатовъ съ разорванныхъ сеймиковъ; теперь можетъ случиться, что сеймики разорвутся именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя должны будутъ присылать диссидентскихъ депутатовъ, то неужели сеймъ не будетъ имѣть права собираться вслѣдствіе отсутствія диссидентскихъ депутатовъ, когда онъ собирается при отсутствіи католическихъ? развѣ мы можемъ

*) Панинъ Репнину 14 августа 1767 г.

этого требовать? Въ сенатѣ можетъ быть допущено опредѣленное число диссидентскихъ членовъ, но, разумѣется, отсутствіе кого-нибудь изъ нихъ по болѣзни или другой какой-нибудь причинѣ не можетъ уничтожить сенатскихъ совѣтовъ. Чтобъ оставить въ молчаніи четыре отпадшія на унію наши епархіи, стараться я стану; но если сумасбродство и фанатизмъ представляютъ себѣ, что мы хотимъ увеличить здѣсь число своихъ исповѣдниковъ, чѣмъ же то успокоить?» *) Сами диссиденты усильно просили, чтобы не вводить ихъ въ правительство опредѣленнымъ числомъ: слишкомъ полуторавѣковое гоненіе, испытанное ими отъ господствующей религіи, истребило между ними знатную шляхту, и потому у нихъ не было достаточнаго числа кандидатовъ на высшія мѣста. Самое назначеніе епископа бѣлорусскаго въ сенатъ встрѣчало затрудненіе: какъ сенатору, ему слѣдовало быть шляхетскаго происхожденія. Конискій думалъ, что въ Малороссіи есть монахи изъ польской шляхты, и Репнинъ просилъ Панина освѣдомиться объ этомъ, и дать знать, если найдутся люди, соединяющіе съ шляхетскимъ происхожденіемъ личныя качества достойныя сенаторскаго званія **).

Но въ то время какъ Репнинъ думалъ еще о возможности утушить фанатизмъ, сохраняя уваженіе къ законамъ страны, не касаясь правъ господствующей религіи, Солтыкъ съ товарищами вели дѣло къ другой развязкѣ. Получивъ возможность сконфедероваться благодаря Россіи, съ помощію русскаго войска, теперь, чтобъ отвергнуть русскія требованія, они, разумѣется, прежде всего должны были требовать удаленія этого войска. «Сейма нельзя держать при иностранныхъ войскахъ!» кричали они. Чтобы заглушить эти крики, король и маршалы конфедерацій согласи-

*) Репнинъ Панину 6 (17) сентября.
**) Репнинъ Панину 21 сентября (2 октября).

лись съ Репнинымъ, чтобы конфедерація декретомъ своимъ объявила русскія войска дружескими и помогающими вольности народной; потомъ, для избѣжанія противорѣчія и *шумовъ,* конфедерація должна была объявить, что всѣ присяги, принесенныя на сеймикахъ земскими послами въ противность смысла акта конфедераціи и въ противность точныхъ правъ, уничтожаются. Но конфедераты отвергли оба декрета, несмотря на все стараніе обоихъ генеральныхъ маршаловъ, и главнымъ дѣятелемъ въ этомъ случаѣ явился незначительный шляхтичъ Кожуховскій, креатура маршала Мнишка. Репнинъ велѣлъ взять Кожуховскаго подъ арестъ, и потомъ скоро выпустилъ; но уже кратковременнаго ареста было достаточно, чтобы сдѣлать Кожуховскаго мученикомъ вѣры: папскій нунцій отправился къ нему съ визитомъ, за нунціемъ Поляки толпами. Тогда Репнинъ отослалъ Кожуховскаго въ его деревню подъ карауломъ *).

23 сентября долженъ былъ начаться сеймъ. Въ этотъ день, когда послы съѣхались у князя Радзивила, чтобъ оттуда вмѣстѣ отправиться на первое засѣданіе, пріѣзжаетъ нунцій и начинаетъ говорить, что вѣра погибаетъ, что ихъ долгъ защищать ее до послѣдней капли крови, а не допускать до уравненія съ прочими религіями; именемъ папскимъ объявилъ онъ, чтобы никакъ не соглашались на назначеніе отъ республики делегатовъ съ полною мочью для переговоровъ съ русскимъ посломъ, ибо слѣдствіемъ будетъ необходимо гибель вѣры. Собраніе было сильно наэлектризовано: послышались со всѣхъ сторонъ рыданія, клятвы, что готовы погибнуть за вѣру, что мученическая смерть будетъ имъ пріятна. Въ самый разгаръ этихъ сценъ вдругъ является въ собраніе Репнинъ. Нѣсколько умѣренныхъ депутатовъ выбѣжало къ нему навстрѣчу съ увѣщаніями, чтобъ возвратился, иначе они ни за что̀ не отвѣчаютъ;

---

*) Репнинъ Панину 21 сентября (2 октября).

но Репнинъ не принялъ ихъ совѣтовъ и вошелъ прямо въ середину толпы, которая встрѣтила его крикомъ, что всѣ готовы умереть за вѣру. «Перестаньте кричать!» сказалъ громко Репнинъ: «а будете продолжать шумѣть, то и я съ своей стороны шумъ заведу, и мой шумъ будетъ сильнѣе вашего.» Тутъ оправились и маршалы конфедерацій, стали уговаривать депутатовъ перестать кричать. Когда водворилась тишина, Репнинъ началъ: «Я пріѣхалъ только съ визитомъ къ князю Радзивилу, а не трактовать съ вами, потому что никто изъ васъ этой чести имѣть не можетъ, не будучи уполномоченъ отъ республики; но частнымъ образомъ, по-пріятельски, скажу вамъ, что удивляюсь и сожалѣю, видя васъ въ такомъ возмутительномъ состояніи; вы позабыли, сколько имѣете доказательствъ доброжелательства ея императорскаго величества, позабыли, что только подъ ея покровительствомъ могли вы сконфедероваться для сохраненія своей вольности и правъ.»—Тутъ рѣчь Репнина была прервана крикомъ: «Мы соединились также и для сохраненія закона католическаго!» Въ другой разъ объявилъ Репнинъ, чтобы перестали шумѣть, иначе самъ шумѣть станетъ, и когда крики утихли, продолжалъ: «Никто не отнимаетъ у васъ права имѣть ревность къ своему закону, эта ревность конечно похвальна; но развѣ кто хочетъ нарушать права римскаго вѣроисповѣданія? Если вы подлинно вѣрны своему закону, то должны исполнять его справедливыя предписанія, чтобы никому въ вѣрѣ принужденія не дѣлать, быть непоколебимыми въ сохраненіи своихъ обязательствъ и въ отданіи справедливости каждому. Если хотите жить въ добромъ сосѣдствѣ съ Россіей и пользоваться покровительствомъ ея императорскаго величества, то соблюдайте договоры.» Отвѣта на эту рѣчь не было; но раздались крики: «Освободить Кожуховскаго!» — «Если станете кричать,» отвѣчалъ Репнинъ, «ничего не сдѣлаю; крикомъ у

меня ничего не возьмете; просите тихимъ, учтивымъ, порядочнымъ образомъ, и тогда, можетъ быть, сдѣлаю вамъ удовольствіе.» Подошелъ Радзивилъ и сталъ просить учтиво о Кожуховскомъ; Репнинъ обѣщалъ и немедленно исполнилъ обѣщаніе.

Теперь надобно было хлопотать, чтобы на сеймѣ тѣмъ или другимъ образомъ началось дѣло о диссидентахъ. Репнину хотѣлось, чтобы сеймъ прислалъ къ нему делегатовъ спросить, чего ея императорское величество желаетъ для диссидентовъ? Еслибы противники воспрепятствовали этому, то не оставалось другаго средства, какъ послать на сеймъ для прочтенія меморіалъ и просить рѣшительнаго отвѣта. Во всякомъ случаѣ Репнинъ хотѣлъ дѣйствовать сообща со всѣми иностранными министрами, поддерживавшими вмѣстѣ съ Россіею диссидентское дѣло. Главнымъ между ними былъ прусскій министръ Бенуа, но Репнину дали знать, что Бенуа подъ рукою препятствуетъ успѣху диссидентскаго дѣла, увѣряя, что Русскіе только грозятъ, а никогда угрозъ своихъ не исполнятъ, да и король прусскій не выдастъ Поляковъ; особенно Бенуа хлопоталъ, чтобы не была принята русская гарантія. Также подъ рукою, тихо, но усердно работали противъ гарантіи Чарторыйскіе, видаясь по ночамъ съ краковскимъ епископомъ. Со стороны Чарторыйскихъ особенно сильно дѣйствовалъ противъ Россіи князь Любомирскій, великій маршалокъ коронный, но также подъ рукою. Зная расположеніе къ Россіи князя Адама Чарторыйскаго, старики дядья запретили ему подъ проклятіемъ и лишеніемъ наслѣдства быть делегатомъ для трактованія съ Репнинымъ о диссидентскомъ дѣлѣ. Репнинъ имѣлъ по этому случаю разговоръ съ княземъ Адамомъ, уговаривалъ его быть делегатомъ, представляя, какія вредныя слѣдствія могутъ произойдти отъ ихъ упорства. Чарторыйскій отвѣчалъ, что чувствуетъ всю правду словъ Репнина, но согласиться на

его требованіе не можетъ. Репнинъ видѣлъ, что бѣдный Адамъ говорилъ отъ искренняго сердца, потому что навзрыдъ плакалъ.

Между тѣмъ, благодаря стараніямъ Солтыка съ товарищами, умы всѣхъ депутатовъ были такъ настроены, что нечего было ожидать согласія на начатіе переговоровъ съ Репнинымъ относительно диссидентскаго дѣла и гарантіи. Сеймовое засѣданіе 1 (12) октября началось рѣчью епископа кіевскаго, который въ своихъ выходкахъ противъ диссидентовъ дошелъ до того, что вольность, утвержденную закономъ называлъ дьявольскою, а не вольностію правовѣрныхъ; потомъ началъ протестовать противъ ареста Кожуховскаго, и обратясь къ королю, требовалъ, чтобы тотъ не на словахъ только, а на дѣлѣ показалъ свое правовѣріе. Король отвѣчалъ, что кромѣ усердія къ вѣрѣ католической онъ обязанъ еще имѣть попеченіе о благополучіи отечества; напомнилъ объ обязательствахъ, въ которыя сама нація вступила чрезъ конфедерацію и посольство, отправленное къ императрицѣ, указалъ на вредъ, который произойдетъ, если этихъ обязательствъ не исполнить, и въ заключеніе потребовалъ, чтобъ прочтенъ былъ приговоръ конфедераціи. Когда приговоръ былъ прочтенъ, то начался страшный шумъ; со всѣхъ сторонъ крики: «Кто подписалъ грамоту?» На это отвѣчалъ секретарь конфедераціи, что подписали маршалы по приговору соединенной генеральной конфедерціи. Тутъ поднялся Солтыкъ: «Вся конфедерація и сочинявшіе ее совѣтники отроду кредитныхъ грамотъ не читывали, и вѣрно грамотѣ не умѣютъ, если такую грамоту подписали; впрочемъ, продолжалъ онъ, я этому не удивляюсь, потому что конфедерація принуждена была къ этому силою отъ абсолютной державы; но мы теперь можемъ и должны все ею сдѣланное ко вреду Польши ниспровергнуть, въ томъ числѣ и эту грамоту, какъ противную религіи и вольности; вольность наша нару-

шена совершенно взятіемъ Чацкаго и Кожуховскаго; надобно послать къ русскому послу делегатовъ отъ сейма съ требованіемъ письменнаго отвѣта, по чьему повелѣнію онъ такъ поступалъ и имѣлъ ли на то инструкцію? Прежде полученія отвѣта отъ Репнина и прежде освобожденія Чацкаго не позволяю ничего ни дѣлать, ни говорить на сеймѣ. Согласны ли всѣ на это?» Большая часть пословъ закричали: «согласны!» Опять король началъ тихую рѣчь: «Сами не знаете, чего хотите: такая делегація оскорбитъ достоинство самой императрицы; вмѣсто всего этого надобно прилежно разсмотрѣть поданный при началѣ сейма княземъ Радзивиломъ проектъ, сличить его съ основаніемъ, то есть съ актомъ конфедераціи, и съ грамотою, отправленною къ ея императорскому величеству; для этого даю я времени до 16 числа этого мѣсяца.» Засѣданіе кончилось.

Узнавши эти подробности, Репнинъ почелъ необходимымъ покончить съ Солтыкомъ Во вторникъ $^2/_{13}$ числа у краковскаго епископа собралось провинціяльное засѣданіе Малой Польши. Тутъ хозяинъ говорилъ еще сильнѣе чѣмъ на сеймѣ противъ диссидентовъ и гарантіи, и объявилъ, что сейма нельзя продолжать долѣе какъ два дня, будущую пятницу и субботу, потому что обыкновенный двухнедѣльный срокъ для чрезвычайныхъ сеймовъ этими двумя днями закончится. Еще сильнѣе Солтыка говорилъ воевода краковскій, Венцеславъ Ржевускій, за нимъ архіепископъ львовскій, и епископъ кіевскій Залускій. Вся провинція была согласна съ ними, исключая одного маркиза Веліопольскаго, краковскаго земскаго посла, который тщетно противился этимъ рѣшеніямъ: никто его не слушалъ. Князь Чарторыйскій, воевода русскій, бывъ въ засѣданіи, прямо противился гарантіи, о диссидентахъ же и продолженіи сейма говорилъ межъ зубовъ.

Когда засѣданіе кончилось и всѣ разъѣхались, Солтыкъ поѣхалъ ужинать къ маршалу Мнишку; узнавъ здѣсь, что команда, отправленная Репнинымъ, уже дожидается его на возвратномъ пути, онъ расположился ночевать у Мнишка; тогда полковникъ Игельстромъ вошелъ въ домъ къ Мнишку и арестовалъ Солтыка, оттуда отправился къ Залускому, захватилъ его, а между тѣмъ подполковникъ Штакельбергъ забралъ Ржевускаго, и сына его, Северина, старосту Долинскаго. Всѣ захваченные отправлены были съ достаточнымъ конвоемъ въ Вильну, къ генералъ-поручику Нумерсу, которому приказано было содержать ихъ съ довольствомъ и не оскорблять ничѣмъ *). На третій день послѣ арестовъ явились къ Репнину делегаты, по одному сенатору изъ каждой провинціи, съ просьбою, чтобъ арестованнымъ была возвращена свобода, и чтобъ остальные депутаты получили ручательство за свою безопасность. «Арестованныхъ не выпущу,» отвѣчалъ Репнинъ, «потому что они заслужили свою участь; я не отдаю ни кому отчета въ моихъ поступкахъ, кромѣ одной моей государыни, и если хотите, можете обратиться прямо къ ней съ своею просьбой. По всемилостивѣйшему обѣщанію ея императорскаго величества, преимущества и безопасность каждаго члена республики будутъ свято соблюдаемы, если вы, въ свою очередь, будете свято сохранять свои обязательства, заключающіяся въ послѣднихъ актахъ конфедераціи и въ грамотѣ, отправленной къ ея императорскому величеству съ посольствомъ всей сконфедерованной республики, если земскіе послы поступать будутъ въ силу данныхъ имъ отъ сеймиковъ инструкцій.»

Все успокоилось. Назначена была коммиссія для окончательнаго рѣшенія диссидентскаго дѣла, и 19 ноября постановила слѣдующее: всѣ диссиденты шляхетскаго происхожденія уравниваются съ католическою шляхтой во всѣхъ по-

*) Репнинъ Панину $^{4}/_{15}$ октября.

литическихъ правахъ; но королемъ можетъ быть только католикъ, и религія католическая остается господствующею. Бракъ между католиками и диссидентами дозволяется; изъ дѣтей, рожденныхъ отъ этихъ браковъ, сыновья остаются въ религіи отца, дочери въ религіи матери, если только въ брачномъ договорѣ не будетъ на этотъ счетъ особенныхъ условій. Всѣ церковныя распри между католиками и диссидентами рѣшаются смѣшаннымъ судомъ, состоящимъ на половину изъ католиковъ и на половину изъ диссидентовъ. Диссиденты могутъ строить новыя церкви и заводить школы; они имѣютъ свои консисторіи и созываютъ синоды для дѣлъ церковныхъ; всякій и не принадлежащій къ католическому исповѣданію можетъ пріобрѣтать индигенатъ въ Польшѣ.

Между тѣмъ Репнинъ, котораго обыкновенно представляютъ тираномъ короля Станислава, старался разсѣять то впечатлѣніе, какое было произведено въ Петербургѣ врагами Понятовскаго, членами посольства, отправленнаго къ императрицѣ конфедераціею, Віельгорскимъ съ товарищами. Онъ старался выставить услуги, оказанныя королемъ Россіи въ послѣднее время, старался показать, что нѣтъ никакой нужды приносить Станислава-Августа въ жертву врагамъ его, которые вовсе несильны и что конфедерація не имѣетъ той важности, какую ей приписываютъ ея посланники въ Петербургѣ; стоитъ только удовлетворить троихъ или четверыхъ вождей, и все успокоится. Репнинъ представлялъ, что интересы императрицы требуютъ *уважать* короля, доказать ему, что съ ея дружбою тѣсно соединено его благополучіе, пріобрѣсть его полную довѣренность и прямую привязанность; приверженный къ Россіи король не будетъ отказывать ея посланнику въ просьбахъ о награжденіи людей преданныхъ Россіи, и такимъ образомъ легко будетъ составить себѣ сильную партію. Но какъ привязать

къ себѣ короля, какъ составить себѣ партію изъ лучшихъ, достойнѣйшихъ людей? Король и лучшіе люди желали ограниченія liberum veto. Репнинъ по этому поводу писалъ Панину: «Если вы намѣрены Польшѣ дать какую, хоть малую консистенцію, для употребленія иногда противъ Турокъ; то внутренній сей порядокъ позволить нужно, ибо безъ онаго никакой, ни самой малой услуги или пользы мы отъ нея имѣть не будемъ: понеже сумятица и безпорядокъ въ гражданствѣ и во всѣхъ частяхъ въ такомъ градусѣ, что уже болѣе быть не могутъ. Если желаете, чтобы по прежнему всѣ головой матеріи на сеймахъ подъ единогласіемъ трактовались, и чтобы чрезъ liberum veto сеймы какъ и прежде разрывались, то и оное исполню. Сила наша въ настоящее время все можетъ. Но осмѣлюсь то представить, что не только тѣмъ не утвердимъ довѣренность націи къ намъ и нашу здѣсь инфлюенцію, но напротивъ совсѣмъ оныя разрушимъ, оставя въ сердцахъ рану всѣхъ резонабельныхъ и достойныхъ людей, которые раздѣленія законовъ желаютъ (на государственные проходящіе единогласіемъ, и внутреніе принимаемые по большинству голосовъ), на которыхъ однихъ надѣяться можно и которые наконецъ одни же только и могутъ чрезъ свой разсудокъ націей предводительствовать; слѣдовательно, и оскорбимъ мы ту бо̀льшую часть націи, если подвергнемъ ее прежнему безпорядку чрезъ совершенное разрываніе сеймовъ, особливо когда желаемый ими порядокъ намъ не вреденъ, чрезъ которое легко будетъ доказать всей націи, что мы иного не желаемъ, какъ ее видѣть въ порабощеніи и сумятицѣ. Таковое мнѣніе произведетъ натурально крайнюю недовѣрку и сильно слѣдовательно препятствовать будетъ къ собранію намъ, въ независимую ни отъ кого, кромѣ насъ, партію надежныхъ и достойныхъ людей, на коихъ бы мы характеръ и на ихъ въ народѣ инфлюенцію полагаться могли. Если жь нашу партію соберемъ изъ

людей, кои почтенія въ націи не имѣютъ, то они намъ болѣе будутъ въ тягость нежели въ пользу, не имѣя сами по себѣ никакого кредита: и такъ принуждены будемъ все дѣлать единственною силой, которая совершенно разрушаетъ сей важный предметъ, чтобы свою независимую въ землѣ партію имѣть; изъ сего же то произойдетъ, что при первомъ случаѣ, при коемъ аттенція наша или силы отвращены будутъ въ другую сторону, Польша, по безсилію только снося строгость нашего ига, тѣмъ воспользоваться захочетъ, дабы оного избавиться. Правда, нами сдѣланы обѣщанія чрезъ декларацію о изпроизверженіи всего того что̀ вопреки вольности народной послѣдними сеймами постановлено было, обѣщая соблюсть націю въ ея преимуществахъ. Но не сдержимъ ли мы торжественнымъ образомъ наши обѣщанія, когда форму правленія чрезъ кардинальныя законы такъ утвердимъ, что уже не только конфедераціи, но и самое единогласіе того перемѣнить не будетъ въ силахъ? Не оставимъ ли мы націю въ преимуществахъ *liberum veto*, когда всѣ штатскія матеріи однимъ единогласіемъ на вольныхъ сеймахъ рѣшены быть могутъ? Достольное все принадлежитъ до единаго порядка, какъ-то внутренности судебнаго обряда, тожь економіи учрежденныхъ уже доходовъ и содержанія имѣющагося уже войска. Бо̀льшая часть націи, въ томъ числѣ всѣ резонабельные люди того желаютъ. Не вѣрьте, ваше сіятельство, тѣмъ, кои вамъ противное сему отъ имени сконфедерованной націи говорятъ. Засѣданія конфедераціи совсѣмъ съ начала сейма ни единаго не было, а безъ собранія таковаго никакія повелѣнія именемъ ея посылаться не могутъ. Сіи всѣ доношенія вамъ чинящіяся суть токмо плоды интриги, желая при настоящемъ случаѣ въ мутной водѣ рыбу ловить и забирая на свои персоны репрезентаціи націи» [1]). Репнинъ оканчиваетъ свои представленія словами:

[1]) Репнинъ Панину 11 (22) декабря 1767 г.

«Какая слава составить счастіе цѣлаго народа, позволивъ ему выйдти изъ безпорядка и анархіи! Я вѣрю въ возможность соединенія политики съ человѣколюбіемъ; я льстился быть исполнителемъ намѣреній императрицы, и вмѣстѣ содѣйствовать счастію народа, у котораго я имѣю честь быть ея представителемъ» *).

«Для чего бы не дозволить пользоваться сосѣдямъ нѣкоторымъ намъ индиферентнымъ порядкомъ, который еще и намъ иногда можетъ въ пользу оборотиться?» замѣтила императрица на донесеніе Репнина, и вслѣдствіе этого, относительно сеймовой формы, было постановлено, что въ первые три недѣли будутъ рѣшаться только экономическіе вопросы и рѣшаться большинствомъ голосовъ; всѣ же государственныя дѣла будутъ рѣшаться въ послѣдніе три недѣли—единогласіемъ.

ГЛАВА IV.

Въ началѣ 1768 года въ Петербургѣ могли думать, что тяжелое польское дѣло окончено. Репнинъ былъ щедро награжденъ; конфедерація, какъ достигшая своей цѣли, распущена; русскія войска вышли изъ Варшавы, готовились выйдти изъ королевства, какъ въ мартѣ мѣсяцѣ были по-

---

[1]) Репнинъ Панину 12 (23) декабря.

лучены въ Варшавѣ извѣстія о безпокойствахъ въ Подоліи. Подкоморій розаньскій, Красинскій, братъ епископа каменецкаго, вмѣстѣ съ Іосифомъ Пулавскимъ, извѣстнымъ адвокатомъ, захватили городъ Баръ, принадлежавшій князю Любомирскому, и подняли тамъ знамя возстанія за вѣру и свободу. Монахъ-фанатикъ, Маркъ, изъ Бердичевскаго монастыря, съ крестомъ въ рукахъ, ходилъ по селамъ и мѣстечкамъ, проповѣдуя необходимость приступить къ конфедераціи. Въ Галиціи образовалась другая конфедерація подъ предводительствомъ Іоахима Потоцкаго, подчашаго Литовскаго; Рожевскій провозгласилъ конфедерацію въ Люблинѣ. Но возстаніе это вовсе не было народнымъ: громкія слова *вѣра и свобода!* не производили впечатлѣнія на массу; трудно было подниматься за вѣру, полагаясь только на слова какого-нибудь отца Марка, не видя, кто и какъ утѣсняетъ вѣру; трудно было подниматься за свободу, которою пользовалась одна шляхта, и пользовалась ею для того, чтобы составлять конфедераціи то противъ одного, то противъ другаго, приглашая на помощь чужія войска, а теперь хотѣла поднять конфедерацію для вытѣсненія этихъ войскъ, провозглашая ихъ врагами свободы; но въ чемъ состояла эта враждебность—понять было очень трудно. Кромѣ недостатка сочувствія въ народѣ, успѣхамъ конфедераціи вредила поспѣшность, съ какою она была провозглашена, неприготовленность средствъ, недостатокъ военныхъ способностей и военной школы въ вождяхъ конфедераціи. Поэтому конфедераты ждали спасенія только отъ чужеземной помощи. Каменецкій епископъ Красинскій обѣгалъ дворы — Дрезденскій, Вѣнскій, Версальскій, проповѣдуя всюду, что Россія хочетъ овладѣть Польшею, и какая бѣда будетъ отъ этого всей Европѣ! Но болѣе всего защитники вѣры ждали помощи отъ Турокъ.

Несмотря однако на это невыгодное положеніе конфедератовъ, они могли на первыхъ порахъ затянуть борьбу съ Россіею, вслѣдствіе малочисленности русскихъ войскъ въ Польшѣ: страшныхъ притѣснителей вѣры и свободы польской было не болѣе 16.000 во всемъ королевствѣ, при чемъ особенно мѣшалъ успѣшному преслѣдованію конфедератовъ недостатокъ въ легкой кавалеріи. 27 марта состоялось сенатское рѣшеніе — просить императрицу всероссійскую, какъ ручательницу за свободу, законы и права республики, обратить свои войска, находившіяся въ Польшѣ, на укрощеніе мятежниковъ. Репнинъ двинулъ войска въ разныхъ направленіяхъ, и конфедераты нигдѣ не могли выдержать ихъ напора. Города, занятые конфедератами, Баръ, Бердичевъ, Краковъ, были у нихъ взяты; но трудно было угоняться за мелкими шайками конфедератовъ, которыя разсыпа́лись по странѣ, захватывали казенныя деньги, грабили друга и недруга, католика и диссидента, духовнаго и свѣтскаго человѣка. Награбивши денегъ, шайки эти убѣгали въ Венгрію или Силезію. Страшная смута и рознь господствовали повсюду, братъ не довѣрялъ брату; у каждаго были свои виды, свои интересы, свои интриги, никому не было дѣла до отечества, лишь бы страсть его была удовлетворена, лишь бы частныя его дѣла обдѣлались; одинъ братъ писалъ громоносные манифесты противъ Русскихъ и соединялся съ конфедератами, другой заключалъ контракты съ Русскими, брался поставлять въ ихъ магазины хлѣбъ и овощи *). Между конфедератами, особаго рода удалью отличался ротмистръ Хлебовскій: встрѣтивъ на дорогѣ нищаго, жида или такъ какого-нибудь пѣшехода, сейчасъ повѣситъ на первомъ деревѣ, такъ что, говорятъ современники-Поляки **),

---

*) Депеша саксонскаго посланника Ессена къ своему двору, 7 декабря 1768.

**) *Pamiętniki do panowania Augusta III, i pierwszych lat Stanisł. Augusta, II*, 73.

Русскимъ не нужно было проводниковъ: они могли настигать конфедератовъ по тѣламъ повѣшенныхъ. Шайка Игнатія Малчевскаго, старосты Сплавскаго, полтора года водила за собою Русскихъ; гдѣ могли Русскіе ее настигнуть, всякій разъ били; но шайка не уменьшалась, потому что плата хорошая, корму много и притомъ дароваго, развратъ, полная власть надъ жителями страны, униженіе самыхъ знатныхъ пановъ передъ конфедератами, которые недавно были ихъ слугами — все это тянуло подъ знамена конфедераціи всякую голь, дворовую служню, горожанъ и крестьянъ, которые не хотѣли работать. За одинъ или два часа страху, испытаннаго при встрѣчѣ съ Русскими и въ бѣгствѣ отъ нихъ, достаточною наградой было роскошное гулянье по странѣ, въ одеждѣ защитника вѣры и вольности *). Къ опустошенію страны конфедератами присоединился еще бунтъ гайдамаковъ, который начался такимъ образомъ:

Князья Любомирскіе, маршалокъ великій коронный и братъ его воевода любельскій, заставили третьяго Любомирскаго, слабоумнаго пьяницу, подстолія литовскаго, владѣльца огромныхъ имѣній, передать торжественнымъ актомъ это имѣніе своимъ дѣтямъ, причемъ ему самому и женѣ его выговорена была ежегодно значительная сумма изъ доходовъ. Такъ какъ дѣти Любомирскаго были малолѣтныя, то назначены были опекуны. Но эта сдѣлка не нравилась Сосновскому, писарю литовскому, любовнику княгини Любомирской, обманутому въ надеждѣ составить себѣ состояніе. Онъ сталъ наговаривать княгинѣ, чтобы выкрала мужа изъ Варшавы, и пусть онъ опять приметъ имѣніе въ свое завѣдываніе: тогда она будетъ управлять слабоумнымъ мужемъ и его имѣніемъ, а не фамилія Любомирскаго и не опекуны. Княгиня взбунтовала мужа, выкрала его изъ Вар-

*) Тамъ же, стр. 90.

шавы и привезла на контракты въ Львовъ въ 1768 году. Здѣсь люди совѣстливые не входили съ нимъ ни въ какія сношенія; но наѣхали игроки изъ Варшавы, обыграли Любомирскаго и заставили заплатить карточный долгъ имѣніями, подъ видомъ покупки. Но покупщики очень хорошо знали, что дѣло не обойдется легко, что опекуны дѣтей Любомирскаго не впустятъ ихъ ни въ одно имѣніе. Надобно было найдти людей, которые, получивъ полномочіе отъ Любомирскаго, приняли бы на себя обязанность бороться съ опекунами и ввести во владѣніе покупщиковъ. Такіе люди нашлись: два шляхтича, Бобровскій и Волынецкій.

Бобровскій отправился коммиссаромъ въ имѣніе Любомирскаго Побережe; но его никто тамъ не хотѣлъ слушать, едва ушелъ поздорову, потому что одинъ изъ опекуновъ, Швейковскій, узнавъ о львовскихъ продѣлкахъ, разослалъ по всѣмъ имѣніямъ приказы, чтобы никто изъ управляющихъ не смѣлъ слушать Бобровскаго и Волынецкаго, какія бы бумаги отъ князя Любомирскаго они ни показывали. Бобровскій, выгнанный изъ Побережа, снесся съ Волынецкимъ, и оба рѣшили ѣхать въ другое имѣніе Любомирскаго, Смилянщизну, и поднять здѣсь крестьянъ обѣщаніемъ уничтоженія уніи. Чтобъ имѣть помощь и съ другой стороны, они отправились въ Баръ къ Пулавскому, маршалку конфедераціи, съ просьбою, чтобы призналъ ихъ совѣтниками конфедераціи и далъ свои бланкеты для написанія разныхъ приказовъ его именемъ, за что обѣщали ему доставить для конфедераціи тысячу вооруженныхъ казаковъ. Пулавскій легко согласился на ихъ желаніе. Получивши бланкеты, Бобровскій и Волынецкій съ торжествомъ поѣхали въ Смилу, укрѣпленный замокъ Любомирскаго. Но ворота заперты, пускать не велѣно; управляющаго Вонжа нѣтъ дома, но отлично распоряжается всѣмъ его жена; въ замкѣ 50 козаковъ гарнизона, пороху и всякихъ запасовъ много: «Мужъ мой не знаетъ

никакихъ коммиссаровъ князя Любомирскаго, кромѣ опекуновъ молодыхъ князей», велитъ жена управляющаго отвѣчать Бобровскому и Волынецкому на ихъ требованія отворить зàмокъ и на ихъ угрозы. Тогда коммиссары обращаются къ казакамъ, живущимъ на земляхъ въ имѣніи, и уговариваютъ ихъ атаковать зàмокъ, но гарнизонные казаки отбиваютъ нападеніе. Бобровскій и Волынецкій придумываютъ средство: велятъ схватить женъ и дѣтей гарнизонныхъ казаковъ и ставятъ ихъ въ первую линію казаковъ, идущихъ на вторичный штурмъ. Но и это средство не помогло: гарнизонные казаки стрѣляютъ, не смотря на то, что отъ ихъ пуль падаютъ ихъ жены и дѣти. Видя такой страшный грѣхъ, казаки не пошли на штурмъ, и отказались повиноваться коммиссарамъ. Бобровскій и Волынецкій, которые за нѣсколько дней передъ тѣмъ обѣщали имъ ратовать за православіе, теперь начали имъ грозить, что придетъ Барская конфедерація и истребитъ ихъ всѣхъ до одного человѣка, и псы будутъ лизать ихъ кровь за ихъ непослушаніе. Угроза не подѣйствовала; казаки не шли штурмовать замокъ. Тогда Бобровскій и Волынецкій рѣшились ѣхать въ Баръ, и чтобъ исполнить обѣщаніе, данное Пулавскому, велѣли начальнику казаковъ, Тымберскому, ѣхать за ними туда же со всѣми казаками. Тымберскій не смѣлъ ослушаться приказа, написаннаго отъ имени маршалка конфедераціи (на бланкетѣ Пулавскаго), и повелъ казаковъ въ слѣдъ за коммиссарами.

Тымберскій былъ человѣкъ огромнаго роста и толщины, тяжко ему было ѣхать верхомъ, и коню было тяжко везти его; сталъ просить Бобровскаго и Волынецкаго, чтобы позволили ему сойдти съ лошади и пересѣсть на телѣгу. Тѣ позволили. Но какъ скоро Тымберскій переселился на телѣгу, казацкіе старшины, сотники, атаманы, есаулы, остановили ее и обступили Тымберскаго съ вопросомъ: «Куда насъ ведешь, панъ полковникъ?»—«Приказъ имѣю отъ мар-

шалка конфедераціи Барской явиться съ вами въ Баръ,» отвѣчалъ тотъ. «Если хочешь, панъ полковникъ, сказала старшина, то ступай себѣ въ Баръ одинъ», и обратившись къ казакамъ, крикнули: «Молодцы! За нами, домой въ Смиляньщизну!» И слѣдъ простылъ. Бобровскій, Волынецкій и Тымберскій поскакали одни въ Баръ, боясь за собою погони казацкой.

Вспомнимъ, что Волынецкій грозилъ казакамъ и крестьянамъ приходомъ войскъ конфедераціи, которыя истребятъ ихъ всѣхъ. Какъ нарочно, чрезъ нѣсколько дней разнесся слухъ, что идутъ двѣ польскія хоругви, ведутъ пойманныхъ на разбоѣ гайдамаковъ, чтобы сажать ихъ на колъ на мѣстѣ преступленія въ Смиляньщизнѣ. Казаки, боясь, что это войско прислано для ихъ наказанія за покинутіе Бобровскаго и Волынецкаго, стали перебѣгать за русскую границу, за Днѣпръ, подъ Переяславлемъ, гдѣ ихъ пускали и съ лошадьми, оставляя только оружіе ихъ при рогаткахъ.

Между посаженными на колъ гайдамаками находился родной племянникъ игумена, эконома переяславскаго архіерея; этотъ игуменъ, раздраженный позорною смертію племянника, сталъ уговаривать бывшихъ въ то время въ Переяславлѣ на богомольѣ Запорожцевъ и главнаго между ними Желѣзняка, чтобъ они подняли съ Поляками войну за вѣру, потому что Поляки устроили Барскую конфедерацію противъ православной вѣры. Для сильнѣйшаго убѣжденія, игуменъ показалъ Желѣзняку на пергаментѣ указъ императрицы подниматься противъ Поляковъ за вѣру; титулъ былъ написанъ золотыми буквами, подпись и печать поддѣланы. Желѣзнякъ отвѣчалъ игумену, что съ нѣсколькими сотнями Запорожцевъ онъ не можетъ начать этого дѣла; тогда игуменъ сказалъ ему: «А вотъ не далеко при рогаткахъ много бѣглыхъ казаковъ, которые убѣжали отъ войскъ конфедераціи, потому что Поляки хотѣли ихъ всѣхъ истребить; уговорись съ этими казаками, и ступайте въ Польшу, рѣжь-

те Ляховъ и Жидовъ; всѣ крестьяне и казаки будутъ за васъ».

Желѣзнякъ пошелъ къ казакамъ, показалъ имъ поддѣльный указъ императрицы, и всѣ вмѣстѣ вторгнулись за Днѣпръ, поднимая крестьянъ и казаковъ, истребляя Ляховъ и Жидовъ. На деревьяхъ висѣли вмѣстѣ: Полякъ, Жидъ и собака, съ надписью: «Ляхъ, Жидъ, собака — вѣра однака».

Такъ разказываетъ о происхожденіи гайдамацкаго бунта Полякъ-современникъ, слышавшій подробности отъ людей самыхъ близкихъ къ событію. При началѣ своего разказа онъ говоритъ: «Это дѣло имѣло видъ, какъ будто бы произошло по наущенію русскаго правительства, но въ самомъ дѣлѣ поводы были другіе» *).

Репнина сильно раздосадовалъ гайдамацкій бунтъ. Онъ указывалъ на переяславскаго архіерея Гервасія и матренинскаго игумена Мелхиседека какъ на «нѣкоторую причину» волненія, особенно вооружался противъ Мелхиседека, извѣстнаго ему своимъ безпокойнымъ характеромъ; требовалъ, чтобы всѣ православные польскихъ областей были отданы въ вѣдомство епископа бѣлорусскаго, котораго чрезъ это можно вывести изъ нищеты, предосудительной для достоинства православнаго закона **).

Бунтъ ширился, обхватилъ Смпляньщизну, грозилъ Умани, принадлежавшей кіевскому воеводѣ Потоцкому. У Потоцкаго главнымъ управителемъ здѣсь былъ Младановичъ, а кассиромъ Рогашевскій. Управляющій и кассиръ посылали тайкомъ Жидовъ къ воеводѣ наговаривать другъ на друга. Для разбора, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ, Потоцкій отправилъ въ Умань пана Цѣсѣльскаго, который разсказалъ Младановичу и Рогашевскому, какіе доносы на нихъ были сдѣланы воеводѣ. Тѣ, вмѣсто того чтобы заподозрить другъ

*) *Pamiętnik do historyi polskiej*, Adama Moszczynskiego, стр. 126 и слѣд.

**) Репнинъ Панину $^{20}/_{31}$ августа 1768 года.

друга, заподозрили сотника Гонту, котораго любилъ Потоцкій и поручилъ ему заселеніе слободъ, почему Гонта и ѣздилъ часто къ воеводѣ. Управляющій и кассиръ стали мстить Гонтѣ, потребовали 100 злотыхъ за сотничество, и это въ то время когда казацкій бунтъ кипѣлъ по сосѣдству.

Пришло требованіе отъ барской конфедераціи, чтобы выслали въ Баръ всю милицію и казаковъ воеводы кіевскаго. Но воевода распорядился иначе: онъ велѣлъ Цѣсѣльскому забрать всѣхъ казаковъ и поставить ихъ на степи надъ рѣкою Синюхою, составлявшею границу съ Россіею, а къ Пулавскому написалъ, что вмѣсто казаковъ, которые не будутъ охотно биться съ Русскими, онъ приказалъ сформировать изъ шляхты конную и пѣшую милицію и отослать съ трехмѣсячнымъ жалованьемъ и провіантомъ въ Баръ. Цѣсѣльскій, Младановичъ и Рогашевскій, чтобы не истощать казны воеводской сформированіемъ милиціи, назначили на этотъ предметъ чрезвычайный поборъ съ казаковъ, и все это когда казацкій бунтъ кипѣлъ по сосѣдству и уманьскіе казаки стояли въ степи на Синюхѣ подъ начальствомъ сотниковъ—Дуска, Гонты и Яремы, готовые союзники для Желѣзняка.

Одни Жиды чуяли бѣду и явились къ Цѣсѣльскому съ представленіями, что надобно остерегаться Гонты, тѣмъ болѣе, что онъ теперь главный: Дуска умеръ въ степи. Жиды говорили, что Гонта навѣрное сносится съ Желѣзнякомъ, что есть слухъ, будто Гонта уже предлагалъ Дуску соединиться съ Желѣзнякомъ, но будто тотъ отвѣчалъ: «семь недѣль будете пановать, а семь лѣтъ будутъ васъ вѣшать и четвертовать.»

Напуганный Жидами, Цѣсѣльскій послалъ приказъ Гонтѣ немедленно явиться въ Умань. Тотъ прискакалъ и былъ сейчасъ же закованъ въ кандалы, а на другой день уже вели его на площадь, подъ висѣлицу. Но съ счастливой руки

Хмельницкаго, казацкихъ богатырей все спасали женщины. И тутъ взмолилась за Гонту жена полковника Обуха: «оставьте въ живыхъ, я за него ручаюсь.» Тронулся Цѣсѣльскій просьбами пани Обуховой и отпустилъ Гонту, — опять въ станъ на Синюху начальствовать казаками! Жиды увидали, что судьба ихъ въ рукахъ того, кого они подвели было подъ висѣлицу: они наклали брыки суквами и разными матеріями, собрали денегъ и отвезли Гонтѣ съ поклономъ: «батюшка! защити насъ.» Гонта сказалъ Жидамъ: «Выхлопочите у пана Цѣсѣльскаго мнѣ приказаніе выступить противъ Желѣзняка.» Жиды выхлопотали приказъ; но Цѣсѣльскій велѣлъ троимъ полковникамъ принять начальство надъ казаками. Эта мѣра не помогла; на дорогѣ Гонта объявилъ полковникамъ: «можете, ваша милость, ѣхать теперь себѣ прочь, мы въ васъ уже не нуждаемся.» Полковники убрались поскорѣе въ Умань, а Гонта соединился съ Желѣзнякомъ. Скоро вся толпа явилась подъ Уманью, въ ближнемъ лѣсу разостлали коверъ, на которомъ усѣлись Желѣзнякъ съ Гонтою, казаки составили кругъ, и какой-то подъячій читалъ фальшивый манифестъ русской императрицы. Потомъ началась попойка и шла всю ночь.

Въ замкѣ Уманьскомъ уже не было больше Цѣсѣльскаго, онъ исчезъ; главное начальство перешло къ Младановичу. Къ нему явился комендантъ Ленартъ и объявилъ, что пьяные казаки ночуютъ па фольваркѣ и что ихъ ничего не стоитъ вырѣзать, сдѣлавши вылазку изъ замка. Но Младановичъ никакъ на это не рѣшился: онъ созвалъ Жидовъ, велѣлъ имъ нагрузить брыки дорогими матеріями и везти къ Желѣзняку и Гонтѣ въ подарокъ съ просьбою о капитуляціи. Гонта и Желѣзнякъ, пьяные, приняли подарки съ удовольствіемъ, но переговоры отложили до утра.

Дѣйствительно, утромъ на другой день, оба предводителя со всею старшиной подъѣхали верхами къ городскимъ во-

ротамъ, передъ которыми былъ мостъ, переброшенный черезъ глубокій ровъ. Комендантъ Ленартъ велѣлъ зарядить картечью четыре пушки; но Младановичъ и Рогашевскій, увидавши это, закричали: «Что вы дѣлаете? Вы насъ всѣхъ погубите!» Шляхта полегла на пушкахъ и отогнала артиллеристовъ, а между тѣмъ Младановичъ спѣшилъ окончить переговоры съ Желѣзнякомъ; положили: 1) казаки не будутъ рѣзать католиковъ, шляхту и Поляковъ вообще, имѣнія ихъ не тронутъ; 2) въ Жидахъ и ихъ имѣніи казаки вольны. По заключеніи капитуляціи, всѣ Поляки пошли въ костёлъ, а казаки ворвались въ городъ и начали рѣзать Жидовъ; потомъ, когда всѣ Жиды были перерѣзаны, добрались до милиціи, назначенной въ Баръ; покончивъ съ нею, пошли къ костелу, и начали вытаскивать оттуда мущинъ, женщинъ, дѣтей и бить; нѣкоторыхъ женщинъ, которыя понравились, взяли за себя замужъ, и дѣтей усыновляли. Младановичъ и Рогашевскій погибли отъ Гонты, весь городъ былъ устланъ трупами, глубокій колодезь на рынкѣ наполнился убитыми дѣтьми. Крестьяне по селамъ въ это время били Жидовъ, вязали поссессоровъ и шляхту, и привозили въ Умань, гдѣ пьяные казаки убивали ихъ.

Послѣ этихъ подвиговъ Гонта провозгласилъ себя воеводою брацлавскимъ, а Желѣзнякъ кіевскимъ, и разослали въ разныя стороны отряды рѣзать шляхту и Жидовъ. Но Желѣзнякъ и Гонта не долго навоеводствовали: они были схвачены по распоряженію генерала Кречетникова; гайдамацкій бунтъ потухъ; но слѣдствія его обнаружились неожиданнымъ образомъ. Одинъ изъ разосланныхъ Желѣзнякомъ и Гонтою гайдамацкихъ отрядовъ, подъ начальствомъ сотника Шилы, направился къ Балтѣ, пограничному мѣстечку, которое рѣчка Кодыма отдѣляла отъ татарскаго мѣстечка Галты. Балта славилась своими ярмарками, на которыя приводили лошадей, рогатый скотъ, овецъ;

для закупки лошадей пріѣзжали ремонтеры изъ Пруссіи и Саксоніи. Мѣстечко богатѣло отъ этихъ ярмарокъ; въ немъ жило много Жидовъ, Грековъ, Армянъ, Турокъ и Татаръ; было кого порѣзать гайдамакамъ, было что пограбить. Шила съ своимъ отрядомъ явился въ Балту и началъ тѣмъ, что покололъ всѣхъ Жидовъ; потомъ, проживъ дня четыре спокойно, собралъ свое войско и вышелъ изъ Балты. Увидавъ, что этимъ все кончилось, Турки въ Галтѣ подняли крикъ и вмѣстѣ съ Жидами перешли съ татарской стороны на польскую; одни пошли на гору въ погоню за гайдамаками, другіе начали бить православныхъ, Сербовъ и Русскихъ, грабить товары и зажгли предмѣстіе. Шила, услыхавъ, что Турки и Жиды напали на православныхъ, возвратился, прогналъ непріятелей на татарскую сторону, перешелъ вслѣдъ за ними въ Галту и все здѣсь раззорилъ и пограбилъ. На другой день битва возобновилась нападеніемъ Турокъ, которые опять были прогнаны въ Галту. Послѣ этого гайдамаки помирились съ Турками, и много отдали имъ назадъ изъ погребленнаго. Но какъ скоро Шила выступилъ въ другой разъ изъ Балты, Турки и Жиды явились опять въ мѣстечкѣ, начали ругать христіанъ, многихъ пострѣляли и порубили, церкви ограбили. Вслѣдъ за басурманами явились конфедераты и православнымъ стало не легче; каждый день Поляки *ревизовали христіанъ*, били и убивали до смерти. Православные обратились съ просьбою о защитѣ къ русскому полковнику Гурьеву, и въ просьбѣ разсказали какъ было дѣло. Просьба оканчивалась такъ: «Конфедераты очень хотятъ, чтобы насъ теперь переловить и погубить; того ради просимъ не оставить насъ и показать надъ нами жалость, просимъ намъ бѣднымъ дать конвой, чтобы мы могли все свое забрать. Къ сему доношенію подписалось цѣлое братство наше купеческое, греческое» *). Уже давно Франція

*) Копія съ доношенія христіанскихъ обывателей Балты Гурьеву отъ 16 іюня 1768 г. приложена къ депешѣ Репнина.

хлопотала въ Константинополѣ, чтобъ заставить Турокъ вмѣшаться въ дѣла польскія и объявить войну Россіи. Турецкое правительство придралось къ событіямъ въ Балтѣ, обвинило Россію въ нарушеніи границъ и объявило ей войну. Восточный вопросъ соединился съ Польскимъ. Турецкая война раздѣлила Русскія силы, дала возможность конфедератомъ держаться, затруднила положеніе Русскаго посла въ Варшавѣ.

«Стараться я, конечно, всячески буду о возстановленіи спокойствія; но къ несчастію не все такъ идетъ какъ желается» *), писалъ Репнинъ въ Петербургъ. Чарторыйскіе увидали затруднительное положеніи Россіи, принужденной теперь вести томительную и безплодную войну, и заговорили иначе; особенно перемѣнили они тонъ, когда началась турецкая война, въ началѣ неудачная для Россіи. Чарторыйскіе начали заговаривать съ Репнинымъ о необходимости измѣнить постановленія о диссидентахъ и гарантіи. Королю, который до сихъ поръ преклонялся передъ силою Россіи, королю показалось, что въ барской конфедераціи высказалась другая сила, сила польской національности: какъ обыкновенно поступаютъ люди съ его характеромъ, онъ испугался этой новой силы, сталъ кланяться передъ нею, и также заговорилъ съ Репнинымъ о необходимости, для прекращенія волненій, отступить отъ диссидентскаго дѣла и гарантіи. «Я самъ знаю, писалъ Репнинъ, — что волненія прекратятся, если мы отступимся отъ этихъ двухъ пунктовъ, но дороже бы сія тишина была куплена нежели она стоитъ,» и потому онъ «сдѣлалъ королю самый короткій и ясный отказъ.» Прусскій посланникъ Бенуа также обратился къ Чарторыйскимъ съ просьбою, чтобъ они откровенно объявили его государю о способахъ примиренія; но Чарторыйскіе отвѣчали, что ни во что мѣшаться не могутъ, и

*) Репнинъ Панину $^{20}/_{31}$ августа.

что судьба республики зависитъ единственно отъ хода событій, отъ того какъ пойдетъ турецкая война *).

Для успѣшнаго хода этой войны русскимъ войскамъ необходимо было занять двѣ крѣпости въ польскихъ владѣніяхъ, Замосць и Каменецъ Подольскій, особенно послѣдній, ибо, воюя съ конфедератами и не зная какой оборотъ можетъ еще принять эта война, опасно было оставлять въ тылу у себя такую важную крѣпость, которая могла быть сдана Туркамъ. Замосць находился въ частномъ владѣніи у Замойскаго, который былъ женатъ на сестрѣ королевской; поэтому Репнинъ частнымъ образомъ обратился къ брату короля, оберъ-камергеру Понятовскому, не можетъ ли король написать партикулярно своему родственнику, чтобы тотъ не препятствовалъ русскимъ войскамъ въ занятіи Замосця. Но король, вмѣсто того чтобъ отвѣчать частнымъ же образомъ, собралъ министровъ и объявилъ имъ, что Русскіе хотятъ занять Замосць. Вслѣдствіе этого Репнину была прислана нота, что министерство его величества и республики за долгъ поставляетъ просить не занимать Замосця. Репнинъ не принялъ ноты, отвѣтивъ, что онъ не требовалъ ничего относительно этой крѣпости, а великому канцлеру коронному Млодзѣевскому замѣтилъ, что русскія войска призваны польскимъ правительствомъ для успокоенія страны: на какомъ же основаніи не давать имъ выгодъ, одинакихъ съ выгодами польскихъ войскъ? Когда же Репнинъ сталъ пенять королю, зачѣмъ онъ не сдѣлалъ различія между поступкомъ *конфидентной откровенности* и *министеріальнымъ*, то Станиславъ Августъ прямо сказалъ: «Не сдѣлай я такъ, вѣдь вы бы заняли Замосць.» Репнинъ отвѣчалъ также прямо, что занятіе Замосця необходимо для безопасности Варшавы въ случаѣ татарскаго набѣга, и что

*) Репнинъ Панину 5/16 декабря.

такимъ поступкомъ король не удержитъ его отъ занятія крѣпости: «я ее займу хотя бы и съ огнемъ.»—«Это занятіе очень важно, продолжалъ король:—стоитъ только начать.»—«Не разумѣете ли вы Каменца?» спросилъ Репнинъ.—«Именно,» отвѣчалъ король. Тутъ Репнинъ сказалъ ему: «Мы изъ Польши въ турецкія границы не выйдемъ, прежде нежели не будемъ имѣть Каменецъ для учрежденія тамъ нашего магазина и пласдарма; и такъ, если вы хотите, чтобы война шла не у васъ, а въ турецкихъ границахъ, то отдайте намъ Каменецъ.» Зная, что король уже повидался съ дядюшками, Репнинъ спросилъ его: «Какъ ваше величество теперь съ ними? Разсуждали ли о настоящихъ обстоятельствахъ?» Король нѣсколько смутился и отвѣчалъ: «Они со мною попрежнему холодны; что же касается настоящихъ обстоятельствъ, то они говорятъ то же, что̀ и вамъ говорили, то-есть, что нужно посредничество чужестранныхъ державъ, и что иначе націю успокоить нельзя, какъ отступиться отъ гарантіи и диссидентскаго дѣла, позволить диссидентамъ только свободу вѣроисповѣданія, отнявши доступъ въ судебныя мѣста и въ законодательство.» «Это лѣкарство хуже болѣзни, и конечно мы его не употребимъ,» отвѣчалъ Репнинъ: «вамъ, другу Россіи, обязанному ей престоломъ, не годится уничтожать общаго дѣла, вы должны продолжать свою преданность къ Россіи, особенно когда видите, что всѣ стараются свергнуть васъ съ престола, что и на Россію-то всѣ сердятся за то, что мы поддерживаемъ васъ на престолѣ.»—«Я бы охотно свое мѣсто оставилъ, отвѣчалъ король, еслибы могъ скоро успокоить свое отечество и доставить націи то, чего она такъ желаетъ, то-есть уничтоженіе гарантіи и диссидентскаго дѣла.»

Въ совѣтѣ королевскомъ враждебные Россіи голоса явно взяли верхъ: маршалъ коронный, князь Любомирскій и графъ Замойскій отъ своего имени и отъ имени Чарторыйскихъ

предложили, что войско правительства польскаго, назначенное подъ начальствомъ Браницкаго дѣйствовать противъ конфедератовъ, должно немедленно распустить по непремѣннымъ квартирамъ, иначе Русскіе подговорятъ его на свою сторону и употребятъ противъ Турокъ, изъ чего султанъ можетъ заключить, что Польша заодно съ Россіею противъ Турціи. Любомирскій съ товарищами сильно возставали противъ послѣдняго сенатскаго совѣта, который рѣшилъ просить у Россіи помощи противъ конфедератовъ. Браницкій противился распущенію войска, говорилъ, что это произведетъ неудовольствіе въ народѣ и возбудитъ подозрѣніе въ русскомъ правительствѣ; но Замойскій продолжалъ настаивать на распущеніи войска, и требовалъ, чтобъ отнынѣ принята была слѣдующая система: не давать Россіи явныхъ отказовъ, но постоянно находить невозможности въ исполненіи ея требованій, льстить, но ничего не дѣлать; королю нисколько не вмѣшиваться въ настоящія волненія, нейдти противъ націи, не вооружаться и противъ Турокъ, но выжидать, какой оборотъ примутъ дѣла. Король во время этихъ споровъ не отворялъ рта, и наконецъ присталъ ко мнѣнію Браницкаго. Положено не распускать войска, но запрещено ему приближаться къ турецкимъ границамъ, позволено требовать русской помощи и соглашать съ русскими войсками свои движенія только противъ бунтующихъ крестьянъ; но вмѣстѣ съ Русскими нигдѣ не быть, не показывать, что польское провительство заодно съ русскимъ *).

Вопросъ о Каменцѣ не переставалъ занимать Репнина, потому что императрица предписала стараться о занятіи Каменца всѣми способами — кромѣ насилія. Зная, что король снова подпалъ вліянію Чарторыйскихъ, Репнинъ обратился

*) Репнинъ Панину $^{20}/_{31}$ декабря. «Я все что̀ въ приватномъ совѣтѣ у короля происходило знаю чрезъ весьма вѣрнаго человѣка, который самъ въ томъ находился.»

къ нимъ, выставляя необходимость занятія Каменца. Чарторыйскіе отвѣчали: «Лучше подвергнуть весь тотъ край совершенному опустошенію, чѣмъ подать Туркамъ причину къ объявленію намъ войны, тѣмъ болѣе, что еще невѣрно, обратятся ли Турки къ польскимъ границамъ; да хотя бы и этихъ причинъ не было, то отдать Каменецъ не достойно патріотовъ.» Репнинъ обратился къ нимъ съ вопросомъ: «Что̀ по вашему мнѣнію для васъ выгоднѣе, чтобы Россія или Порта взяла верхъ въ настоящей войнѣ? ибо отъ рѣшенія этого вопроса должно зависѣть все ваше поведеніе.» —«Ни то, ни другое, отвѣчали Чарторыйскіе: — выгода наша состоитъ въ томъ, чтобы не путаться нисколько въ это дѣло.»—«Достоинство вашей короны страдаетъ отъ презрительныхъ отзывовъ Порты на вашъ счетъ.» сказалъ Репнинъ.—«Гдѣ нѣтъ бытія, тамъ нѣтъ и достоинства, мы все потеряли,» отвѣчали Чарторыйскіе, и литовскій канцлеръ примолвилъ: «Il vaut mieux ne rien faire, que de faire des riens.»

Репнинъ обратился къ королю. Тѣ же отвѣты, какіе слышалъ и отъ Чарторыйскихъ. Репнинъ представилъ ему, что онъ глядитъ не своими глазами, и что никогда не предстояло ему такой нужды быть въ самомъ полномъ согласіи съ Россіей, потому что она одна можетъ спасти его отъ паденія, которое ему готовятъ Порта и Франція и бо̀льшая часть Поляковъ. «Все это я очень хорошо вижу, отвѣчалъ король: —но есть такой періодъ бѣдствій, въ который уже никакая опасность нечувствительна; я теперь именно въ этомъ періодѣ, и потому отдаю свой жребій во власть событіямъ.»— «Умоляю ваше величество подумать, сказалъ на это Репнинъ: теперь у васъ еще есть хотя малая армія, а въ мартѣ мѣсяцѣ и той заплатить будетъ нечѣмъ: тогда еслибы вы и захотѣли на что-нибудь рѣшиться и къ намъ приступить, то уже будетъ не съ кѣмъ.» Король отвѣчалъ на это увѣре-

ніями, что онъ съ своимъ войскомъ не сдѣлаетъ ни шага противъ Русскихъ. Репнинъ этому вполнѣ вѣрилъ, но зналъ, что какъ скоро жалованье прекратится, то весь этотъ сбродъ составитъ новыя разбойничьи шайки. Репнинъ опять спросилъ короля: «можемъ ли мы на васъ надѣяться?»—«Я, кажется, доказалъ свое усердіе, потерявъ черезъ него весь кредитъ въ своей націи и дошедши до безсилія, которое мнѣ въ вину поставить нельзя,» отвѣчалъ король.—«Конечно, продолжалъ Репнинъ, прошедшая ваша дружба забыта не будетъ; но надобно ее продолжать, а какъ скоро вы ее прекратите, то и все кончится.»—«Если ея императорское величество, отвѣчалъ король, дастъ мнѣ возможность быть ей полезнымъ, согласясь отступить совершенно отъ гарантіи и частію отъ диссидентскаго дѣла, дастъ мнѣ черезъ это способы возвратить къ себѣ любовь и довѣренность моихъ подданныхъ, то я докажу дѣйствительнымъ образомъ, что нѣтъ человѣка преданнѣе меня ея императорскому величеству; но если она этого не сдѣлаетъ, то я хотя и останусь другомъ, но въ совершенномъ бездѣйствіи и небытіи.» Репнинъ отвѣчалъ, что императрица не можетъ отступить отъ своихъ правъ и компрометировать свое достоинство. Король повторилъ также рѣшительный отказъ относительно сдачи Каменца, и Репнинъ кончилъ разговоръ словами, чтобы король пенялъ во всемъ на себя, а Русскіе будутъ умѣть взять предосторожности, какія имъ нужны *). Въ другомъ разговорѣ съ Репнинымъ, король повелъ рѣчь о возможности своего близкаго паденія. Репнинъ замѣтилъ ему, что всегда непріятно съ престола сходить, а согнану быть и стыдно. «Меня конечно не сгонятъ, отвѣчалъ король:—я умру, давши себя застрѣлить въ своемъ дворцѣ, а мѣста своего не покину, буду здѣсь защищаться.»—«Лучше бы не дожидаться такой крайности, возразилъ Репнинъ:—славнѣе было бы

*) Репнинъ Панину 24 декабря 1768 г. (4 января 1769 г.)

умереть въ полѣ, а не въ своей комнатѣ; я самъ пойду къ вамъ въ адъютанты, если только вы примете это мужественное намѣреніе и соедините свои силы съ нашими; слава и счастье сами не приходятъ, а надобно идти къ нимъ навстрѣчу и ихъ искать.»—«Въ моемъ положеніи нельзя думать о славѣ, отвѣчалъ король:—выше славы поставляю свой долгъ, а долгъ запрещаетъ мнѣ перемѣнить свое поведеніе» *).

Итакъ рѣшеніе, принятое королемъ и Чарторыйскими, обозначилось ясно: или заставить Россію передѣлать свое дѣло, или оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи, дожидаясь, чѣмъ кончится борьба Россіи съ Турціей и конфедератами и какъ будутъ смотрѣть на эту борьбу другія державы, поставить черезъ это Россію въ самое затруднительное положеніе, ибо до сихъ поръ ея уполномоченный въ своихъ дѣйствіяхъ опирался на польское правительство, а теперь это правительство складывало руки; но, объявляя себя не за Россію, оно тѣмъ самымъ объявляло себя противъ нея. Въ Петербургѣ хорошо понимали затруднительность этого положенія, и, какъ обыкновенно бываетъ, нашлись люди, которые поспѣшили обвинить во всемъ Репнина: не такъ принялся за дѣло, слишкомъ натянулъ, тѣмъ болѣе что въ жалобахъ изъ Польши на деспотизмъ посла не было недостатка. И людямъ, болѣе сдержаннымъ, не спѣшащимъ отсылать въ пустыню козла очищенія, могло казаться, что, по новымъ обстоятельствамъ, роль Репнина въ Польшѣ должна кончиться, что надобно попробовать, нельзя ли выйти изъ затруднительнаго положенія путемъ нѣкоторыхъ уступокъ и соглашеній, а для этого нуженъ былъ другой человѣкъ, которому легче было начать другой образъ дѣйствій чѣмъ Репнину. Репнинъ былъ отозванъ въ іюнѣ 1769 года: на его мѣсто назначенъ князь Михаилъ Ники-

*) Репнинъ Панину 28 января (7 февраля) 1769 г.

тичъ Волконскій. Эта перемѣна, какимъ бы путемъ ни дошли до убѣжденія въ ея надобности, была ошибкою. Князь Репнинъ былъ именно человѣкъ необходимый въ Польшѣ въ описываемое время. Онъ отлично зналъ страну, зналъ людей и умѣлъ обходиться съ ними. Предъ началомъ каждаго дѣла онъ соображалъ его трудности, могущія произойти неблагопріятныя послѣдствія, и не таилъ ихъ отъ своего правительства; но какъ скоро убѣждался въ необходимости дѣйствовать или получалъ рѣшительное приказаніе изъ Петербурга, то принимался за дѣло, и уже ни шага назадъ, ни малѣйшаго колебанія. Репнина могли ненавидѣть; но его не могли не уважать; при томъ несчастномъ характерѣ, которымъ отличалось большинство польскихъ дѣятелей, именно былъ нуженъ человѣкъ, котораго бы уважали, котораго бы боялись какъ Репнина. Это было нужно не для однихъ Поляковъ; началась война такого рода, которая наиболѣе могла способствоветь ослабленію дисциплины въ русскомъ войскѣ: толпы конфедератовъ пробѣгали страну разбойничьими шайками, преслѣдователи ихъ могли легко увлечься примѣромъ: если свои поступали такъ, то чужіе и подавно, особенно въ странѣ, гдѣ враждебность къ Русскимъ въ извѣстной части народонаселенія, давившей остальныя, высказывалась безпрестанно самымъ мелочнымъ образомъ, наиболѣе раздражающимъ, наиболѣе вызывающимъ къ насилію. Репнинъ не позволилъ бы ни одному русскому отряду подражать конфедератскимъ шайкамъ: ручательствомъ служило его поведеніе относительно генерала Кречетникова, запятнавшаго себя корыстолюбіемъ. Наконецъ Репнинъ обладалъ военнымъ талантомъ, что̀ при тогдашнихъ обстоятельствахъ было дѣломъ первой важности.

Прежде нежели приступимъ къ образу дѣятельности князя Волконскаго въ Варшавѣ, взглянемъ, что̀ дѣлали конфедераты. Находившіеся въ Валахіи Іоахимъ Потоцкій и старикъ

Пулавскій перессорились на смерть. Потоцкій обнесъ своего врага передъ Турецкимъ правительствомъ и Пулавскій умеръ въ Константинопольской тюрьмѣ. Двое сыновей Пулавскаго, Казимиръ и Францъ ворвались съ своими бандами въ Литву, но были окружены русскими и поражены при Ломазахъ: Францъ былъ убитъ, Казимиръ бѣжалъ за Австрійскую границу. Австрія давала убѣжище конфедератамъ въ своихъ владѣніяхъ, и главная квартира ихъ была сначала въ Тешенѣ въ Силезіи, потомъ въ Еперіесѣ въ Венгріи. Генеральнымъ маршаломъ конфедераціи провозглашенъ былъ Михаилъ Пацъ, староста Зёловскій; съ большими деньгами явился къ конфедератамъ Радзивилъ, снова отставшій отъ русскихъ и принужденный бѣжать отъ нихъ изъ Литвы.

Австрія довольствовалась тѣмъ, что давала убѣжище конфедератамъ; Франція хотѣла оказать имъ болѣе дѣятельную помощь. Въ 1768 году первый министръ Людовика XV, герцогъ Шуазёль отправилъ къ конфедератамъ на границы Молдавіи драгунскаго капитана Толеса. Толесъ пріѣхалъ съ значительною суммою денегъ; но, познакомившись съ конфедератами поближе, нашелъ, что не стоитъ тратить на нихъ французскихъ денегъ, что ничего нельзя сдѣлать для Польши и рѣшился возвратиться во Францію. Желая увѣдомить объ этомъ рѣшеніи своемъ герцога Шуазёля, и боясь, чтобъ, письмо его не попалось въ руки къ Полякамъ, Толесъ написалъ: «Такъ какъ я не нашелъ въ этой странѣ ни одной лошади, достойной занять мѣсто въ конюшняхъ королевскихъ, то возвращаюсь во Францію съ деньгами, которыхъ я не хотѣлъ употреблять на покупку клячъ» *).

Въ 1770 году Шуазёль отправилъ въ Еперіесъ знаменитаго въ послѣдствіи Дюмурье, чтобъ помочь конфедератамъ установить порядокъ въ ихъ движеніяхъ противъ Русскихъ. Но и на Дюмурье конфедераты произвели такое

*) Lettres du baron de Vioménil, p. 7.

же впечатлѣніе, какъ на Толесъ. Вотъ что онъ разсказываетъ о нихъ въ своихъ запискахъ *). Нравы вождей конфедераціи азіатскіе. Изумительная роскошь, безумныя издержки, длинные обѣды, игра и пляска — вотъ ихъ занятія! Они думали, что Дюмурье привезъ имъ сокровища, и пришли въ отчаяніе, когда онъ имъ объявилъ, что пріѣхалъ безъ денегъ и что, судя по ихъ образу жизни, они ни въ чемъ не нуждаются. Онъ далъ знать герцогу Шуазёлю, чтобъ тотъ прекратилъ пенсіи вождямъ конфедераціи, и герцогъ исполнилъ это немедленно. Войско конфедератовъ простиралось отъ 16 до 17,000 человѣкъ; но войско это было подъ начальствомъ осьми или десяти независимыхъ вождей, несогласныхъ между собою, подозрѣвающихъ другъ друга, иногда дерущихся другъ съ другомъ и переманивающихъ другъ у друга солдатъ. Все это была одна кавалерія, состоявшая изъ шляхтичей, равныхъ между собою, безъ дисциплины, дурно вооруженныхъ, на худыхъ лошадяхъ; шляхта эта не могла сопротивляться нетолько линейнымъ русскимъ войскамъ, но даже и козакамъ. Ни одной крѣпости, ни одной пушки, ни одного пѣхотинца. Конфедераты грабили своихъ Поляковъ, тиранили знатныхъ землевладѣльцевъ, били крестьянъ, завербованныхъ въ войско. Вожди ссорились другъ съ другомъ. Вмѣсто того, чтобъ поручить управленіе соляными копями двоимъ членамъ совѣта финансовъ, вожди раздѣлили по себѣ соль и продали ее дешевою цѣною Силезскимъ жидамъ, чтобъ поскорѣе взять себѣ деньги. *Товарищи* (шляхта) не соглашались стоять на часахъ, они посылали для этого крестьянъ, а сами играли и пили въ домахъ, офицеры въ это время играли и плясали въ сосѣднихъ замкахъ.

Что касается до характера отдѣльныхъ вождей, то генеральный маршалъ Пацъ, по отзыву Дюмурье, былъ чело-

*) Liv. 1, chap. VII. et VIII.

вѣкъ преданный удовольствіямъ, очень любезный и очень вѣтреный; у него было больше честолюбія, чѣмъ способностей, больше смѣлости, чѣмъ мужества. Онъ былъ краснорѣчивъ — качество, распространенное между Поляками, благодаря сеймамъ. Единственный человѣкъ съ головою былъ Литвинъ Богушъ, генеральный секретарь конфедераціи, деспотически управлявшій дѣлами ея. Князь Радзивилъ — совершенное животное, но это самый знатный господинъ въ Польшѣ. Пулавскій очень храбръ, очень предпріимчивъ, но любитъ независимость, вѣтренъ, не умѣетъ ни на чемъ остановиться, невѣжда въ военномъ дѣлѣ, гордый своими небольшими успѣхами, которые Поляки, по своей склонности къ преувеличеніямъ, ставятъ выше подвиговъ Собѣскаго.

Поляки храбры, великодушны, учтивы, общительны. Они страстно любятъ свободу; они охотно жертвуютъ этой страсти имуществомъ и жизнію; но ихъ соціальная система, ихъ конституція противятся ихъ усиліямъ. Польская конституція есть чистая аристократія, но въ которой у благородныхъ нѣтъ народа для управленія, потому что нельзя назвать народомъ 8 или 10 милліоновъ рабовъ, которыхъ продаютъ, покупаютъ, мѣняютъ, какъ домашнихъ животныхъ. Польское соціальное тѣло — это чудовище, составленное изъ головъ и желудковъ, безъ рукъ и ногъ. Польское управленіе похоже на управленіе сахарныхъ плантацій, которыя не могутъ быть независимы.

Умственныя способности, таланты, энергія въ Польшѣ отъ мущинъ перешли къ женщинамъ. Женщины ведутъ дѣла, а мужчины ведутъ чувственную жизнь.

Дюмурье вѣрно взглянулъ и на Русскихъ, на ихъ положеніе въ Польшѣ. «Это превосходные солдаты, говоритъ онъ, но у нихъ мало хорошихъ офицеровъ, исключая вождей. Лучшихъ не послали противъ Поляковъ, которыхъ презира-

ютъ.» — Дѣйствительно Турецкая война отвлекала русскія силы и силы лучшія. Это печальное обстоятельство должно было отражаться и на русской дипломатіи въ Варшавѣ.

Преемникъ Реппина былъ человѣкъ достойный, но не Репнинъ; да и задача, возложенная на князя Волконскаго, была такъ трудна, что мы никакъ не рѣшимся сложить на него всю вину ея исполненія. Онъ долженъ былъ дѣйствовать и твердо, и вмѣстѣ мягко; онъ не долженъ былъ позволять никакихъ важныхъ, существенныхъ измѣненій въ томъ что было сдѣлано Репнинымъ, могъ сдѣлать только нѣкоторыя незначительныя уступки. Но какъ скоро показана была готовность къ уступкамъ, то вмѣстѣ показана была слабость, сознаніе затруднительности своего положенія, и это показано было людямъ, которые привыкли преклоняться только предъ силою, которые привыкли поднимать голову выше чѣмъ слѣдовало при первой уступкѣ. Уже на смѣну Репнина смотрѣли какъ на побѣду, видѣли въ этомъ сознаніе слабости со стороны Россіи, и тѣмъ болѣе начали заискивать передъ другою воображаемою силой, которую называли націей; преклоняясь предъ Россіей, оскорбили націю; теперь со стороны Россіи уступчивость, признакъ слабости, а нація высказала свое неудовольствіе и обнаружила нѣкоторые признаки силы въ Барской конфедераціи, и потому начали прислуживаться къ націи, думая, что лучшимъ средствомъ прислужиться къ націи было заставить Россію отказаться отъ всего, вытребованнаго ею въ послѣднее время, или, по крайней мѣрѣ, не уступать ей ни въ чемъ. Дѣйствуя такъ, Понятовскій, съ одной стороны, надѣялся пріобрѣсть расположеніе націи; съ другой, былъ увѣренъ, что лично ему нечего опасаться отъ Россіи, которая не могла рѣшиться на сверженіе короля, ею возведеннаго на престолъ. Такимъ образомъ перемѣна лица, перемѣна тона, большая мягкость и уступчивость, не вели ни къ чему: надобно было

или уступить все чего хотѣли, то-есть отказаться отъ гарантіи и диссидентскаго дѣла, или не уступать ничего. Положеніе Волконскаго, вслѣдствіе этого, было затруднительное и непріятное: во дворцѣ на всѣ его увѣщанія и требованія отвѣчали холоднымъ «нѣтъ»; онъ хлопоталъ объ образованіи новой русской партіи, объ образованіи реконфедераціи; но люди, которые ему казались приверженцами Россіи, были привержены только къ русскимъ деньгамъ; видя, что преемникъ Репнина дѣйствуетъ не по-репнински, они видѣли въ этомъ сознаніе въ слабости Россіи, и потому служили двумъ господамъ. Притомъ Волконскій былъ человѣкъ хворый, подагрикъ; наконецъ относительно военныхъ дѣйствій онъ во всемъ положился на генерала Веймарна, а у Веймарна не доставало ни распорядительности, ни твердости для поддержанія дисциплины: онъ зналъ, какъ дурно ведутъ себя нѣкоторые начальники русскихъ отрядовъ, но ограничивался безплодными сожалѣніями.

Волконскій привезъ съ собою въ Варшаву инструкцію относительно требованій короля и Чарторыйскихъ. Вопервыхъ, относительно гарантіи онъ могъ обнародовать декларацію, въ которой заключалось точное и полное изъясненіе гарантіи, какъ вовсе не представляющей опасности для польской самостоятельности. Вовторыхъ, относительно диссидентскаго дѣла послу было наказано: «Не входя и не участвуя никакъ въ модификаціи постановленныхъ диссидентамъ преимуществъ, умалчивать о тѣхъ уступкахъ, которыя иногда они сами между собою сдѣлать согласятся для скорѣйшаго успокоенія и примиренія съ своими соотчичами.» Въ послѣдствіи Панинъ уяснилъ Волконскому этотъ пунктъ наказа такимъ образомъ: «Надобно, чтобы сами диссиденты добровольно вошли въ точное разсмотрѣніе, стоитъ ли для нихъ собственно сохраненіе на послѣднемъ сеймѣ пріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ того, чтобы покупать оное

гражданскою въ отечествѣ войной, или же не лучше ли жертвовать добровольно частію выгодъ для возстановленія общей тишины и для обезпеченія другой части тѣхъ самыхъ выгодъ? Со всѣмъ этимъ слава и достоинство ея императорскаго величества не дозволяютъ, чтобы покушеніе о нуждѣ и пользѣ такого поступка было отъ насъ, а надобно, чтобы диссиденты сами на то попали, или же, по крайней мѣрѣ, вашимъ сіятельствомъ чрезъ третьяго весьма нечувствительнымъ и искуснымъ образомъ доведены были, чтобы диссиденты отозвались добровольно къ ея императорскому величеству, королю и правительству съ представленіемъ своего собственнаго желанія принести нѣкоторую часть своихъ преимуществъ въ жертву возстановленію внутренняго покоя.»

Первымъ дѣломъ Волконскаго по пріѣздѣ въ Варшаву было опять поднять вопросъ о Каменцѣ. Панинъ далъ знать еще Репнину о домогательствахъ французскаго посла въ Царѣградѣ, чтобы Турки какъ можно скорѣе овладѣли Каменцомъ для утвержденія себя въ Польшѣ; Панинъ поручилъ Репнину представить королю, что если польское правительство не могло согласиться отдать эту крѣпость подъ защиту русскаго войска, то правило нейтралитета требуетъ необходимо, чтобы Русскіе получили формальное и точное обнадеженіе, что Каменецъ не будетъ отданъ въ руки ихъ непріятелю, а будетъ защищаемъ всѣми силами заодно съ русскими войсками. Обнадеженіе это получилъ уже Волконскій. Новый посолъ нашелъ короля въ совершенной зависимости отъ Чарторыйскихъ, безъ которыхъ онъ ничего не смѣлъ предпринять. Два раза по своемъ пріѣздѣ Волконскій видѣлся съ королемъ, и оба раза выслушалъ отъ него однѣ рѣчи, что прекратить волненія въ Польшѣ нельзя безъ уступки въ гарантіи и диссидентскомъ дѣлѣ, что онъ, король долженъ *менажировать* націю, для чего необходима означен-

ная уступка. Волконскій отвѣчалъ какъ и Репнинъ, что уступки въ этихъ двухъ пунктахъ не будетъ. Несмотря однако на эти старые отвѣты, сейчасъ же стало замѣтно, что дѣла идутъ не по-старому; примасъ Подоскій прямо объявилъ Волконскому, что Польша не можетъ быть счастлива имѣя національнаго короля, что Понятовскій ненавидимъ націею и нѣтъ средства успокоить ее безъ его сверженія. Волконскій отвѣчалъ ему, что русское правительство не допуститъ никогда уничтожить собственное свое дѣло; но примасъ остался при своемъ мнѣніи. Изъ разговоровъ своихъ съ польскими магнатами Волконскій примѣтилъ, что они не хотятъ ни за что приниматься, въ ожиданіи какъ пойдутъ дѣла у Русскихъ съ Турками; Волконскій далъ также знать въ Петербургъ, что дворъ и министры польскіе чуждаются его, ничего не сообщаютъ, не входятъ ни въ какія соглашенія, желая показать предъ націей, что не имѣютъ ничего общаго съ Россіей *).

Но *менажируя* націю и показывая для этого холодность къ Россіи, Понятовскій вовсе не обнаруживалъ холодности къ русскимъ деньгамъ. Мы видѣли, что, несмотря на мнѣніе Любомирскаго и Замойскаго, въ королевскомъ совѣтѣ было рѣшено не распускать войска, находившагося подъ начальствомъ Браницкаго. Теперь это войско выступало въ походъ противъ конфедератовъ, и король, не дававшій знать Волконскому ни о чемъ, въ этомъ случаѣ далъ знать, но вмѣстѣ попросилъ на экспедицію 3,000 червонныхъ. Волконскій далъ деньги; но едва Браницкій дошелъ до Бреста-Литовскаго, какъ получилъ повелѣніе не вступать въ дѣло съ конфедератами и возвратиться назадъ со всѣмъ корпусомъ: Чарторыйскіе и Любомирскій успѣли внушить королю, что движеніе Браницкаго противъ конфедератовъ огорчитъ

---

*) Волконскій Панину $^{11}/_{22}$ іюня 1769 г.

пацію. Станиславъ-Августъ послалъ за Волконскимъ, объявилъ ему объ отозваніи Браницкаго, извинялся, но сказалъ, что не можетъ открыть причины такого поступка *). Браницкій отдалъ назадъ Волконскому 2,400 червонныхъ, а 600 уже были издержаны понапрасну. Чарторыйскій, великій канцлеръ литовскій, въ разговорахъ съ Волконскимъ упорнѣе прежняго держался того, что безъ уступки въ диссидентскомъ дѣлѣ и въ гарантіи никогда ничего сдѣлать нельзя. Волконскій отвѣчалъ свое, что это надобно выбить изъ головы, причемъ замѣтилъ, что возмутители собираются въ Ловичѣ и около Варшавы. Чарторыйскій сказалъ на это, что, можетъ-быть, они составятъ генеральную конфедерацію. «Генеральная конфедерація, возразилъ Волконскій, будетъ противъ короля, слѣдовательно противъ васъ самихъ.»—«Я не знаю, отвѣчалъ Чарторыйскій, что̀ съ нами будетъ: но Польша останется всегда Польшею.» Король опять обратился къ Волконскому съ предложеніемъ, не лучше ли будетъ, если трактатъ и вся послѣдняя конституція будутъ уничтожены, и составится новая конституція? Волконскій прервалъ его: «Надобно это изъ головы выложить, потому что республика требовала у ея величества гарантіи чрезъ торжественное посольство.» — «Все это было сдѣлано силою», замѣтилъ король. «Неправда, отвѣчалъ Волконскій:—нельзя было силою заставить высылать торжественное посольство» **). И вскорѣ послѣ этого разговора король обратился къ Волконскому съ просьбою, нельзя ли дать денегъ, потому что доходы его забраны конфедератами, и ему почти ѣсть нечего. Волконскій далъ 5,000 червонныхъ и написалъ Панину: «Онъ по истинѣ радъ бы для насъ что-нибудь сдѣлать, но не смѣетъ и не умѣетъ; я никогда не думалъ

*) Волконскій Панину 26 іюня (7 іюля), 22 іюля (2 августа).
**) Волконскій Панину 26 іюля (6 августа), 27 іюля (7 августа).

найдти его въ такой слабости, онъ совсѣмъ предался Чарторыйскимъ.» Изъ Петербурга пришло приказаніе выдать королю еще 5,000 червонныхъ: иначе войско его, не получая жалованья, разбѣжится и увеличитъ собою толпы мятежниковъ *).

Волконскій хлопоталъ, вопервыхъ, о томъ чтобы не допустить конфедератовъ до образованія генеральной конфедераціи, вовторыхъ, о томъ чтобы составить генеральную конфедерацію, которая бы дѣйствовала заодно съ Россіей. Отъ времени до времени являлись къ Волконскому люди съ проектами подобной конфедераціи, но дѣло не шло далѣе проектовъ. Такъ извѣстный намъ графъ Браницкій и коронный кухмистръ Понинскій предложили планъ генеральной конфедераціи для успокоенія Польши при содѣйствіи Россіи, и чтобы *менажировать націю*, потребовали не измѣненій въ Репнинскомъ трактатѣ, а уступки Польшѣ Молдавіи и Бессарабіи, когда онѣ будутъ завоеваны Русскими у Турокъ. Панинъ, увѣдомленный объ этомъ, писалъ Волконскому, чтобъ обѣщалъ присоединеніе къ Польшѣ Молдавіи и Бессарабіи для ободренія благонамѣренныхъ Поляковъ къ генеральной конфедераціи и для побужденія ихъ вступить съ Россіею въ явныя обязательства противъ Турокъ; теперь, заключаетъ Панинъ, нужны Россіи не военныя силы республики, но естественныя и безпрепятственныя выгоды отъ земли, изъ которыхъ главными должно считать полученіе въ наши руки Каменца и распоряженіе имъ во все время войны. Что же касается до Молдавіи, то присоединеніе ея къ Россіи не можетъ быть полезно для послѣдней; Молдавія сама собою не въ состояніи защищаться ни противъ кого, и отдаленіе ея отъ нашихъ границъ всегда затруднитъ нашу собственную защиту, тогда какъ очень важно для Россіи, если пра-

*) Панинъ Волконскому 4 сентября.

вославное молдавское дворянство, присоединясь къ Польшѣ, выговоритъ себѣ, подъ нашимъ покровительствомъ, всѣ права польскаго дворянства *).

Несмотря на эти обѣщанія, генеральная конфедерація не образовывалась; король бралъ русскія деньги и ничего не дѣлалъ для Россіи, менажируя націю; первое послѣ короля лицо въ республикѣ, примасъ Подоскій также бралъ русскія деньги, и мало того что ничего не дѣлалъ для Россіи, интриговалъ еще въ пользу саксонскаго дома, что̀ было противно видамъ Россіи. Россія должна была поддерживать свое вліяніе въ Польшѣ, потому что въ подобной странѣ отказаться отъ вліянія значило уступить его другому государству, которое стало бы пользоваться имъ для своихъ цѣлей. Сохраненіе русскаго вліянія въ Польшѣ, по мысли Панина **), было необходимо для поддержанія сѣверной системы, безъ которой Россія никогда не могла достигнуть роли державы перваго класса. Для Россіи было нужно, чтобы королемъ въ Польшѣ былъ Пястъ; курфирстъ Саксонскій не могъ быть королемъ по разнообразнымъ и часто измѣняющимся интересамъ наслѣдственныхъ его земель, которыя, по своему положенію между Австріей и Пруссіей, и по разнымъ отношеніямъ этихъ государствъ къ Франціи, могли очень часто переходить отъ одного союза къ другому, увлекая за собою Польшу въ ту или другую сторону. По этимъ соображеніямъ, Панинъ писалъ Волконскому, что примасу надобно производить помѣсячно нѣкоторую опредѣленную и умѣренную дачу (потому что расходы въ настоящее время очень велики становятся), но надобно держать его въ желѣзныхъ рукавицахъ, потому что онъ Саксонецъ душою и сердцемъ.

Чарторыйскіе уже давно объявили, что ничего не предпримутъ, что будутъ ждать какъ пойдетъ война между Рос-

*) Панинъ Волконскому 30 сентября.

**) Панинъ Волконскому 31 октября.

сіей и Турціей. Въ августѣ пришло извѣстіе, что русскія дѣла идутъ плохо, что главнокомандующій, князь Голицынъ, принужденъ былъ перейдти Днѣстръ,—и Чарторыйскій, воевода русскій, объявилъ Волконскому: «Не какъ послу, но какъ моему старому другу откроюсь чистосердечно, что кто здѣсь будетъ сильнѣе, того сторону мы и примемъ; я отсюда изъ Варшавы не поѣду, а королю себя спасать надобно, вы здѣсь не такъ сильны, чтобы могли насъ защитить» *). Чарторыйскіе поспѣшили сдѣлать первый шагъ впередъ противъ Россіи, оказавшейся въ ихъ глазахъ слабою; они уговорили короля созвать сенатъ, гдѣ было рѣшено отправить пословъ къ русскому и другимъ дворамъ съ объявленіемъ, что послѣдній трактатъ съ Россіей, какъ вынужденный княсемъ Репнинымъ, долженъ быть уничтоженъ. Это было 30 сентября. Волконскій отправился къ королю: «Не стыдно ли вашему величеству приписывать насилію князя Репнина все сдѣланное на послѣднемъ сеймѣ, когда вы знаете, что все это одобрено ея императорскимъ величествомъ, да и зачѣмъ же вы сами съ сеймомъ ратификовали это дѣло? Пусть частные люди опасались насилій отъ князя Репнина, который, впрочемъ, не могъ бы ни на что̀ рѣшиться безъ повелѣнія своего двора; но В. В. чего боялись? Вѣдь васъ князь Репнинъ не взялъ бы! Сверхъ того, для чего вы молчали по сю пору; а теперь, когда больше всего надобно бы вамъ быть благодарнымъ Россіи за избавленіе отъ Турокъ и отъ своихъ злодѣевъ, вы съ нею вздумали разрывать!» Король сначала ничего не отвѣчалъ, стоялъ какъ остолбенѣлый; но потомъ, оправившись, началъ увѣрять въ своей преданности къ императрицѣ, что и не думалъ сдѣлать ей что-либо непріятное, но, будучи Полякомъ, долженъ былъ доказать націи свое попеченіе о ея благоденствіи **).

*) Волконскій Панину 22 августа (2 сентября).

**) Волконскій Панину 1 (12) октября.

Понятовскій только сначала испугался сильной рѣчи Волконскаго: онъ не привыкъ слышать отъ него такихъ рѣчей; ему, вѣроятно, показалось, что передъ нимъ опять Репнинъ. Но потомъ онъ успокоился; его увѣрили, что 30 сентября онъ совершилъ геройскій поступокъ; онъ сталъ бодръ и веселъ, и когда Волконскій, чрезъ нѣсколько времени, въ другой разъ подошелъ къ нему съ представленіемъ, что Чарторыйскіе ведутъ его къ погибели, то король ничего не отвѣчалъ, улыбнулся и отошелъ прочь. Чарторыйскіе стали громко говорить, что они никогда еще не были на такой твердой ногѣ какъ теперь, и когда кто-то замѣтилъ, что Россія не можетъ быть довольна ихъ поведеніемъ, то воевода русскій отвѣчалъ: «Правда, что первый ударъ можетъ быть для насъ чувствителенъ, но время все успокоитъ» *). Волконскій въ раздраженіи, имѣлъ неосторожность истратить послѣдній зарядъ; онъ спросилъ у короля: «надѣется ли онъ остаться на тронѣ хоть недѣлю, если ея императорское величество лишитъ его своей защиты?» Понятовскій ничего не сказалъ на это, «только пожался» **). Посолъ позабылъ правило: не грозить, когда нѣтъ силы или желанія привести угрозу въ исполненіе.

На основаніи сенатскаго рѣшенія 30 сентября, хотѣли отправить князя Огинскаго въ Петербургъ съ протестомъ противъ Репнинскаго трактата; но изъ Петербурга дали знать, что Огинскаго не примутъ. Между тѣмъ король совершенно успокоился послѣ угрозы Волконскаго, потому что не было ничего похожаго на приведеніе ея въ исполненіе; онъ имѣлъ ежедневныя конференціи съ приближенными къ нему людьми, а они, особенно трое: Чарторыйскій (канцлеръ литовскій), маршалъ Любомирскій и вице-канцлеръ Борхъ, публично кри-

---

*) Волконскій Панину 12 (23) октября.

**) Волконскій Панину 18 (29) ноября.

чали, что никогда еще Польша и они сами не находились въ лучшемъ состояніи, несмотря на то что Россія начала успѣшно дѣйствовать противъ Турокъ; изъ разныхъ угловъ имъ давали знать, что эти самые успѣхи побудятъ другія европейскія государства вооружиться противъ Россіи. Однажды епископъ куявскій замѣтилъ Борху, что они и себя губятъ, и другихъ въ погибель влекутъ, дѣйствуя явно противъ Россіи, отъ которой одной Польша можетъ ожидать помощи; особенно безразсудно раздражать Россію теперь, когда она взяла верхъ надъ Турками. Борхъ отвѣчалъ, что Россіи бояться нечего; хотя она и побѣдила Турокъ въ эту кампанію, но, конечно, будетъ побѣждена въ будущую кампанію; да еслибы этого и не случилось, то вся Европа, чтобы воспрепятствовать усиленію Россіи, вступится за Польшу, особенно Австрія, которая вѣрно не будетъ смотрѣть поджавъ руки на побѣды Русскихъ надъ Турками и вступится за Польшу; Борхъ прибавилъ, что Россія, имѣя силу въ рукахъ, не посмѣетъ однако тронуть ни ихъ лично, ни имѣній ихъ, ибо до сихъ поръ ничего имъ не дѣлаетъ» *).

Среди торжества, которое доставляло королю и его совѣтникамъ увѣренность, что Россія слаба, потому что посолъ императрицы никого не хватаетъ, ничьихъ имѣній не конфискуетъ, а только даетъ деньги, и что вся Европа заступится за Польшу,—среди этого торжества король былъ нѣсколько потревоженъ внушеніями прусскаго посланника Бенуа отъ имени Фридриха II, чтобы Понятовскій не терялъ дружбы россійской императрицы. При первомъ свиданіи съ Волконскимъ Станиславъ Августъ началъ разговоръ словами, что онъ не желаетъ дѣлать ничего противнаго императрицѣ, но не зная о чемъ идетъ дѣло, не можетъ слѣпо предаться Россіи. «Дѣло идетъ о томъ, отвѣчалъ Волконскій, — чтобы

*) Волконскій Панину 27 ноября (8 декабря)

удержать васъ на престолѣ и успокоить Польшу; надобно вашему величеству, не теряя времени, подумать о себѣ, оставя злыхъ совѣтниковъ; я не могу изъясняться о мѣрахъ, предпринимаемыхъ нами для избавленія вашего и Польши, прежде чѣмъ вы не отстанете отъ этихъ совѣтниковъ, потому что нѣтъ сомнѣнія насчетъ желанія ихъ умножать замѣшательства. Канцлеръ литовскій безпрестанно пишетъ въ Литву, возмущая ее противъ насъ, а маршалъ коронный (Любомирскій) явно говоритъ, что они не смѣютъ ничего предпринять противъ республики; когда же спросили у него, что̀ онъ разумѣетъ подъ республикой? то онъ отвѣчалъ: Барскую конфедерацію. Борхъ душою Саксонецъ и, въ случаѣ несчастія вашего величества, конечно отъ васъ отречется.» Король сказалъ на это, что Чарторыйскіе ему родня, и потому отстать отъ нихъ ему нельзя; что онъ не можетъ обѣщать исполнить все чего хочетъ Россія, потому что, можетъ-быть, Россія захочетъ ниспровергнуть все полезное для Польши, сдѣланное въ его царствованіе; наконецъ, что слухи, дошедшіе до посла о Чарторыйскомъ и Любомирскомъ, ложны. «Дядей своихъ вы можете почитать какъ родню», возразилъ Волконскій, «но не слушать ихъ совѣтовъ; ея величество отъ трактата своего и диссидентскаго дѣла никогда не отступитъ, насчетъ гарантіи сдѣлаетъ изъясненіе на извѣстномъ основаніи; отнявъ же однажды отъ дядей вашихъ свою высочайшую протекцію, навсегда ихъ ея лишила; они возвысились одною ея милостію, пріобрѣли кредитъ, богатство и могущество, а послѣ употребили во зло милость ея величества.» — Король спросилъ: «Кто же будутъ нашими друзьями? Развѣ Потоцкіе, которые оказали вамъ такую неблагодарность?» — «Не знаю,» отвѣчалъ Волконскій, «благодарны или нѣтъ Потоцкіе; но знаю то, что Чарторыйскіе неблагодарны, и что Потоцкими нѣсколько разъ мы жертвовали для возвышенія Чарторыйскихъ.» — Король разгорячился и спросилъ: «Что̀

жь вы съ Чарторыйскими сдѣлаете? Неужели схватите ихъ какъ Солтыка?» — «Не ручаюсь и за это, если они поведенія своего не перемѣнятъ,» отвѣчалъ Волконскій. — «Въ такомъ случаѣ лучше схватить и меня,» сказалъ король.— «Надѣюсь,» продолжалъ онъ, «что ея императорское величество, по великодушію своему, не принудитъ меня отстать отъ родни.» Въ этомъ же разговорѣ король упомянулъ, что не дурно было бы взять въ посредники какую-нибудь католическую державу. «Ваше величество вѣрно желаете Францію?» спросилъ Волконскій. — «Да, ее или Австрію, потому что дѣло идетъ о вѣрѣ», отвѣчалъ король. — «Зачѣмъ эта медіація», покончилъ Волконскій: — «какіе нужны медіаторы между императрицею и вами, котораго она возвела на престолъ и удерживаетъ на немъ; медіацію же между Россіею и бунтовщиками, которыхъ вы называете націею, мы принять не можемъ» *).

Между тѣмъ польскій резидентъ въ Петербургѣ, Псарскій, далъ знать королю, что русскій дворъ намѣренъ совершенно отступиться отъ гарантіи, и согласиться на исключеніе диссидентовъ изъ законодательства, если диссиденты сами добровольно припилютъ о томъ съ просьбою въ Петербургъ. При первомъ свиданіи король показалъ Волконскому депешу Псарскаго. Посолъ отвѣчалъ, что объ отступленіи отъ гарантіи никакого повелѣнія не имѣетъ, что гарантію можно только изъяснить чрезъ декларацію или новый пополнительный трактатъ; что же касается диссидентовъ, то думаетъ, что еслибы они сами добровольно пожелали отказаться отъ какихъ-нибудь правъ, то затрудненія въ этомъ со стороны русскаго двора не будетъ. Король, услыхавъ о пополнительномъ трактатѣ, пришелъ въ восторгъ, и сказалъ: «Прекрасно! надобно работать!» Но Волконскій умѣрилъ его восторгъ, за-

*) Волконскій Панину, 14 (25) декабря.

мѣтивъ, что прежде всего надобно получить удостовѣреніе, что Чарторыйскіе и прочіе совѣтники королевскіе будутъ устранены отъ содѣйствія, и что впередъ король будетъ раздавать награды не по ихъ представленіямъ, а по совѣту съ нимъ, посломъ. «Лучше дамъ себя въ куски изорвать чѣмъ на это соглашусь!» отвѣчалъ король съ жаромъ. — «Въ такомъ случаѣ», сказалъ Волконскій, «если нужда дойдетъ до конфедераціи, то мы принуждены будемъ составить ее и безъ вашего величества.» — «Не лишу я своихъ совѣтниковъ довѣренности,» продолжалъ король: — «потому что еслибы я ихъ отъ себя отдалилъ, то нація увидала бы, что я ихъ бросилъ за ихъ враждебность къ Россіи.» — «Изъ этого выходитъ», сказалъ Волконскій, — «что ваше величество и сами стараетесь показать себя врагомъ Россіи; а по моему, ваше величество крѣпче сидѣли бы на тронѣ, еслибы нація увѣрилась, что вы съ нами.» Король, увидѣвъ, что проговорился, не отвѣчалъ ни слова *).

Наступилъ 1770 годъ. Волконскій получилъ наказъ: «Сколько король, по лукавымъ совѣтамъ дядей своихъ, ни будетъ стараться о примиреніи съ мятущеюся частію націи, примиренія этого никогда не послѣдуетъ: поэтому въ ожиданіи перемѣнъ въ дѣлахъ, которыя изъ этихъ самыхъ тщетныхъ стараній скорѣе произойдти должны, и надобно намъ поступать относительно короля съ нѣкоторою умѣренностію, дабы не отнимать у него всей надежды на будущее время; въ разсужденіи же возмутителей дѣйствовать всѣми силами, бить ихъ гдѣ только случай представится, не давая имъ нигдѣ утвердиться и составить нѣчто цѣлое и казистое, представляющее корпусъ республики, который бы, по наущенію Франціи и саксонскаго двора, могъ объявить престолъ вакантнымъ. Низверженіе нынѣ царствующаго короля, какъ ни

*) Волконскій Панину, 27 декабря 1769 г. (7 января 1770).

мало надеженъ онъ для имперіи нашей по личному своему характеру, не можетъ однако никоимъ образомъ согласоваться съ славою и интересами нашими, потому что, уступивъ польскій престолъ курфирсту Саксонскому или комунибудь другому, подверглись бы мы предъ свѣтомъ ложному мнѣнію, что либо сѣверная наша система сама по себѣ несостоятельна, или же что вліяніе наше въ Польшѣ противъ французскаго устоять не могло, по недостатку естественныхъ силъ Россіи, слѣдовательно и по невозможности удѣлить изъ нихъ, во время войны съ Турками, столько, чтобъ они первое одною Россіею воздвигнутое политическое зданіе могли охранить отъ паденія. Но положимъ, что мы сами по неблагодарности короля польскаго, рѣшились лишить его короны и доставить ее кому-нибудь другому: кого же тутъ избрать, чтобы націи былъ угоденъ, и интересамъ нашимъ не противенъ, и могъ съ пользою и успѣхомъ способствовать намъ въ примиреніи Польши? Курфирста саксонскаго исключаетъ наша сѣверная система и многіе вслѣдствіе ея заключенные трактаты и торжественныя деклараціи; а всякій другой Пястъ соединитъ въ себѣ всѣ тѣ же, а можетъ-быть бóльшія еще неудобства, какія мы съ нынѣшнимъ королемъ встрѣтили.» Панинъ прибавлялъ отъ себя: «По моему мнѣнію, мы ничего не потеряемъ, оставляя еще на нѣкоторое время польскія дѣла ихъ собственному безпутному теченію, которое, истощаясь само собою, приблизится къ пункту того перелома, которымъ ваше сіятельство съ лучшимъ успѣхомъ воспользоваться можете» *).

Но до этого перелома было далеко, и положеніе русскаго посла въ Варшавѣ становилось все тяжелѣе. Въ самомъ началѣ января Понятовскому дали знать изъ Франціи, что тамошнее правительство обѣщаетъ ему помощь, одобряетъ

*) Панинъ Волконскому 3 апрѣля 1770.

его поведеніе, считаетъ сенатскій декретъ 30 сентября геройскимъ дѣломъ, хвалитъ короля за то, что, будучи въ рукахъ Россіи, такъ отважно дѣйствуетъ противъ нея. Слабый, легко всѣмъ увлекавшійся король, пришелъ въ восторгъ и публично говорилъ, что почитаетъ этотъ день самымъ счастливымъ въ своей жизни. Вице-канцлеръ Борхъ кричалъ, что теперь-то всѣ видятъ, какіе плоды произвели ихъ тайныя конференціи и чего отъ нихъ можно надѣяться. Волконскій спросилъ у короля, точно ли онъ получилъ письмо изъ Франціи? Тотъ рѣзко и сухо отвѣчалъ, что не получалъ. Станиславъ Августъ видимо развивался: прежде онъ смущался, когда русскій посолъ обличилъ его въ чемъ-нибудь, прежде онъ жаловался на насилія Репнина — теперь уже началъ говорить, что Репнинъ его обманывалъ. Жалуясь епископу куявскому на Волконскаго, что тотъ не хочетъ сноситься съ его министерствомъ, король сказалъ: «Волконскій поступаетъ точно также какъ и Репнинъ, съ тою только разницей, что Репнинъ обманывалъ меня нагло, а Волконскій обманываетъ подъ рукою, скрытно.» Но въ чемъ состоялъ обманъ, этого король не объяснилъ. Волконскій говорилъ, что Россія возвела Понятовскаго на престолъ: это была правда, а не обманъ; Волконскій говорилъ, что Россія хочетъ поддержать его на престолѣ — и это была правда; король вѣрилъ этому, и какъ этимъ пользовался! Станиславъ Августъ забылъ, что Репнинымъ и Волконскимъ нѣтъ нужды обманывать Понятовскихъ; Понятовскихъ обманываютъ Млодзѣевскіе: великій канцлеръ коронный Млодзѣевскій взялъ у Волконскаго 1,000 червонныхъ и разсказывалъ ему, что происходитъ у короля на тайныхъ конференціяхъ *).

Въ маѣ Волконскій услыхалъ, что король разослалъ письма по сенаторамъ по поводу сейма, который должно было созвать въ 1770 году. Волконскій отправился къ королю и

*) Волконскій Панину 8 (19) января, 17 (28) февраля, 18 (29) марта.

выразилъ ему свое удивленіе, что дѣлаются приготовленія къ сейму, который, кажется, ни предпринять безъ согласія, ни привести къ концу безъ русскаго содѣйствія нельзя: «Не надѣялся я, прибавилъ Волконскій, что совѣтники вашего величества и тутъ принудятъ васъ отъ насъ скрываться.»—«Я это сдѣлалъ, отвѣчалъ король, не по принужденію отъ совѣтниковъ, но чтобъ узнать мнѣніе сенаторовъ по поводу сейма; всякій хозяинъ воленъ въ своемъ домѣ, хотя и случается, что у него солдаты стоятъ постоемъ; дѣлать все съ вашего согласія значитъ быть у васъ въ подданствѣ.» —«Подданства тутъ нѣтъ никакого, сказалъ на это Волконскій: — намѣреніе ея императорскаго величества состоитъ въ томъ, чтобъ удержать васъ на тронѣ и успокоить Польшу, для этого и войска ея здѣсь находятся; слѣдовательно и о мѣрахъ, служащихъ къ достиженію этой цѣли, намъ должно условливаться; если солдаты стоятъ на квартирѣ для безопасности хозяина, то благоразуміе требуетъ отъ него предупреждать ихъ о своихъ распоряженіяхъ въ домѣ, дабы не произошло какого вреда по незнанію солдатъ, и такія сношенія хозяина съ солдатами нисколько не показываютъ его подданнической зависимости отъ нихъ.»—«Я долженъ съ вами сноситься, сказалъ король,—а вы со мной не сноситесь, когда распоряжаетесь операціями своихъ войскъ.»— «Очень естественно, отвѣчалъ Волконскій, потому что ваше величество повѣряете все своимъ совѣтникамъ, а изъ нихъ нѣкоторые сносятся съ мятежниками и обо всемъ ихъ увѣдомляютъ.» (Волконскій разумѣлъ здѣсь Любомирскаго, который переписывался съ конфедератами чрезъ Длускаго, подкоморія люблинскаго).—«Для чего же, спросилъ король, вы не укажете этихъ мятежничьихъ сообщниковъ?»—«Если ихъ указать, отвѣчалъ Волконскій, то надобно и наказать, къ чему время еще не ушло» *).

*) Волконскій Панину 20 (31) мая.

Положеніе Волконскаго становилось невыносимымъ: играть въ глазахъ Поляковъ роль Репнина, но безъ смѣлости, рѣшительности и казистости послѣдняго, было не лестно для Волконскаго; ждать, когда безпутное теченіе дѣлъ само приблизится къ пункту перелома и въ этомъ ожиданіи ничего не дѣлать и подвергаться непріятностямъ отъ людей, ободренныхъ такимъ бездѣйствіемъ, которое являлось имъ безсиліемъ,—было слишкомъ тяжело. Волконскій сталъ просить объ отзывѣ; его не отозвали; только позволили на лѣто ѣхать лѣчиться на воды, и въ его отсутствіе мѣсто его занималъ Веймарнъ. По возвращеніи Волконскаго въ Варшаву, осенью 1770 и зимою 1771 года, дѣла не перемѣнились. Наконецъ весною 1771 Волконскій былъ отозванъ, и на его мѣсто назначенъ Салдернъ, человѣкъ съ другимъ характеромъ, какъ увидимъ.

ГЛАВА V.

На мѣсто Волконскаго хотѣли назначить въ Варшаву кого-нибудь въ родѣ Репнина, и назначили Салдерна. Салдернъ дѣйствительно отличался характеромъ противоположнымъ характеру Волконскаго, котораго онъ называлъ старою бабой, позволявшею себѣ сносить всевозможныя оскорбленія. Но дуга была перегнута въ противную сторону: Салдернъ, человѣкъ очень даровитый, отличался большою

энергіей, но тутъ примѣшивалась значительная доля раздражительности, увлеченія, не доставало необходимой въ его положеніи холодности, спокойствія. Салдернъ, человѣкъ старый и больной, ѣхалъ въ Варшаву очень неохотно, составивъ себѣ напередъ самое печальное представленіе о томъ, что его ожидало; его уговорили ѣхать только обѣщаніемъ, что больше года не пробудетъ на своемъ постѣ. Это нерасположеніе къ дѣлу, которое Салдернъ взялъ на себя, разумѣется, не могло содѣйствовать успокоенію его раздражительности; и такъ какъ большинство польскихъ магнатовъ, съ которыми посолъ долженъ былъ имѣть дѣло, не могло внушить къ себѣ никакого уваженія, то Салдернъ далъ полную волю своему презрѣнію къ нимъ и сердился на тѣхъ изъ Русскихъ, которые были сдержаннѣе въ этомъ отношеніи; съ другой стороны, Салдернъ, по болѣзненной впечатлительности своей, готовъ былъ преувеличивать трудности, опасности своего положенія и положенія представляемаго имъ государства относительно Польши.

Пріѣхавъ въ Варшаву, Салдернъ занялся изученіемъ лицъ и партій, и результаты этого изученія отправилъ къ императрицѣ. Посолъ дѣлилъ дѣйствующихъ въ Польшѣ лицъ на пять частей: 1) король, 2) мнимые королевскіе друзья, 3) мнимые друзья Россіи, 4) конфедераты явные, 5) конфедераты тайные. Конфедератами онъ называетъ всѣхъ тѣхъ, которые ненавидятъ короля и число которыхъ превышаетъ $^3/_4$ населенія государства. Саксонскую партію посолъ нашелъ гораздо многочисленнѣе чѣмъ думали: первыя фамиліи въ Варшавѣ держались еще Саксонскаго дома. Кромѣ преданныхъ Саксонскому дому, былъ другой родъ конфедератовъ, именно тѣ, которые не терпятъ короля; число ихъ не малое, ибо невѣроятно до какой степени простирается ненависть къ этому государю. «Если я, пишетъ Салдернъ, съ генераломъ Веймарномъ сегодня выѣду изъ Варшавы, взявъ

съ собою войска и пушки, то въ 24 часа вся Варшава сконфедеруется, и короля во дворцѣ убьютъ камнями. Я не скрылъ отъ короля этой истины и видѣлъ его въ жестокой необходимости со мною согласиться. Но есть еще другой родъ конфедератовъ: это духовные, которыми Польша, а особенно столица преисполнена. Эти адскіе служители злоупотребляютъ властію своею надъ слабыми душами до такой степени, что подъ страхомъ отлученія отъ святыхъ таинъ и неразрѣшенія грѣховъ принуждаютъ ихъ помогать явно и тайно конфедератамъ. Женщины служатъ вмѣсто шпіоновъ и набираютъ солдатъ для конфедерацій. Сюда же должно причислить и газетчиковъ, наполняющихъ Варшаву и разсылающихъ по всѣмъ провинціямъ ложныя новости.» Характеры дѣйствующихъ лицъ Салдернъ очерчиваетъ такимъ образомъ: мнимые друзья Россіи: 1) примасъ Подоскій, не терпящій короля Саксонецъ, непримиримый врагъ Чарторыйскихъ, имѣющій въ деньгахъ нашихъ нужду, есть первый изъ друзей нашихъ. Онъ не имѣетъ ни закона, ни вѣры, ни кредита, не уважается народомъ, презрѣнъ большими и не любимъ малыми. Въ немъ есть одна добрая черта: онъ имѣетъ честность объявлять: «Если я не могу имѣть короля изъ Саксонскаго дома, то всегда изъ благодарности буду повиноваться волѣ ея императорскаго величества.» Впрочемъ онъ такой человѣкъ, которому никогда никакой тайны ввѣрить нельзя, котораго дѣйствующимъ лицомъ употребить нельзя и съ которымъ ни одинъ честный человѣкъ здѣсь дѣйствовать вмѣстѣ не согласится.

2) Епископъ виленскій, князь Мосальскій, человѣкъ тонкаго и хитраго разума, но такъ вѣтренъ, какъ французскій аббатъ петиметръ, надутый въ то же время своими достоинствами и дарованіями, стремящійся къ пріобрѣтенію важнаго значенія въ странѣ, желающій возвыситься съ паденіемъ Чарторыйскихъ. Надежда собрать сильную партію при-

влекла его къ нашей сторонѣ. Это человѣкъ лукавый, ненадежный; онъ имѣетъ нѣкоторый кредитъ въ Литвѣ, но и то у мелкихъ людей.

Болѣе его кредита въ Литвѣ имѣетъ 3) графъ Флемингъ, воевода померанскій, единственный твердый и надежный человѣкъ; онъ другъ Россіи по внутреннему убѣжденію.

4) Воевода подляшскій получаетъ отъ насъ пенсію; деньги единственное божество его. За деньги намъ вѣренъ и добрый крикунъ если нужда потребуетъ.

5) Воевода калишскій, вполнѣ предавшійся графу Мнишку, безъ системы и трусъ преестественный.

6) Зять его, графъ Рогалинскій похожъ на тестя и для дѣлъ нашихъ совершенно безполезенъ.

7) Великій канцлеръ коронный, епископъ познанскій Млодзѣевскій, Макіавель Польши, продающій себя тому, кто дастъ дороже, безъ уваженія и кредита въ государствѣ.

8) Епископъ куявскій, братъ познанскаго, во всемъ подобный ему, только не такъ уменъ.

9) Великій кухмистръ коронный Понинскій получаетъ пенсію. Легкомысленъ и любитъ играть важную роль; для вѣстей способенъ, проворенъ.

10) Маршалъ литовскій Гуровскій хитрый человѣкъ, съ разумомъ, но безъ искры честности. Я буду имѣть въ немъ нужду для развѣдыванія чужихъ тайнъ и мыслей.

Мнимые друзья королевскіе: 1) Воевода русскій князь Чарторыйскій. Онъ передъ всѣми отличается великими качествами души. Кажется мнѣ, что онъ сильно начинаетъ упадать; несмотря на то, онъ управляетъ всѣми движеніями государства, человѣкъ просвѣщенный, проницательный, умный, знающій совершенно Польшу, уважаемый одинаково друзьями и врагами: твердъ въ намѣреніяхъ и остороженъ, съ безпримѣрнымъ дарованіемъ пріобрѣтать себѣ сердца человѣческія, хитростью раздѣляетъ, краснорѣчіемъ соединя-

етъ, проникаетъ другихъ, а самъ не проницаемъ. Воевода русскій умѣлъ заставить короля отстать отъ Россіи; король дѣлаетъ все, что̀ онъ захочетъ. 2) Братъ воеводы русскаго, канцлеръ, человѣкъ разумный, въ коварствахъ весьма много обращавшійся, нынѣ уже престарѣлый и служащій только орудіемъ своему брату, но впрочэмъ любимый народомъ и умѣвшій найдти себѣ друзей въ государствѣ, а особливо въ Литвѣ. 3) Князь Любомирскій, великій маршалъ коронный, зять воеводы русскаго, человѣкъ проворный, предпріимчивый, но средняго разума, дѣйствующій только тогда, когда старики его заводятъ. Ненавидитъ короля, не взирая на родство; не любитъ Россіи. Есть еще два человѣка, которыхъ можно назвать спутниками князя Чарторыйскаго, Борхъ и Пржездецкій, одинъ вице-канцлеръ коронный, а другой литовскій: оба ябедники, оба жалкіе политики, оба безъ уваженія и кредита. Графъ Браницкій одинъ изъ друзей королевскихъ, который говоритъ ему правду твердо и необинуясь. Онъ одинъ, на котораго я могу положиться. У короля честное сердце, но слабъ онъ до невозможности; широты и твердости нѣтъ въ его разумѣ, не привыкшемъ разсуждать и повелѣвать воображеніемъ. Онъ непремѣнно требуетъ руководителя, прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшается и послѣ того какъ уже рѣшеніе принято.

Убѣдившись очень скоро въ слабости и лукавствѣ мнимыхъ друзей Россіи, Салдернъ рѣшился дѣйствовать на короля, чтобы привлечь его и друзей его на свою сторону. Онъ постарался представить Станиславу Августу весь ужасъ его положенія: ненависть къ нему народа, отсутствіе всякой помощи извнѣ, ибо и русская императрица готова лишить его своего покровительства; посолъ постарался уничтожить въ немъ убѣжденіе въ невозможности послѣдняго, объявивъ, что если король будетъ поступать попрежнему, то онъ немедленно же выѣдетъ въ Гродно, забравъ съ со-

бою войско и всѣхъ тѣхъ, кто захочетъ за нимъ слѣдовать, и въ Гроднѣ будетъ дожидаться дальнѣйшихъ приказаній императрицы. Испуганный король далъ запись: «Вслѣдствіе увѣреній посла ея величества императрицы всероссійской въ томъ, что августѣйшая государыня его намѣрена поддерживать меня на тронѣ польскомъ и готова употребить всѣ необходимыя средства для успокоенія моего государства; вслѣдствіе изъясненія средствъ, какія, по словамъ посла, императрица намѣрена употребить для достиженія этой цѣли; вслѣдствіе обѣщанія, что она будетъ считать моихъ друзей своими, если только они будутъ вести себя какъ искренніе мои приверженцы, и что она будетъ обращать вниманіе на представленія мои относительно средствъ успокоить Польшу, — вслѣдствіе всего этого я обязуюсь совѣщаться съ ея величествомъ обо всемъ и дѣйствовать согласно съ нею, не награждать, безъ ея согласія, нашихъ общихъ друзей, не раздавать вакантныхъ должностей и староствъ, въ полной увѣренности, что ея величество будетъ поступать со мною дружественно, откровенно и съ уваженіемъ, на что я въ правѣ разсчитывать послѣ всего сказаннаго ея посломъ.» Подписано 16 мая 1771 года. Станиславъ Августъ король.

Салдернъ, съ своей стороны, далъ королю запись: 1) кромѣ ея императорскаго величества только два человѣка будутъ знать о записи королевской: графъ Панинъ и графъ Орловъ. 2) Россія не сообщитъ объ этомъ ни одному двору иностранному и ни одному Поляку, однимъ словомъ, запись останется подъ глубочайшимъ секретомъ. 3) Запись будетъ возвращена королю по возстановленіи спокойствія въ Польшѣ. 4) Императорскій посолъ будетъ обходиться съ королевскими друзьями, которые станутъ на сторону Россіи, какъ съ друзьями искренно примирившимися. 5) Императорскій посолъ въ теченіе трехъ дней распорядится освобожде-

ніемъ изъ-подъ секвестра имѣній тѣхъ лицъ, списокъ которыхъ представитъ король.

Чтобы показать свое единеніе съ Россіею, король согласился вывести въ поле, противъ конфедератовъ, двухтысячный отрядъ своего войска, подъ начальствомъ Браницкаго. Но прежде всего нужно было обратить вниманіе на состояніе русскаго войска. Отправляясь въ Варшаву, Салдернъ представилъ императрицѣ свои опасенія насчетъ генерала Веймарна, представилъ, что у него не достаетъ твердости и быстроты въ исполненіи. Императрица согласилась, что у Веймарна дѣйствительно не доставало многихъ способностей, необходимыхъ въ его положеніи. Пріѣхавъ въ Варшаву, Салдернъ убѣдился еще болѣе въ неспособности Веймарна. Посолъ былъ пораженъ жалобами, которыя слышались со всѣхъ сторонъ на поведеніе русскихъ войскъ въ городахъ и селахъ. «Веймарнъ столько же огорченъ этимъ, какъ и я, писалъ Салдернъ императрицѣ *), но что̀ толку въ его безплодномъ сожалѣніи? Онъ сталъ желченъ, нерѣшителенъ, робокъ, мелоченъ. Я не смѣю надѣяться на успѣхъ, если здѣсь не будетъ другаго генерала.» Салдернъ просилъ прислать или Бибикова, или князя Репнина; относительно послѣдняго онъ писалъ: «Смѣю увѣрить, что здѣсь мнѣнія перемѣнились на его счетъ; предубѣжденіе исчезло и уступило мѣсто уваженію, какое дѣйствительно заслуживаютъ его честность и достоинства. Здѣсь начинаютъ даже желать его возвращенія; всѣ, кого только я видѣлъ, только отъ его присутствія ждутъ улучшенія своего положенія, относительно русскаго войска.»

Войска этого было тогда въ Польшѣ 12.169 человѣкъ, да въ Литвѣ 3.818; 74 пушки и при нихъ 316 артиллеристовъ. Волконскій и Веймарнъ раздѣлили все войско по по-

---

*) 11 (22) мая 1771 года.

стамъ неподвижнымъ и подвижнымъ. Подъ именемъ неподвижныхъ постовъ разумѣлись городскіе гарнизоны и посты, необходимые для поддержанія сообщеній. Подвижными постами назывались летучіе отряды, назначенные дѣйствовать противъ конфедератовъ всюду, по мѣрѣ надобности. Салдернъ никакъ не могъ согласиться, чтобы было полезно ограничиться одною оборонительною войною, какъ было въ послѣднее время, и употреблять на борьбу съ конфедератами только четвертую часть войска, оставляя другія три части въ гарнизонахъ. Войска, по мнѣнію Салдерна, портились отъ постояннаго пребыванія въ гарнизонахъ, пріучались къ неряшеству, солдаты начинали заниматься мелкою торговлею какъ Жиды. «Я, писалъ Салдернъ, займусь серіозно установленіемъ лучшаго порядка и лучшей полиціи въ столицѣ и ея окресностяхъ, ни мало не безпокоясь, будетъ ли это нравиться его польскому величеству или магнатамъ. Я выгоню изъ Варшавы конфедератскихъ вербовщиковъ: дѣло неслыханное, которое уже два года сряду здѣсь дѣлается! Я не позволю, чтобы бросали каменья и черепицу на патрули русскихъ солдатъ; дерзость доходитъ до того, что въ нихъ стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ. Я не буду терять времени въ жалобахъ на эти преступленія великому маршалу, который находитъ всегда тысячу увертокъ, чтобъ уклониться отъ преданія виновныхъ въ руки правосудія. Образъ веденія войны въ Польшѣ мнѣ не нравится. Первая наша забота должна состоять въ томъ, чтобъ овладѣть большими рѣками. Недостатокъ въ офицерахъ, способныхъ командовать отрядами, или маленькими летучими корпусами, невѣроятенъ. Есть храбрые воины, но не способные управлять ни другими, ни самими собою. Другіе думаютъ только о томъ, какъ бы нажиться. На способность и благоразуміе офицеровъ генеральнаго штаба положиться нельзя. Все, что здѣсь дѣлается хорошаго, дѣлается только благо-

даря доблести и неустрашимости солдатъ. Исключая генералъ майора Суворова и полковника Лопухина, дѣятельность другихъ начальниковъ ограничивается тѣмъ, чтобы давать отъ времени до времени щелчки конфедератскимъ шайкамъ. Давши одинъ, другой щелчокъ, наши командиры ретируются съ добычею, собранною по дорогѣ въ имѣніяхъ мелкой шляхты и, расположившись не квартирахъ, ѣдятъ и пьютъ до тѣхъ поръ, пока конфедераты не начнутъ снова собираться. Бывали примѣры, что наши начальники отрядовъ съѣзжались съ конфедератскими и вмѣстѣ пировали» *.

Порѣшивши съ королемъ, Салдернъ обратился къ націи; 14 мая (по ст. стилю) онъ издалъ декларацію, въ которой отъ имени императрицы приглашалъ благонамѣренныхъ Поляковъ соединиться и подумать о средствахъ вывести Польшу изъ того ужаснаго положенія, въ какомъ она находилась; приглашалъ снестись насчетъ этого съ нимъ, посломъ, обѣщалъ убѣдить націю въ безкорыстіи императрицы, которая не желаетъ ничего, что̀ могло бы вредить независимости республики; наконецъ приглашалъ и конфедератовъ къ примиренію. Оказалось, что декларація была написана слишкомъ мягко; насъ зовутъ, значитъ въ насъ имѣютъ нужду, значитъ мы сильны и можемъ поднимать головы, можемъ не пойдти на зовъ; дѣлай что̀ хочешь, что̀ возьмешь? Салдернъ началъ хлопотать, какъ бы поправить дѣло, сталъ повторять всѣмъ, что пріѣхалъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы выпрашивать Христа ради или покупать успокоеніе Польши. Потомъ Салдернъ въ продолженіи восьми дней избѣгалъ разговоровъ съ глазу на глазъ съ кѣмъ бы то ни было, давая чувствовать, что онъ сдѣлалъ свое дѣло, передъ всею Европою сказалъ свое слово королю и націи; теперь ихъ чередъ отвѣчать ему. 27 мая явилась къ послу торжественная де-

*) Салдернъ императрицѣ 1 (12) іюня.

путація отъ имени королевскаго; оба великіе канцлера, коронный и литовскій разсыпались въ похвалахъ, въ выраженіяхъ удовольствія и глубочайшаго уваженія къ ея императорскому величеству, по поводу декларации. Посолъ отвѣчалъ на все это, что если король хочетъ воспользоваться декларацією, то долженъ созвать всѣхъ епископовъ, сенаторовъ, сановниковъ и шляху, находящуюся въ Варшавѣ, и представить имъ печальное состояніе государства *).

Король исполнилъ желаніе Салдерна, созвалъ всѣхъ и предложилъ вопросъ: что̀ дѣлать при настоящихъ обстоятельствахъ? За отвѣтомъ король обратился къ первому примасу Подоскому. Тотъ отвѣчалъ, что надобно подождать, какое впечатлѣніе декларація произведетъ въ странѣ, и особенно между конфедератами. Двое другихъ *друзей Россіи* — виленскій епископъ Мосальскій и кухмистръ Понинскій отвѣчали, что надобно снестись съ конфедератами и потомъ созвать сеймъ для разсужденія о томъ, что русскій дворъ представитъ для будущихъ соглашеній. Раздраженный Салдернъ принялся за Подоскаго, объявилъ ему, что интриги его съ саксонскимъ министромъ и конфедератами для низложенія короля извѣстны: «Вы меня больше не обманете вашими увѣреніями въ искренности, которая вамъ извѣстна только по имени». Потомъ посолъ пересчиталъ ему всѣ мелкія плутовства, которыя архіепископъ позволялъ себѣ при Волконскомъ, водя старика за носъ. На все это примасъ отвѣчалъ съ *нѣкотораго рода* гнѣвомъ, что хочетъ выѣхать изъ Варшавы. «Для этого, сказалъ Салдернъ, я дамъ вамъ эскорту, достойную того мѣста, какое вы занимаете въ государствѣ, и которая можетъ замѣнить саксонскую гвардію.» Надобно замѣтить, что прелатъ жилъ въ саксонскомъ дворцѣ, что прислуга его состояла частію изъ Саксонцевъ, и гвардіею

*) Салдернъ Панину 28 мая (8 іюня).

служили ему два отряда саксонскихъ войскъ, которымъ позволено было оставаться въ Варшавѣ. Салдернъ упрекалъ Подоскаго за разныя плутовства его при Волконскомъ; но и съ нимъ архіепископъ сыгралъ хорошую штуку: вызвался перевести декларацію на польскій языкъ и въ разныхъ мѣстахъ передѣлалъ; такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ говорилось о Польшѣ, что она до послѣдняго печальнаго времени была цвѣтущею, а въ переводѣ Подоскаго оказалось: «подъ правленіемъ саксонской династіи цвѣтущая». Въ другомъ мѣстѣ говорилось: «Добродѣтельные граждане, которые стенаютъ въ молчаніи»; а Подоскій перевелъ: «Добродѣтельные граждане, которые стенаютъ въ Сибири». Когда Салдернъ сталъ упрекать его за такія искаженія, примасъ сложилъ всю вину на переписчика. «Вотъ съ какими людьми долженъ я имѣть дѣло въ этой странѣ, куда Богъ перенесъ меня въ крайнемъ гнѣвѣ своемъ,» писалъ Салдернъ Панину *),

Послѣ примаса Салдернъ принялся за двоихъ другихъ друзей Россіи. Два часа старался онъ «исправить голову Мосальскаго,» но понапрасну потерялъ время. Посолъ говорилъ ему о дѣлахъ государственныхъ, а епископъ гнулъ все въ одну сторону, чтобы Салдернъ помогъ ему въ процессахъ, которые онъ велъ въ литовскихъ трибуналахъ. Выведенный изъ терпѣнія посолъ сказалъ ему начисто, что считаетъ для себя безчестнымъ вмѣшиваться въ частныя тяжбы и помогать кому-нибудь въ судахъ, и что императрица будетъ презирать всѣхъ тѣхъ, которые будутъ имѣть въ виду свои частные интересы въ то время, когда идетъ дѣло о прекращеніи бѣдствій общественныхъ. Епископъ замѣтилъ на это, что въ Литвѣ 52.000 шляхты тайно сконфедерованной. «Жаль, что не вы командуете этою шляхтой, отвѣчалъ Салдернъ, потому что 6.000 русскихъ сол-

---

*) Салдернъ Панину 1 (12) іюня.

датъ, находящихся въ Литвѣ, разбили бы васъ въ пухъ.» Наконецъ дѣло дошло до Понинскаго. Салдернъ прямо выставилъ ему всю злостность его отвѣта въ то время, когда дѣло шло о спасеніи отечества, отвѣта, обнаружившаго скрытый ядъ, который онъ давно уже носилъ въ своей груди. «Я за вами слѣдилъ, я знаю, какъ вы вели себя съ княземъ Волконскимъ, которому вы обѣщали содѣйствовать всегда намѣреніямъ Россіи, у котораго вы вытянули 2.000 червонныхъ заразъ и пенсію въ 200 червонныхъ каждый мѣсяцъ. Я считаю васъ негоднымъ человѣкомъ и не дамъ вамъ ни копѣйки пенсіи» *).

Дней черезъ двадцать послѣ этихъ объясненій Салдернъ имѣлъ конференцію съ обоими канцлерами, коронным и литовскимъ, и маршаломъ Любомирскимъ, по поводу декларации. Эти господа начали увѣреніями въ правотѣ своихъ намѣреній, что они очень хорошо чувствуютъ свои бѣдствія и потому серіозно желаютъ ихъ прекращенія, но, прежде чѣмъ вступить въ реконфедерацію, они должны взвѣсить всѣ послѣдствія предпріятія, которое можетъ быть еще гибельнѣе для ихъ отечества, и потому считаютъ необходимою со стороны Россіи новую декларацію публичную, въ которой бы яснѣе высказались намѣренія императрицы относительно двухъ пунктовъ, наведшихъ такой ужасъ на націю, именно относительно гарантіи и диссидентовъ. Они настаивали, чтобы посолъ изъяснился положительно насчетъ каждаго пункта, и только тогда они могутъ поручиться ему за довольно значительное число довольно сильныхъ людей, могущихъ содѣйствовать образованію представительнаго корпуса. При этомъ они ловко намекнули, что ихъ кредитъ чрезвычайно ослабѣлъ съ нѣкотораго времени, что враги короля въ то же время и ихъ враги, и что они нуждаются

*) Салдернъ Панину 4 (15) іюня.

въ оружіи для устрашенія завистниковъ и враговъ. Они намекнули также очень тонко, что иностранное вліяніе противодѣйствуетъ ихъ спасительнымъ видамъ и старались внушить послу опасенія насчетъ двусмысленнаго поведенія вѣнскаго двора, который не переставалъ явно покровительствовать конфедератамъ. Наконецъ они высказали свои сомнѣнія и насчетъ поведенія короля прусскаго, который не желаетъ прекращенія смутъ въ Польшѣ. Салдернъ отвѣчалъ имъ, что ихъ авторитетъ и кредитъ чрезвычайно возвысились съ тѣхъ поръ, какъ они овладѣли особою короля и стали располагать важнѣйшими мѣстами и всѣми староствами. Салдернъ удостовѣрилъ ихъ, что онъ очень хорошо знаетъ степень ихъ вліянія и большое число ихъ креатуръ. Посолъ покончилъ тѣмъ, что не откажется дать имъ письменныя объясненія и декларацiи, если они, съ своей стороны, дадутъ ему манифестъ какой должно, въ выраженіяхъ ясныхъ и приличныхъ, подписанный значительнымъ числомъ лицъ, которыя желали бы составить конфедерацію и предложили бы ему послу хлопотать вмѣстѣ для умноженія членовъ этой новой конфедераціи. Конференція этимъ и кончилась *).

Канцлеры приходили только за тѣмъ, чтобъ узнать, на какія уступки готова Россія, находившаяся, по ихъ мнѣнію, въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ. Король также оправился отъ страха, нагнаннаго на него Салдерномъ въ первое время, и также увѣрился, что Россія больше всего нуждается въ успокоеніи Польши, и что слѣдовательно надобно только твердо держаться и этимъ принудить ее ко всевозможнымъ уступкамъ. Король и Любомирскій торжественно проповѣдывали придворнымъ и молодежи, что ихъ твердость въ послѣдніе два или три года положила границы

---

*) Салдернъ Панину 25 іюня (6 іюля).

русскому господству въ Польшѣ, что только эта твердость заставила Россію отказаться отъ гарантіи и диссидентовъ. Эти рѣчи страшно мучили раздражительнаго Салдерна, вонзали кинжалъ въ сердце, по его собственному выраженію. «Я вполнѣ убѣжденъ, писалъ онъ въ Петербургъ, что князь Репнинъ совершенно правъ во всемъ томъ, что онъ здѣсь сдѣлалъ; бываютъ минуты, когда я плачу о томъ, что онъ не сдѣлалъ больше, то-есть зачѣмъ не выслалъ изъ Польши Любомирскаго и Борха. Этихъ двоихъ людей я боюсь гораздо больше, чѣмъ всѣхъ конфедератовъ» *). Твердость короля и окружающихъ его, которою они такъ хвалились, поддерживалась извѣстіями изъ Вѣны: оттуда писалъ братъ королевскій, генералъ Понятовскій, находившійся въ австрійской службѣ, что наврядъ ли Россія заключитъ миръ съ Турціей этою зимой, что война, быть-можетъ всеобщая, неизбѣжна. Король и Любомирскій съ товарищами толковали, что бояться нечего, что успѣхи Русскихъ въ Крыму и на Дунаѣ вовсе не такъ велики, какъ объ нихъ идетъ молва. Они нарочно говорили это при людяхъ, которые могли пересказать ихъ рѣчи Салдерну. У бѣднаго посла портилась кровь; были и другія обстоятельства, которыя ее портили: домъ, въ которомъ жили предшественники Салдерна, обветшалъ, и ни одинъ изъ вельможъ не хотѣлъ отдать своего дома въ наймы русскому послу, хотя дома стояли пустые, владѣльцы не жили въ Варшавѣ. Русскихъ казаковъ, которыхъ разсылалъ Салдернъ, били вездѣ; около Варшавы происходили безпрестанныя воровства и убійства **). «Неизвѣстность, въ какой я нахожусь, и страхъ сдѣлать слишкомъ много, меня убиваютъ,» писалъ Салдернъ Панину. Наконецъ извѣстія о возстаніи въ Литвѣ, возбужденномъ гетманомъ Огинскимъ, переполнили чашу горести, и посолъ отправилъ

*) Салдернъ Панину 13 (24) іюля.

**) Салдернъ императрицѣ 15 (26) іюня.

отчаянное письмо въ Петербургъ: «Большинство пробуждается отъ летаргическаго сна. Нація начинаетъ себя чувствовать. Ее поджигаютъ со всѣхъ сторонъ. Австрія не только не хочетъ ее выводить изъ заблужденія, но колетъ ее, стыдитъ, что горсть Русскихъ держитъ ее въ рабствѣ. Франція всюду кричитъ, что надобно принимать болѣе къ сердцу польскіе интересы. Присылка офицеровъ и денегъ изъ Франціи поддерживаетъ пустыя надежды въ несчастныхъ Полякахъ. Все это увеличиваетъ наши затрудненія. Присоедините къ этому бунтъ Огинскаго въ Литвѣ. Если этотъ огонь разгорится, то будьте увѣрены, что всѣ наши преимущества будутъ потеряны. Краковъ не продержится шести недѣль, у насъ мало людей въ этомъ городѣ. Прибавьте къ тому, что мы будемъ принуждены очистить Познань. Каково же будетъ наше положеніе! Время не терпитъ; настоитъ крайняя необходимость принять другія мѣры, мѣры сильныя, которыхъ никто не ожидаетъ. Нельзя ли чтобы прусскій король отправилъ нѣсколько гусарскихъ полковъ къ литовскимъ границамъ?—это испугаетъ. Наше положеніе гораздо хуже чѣмъ я его вамъ описываю. Наше войско въ Литвѣ — жалкій отрядъ, внушающій всѣмъ презрѣніе; полковникъ Чернышевъ—человѣкъ совершенно безъ головы. Вообще воинскій духъ, съ немногими исключеніями, исчезъ. Оружіе у нашихъ солдатъ негодное; лошади—хуже себѣ представить нельзя; въ артиллеріи дурная прислуга» *).

Посолъ не имѣлъ никакого права такъ отчаиваться, и нечего было выставлять на видъ неспособности какого-нибудь полковника. Въ Польшѣ былъ Суворовъ. Ночью съ 22 на 23 сентября Суворовъ разгромилъ Огинскаго и возстанія литовскаго какъ не бывало. Вмѣсто Веймарна присланъ

---

*) Салдернъ Панину 3 (14) сентября.

былъ Бибиковъ. Салдернъ успокоился съ этой стороны; но возникло другое новое безпокойство, и теперь уже не отъ польскихъ, но отъ прусскихъ войскъ.

Еще въ половинѣ 1770 года австрійскія войска изъ Венгріи вступили въ польскія владѣнія, заняли два староства, причемъ вмѣстѣ съ 500 деревень захватили богатыя соляныя копи Велички и Бохни. Это было не временное занятіе: установленное въ этихъ земляхъ правленіе употребляло печать съ надписью: «печать управленія возвращенныхъ земель.» Земли объявлены были возвращенными на томъ основаніи, что въ 1412 году они отошли къ Польшѣ отъ Венгріи. Прусскій король, подъ предлогомъ защиты своихъ владѣній отъ мороваго повѣтрія, свирѣпствовавшаго въ южной Польшѣ, занялъ своими войсками пограничныя Польскія земли. Осенью 1770 года принцъ Генрихъ Прусскій заѣхалъ изъ Стокгольма въ Петербургъ, прогостилъ здѣсь довольно долго и впервые повелъ рѣчи о раздѣлѣ Польши. Рѣчи эти остались безъ непосредственныхъ послѣдствій: Екатерина вовсе не придавала большаго значенія польскимъ волненіямъ. Успокоеніе Польши и полное возстановленіе въ ней Русскаго вліянія было бы немедленнымъ слѣдствіемъ прекращенія Турецкой войны. Войну эту, ознаменованную такими блистательными подвигами Русскихъ, императрица хотѣла прекратить съ честію, положить первое начало освобожденію христіанскихъ народовъ изъ-подъ Турецкаго ига. Для Россіи она выставила самыя умѣренныя требованія: обѣ Кабарды, Азовъ съ его областью, свободное плаваніе по Черному морю, одинъ островъ на Архипелагѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она потребовала освобожденія Крыма и Дунайскихъ княжествъ изъ-подъ власти султана. Когда Екатерина сообщила эти условія Фридриху II, то онъ отвѣчалъ *): «Турки никогда не согласятся на уступку Молдавіи, Вала-

*) 4 января 1771 года.

хіи и острова въ Архипелагѣ; независимость Татаръ встрѣтить также большія затрудненія, и надобно бояться, чтобы Порта, если довести ее до крайности, не бросилась въ объятія вѣнскаго двора и не уступила ему Бѣлграда. Австрія также скорѣе начнетъ войну чѣмъ согласится на отнятіе у Турціи Молдавіи и Валахіи. Все что̀ можетъ Турція уступить — это обѣ Кабарды, Азовъ съ его областью и свободное плаваніе по Черному морю. Если Россія согласится на это, то онъ, Фридрихъ, сдѣлаетъ первый шагъ къ началу переговоровъ; въ противномъ случаѣ онъ не двинется, ибо не предвидитъ никакого успѣха, предвидитъ одно, что эти требованія присоединятъ къ старой войнѣ еще новую.»

Екатерина отвѣчала на это подробнымъ объясненіемъ своихъ требованій *): «Я не требую никакихъ пріобрѣтеній собственно для моей имперіи. Обѣ Кабарды и Азовскій округъ принадлежатъ безспорно Россіи: они такъ же мало увеличатъ ея могущество, какъ мало уменьшили его, когда изъ нихъ сдѣлали границу; Россія чрезъ возвращеніе своей собственности выигрываетъ только то, что пограничные подданные ея не будутъ подвергаться воровству и разбоямъ, что стада ихъ будутъ пастись покойно. Свободное плаваніе по Черному морю есть такое условіе, которое необходимо при существованіи мира между народами. Россія согласилась на это ограниченіе, уступила варварскимъ предразсудкамъ Порты изъ любви къ миру; но этотъ миръ нарушенъ съ презрѣніемъ всѣхъ обязательствъ. Если я имѣю право на какое-нибудь вознагражденіе за войну, столь несправедливую, то конечно не здѣсь я могу и должна его найдти. Я могла бы быть вознаграждена уступкою Молдавіи и Валахіи; но я откажусь и отъ этого вознагражденія, если предпочтутъ сдѣлать эти два княжества независимыми. Этимъ я доказываю свою умѣренность и свое безкорыстіе; этимъ я объявляю, что

*) 19 января 1771.

ищу только удаленія всякой причины къ возбужденію войны съ Портою. Вѣнскій дворъ не понимаетъ своего прямаго интереса, позволяя себѣ такъ живо обнаруживать зависть относительно этого пункта. Я не отодвигаю своихъ границъ ни на одну линію; я остаюсь въ прежнемъ разстояніи отъ его владѣній; если вѣнскій дворъ доволенъ тѣмъ, что имѣетъ въ Туркѣ такого слабаго сосѣда, то долженъ быть еще болѣе доволенъ сосѣдствомъ маленькаго Молдо-Влахійскаго государства, несравненно болѣе слабаго и равно независимаго отъ трехъ имперій. Если положеніе Турокъ таково, что они должны получить миръ только съ уступками, то они поступятъ очень странно, если уступятъ Бѣлградъ, которымъ спокойно владѣютъ, а не уступятъ княжествъ, которыя уже болѣе не ихъ и возвращеніе которыхъ будетъ всегда зависѣть отъ жребія войны. Притомъ это еще вопросъ — чьи владѣнія имъ желательно увеличить: русскія или австрійскія? Но установленіе двухъ независимыхъ княжествъ вопросъ рѣшаетъ. Я знаю, что вѣнское министерство, по нынѣшней своей системѣ, много настаиваетъ на равновѣсіи Востока, которое до сихъ поръ еще не фигурировало съ такимъ блескомъ въ интересахъ западныхъ государей, и изобрѣтеніемъ котораго мы, быть-можетъ, обязаны союзу Австріи съ Франціей; однако я готова уступить этому политическому равновѣсію; но кто опредѣлитъ, что балансъ вѣренъ, когда границы турецкихъ владѣній простираются до Днѣстра, и что балансъ нарушенъ, если эти границы находятся на Дунаѣ? Жалко положеніе Востока, если отъ такой разницы въ разстояніи можетъ зависѣть его разрушеніе! Дѣло освобожденія Татаръ есть право человѣчества, котораго требуетъ цѣлая нація: я ей не могу отказать въ помощи. Возстановленіе независимости Татаръ не уменьшаетъ ни въ чемъ могущества Порты и не увеличиваетъ ни въ чемъ могущества Россіи, но отстраняетъ только пограничныя неу-

добства послѣдней. Вѣнскій дворъ не имѣетъ Татаръ своими сосѣдями, и потому не имѣетъ никакой причины къ безпокойству. Островъ, требуемый мною въ Архипелагѣ, будетъ только складочнымъ мѣстомъ для русской торговли; я вовсе не требую такого острова, который бы одинъ могъ равняться цѣлому государству, какъ напримѣръ Кипръ или Кандія, ни даже столь значительнаго какъ Родосъ. Я думаю, что Архипелагъ, Италія и Константинополь даже выиграютъ отъ этой складки сѣверныхъ произведеній, которыя они могутъ получать изъ первыхъ рукъ и слѣдовательно дешевле. Надѣюсь, ваше величество согласитесь наконецъ, что если Молдавія и Валахія будутъ провозглашены независимыми, то въ этомъ одномъ островѣ будетъ заключаться все мое вознагражденіе, и что, отказываясь отъ него, я откажусь рѣшительно отъ всего».

Но Фридрихъ добивался, чтобы Россія взяла въ вознагражденіе не маленькій островъ, а большую область, только не отъ Турціи. 2 марта 1771 года прусскій посолъ въ Петербургѣ, графъ Сольмсъ получилъ отъ своего короля слѣдующую депешу: «Изъ паспорта, даннаго правителемъ польской области, занятой Австрійцами, одному старостѣ, оказывается ясно, что вѣнскій дворъ смотритъ на эту область уже какъ на принадлежащую къ Венгерскому королевству, и нельзя надѣяться, чтобъ Австрія отказалась отъ нея, если не будетъ принуждена къ тому силою. Это заставляетъ меня думать, что мы съ Россіей должны воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, и, подражая примѣру вѣнскаго двора, позаботиться также о собственныхъ нашихъ интересахъ и пріобрѣсти какую-нибудь существенную выгоду. Мнѣ кажется, что для Россіи все равно, откуда она получитъ вознагражденіе, на которое она имѣетъ право за военные убытки, и такъ какъ война (турецкая) началась единственно изъ-за Польши, то я не знаю, почему Россія не можетъ взять себѣ

вознагражденіе изъ пограничныхъ областей этой республики Что же касается до меня, то и я никакъ не могу обойдтись безъ того, чтобы не пріобрѣсти себѣ такимъ же способомъ часть Польши. Это послужитъ мнѣ вознагражденіемъ за мои субсидіи *), равно какъ за потери, которыя я также потерпѣлъ въ этой войнѣ. Я буду очень радъ возможности говорить, что новымъ пріобрѣтеніемъ я обязанъ Россіи, что̀ еще болѣе укрѣпитъ нашъ союзъ и дастъ мнѣ возможность быть полезнымъ для Россіи въ другомъ случаѣ».

Депеша была передана Сольмсомъ Панину. Прошелъ мартъ, апрѣль, половина мая; 16 мая Сольмсъ пишетъ Панину: «Передъ отъѣздомъ въ Царское Село имѣю честь еще разъ напомнить вашему сіятельству о послѣднихъ представленіяхъ моихъ насчетъ необходимости прекратить военныя дѣйствія противъ Турокъ, по крайней мѣрѣ на морѣ. Осмѣливаюсь также напомнить о дѣлѣ, которое касается особенныхъ интересовъ короля моего государя, равно какъ и особенныхъ интересовъ Россіи. Король горячо заинтересованъ этимъ дѣломъ, не отступится отъ него, и если я не буду въ состояніи дать ему скоро положительныхъ удостовѣреній, то навлеку на себя жестокіе выговоры и сверхъ того не ручаюсь за рѣшеніе, которое его величество приметъ по собственному усмотрѣнію. Онъ руководится слѣдующимъ: такъ какъ въ этомъ дѣлѣ будетъ только подражаніе примѣру другаго, то этотъ другой не можетъ вооружиться противъ насъ, дѣло идетъ только о приведеніи въ исполненіе уже рѣшеннаго. Умоляю ваше сіятельство не отлагать рѣшенія здѣшняго двора.»

Рѣшеніе послѣдовало: войдти въ соглашенія съ прусскимъ королемъ и потребовать у графа Сольмса изложенія видовъ и требованій его двора. 11 іюня объ этомъ рѣшеніи

*) Фридрихъ II, вслѣдствіе союзнаго договора, платилъ субсидіи Россіи на время войны.

дано было знать Салдерну въ Варшаву. Но еще прежде Бенуа сказалъ Салдерну: «Я знаю, что вы другъ моего государя: ради Бога устроимъ такъ, чтобъ ему можно было получить достаточную долю Польши; я вамъ отвѣчаю за благодарность моего государя.» Салдернъ отвѣчалъ холодно: «Не намъ съ вами дѣлить Польшу» *).

Между тѣмъ депеша за депешей изъ Берлина въ Петербургъ, отъ Фридриха II къ Сольмсу. Россія должна согласиться на раздѣлъ Польши: это единственный для нея выходъ; Австрія не дастъ ей вознаградить себя на счетъ Турціи, не согласится никогда на независимость Молдавіи и Валахіи, къ двумъ войнамъ у Россіи будетъ еще третья, съ Австріей, Пруссія будетъ не въ состояніи помогать ей; если же Россія согласится на раздѣлъ Польши, тѣсно сблизится для этой цѣли съ Пруссіей, то Австрія не посмѣетъ ничего сдѣлать. «Австрія (писалъ Фридрихъ Сольмсу для сообщенія Панину) нисколько не можетъ разсчитывать на помощь Франціи, которая находится въ такомъ страшномъ истощеніи, что не могла оказать никакой помощи Испаніи, когда та готова была объявить войну Англіи. Я разсуждаю такъ: еслибы вѣнскій дворъ и желалъ начать войну, то захочетъ ли онъ объявить ее безъ надежды имѣть кого-либо союзникомъ, и вести войну съ Россіей и Пруссіей въ одно время? Это невѣроятно, и потому намъ нечего бояться при исполненіи проекта насчетъ пріобрѣтеній отъ Польши. Я гарантирую Русскимъ все, что̀ имъ захочется взять; они поступятъ точно также относительно меня; а если Австрійцамъ покажется ихъ доля мала, то ихъ можно успокоить тою частію венеціянскихъ владѣній, которыя отрѣзываютъ Австрію отъ Тріеста; а еслибъ они тутъ заупрямились, то я отвѣчаю головой, что тѣсный союзъ Пруссіи съ Россіей заставитъ ихъ сдѣлать все что̀ намъ угодно. Вотъ почему я

*) Салдернъ Панину 4 (15) іюня 1771 года.

принимаю на себя всевозможныя гарантіи, какихъ только Россія потребуетъ отъ меня относительно областей, которыя она почтетъ нужными для своего округленія, и думаю, что не рискую войной вслѣдствіе этихъ гарантій. Это дѣло требуетъ только твердости, и я отвѣчаю за успѣхъ именно потому, что Австрійцы должны перевѣдываться съ двумя державами, не имѣя ни одного союзника» *).

Россія для окончанія турецкой, а слѣдовательно и польской войны требуетъ независимости Молдавіи и Валахіи; если Австрія на это согласиться, то Польша останется нетронутою; но этого Фридрихъ II никакъ не хочетъ допустить: «Молдавія и Валахія будутъ всегда камнемъ преткновенія; но если ихъ присоединить къ Польшѣ, то Австрія не будетъ противиться ихъ отторженію отъ Турціи. Это присоединеніе къ державѣ, которая слаба сама по себѣ, не можетъ возбудить въ Австріи никакой ревности, тѣмъ болѣе что оно должно служить вознагражденіемъ Польшѣ за области, которыя возьмутъ у нея Россія, Пруссія и Австрія, слѣдовательно Польша не получитъ больше того, сколько прежде имѣла» **).

За успокоеніями, обѣщаніями всевозможныхъ гарантій, слѣдовали угрозы: «Если вѣнскій дворъ объявитъ войну Россіи за Турцію, то надобно ожидать, что Австрійцы станутъ дѣйствовать соединенно съ Турками въ Молдавіи и Валахіи, чтобы вытѣснить оттуда графа Румянцова. Вотъ уже большая опасность имѣть передъ собою двухъ враговъ вмѣсто одного, но это еще не все. Какъ только поднимется Австрія, то въ Польшѣ образуется генеральная конфедерація противъ Россіи, изберутъ другаго короля, и, быть-можетъ, Поляки сдѣлаютъ впаденіе въ Россію и принудятъ содержать отдѣльный корпусъ для прикрытія собственныхъ

*) Депеша отъ 14 іюня.

**) Депеша отъ 3 іюля.

границъ. Мнѣ говорятъ на это, что если я сдѣлаю диверсію, то Россія легко управится; но въ такомъ случаѣ я обращаю на себя всѣ силы австрійскаго дома, союзный корпусъ французскій *) и всѣ войска, которыя вѣнскій дворъ наберетъ у мелкихъ владѣльцевъ германскихъ, такъ что у меня можетъ очутиться на плечахъ 200.000 враговъ. Прибавьте къ тому два года сряду неурожая въ Пруссіи, что̀ отнимаетъ у меня возможность выставить и 10.000 войска. Послѣ этого спрашиваю, не требуетъ ли благоразуміе попытаться уладить дѣло посредствомъ мирныхъ соглашеній?.. Я думаю, что Австрійцы вооружаются только для того, чтобы дать больше вѣсу своимъ предложеніямъ. Я думаю, что они никогда не согласятся на отдѣленіе Молдавіи и Валахіи отъ Турціи. Я думаю, что присоединеніе Азова и все то, чего Россія потребуетъ отъ Турціи въ видахъ торговыхъ, не встрѣтитъ затрудненія. Я думаю, что татарское дѣло (то-есть независимость Крыма) можетъ еще уладиться по желанію Россіи. Всѣ эти мои мнѣнія основываются на объясненіяхъ, которыя я имѣлъ съ вѣнскимъ дворомъ. Вотъ почему я предлагаю, что для вознагражденія себя за военныя издержки, Россія должна получить въ Польшѣ кусокъ по своему выбору. Если она соласится на это вознагражденіе, то я ручаюсь, что она его получитъ безъ кровопролитія» **).

Итакъ было ясно, что Россія можетъ разсчитывать на прусскую помощь только при условіи раздѣла Польши; въ противномъ случаѣ она должна будетъ безъ союзника бороться противъ Турціи, Польши и Австріи. Относительно послѣдней Фридрихъ II не ошибался, и имѣлъ полное право закладывать голову, что при условіи вознагражденія Россіи на счетъ Польши, а не Турціи, войны не будетъ. Не дать

*) Вспомнимъ, какъ прежде утверждалось, что Франція никакъ не можетъ помочь Австріи.

**) Депеша 10 сентября.

Россіи утвердить свое вліяніе на Дунаѣ, сохранить цѣлость Турціи, не входя въ опасную войну съ Россіей за Турцію, выйдти изъ затруднительнаго положенія, не потерявъ ни одного человѣка и ни гроша денегъ, мало того, пріобрѣтя богатую добычу, — все это было неотразимо привлекательно.

5 февраля 1772 года Фридрихъ II далъ знать Сольмсу о разговорѣ своемъ съ австрійскимъ посломъ въ Берлинѣ, барономъ фанъ-Свитеномъ. *Ф. Свитенъ:* Для предотвращенія всѣхъ недоразумѣній, хорошо было бы объясниться насчетъ претензій относительно Польши, насчетъ раздѣла, который намѣреваются сдѣлать. *Король:* Это трудно, потому что еще нѣтъ ничего рѣшеннаго, впрочемъ, дѣло возможное. *Ф. Свитенъ:* По крайней мѣрѣ можно дать письменное удостовѣреніе, что доли трехъ государствъ будутъ совершенно ровныя. *Король:* Дѣло возможное; думаю, что и Россія отъ этого не откажется. *Ф. Свитенъ:* Нельзя ли намъ помѣняться: Австрія уступитъ В. В—ству свою долю Польши, а вы возвратите ей графство Глацъ? *Король:* У меня подагра только въ ногахъ; а такія предложенія можно было бы мнѣ дѣлать, еслибы подагра была у меня въ головѣ; дѣло идетъ о Польшѣ, а не о моихъ владѣніяхъ; притомъ я держусь трактатовъ и удостовѣреній, сдѣланныхъ мнѣ императоромъ, что онъ не думаетъ больше о Силезіи. *Ф. Свитенъ:* Но Карпатскія горы отдѣляютъ Венгрію отъ Польши, и всѣ пріобрѣтенія, какія мы можемъ сдѣлать за горами, намъ не выгодны. *Король:* Альпы отдѣляютъ васъ отъ Италіи, однако вы вовсе неравнодушны къ обладанію Миланомъ и Мантуею. *Ф. Свитенъ:* Намъ было бы гораздо выгоднѣе пріобрѣсти отъ Турокъ Бѣлградъ и Сербію. *Король:* Мнѣ очень пріятно слышать, что Австрійцы не подверглись еще обряду обрѣзанія, въ чемъ ихъ обвиняютъ, и что они хотятъ получить свою долю отъ своихъ пріяте-

лей Турокъ. *Ф. Свитенъ*: Но что̀ ваше величество думаетъ объ этой идеѣ? *Король:* Я не думаю, чтобы было невозможно осуществить ее. *Ф. Свитенъ:* Я отпишу объ этомъ къ своему двору, который будетъ очень радъ.—Но 22 февраля Фридрихъ далъ знать Сольмсу, что въ Вѣнѣ перемѣнили намѣреніе: отказываются отъ Сербіи и хотятъ взять свою долю изъ Польши.

Дѣло было покончено въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ; теперь возвратимся въ Варшаву, къ Салдерну, котораго мы оставили въ сильномъ безпокойствѣ насчетъ поведенія прусскихъ войскъ въ польскихъ областяхъ: «Тягости, налагаемыя королемъ прусскимъ становятся день ото дня невыносимѣе, писалъ онъ Панину. Прусаки забираютъ все въ десяти миляхъ отъ Варшавы. Я не знаю, какъ генералъ Бибиковъ извернется, чтобы наполнить обыкновенные магазины, назначенные для продовольствія нашихъ войскъ, которыя теперь въ Польшѣ, не говоря уже о тѣхъ войскахъ, которыя мы безпрестанно поджидаемъ. Поведеніе прусскихъ офицеровъ приводитъ въ движеніе всю Польшу. Всякій ищетъ средствъ какъ помочь бѣдѣ, и сколько головъ, столько умовъ. Одни кричатъ, что надобно сдѣлать представленія тремъ дворамъ, петербургскому, вѣнскому, и самому берлинскому, насчетъ крайностей, какія позволяетъ себѣ прусскій король; другіе въ ярости требуютъ самыхъ нелѣпыхъ мѣръ; но всѣ одинаково кричатъ противъ притѣсненій и насилій. Когда мнѣ объ этомъ говорятъ публично, то я отвѣчаю одно: обратитесь къ прусскому министру. Когда же мнѣ говорятъ межъ четырехъ глазъ, я отвѣчаю, что это наказаніе Божіе за то, какъ Поляки поступили этимъ лѣтомъ относительно деклараціи ея императорскаго величества, и за то, что они кричали противъ русскихъ войскъ» *). Чрезъ нѣсколько дней пошла новая депеша изъ Варшавы въ Петер-

*) Салдернъ Панину 19 (30) ноября 1771 года.

бургъ, опять о Прусакахъ: «Поведеніе прусскихъ офицеровъ становится день ото дня оскорбительнѣе. Не жалобы Поляковъ заставляютъ меня говорить объ этомъ, но жестокая необходимость, наше собственное существованіе, самая ужасная будущность, которая насъ ожидаетъ. Прусскія войска забираютъ весь хлѣбъ въ воеводствахъ, и продовольствія намъ не будетъ доставать здѣсь, какъ уже не достаетъ для нашихъ отрядовъ въ Ловичѣ и Торнѣ. Голодъ неизбѣженъ, и необходимымъ слѣдствіемъ голода будетъ возмущеніе шляхты и крестьянъ. Бѣдствія умножаютъ безпрестанно число конфедератовъ. Прусскій министръ глухъ ко всему этому, говоритъ, что король не отвѣчаетъ ему ни слова на всѣ его представленія. Къ довершенію бѣдствія, прусскій король ввезъ въ Польшу посредствомъ жидовъ два милліона фальшивыхъ флориновъ» *).

Салдерну отвѣчали изъ Петербурга, что нельзя дѣлать представленій прусскому королю при тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находится теперь петербургскій дворъ къ берлинскому. Представленія Салдерна о бѣдствіяхъ настоящихъ и будущихъ для русскаго войска въ Польшѣ отъ поведенія Прусаковъ много теряли силы вслѣдствіе донесеній Бибикова, который, по характеру своему, смотрѣлъ на вещи другими глазами чѣмъ Салдернъ, то-есть гораздо спокойнѣе. Вотъ что̀ писалъ онъ Панину въ концѣ 1771 года: «Не заботьтесь о конфедератахъ: они такъ малы, что если не помѣшаетъ что̀ особливое, то будущую весну выживу и изъ тѣхъ гнѣздъ, въ которыхъ они теперь величаются со всѣми французскими вертопрахами, а развѣ одно имъ убѣжище будутъ австрійскія земли. Да бѣда моя общій нашъ другъ посолъ: такая горячность и такая нетерпѣливость, что съ ногъ бьетъ. При самой пустой и неосновательной отъ Поляковъ вѣсти (а ихъ, къ несчастію, здѣсь много) зашумитъ

*) Салдернъ Панину 3 (14) декабря.

и заворчитъ: вотъ конфедераты усиливаются, вотъ ужь они тамъ и сямъ, а мы ничего не дѣлаемъ! мы пропадемъ! они всѣ субстанціи у насъ отнимутъ. Вся моя холодность и все почтеніе къ сему старику нужны бываютъ, чтобы сохранить въ предѣлахъ его запальчивость и напуски. Но будьте увѣрены, ваше сіятельство, что сохраню, не взирая на странности его свойствъ. Часто мнѣ кажется, что онъ совсѣмъ не тотъ, котораго мы прежде знали, подозрѣнія странныя въ немъ примѣчаю, между прочимъ кажется ему, что я съ Поляками очень вѣжливъ, и что я на его счетъ хочу быть любимымъ; иногда не довольно бѣднаго посла почитаю. Нерѣдко уже и объяснялись, и я не разъ отъ него слышалъ: «Souvenez, mon cher et digne ami, que je suis representant de la Russie et votre pauvre ambassadeur». Я его иногда смѣхомъ, иногда суріозно переувѣрю, что у меня въ головѣ нѣтъ его уменьшать, и что я и безъ посольства его почитать привычку сдѣлалъ, да и теперь онъ дорже мнѣ какъ мой другъ Салдернъ, нежели посолъ. И послѣ сего опять хорошо идетъ. А когда придетъ на вѣжливость мою подозрѣніе, то зачнетъ говорить: «Vous donnez un démenti à votre ami et à votre ambassadeur, vous êtes si poli vis-à-vis de ces coquins de Polonais, il faut les traiter en canaille comme ils méritent». Въ семъ случаѣ нужно мнѣ бываетъ мое краснорѣчіе и шутка, и съ смѣхомъ стану я ему говорить, что я не могу этакъ грубіянить, какъ онъ; ему какъ старому человѣку больше простятъ нежели мнѣ, а про меня скажутъ: русскій невѣжа жить не умѣетъ. Клянусь вамъ Богомъ, что временемъ дѣлаетъ онъ мнѣ больше заботы, нежели всѣ вмѣстѣ конфедераты. Здѣшнія наши политическія дѣла буде имѣютъ по желанію нашему какой успѣхъ, тому глупость, трусость и нерѣшимость польскую извольте твердо почитать основаніемъ и ни къ чему иному его не приписывать, какъ симъ польскимъ качествамъ. А не на-

висть ихъ на нашего друга непересказуема. Боятся же его какъ какое пугалище».

Отдаленные отъ описываемыхъ событій почти вѣкомъ, мы можемъ спокойно взглянуть и на дѣятельнесть Салдерна и на дѣятельность Бибикова . Мы не можемъ не замѣтить въ Салдернѣ раздражительности, запальчивости, склонности къ преувеличеніямъ. *Грубіянить* дѣйствительно было не нужно; твердость и силу всего лучше можно выказать безъ грубіянства. Но, съ другой стороны, нужно было подальше гнать отъ себя мысль, что скажутъ: «русскій невѣжа жить не умѣетъ». Хорошо еще, когда были Бибиковы да Суворовы; но при другой обстановкѣ мысль эта приносила большой вредъ русскимъ людямъ, которые съ чужими иногда черезчуръ сдерживались этою мыслію, а съ своими ничѣмъ не сдерживались. Послѣдними строками своего письма Бибиковъ даетъ понять Панину, что если есть какой успѣхъ, то его никакъ нельзя приписать Салдерну, а только дурнымъ качествамъ Поляковъ. Бибиковъ выставляетъ трусость Поляковъ какъ средство къ успѣху для Русскихъ; но чтобъ пользоваться этимъ средствомъ, чтобъ заставлять труса трусить, надобно его пугать. Салдерна боялись, говоритъ Бибиковъ, и этими словами, вмѣсто обвиненія, оправдываетъ Салдерна, прямо показываетъ, что Салдернъ былъ полезенъ, умѣлъ пользоваться качествами враговъ.

Въ началѣ 1772 года, когда въ Петербургѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ дѣло подвигалось къ окончательному соглашенію между тремя державами относительно раздѣла Польши, въ Варшавѣ все еще толковали о притѣсненіяхъ отъ прусскихъ войскъ. Въ квартирѣ русскаго посла шелъ разговоръ между Салдерномъ и коронным канцлеромъ Млодзѣевскимъ: *Канцлеръ*: Не считаете ли вы приличнымъ, чтобы король обратился къ ея императорскому величеству, отправилъ къ ней министра для увѣдомленія о поступкахъ и притѣсненіяхъ

прусскаго короля? *Посолъ:* Я думаю, что императрица не приметъ никакого посла отъ Польши пока смута продолжается. Ея императорское величество очень хорошо помнитъ все происшедшее здѣсь въ продолженіе многихъ лѣтъ; она замѣчаетъ не только равнодушіе польскаго двора относительно ея, но и явное сопротивленіе всѣмъ ея добрымъ намѣреніямъ. Какъ вы хотите, чтобъ императрица заступилась за Польшу передъ прусскимъ королемъ, когда это единственный государь, который дѣйствуетъ единодушно съ нею въ настоящихъ дѣлахъ, и какъ вы можете думать, чтобы моя государыня захотѣла сдѣлать непріятность другу, заступаясь за Поляковъ, которые ни теплы-ни холодны и на которыхъ можно смотрѣть какъ на враговъ Россіи? Я говорю не объ однихъ конфедератахъ, но и обо всѣхъ тѣхъ, которые хотя не замѣшаны открыто въ настоящія смуты, но которые дѣйствуютъ подъ рукою и которые наполняютъ Варшаву. Я не исключаю даже и двора. Ея императорское величество не забудетъ холодности, невниманія, непослѣдовательности и неправильности въ поступкахъ, какія король и его фамилія позволили себѣ, покровительствуя части народа, которая возмутилась противъ своего короля, поддерживаемаго моею государыней. Послѣ моей декларацiи я нѣсколько разъ имѣлъ разговоры съ дядьми короля и вице-канцлерами, и объявилъ имъ о намѣреніяхъ ея императорскаго величества успокоить Польшу, излагая имъ, что императрица согласна на измѣненія въ самыхъ существенныхъ пунктахъ послѣдняго договора; именно, что дастъ объясненія относительно гарантіи и не откажется ограничить права диссидентовъ въ томъ случаѣ, если они согласятся сами пожертвовать частью своихъ правъ для отнятія предлога у злонамѣренныхъ людей продолжать разбойничества подъ религіознымъ знаменемъ. Что же касается внутреннихъ дѣлъ, то императрица требуетъ только сохраненія liberum veto для всей шляхты... Они

были очень довольны; но захотѣли ли воспользоваться добрыми намѣреніями ея императорскаго величества? приступили ли къ дѣлу? Князь воевода русскій сказалъ, что у насъ мало войска въ Польшѣ для поддержанія этого дѣла, что республика находится въ кризисѣ, и положеніе ея таково, что не можетъ ухудшиться. Я очень хорошо понимаю смыслъ этихъ словъ: воевода хотѣлъ сказать, что у насъ на плечахъ война, которая можетъ пойдти для насъ неудачно, ибо онъ не могъ не знать, что у насъ въ Польшѣ 12000 войска, число очень достаточное для ихъ поддержанія, еслибъ они захотѣли серіозно воспользоваться нашимъ добрымъ расположеніемъ, вмѣсто того чтобъ увеличивать смуту своимъ бездѣйствіемъ. Короля и республику никто не поддерживаетъ кромѣ императрицы: но оказывается ли къ ней довѣріе? Король обращается въ другую сторону, обольщаясь надеждою, что можетъ найдти подпору въ сосѣдѣ, который до сихъ поръ не оказалъ ему ни малѣйшихъ знаковъ дружбы и пользы, наоборотъ, покровительствуетъ людямъ, посягающимъ на его власть и жизнь. Вѣнскій дворъ знаетъ и видитъ все, что король прусскій дѣлаетъ въ Польшѣ. Въ другое время онъ не смотрѣлъ бы на это равнодушно. Теперь Австрія не только овладѣла польскими землями, но, быть-можетъ, имѣетъ еще какіе-нибудь скрытые виды. Императрица требуетъ у короля и республики благоразумной дружбы, основанной на поддержаніи естественной польской конституціи. Если король и его друзья предпочитаютъ оставаться въ бездѣйствіи и упорствовать въ своемъ равнодушіи, то не ея вина, если она приметъ мѣры, соотвѣтствующія ея достоинству и интересамъ ея имперіи. Я предсказываю, что Польша должна ждать крайней смуты. Не разъ я давалъ вамъ чувствовать, что прошлое лѣто вы упустили самую благопріятную минуту успокоить Польшу вашими собственными силами при поддержкѣ Россіи; я давалъ вамъ чувствовать, что по упуще-

ніи этой благопріятной минуты успокоеніе Польши уже не будетъ болѣе зависѣть отъ свободной націи, но что вы получите законы и миръ изъ рукъ вашихъ сосѣдей. Когда начались жалобы на поведеніе короля прусскаго, то никогда не скрывалъ я ни отъ короля, ни отъ васъ, что этотъ король будетъ для васъ еще тягостнѣе и что онъ болѣе всѣхъ пользуется смутою польскою *).

Посолъ высказался ясно на счетъ того, что̀ ожидало Польшу. Это было послѣднее его объясненіе. Вслѣдъ за тѣмъ Салдернъ сталъ умолять объ отзывѣ: «Я не сплю больше, желудокъ у меня уже больше не варитъ!» писалъ онъ Панину **). Не онъ долженъ былъ присутствовать при исполненіи своихъ предсказаній. Въ іюлѣ 1772 онъ получилъ желанный отзывъ, но, покидая свой постъ, старикъ не утерпѣлъ, послалъ въ Петербургъ жалобу на Бибикова: «Поведеніе Бибикова вовсе не соотвѣтствуетъ русской системѣ. Король, его братья и дядья поймали его за его слабую сторону: имъ управляютъ женщины — жена маршала Любомирскаго, гетмана Огинскаго и другія, подставленныя королемъ, чтобы не дать ему придти въ себя. Чарторыйскій канцлеръ, эта старая лисица, вызвалъ съ тою же цѣлію изъ Литвы дочь Пршездецкаго. Бибиковъ дѣлаетъ все, что̀ эти люди внушаютъ ему посредствомъ женщинъ; ему не даютъ ни одного дня отдыха, чтобъ онъ могъ опомниться: то охота, то загородная прогулка, то балъ, развлеченія всякаго рода, сопровождаемыя самой низкою лестью и угодничествомъ со стороны Поляковъ, держатъ его въ цѣпяхъ. Онъ не пропускаетъ ни одного вечера у госпожи Огинской, бывать у которой генералъ Веймарнъ запретилъ русскимъ офицерамъ по причинѣ поведенія мужа и фамиліи и по причинѣ азартной игры. Но теперь все позволено. Бибиковъ забывается

*) Салдернъ Панину 20 января (1 февраля) 1772 года.

**) 24 января.

до такой степени, что преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ ненавидятъ Чарторыйскіе и братъ короля. Судите, ваше сіятельство, сколько случаевъ имѣетъ войсковой начальникъ притѣснить кого захочетъ. Я употреблялъ всѣ средства для удержанія его отъ этого, и иногда успѣвалъ, особенно когда обращался къ нему письменно: онъ боялся, что отошлю копіи ко двору. У него нѣтъ секрета, какъ скоро найдено средство возбудить его тщеславіе. Лѣнь, которая беретъ свое начало въ образѣ его жизни, останавливаетъ движеніе дѣлъ, часто случается, что болѣе 60 приказовъ по 8 дней лежатъ безъ подписи» *).

Преемникомъ Салдерна былъ Штакельбергъ. 7 (18) сентября 1772 года, вмѣстѣ съ прусскимъ уполномоченнымъ Бенуа (австрійскій, баронъ Ревицкій, еще не пріѣзжалъ), онъ подалъ министерству республики декларацію о раздѣлѣ **). Начались частыя конференціи между королемъ и его приближенными, результатомъ было рѣшеніе — сносить все терпѣливо, ничего не уступать добровольно, пусть берутъ все силою, и требовать помощи у дворовъ европейскихъ; при этомъ проволакивать время, противопоставлять требованіямъ трехъ державъ цѣлый лабиринтъ шиканствъ и формальностей ***). Король однимъ декламировалъ противъ Россіи, другимъ внушалъ, что русская императрица согласна вмѣстѣ съ нимъ на образованіе конфедераціи противъ раздѣла; король даже далъ знать объ этомъ австрійскому послу, чтобы пустить черную кошку между союзниками. Штакельбергъ вслѣдствіе этого старался внушить Полякамъ, что Россія не покровительствуетъ королю, и что такъ какъ Чарторыйскіе теперь болѣе не монополисты нашихъ сношеній въ

*) Салдернъ Панину 25 іюля (5 августа).
**) Штакельбергъ Панину 8 (19) сентября.
***) Штакельбергъ Панину 13 (24) сентября.

Польшѣ, то нація не рискуетъ быть обманутою *). Въ концѣ октября Штакельбергъ имѣлъ объясненіе съ королемъ. Станиславъ Августъ приготовился и далъ полную свободу своему краснорѣчію: «Претерпѣвъ столько страданій за отечество, запечатлѣвъ своею кровью дружбу и приверженность къ императрицѣ, и видя, что государство мое обираютъ самымъ несправедливымъ образомъ, и меня самого доводятъ до нищенства, я понимаю, что меня могутъ постигнуть еще бо̀льшія бѣдствія, но я ихъ уже не боюсь. Убитый, умирающій почти съ голода, я научился — погибнуть». Штакельбергъ отвѣчалъ спокойно: «Краснорѣчіе вашего величества и сила вашего воображенія перенесли васъ къ лучшимъ страницамъ Плутарха и древней исторіи: но все это не можетъ служить предметомъ нашего разговора; удостойте ваше величество снизойдти къ исторіи Польши и къ исторіи графа Понятовскаго». За этимъ послѣдовало изложеніе обстоятельствъ, поведшихъ къ несчастію, которое оплакивалъ король; отъ прошедшаго Штакельбергъ перешелъ къ настоящему и предложилъ вопросъ, что̀ станется съ нимъ, королемъ, если 100.000 войска наводнятъ Польшу, возьмутъ контрибуцію, заставятъ сеймъ подписать все, что̀ угодно сосѣднимъ державамъ, и уйдутъ, оставя его, короля, въ жертву злобѣ враговъ его? Король поблѣднѣлъ. Штакельбергъ воспользовался этимъ и началъ доказывать ему, что его существованіе зависитъ отъ двухъ условій: отъ немедленнаго созванія сейма и отреченія отъ всякой интриги, которая бы имѣла цѣлію ожесточать Поляковъ и вводить ихъ въ заблужденіе. Король обѣщалъ дѣлать все по желанію посла **).

Штакельберъ еще не привыкъ къ варшавскимъ сюрпризамъ, и потому не вѣрилъ своимъ ушамъ, когда, черезъ два дня послѣ приведеннаго разговора, король призвалъ его

*) Штакельбергъ Панину 14 (25) октября.

**) Штакельбергъ Панину, 29 октября (9 *ноября*).

опять къ себѣ и объявилъ, что считаетъ своею обязанностію отправить Браницкаго въ Парижъ съ протестомъ противъ раздѣла. «Мнѣ ничего больше не остается, отвѣчалъ Штакельбергъ, какъ жалѣть о вашемъ величествѣ и увѣдомить свой дворъ о вашемъ поступкѣ. Чего вы, государь, ожидаете отъ Франціи противъ трехъ державъ, способныхъ сокрушить всю Европу?» — «Ничего, отвѣчалъ король: но я исполнилъ свою обязанность» *). 23 ноября (4 декабря), Штакельбергъ подалъ декларацію: «Есть предѣлъ умѣренности, которую предписываютъ правосудіе и достоинство дворовъ. Ея величество императрица надѣется, что король не захочетъ подвергать Польшу бѣдствіямъ, необходимому результату медленности, съ какою его величество приступаетъ къ созванію сейма и переговорамъ, которыя одни могутъ спасти его отечество». Но въ то время какъ Штакельбергъ принималъ мѣры, чтобы заставить короля перемѣнить его несчастное поведеніе, Бенуа твердилъ ему: «Оставьте его; тѣмъ лучше для насъ, мы больше возьмемъ» **).

Это стремленіе больше взять было причиною, что Штакельбергъ въ маѣ 1773 года получилъ отъ Панина слѣдующія инструкціи для предстоящихъ переговоровъ по поводу раздѣла и вообще устройства польскихъ дѣлъ: «Такъ какъ Польша болѣе всего опасается короля прусскаго, и такъ какъ торговля по Вислѣ составляетъ самый важный пунктъ для нея, то вы должны взять на себя роль посредника; вы должны пригласить барона Ревицкаго присоединиться къ вамъ, и вдвоемъ, однообразными представленіями старайтесь доставить Польшѣ самыя сносныя условія. Отправляясь отъ начала, что три двора намѣрены сохранить Польшу въ положеніи державы посредствующей, которая имѣла бы соотвѣтственную этой цѣли силу, вы можете представить

*) Штакельбергъ Панину, 1 (12) ноября.

**) Штакельбергъ Панину 26 ноября (6 декабря).

слабость, до какой доведена Польша многолѣтнею смутою и усобицами, потерями отъ раздѣла, и сколько нужно лѣтъ, чтобъ она могла оправиться, а оправиться ей будетъ нельзя, если пресѣкутся къ тому способы относительно торговли. При опредѣленіи отношеній къ Автріи есть одинъ важный предметъ — это соль, предметъ первой необходимости: надобно, чтобы Поляки могли получать ее по умѣреннымъ цѣнамъ; говоря за Поляковъ въ этомъ случаѣ, вы исполните предписаніе сострадания и человѣчества. Я чувствую, какъ подобное поведеніе ваше будетъ щекотливо относительно короля прусскаго, котораго распоряженія обличаютъ совершенно другіе виды; но, по крайней мѣрѣ, вы можете требовать, чтобы дали Польшѣ вздохнуть прежде чѣмъ извлекать изъ нея новыя выгоды, и чтобы первые годы послѣ раздѣла были наименѣе тяжки для нея. Всякій разъ, какъ прусскій министръ будетъ совѣтовать вамъ употреблять силу, а вы замѣтите, что есть еще другіе способы, то умѣряйте его стремленіе и принимайте его мнѣнія только въ крайности. Представляйте ему дружески, не вмѣшивая свой дворъ, все что̀ узнаете вопіющаго насчетъ поведенія прусскихъ войскъ, уговаривайте его сдерживать ихъ, представляйте ему, что временныя выгоды солдата, который сытно кормится въ чужой землѣ, неидутъ въ сравненіе съ необходимостію извлечь Европу изъ кризиса, въ которомъ она теперь находится: внушайте все это осторожно, но вмѣстѣ съ силою истины.»

Когда дѣло было покончено, раздѣлъ совершился, Бѣлоруссія была присоединена къ Россіи, Сольмсъ въ Петербургѣ получилъ письмо отъ принца Генриха: «Во всемъ этомъ дѣлѣ я не думалъ о собственныхъ выгодахъ. Когда дѣло идетъ о счастіи государствъ, не должно примѣшивать сюда частныхъ интересовъ. Я вмѣняю себѣ въ славу, что служилъ великой императрицѣ и былъ полезенъ королю и

моему отечеству; это мнѣ льститъ гораздо больше чѣмъ пріобрѣтеніе какой нибудь области. Я имѣю право говорить, что пребываніе мое въ Петербургѣ ознаменовано началомъ сношеній, поведшихъ къ тѣснѣйшему союзу между королемъ и Россіей. Я имѣю доказательство болѣе чѣмъ въ 20 собственноручныхъ письмахъ короля, что я поставилъ вопросъ, который повелъ къ соглашенію. Но я не требую за это вознагражденія; я ищу только славы, и признаюсь вамъ, что я буду счастливъ, получа эту славу изъ рукъ ея величества императрицы русской; желаніе мое исполнится, если она удостоитъ, по случаю принятія во владѣніе земель отъ Польши, почтить меня письмомъ, которое будетъ служить доказательствомъ, что я содѣйствовалъ этому великому дѣлу. Повторяю вамъ откровенно, что я буду смотрѣть на это письмо какъ на величайшій монументъ моей славы.»

Желаніе принца было исполнено, императрица написала ему: «По принятіи во владѣніе губерніи Бѣлорусской, считаю справедливымъ засвидѣтельствовать вашему королевскому высочеству, сколь чувствую себя ему обязанною за всѣ заботы, употребленныя имъ при совершеніи этого великаго дѣла, котораго ваше высочество можетъ считаться первымъ виновникомъ.»

ГЛАВА VI.

Послѣ раздѣла Польша должна была принять отъ Россіи, Австріи и Пруссіи слѣдующія условія, на которыхъ она могла сохранить свое политическое бытіе: 1) она должна было

навсегда удержать избирательную форму правленія; 2) только природный Полякъ (Пястъ) могъ быть королемъ; 3) Польша сохраняла все свое прежнее республиканское устройство; 4) законодательнаявласть оставалась у сейма, состоявшаго изъ короля, сената и рыцарства; исполнительная была у вновь учрежденнаго *постояннаго совѣта*, состоявшаго изъ короля, 18 сенаторовъ и 18 пословъ сеймовыхъ. Этотъ постоянный совѣтъ дѣлился на пять комиссій: a) иностраньыхъ сношеній, b) полиціи, c) военную, d) юстиціи, e) финансовую. Католическая партія, поддерживаемая Австріею, настояла, чтобъ шляхта греческаго неуніатскаго закона и диссиденты не могли быть ни въ сенатѣ, ни въ постоянномъ совѣтѣ; на сеймахъ изъ нихъ не могло быть болѣе трехъ пословъ. Русскіе уступили, потому что масса православнаго народонаселенія принадлежала къ низшимъ сословіямъ, значительной шляхты было очень мало.

Послѣ перваго раздѣла исторія дала Польшѣ 15 лѣтъ отдыха, мира. Это время прошло въ борьбѣ короля съ оппозиціею, во главѣ которой стоялъ великій гетманъ коронный Францъ Ксаверій Браницкій, соединившійся съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, человѣкомъ ничтожнымъ, вовсе непохожимъ на своего отца и дядю *). Браницкій хотѣлъ играть первую роль въ странѣ и враждебно столкнулся съ постояннымъ совѣтомъ, который своею военною коммиссіею ограничивалъ власть гетмана надъ войскомъ. Русскій посолъ Штакельбергъ стоялъ за постоянный совѣтъ, и отсюда ненависть у Браницкаго къ Штакельбергу, поѣздка въ Петербургъ, хлопоты тамъ, чтобъ непріятный посолъ былъ отозванъ, чего Браницкій надѣялся достигнуть съ помощію

---

*) Князь Михаилъ Чарторыйскій, великій канцлеръ литовскій, умеръ вскорѣ послѣ раздѣла, князь Августъ, палатинъ Русскій прожилъ еще семь лѣтъ.

Потемкина: Потемкинъ шелъ противъ Панина, а Панинъ покровительствовалъ Штакельбергу.

Но интрига въ Россіи противъ Штакельберга не помогала, посолъ крѣпко сидѣлъ на своемъ мѣстѣ; не помогали интриги и въ Польшѣ противъ короля: тщетно запаивали и обдаривали *) шляхту передъ выборами на сеймъ 1776 г.; король обратился къ Штакельбергу съ просьбою о вооруженномъ вмѣшательствѣ, и появленіе двухъ русскихъ эскадроновъ въ Литвѣ положило здѣсь конецъ *патріотической* дѣятельности Браницкаго и Чарторыйскаго. Вмѣстѣ съ депутатами явились въ Варшаву на сеймъ и Русскія войска. *Патріоты* были сдержаны, вслѣдствіе чего нѣсколькимъ юристамъ подъ предсѣдательствомъ графа Андрея Замойскаго, было поручено составленіе новаго уложенія, болѣе соотвѣтствующаго духу времени, болѣе благосклоннаго къ нисшимъ классамъ народонаселенія; власть гетмановъ была ограничена; четыре гвардейскихъ полка были подчинены непосредственно королю. Король дѣлалъ все, что могъ для воскресенія Польши въ этотъ пятнадцатилѣтній промежутокъ между первымъ и вторымъ раздѣломъ, заботился о варшавскомъ и виленскомъ кадетскихъ корпусахъ, которые и начали доставлять порядочныхъ офицеровъ; учреждена была артиллерійская школа, явились пушечный и оружейные заводы, построены цейгхаузы, казармы, тогда какъ прежде этого ничего не было. *Воспитательная коммиссія* и *воспитательный совѣтъ* хлопотали не безъ пользы о поднятія университетовъ и школъ. Любовь короля къ наукѣ и искусству, мода на нихъ при дворѣ также не остались безъ вліянія: таланты находили просторъ и почетъ.

Но всѣ эти цвѣтки, показавшіеся на поверхности почвы при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не были признаками возрожденія Польши, которая неминуемо должна

---

*) Считали, что истрачено было на подкупъ до 150,000 золотыхъ.

была поплатиться жизнію за всю свою исторію. Признаки этой наступающей расплаты были явны для всякаго внимательнаго и разумнаго наблюдателя. Вотъ эти признаки:

«Вельможи, постоянно недовольные, въ постоянномъ соперничествѣ другъ съ другомъ, гоняются за пенсіями иностранныхъ дворовъ, чтобъ подкапываться подъ свое отечество. Потоцкіе, Радзивилы, Любомирскіе разорились вконецъ отъ расточительности. Князь Адамъ Чарторыйскій часть своего хлѣба съѣлъ еще на корню. Остальная шляхта всегда готова служить тому двору, который больше заплатитъ. Въ столицѣ поражаетъ роскошь, въ провинціяхъ бѣдность. На 20 милліоновъ польскихъ злотыхъ ввозъ иностранныхъ товаровъ превысилъ вывозъ своихъ. Ежедневно происходятъ такія явленія, которыя невѣроятны въ другомъ государствѣ: злостныя банкротства купцовъ и вельможъ, безумныя азартныя игры, грабежъ всякаго рода, отчаянные поступки, порождаемые недостаткомъ средствъ при страшной роскоши. Преступленія совершаются людьми, принадлежащими къ высшимъ слоямъ общества. И какому наказанію подвергаются они? никакому! Гдѣ же они живутъ, эти преступники? Въ Варшавѣ, постоянно бываютъ у короля, завѣдываютъ важными отраслями управленія, составляютъ высшее, лучшее общество, пользуются наибольшимъ почетомъ. Хотите знать палатина, который укралъ печать? или графа, мальтійскаго рыцаря, которому жена палатина русскаго (Галицкаго) недавно говорила: «Вы украли у меня часы, только не велика вамъ будетъ прибыль: они стоютъ всего 80 червонныхъ». Кавалеры Бѣлаго Орла крадутъ у адвокатовъ векселя, предъявленные ихъ заимодавцами. Министры республики отдадутъ въ закладъ свое серебро черезъ камердинера, отошлютъ потомъ этого камердинера въ деревню, да и начинаютъ искъ противъ того, кто далъ деньги подъ закладъ, подъ предлогомъ, что камердинеръ укралъ серебро и бѣжалъ, а

черезъ полгода воръ опять служитъ у прежняго господина. Другой министръ захватилъ имѣніе сосѣда; Постоянный Совѣтъ рѣшилъ, что онъ долженъ возвратить захваченное; не смотря на то, похититель велѣлъ зятю своему, полковнику вооруженною рукою удерживать захваченное, загарается битва между солдатами полковника и крестьянами законнаго владѣльца, полковникъ прогнанъ, но 30 человѣкъ остались на мѣстѣ битвы. Одинъ палатинъ уличается передъ судомъ въ поддѣлкѣ векселей; другой отрицается отъ своей собственной подписи; третій употребляетъ фальшивыя карты и обираетъ этимъ молодыхъ людей, въ числѣ обыгранныхъ былъ родной племянникъ короля; четвертый продаетъ имѣнія, которыя ему никогда не принадлежали; пятый, взявши изъ рукъ кредитора вексель, раздираетъ его въ тоже мгновеніе и велитъ отколотить кредитора; шестой, занимающій очень важное правительственное мѣсто, захватываетъ молодую благородную даму, отвозитъ въ домъ, гдѣ велитъ стеречь ее своимъ лакеямъ и тамъ насилуетъ. Покойный маршалъ Саксонскій имѣлъ полное право говорить, что нѣмецкій полу-мошенникъ въ Польшѣ честнѣйшій человѣкъ.»

Мы едва ли бы рѣшились безъ оговорки приводить эти свидѣтельства, еслибы они шли отъ Русскаго, Австрійца, или Прусака; но они идутъ отъ Саксонскаго резидента Ессена, который не имѣлъ никакихъ побужденій чернить Поляковъ, напротивъ, имѣлъ всѣ побужденія сочувствовать имъ, смотрѣть на нихъ съ самой благопріятной стороны. «Я трепещу при мысли, пишетъ Ессенъ, что курфюрстъ возложитъ на меня обязанность указать ему между Поляками троихъ значительныхъ и вмѣстѣ честныхъ людей: я не могу указать ему ни одного. Польскіе вельможи громко говорятъ: государи при сношеніи другъ съ другомъ имѣютъ въ виду одну собственную выгоду; мы республиканцы и государи и потому не дѣлаемъ ничего для другихъ государей безъ соб-

люденія собственной выгоды.—Россія, продолжаетъ Ессенъ, эта великая и страшная имперія, принуждена тратить ежегодно отъ 40 до 50,000 червонныхъ на пенсіи, чтобы въ Постоянномъ Совѣтѣ и въ коммиссіяхъ имѣть своихъ людей, и кромѣ того должна еще содержать эскадронъ легкой кавалеріи, готовый летѣть всюду при первой надобности. Не смотря на то, не смотря на всѣ письма и указы императрицы къ послу, русскіе подданные часто проигрываютъ процессы. Англійскій посланникъ Дальримпль съ каждою почтою проситъ свое правительство отозвать его отсюда; онъ говоритъ, что, исполняя здѣсь обязанности министра, онъ унижаетъ тѣмъ свое достоинство честнаго человѣка. Большая часть здѣшняго высшаго блестящаго общества въ другой странѣ подверглась бы преслѣдованію закона *)».

«Мы республиканцы и государи, говорила польская шляхта, мы соблюдаемъ вездѣ только собственныя выгоды.» И вотъ, когда на сеймѣ 1780 года представлено было новое уложеніе, требующее равенства всѣхъ передъ закономъ, гласнаго судопроизводства, улучшенія участи горожанъ и крестьянъ, то республиканцы и государи съ ужасомъ и злобою отвергли такой еретическій кодексъ.

Преобразовательная дѣятельность Станислава Августа только слегка коснулась поверхности; пораженное неизлѣчимою болѣзнію общественное тѣло способно было только къ судорожному предсмертному движенію, когда поднялся—*Восточный вопросъ*.

Россія, вслѣдствіе раздѣла Польши, отказалась отъ своихъ требованій относительно независимости Дунайскихъ Княжествъ, отказалась отъ острова на Архипелагѣ для себя, но неожиданно, и къ великой досадѣ Австріи, силою оружія заставила Турцію въ Кучюкъ Кайнарджи признать незави-

*) Донесенія Ессена см. у Herrmann—Geschichte des russischen Staates, VI Band.

симость Крыма. Это последнее событіе не могло остаться безъ послѣдствій: оно заставило Россію отказаться отъ сѣвернаго *акорта*, перемѣнить прусскій союзъ на австрійскій.

Турція долго не могла переварить условій кайнарджійскаго мира, долго бросалась во всѣ стороны съ просьбою о помощи, нельзя ли какъ-нибудь перемѣнить эти условія. Понятно, что всего чувствительнѣе была для нея потеря Крыма. По условіямъ кайнарджійскаго мира, за султаномъ оставалось въ Крыму религіозное значеніе, какъ преемника калифовъ; но онъ упорно домогался верховныхъ правъ въ области гражданской и политической. Россія, разумѣется, не могла уступить этимъ домогательствамъ, ибо тогда гдѣ же была бы независимость Крыма? Вслѣдствіе враждебныхъ другъ другу вліяній съ двухъ сторонъ — русской и турецкой, образовались партіи на полуостровѣ и вступили въ борьбу другъ съ другомъ, вполнѣ напоминающую намъ борьбу двухъ партій, русской и крымской, въ Казани передъ ея паденіемъ. Ханы смѣнялись вслѣдствіе движенія партій. Уже въ 1775 году свергнутъ былъ преданный Россіи ханъ Сагибъ-Гирей и возведенъ на престолъ преданный Турціи Девлетъ-Гирей; Россія свергнула послѣдняго и возвела на его мѣсто Шагинъ-Гирея. Шагинъ хотѣлъ быть дѣйствительно независимымъ и ввести необходимыя для усиленія своего государства преобразованія, сталъ вводить при этомъ новые, европейскіе обычаи; но этимъ онъ возбудилъ противъ себя сильную старовѣрческую, турецкую партію, началась опять усобица, въ которой Россія должна была поддерживать Шагина. Такое положеніе дѣлъ становилось часъ отъ часу несноснѣе для Россіи. Война ея съ Турціей продолжалась въ Крыму; благодаря Крыму, ежечасно готова была вспыхнуть и непосредственно, въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Тѣмъ сильнѣе становилось желаніе покончить

съ Крымомъ, который не могъ оставаться независимымъ, тѣмъ охотнѣе должны были выслушиваться предложенія въ родѣ слѣдующаго, которое представилъ Потемкинъ:

«Крымъ положеніемъ своимъ разрываетъ наши границы. Нужна ли осторожность съ Туркомъ по Бугу или со стороны кубанской—во всѣхъ сихъ случаяхъ и Крымъ на рукахъ. Тутъ ясно видно, для чего ханъ нынѣшній Туркамъ непріятенъ: для того, что онъ не допуститъ ихъ чрезъ Крымъ входить къ намъ такъ-сказать въ сердце. Положите жь теперь, что Крымъ вашъ, и что нѣтъ уже сей бородавки на носу — вотъ вдругъ положеніе границъ прекрасное: по Бугу Турки граничатъ съ нами непосредственно, потому и дѣло должны имѣть съ нами прямо сами, а не подъ именемъ другихъ. Всякій ихъ шагъ тутъ виденъ. Со стороны кубанской сверхъ частыхъ крѣпостей, снабженныхъ войсками, многочисленное войско Донское всегда тутъ готово. Довѣренность жителей въ Новороссійской губерніи будетъ тогда несумнительна, мореплаваніе по Черному морю свободное, а то извольте разсудить, что кораблямъ вашимъ и выходить трудно, а входить еще труднѣе. Еще въ добавокъ избавимся отъ труднаго содержанія крѣпостей, кои теперь въ Крыму на отдаленныхъ пунктахъ. Всемилостивѣйшая государыня! неограниченное мое усердіе къ вамъ заставляетъ меня говорить: презирайте зависть, которая вамъ препятствовать не въ силахъ. Вы обязаны возвысить славу Россіи. Посмотрите, кому оспорили, кто что̀ пріобрѣлъ: Франція взяла Корсику, Цесарцы безъ войны у Турковъ въ Молдавіи взяли больше нежели мы. Нѣтъ державы въ Европѣ, чтобы не подѣлили между собой Азіи, Африки, Америки. Пріобрѣтеніе Крыма ни усилить, ни обогатить васъ не можетъ, а только покой доставитъ. Ударъ сильный—да кому? Туркамъ: это васъ еще больше обязываетъ. Повѣрьте, что вы симъ пріобрѣтеніемъ безсмертную славу

получите, и такую, какой ни одинъ государь въ Россіи еще не имѣлъ. Сія слава проложитъ дорогу еще къ другой и большей славѣ: съ Крымомъ достанется и господство въ Черномъ морѣ, отъ васъ зависѣть будетъ запирать ходъ Туркамъ, и кормить ихъ или морить съ голоду. Хану пожалуйте въ Персіи что̀ хотите, — онъ будетъ радъ. Вамъ онъ Крымъ поднесетъ нынѣшнюю зиму, и жители охотно принесутъ о семъ просьбу. Сколько славно пріобрѣтеніе, столько вамъ будетъ стыда и укоризны отъ потомства, которое при каждыхъ хлопотахъ такъ скажетъ: вотъ, она могла, да не хотѣла или упустила. Есть ли твоя держава кротость, то нуженъ въ Россіи рай. Таврически Херсонъ! изъ тебя истекло къ намъ благочестіе: смотри какъ Екатерина Вторая паки вноситъ въ тебя кротость христіянскаго правленія.»

Но «свести бородавку съ носу» было нельзя безъ войны съ Турціею, а для этого нужно было обезпечить себя со стороны сосѣднихъ державъ — Пруссіи и Австріи, преимущественно со стороны послѣдней. Недавно соглашеніе этихъ державъ помѣшало Россіи заключить миръ съ Турціею на желанныхъ условіяхъ, заставило Россію войдти въ виды Пруссіи и Австріи относительно Польши; и теперь исходъ крымскаго дѣла зависѣлъ отъ того, будетъ ли по прежнему существовать это соглашеніе между Пруссіей и Австріей, или можно будетъ разрознить ихъ интересы и заставить ту или другую державу войдти совершенно въ виды Россіи. Поведеніе Фридриха II относительно турецкихъ дѣлъ не могло не охладить къ нему Екатерины: онъ дѣйствовалъ вовсе не такъ, какъ бы можно было надѣяться отъ вѣрнаго союзника, не хотѣлъ принять извѣстныхъ объясненій справедливости русскихъ требованій отъ Турціи, что̀ не могло не оскорбить, явно преслѣдовалъ только свои интересы и заставилъ сообразоваться съ ними. Разумѣется, обвинять за это прусскаго короля, явно на него жаловаться не имѣ-

лось никакого црава, тѣмъ не менѣе горечь осталась. Но въ началѣ, то-есть послѣ раздѣла Польши и кайнарджійскаго мира, нельзя было думать объ ослабленіи союза съ Пруссіей, ибо Австрія не давала возможности сближенія съ собою. Мы видѣли, что Потемкинъ въ приведенной запискѣ указывалъ, какъ она безъ войны взяла у Турокъ болѣе чѣмъ мы. Дѣйствительно, еще до заключенія кайнарджійскаго мира Австрія, подъ шумокъ, отрѣзала себѣ на границахъ довольно значительный участокъ земли. На запросъ петербургскаго кабинета по этому дѣлу, вѣнскій отвѣчалъ, что за эти земли уже идетъ столѣтній споръ; вѣнскій дворъ очень бы желалъ, чтобъ это дѣло окончилось мирнымъ путемъ къ удовольствію обѣихъ сторонъ; но опытъ показалъ, какъ трудно улаживаться съ Портою, и потому почтено за лучшее занять спорную область вооруженною рукой. Дѣлать было нечего: Турція одна не могла защищаться, а Россія и Пруссія также не могли начать войны съ Австріей. Но подобное поведеніе послѣдней конечно не могло содѣйствовать сближенію петербургскаго кабинета съ нею, и Панинъ имѣлъ возможность продолжить систему *сѣвернаго акорта.* 10-го октября 1776 года онъ подалъ мнѣніе о продолженіи прусскаго союза: «На сихъ дняхъ читалъ мнѣ графъ Солмсъ полученную имъ отъ короля своего государя депешу, въ которой его прусское величество, изъявляя вновь желаніе свое о продолженіи съ вашимъ императорскимъ величествомъ настоящаго союза еще на 10 лѣтъ, повелѣваетъ ему сдѣлать вторично о томъ представленіе въ такой силѣ, что его величество, видя при изнемогающихъ силахъ приближеніе конца жизни своей, болѣе всего имѣетъ на сердцѣ получить отъ вашего императорскаго величества то дружеское утѣшеніе, чтобъ оставить преемника своего въ обязательствахъ и интересахъ вашего величества, слѣдовательно же и въ тѣснѣйшемъ соединеніи съ имперіею Всероссій-

скою. А какъ по случаю перваго о томъ внушеніи угодно было вашему императорскому величеству мнѣ повелѣть, чтобъ я мое по оному мнѣніе представилъ, то я, донося чрезъ сіе о таковомъ вторичномъ отзывѣ графа Солмса, поставляю въ долгъ себѣ всеподданнѣйше изобразить здѣсь собственныя свои по оному мысли. Отъ собственнаго вашего императорскаго величества прозорливѣйшаго усмотрѣнія зависитъ опредѣлить, колико донынѣ союзъ нашъ съ берлинскимъ дворомъ могъ въ теченіи и производствѣ дѣлъ нашихъ полезенъ быть повсемѣстному почти успѣху ихъ. Происшедшія между Англіей и американскими ея селеніями распри, а изъ оныхъ и самая война предвозвѣщаетъ знатныя и скорыя, повидимому, перемѣны въ настоящемъ положеніи европейскихъ державъ, слѣдовательно же и во всеобщей системѣ. Удастся ли селеніямъ устоять въ присвоенной ими нынѣ независимости, или же предуспѣетъ напослѣдокъ Англія истощительными ея усиліями поработить ихъ своей власти, что̀ безъ внутренняго тѣхъ селеній въ конецъ изнеможенія разсудительнымъ образомъ предполагаемо быть не можетъ: но въ обѣихъ сихъ случаяхъ на вѣрное считать надлежитъ, что лондонскій дворъ потеряетъ весьма много изъ своей настоящей знатности, и что оный, какъ совсѣмъ отдѣленная держава отъ твердой земли Европы, тогда наипаче принужденъ будетъ сокращать политику свою въ тѣснѣйшихъ еще предѣлахъ островов своихъ. Естественнымъ оборотомъ изъ сего, сколь вѣроятнаго, столько же и не удаленнаго послѣдствія, получатъ Бурбонскіе, толь тѣсно между собою соединенные домы, а особливо Франція, при непремѣнности коренныхъ и локальныхъ ихъ силъ и пособій, свободнѣйшія руки укоренять свою инфлюенцію и свою поверхность тамъ, гдѣ оныя донынѣ въ предѣлахъ умѣренности содержаны были противувѣсіемъ англійскихъ силъ и интересовъ, что съ политическими правилами вашего императорскаго вели-

чества никакъ согласовать не можетъ, тѣмъ паче, что и вѣнскій дворъ, по настоящей своей связи съ версальскимъ, найдется тогда въ большей безпечности собственнаго своего положенія, когда ему сей послѣдній, безъ всякаго уже отъ Англіи помѣшательства, будетъ въ состояніи оказывать всякія снисхожденія къ его интересамъ, а взаимно таковыя же и для себя отъ вѣнскаго съ вящею выгодой взаимствовать. Изъ чего собственно для Россіи такое неудобство родиться можетъ: когда станетъ приходить къ истеченію союзъ нашъ съ королемъ прусскимъ, тогда вѣнскій дворъ, и въ чистѣйшемъ намѣреніи содруженія своего съ нами, будетъ конечно размѣрять выгоды свои въ ономъ по выгодамъ имѣющагося съ Франціей союза. Въ разсужденіи всего сего продолженіе тѣснаго вашего союза съ королемъ и короною прусскими есть лучшій и надежнѣйшій способъ къ сохраненію установленной вами въ дѣлахъ политической системы и къ охраненію не одного сѣвера, но и всей уже Европы отъ перевѣса инфлюенціи версальскаго и вѣнскаго дворовъ.»

Союзъ съ Пруссіей былъ возобновленъ, но только по формѣ. Крымскія дѣла, съ одной стороны, и баварское наслѣдство, съ другой, вели необходимо къ перемѣнѣ системы. Іосифъ II хотѣлъ, во что̀ бы то ни стало, пріобрѣсть для Австріи Баварію послѣ пресѣченія тамошней династіи; Фридрихъ II, для безопасности Пруссіи и цѣлой Германіи, считалъ необходимымъ противодѣйствовать всѣми средствами такому усиленію Австріи. Оба, для своихъ цѣлей, должны были заискивать у Россіи, у одной Россіи, ибо Франція, занятая англо-американскими дѣлами и истощенная въ конецъ, не могла обнаружить своего вліянія на рѣшеніе баварскаго дѣла. На чью же сторону склонится Россія? Разумѣется на ту, которая обѣщаетъ ей свое содѣйствіе для рѣшенія крымскаго дѣла; Австрія поспѣшила дать это обѣщаніе.

Въ маѣ 1779 года, Іосифъ II обязался за себя и за преемниковъ своихъ гарантировать Россіи всѣ ея владѣнія и всѣ ея договоры съ Портою; въ случаѣ нарушенія договоровъ съ турецкой стороны объявить Портѣ войну; если во время этой предполагаемой войны съ Турками на Россію нападетъ какая-нибудь другая держава, то Іосифъ будетъ помогать Россіи всѣми своими силами. Пруссія опоздала съ своими предложеніями, и что̀ же предложила она? Тройной союзъ между Россіей, Пруссіей и *Турціей* противъ Австріи! «17 сентября 1779 года ея императорское величество соизволила читать сообщенную отъ прусскаго посланника, графа Гёрца, депешу ему отъ короля государя его съ приложеніемъ таковой же отъ прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при Портѣ Оттоманской Гафрона, относительно заключенія тройнаго союза наступательнаго и оборонительнаго, между имперіей Всероссійскою, короною прусскою и Портою Оттоманскою. Ея величество предложенія сіи не нашла вовсе себѣ угодными и сходственными съ прямою пользою для государства ея; ибо, не упоминая уже о томъ, колико оскорбителенъ былъ бы для деликатности ея союзъ съ державою непріязненною всей христіянской республикѣ, ниже коль вредныя впечатлѣнія можетъ онъ произвесть въ народахъ подъ игомъ турецкимъ пребывающихъ, коихъ вѣнскій дворъ вящше тогда отъ насъ отвратить и привязать къ себѣ не упуститъ, встрѣчаются тутъ ея величеству слѣдующія размышленія. Если сей союзъ предполагается единственно преградою горделивымъ замысламъ вѣнскаго двора, то не довольно ли опытомъ доказано, что для обузданія онаго достаточно силъ ея императорскаго величества, соединенныхъ съ королемъ прусскимъ, и особливо послѣ того, когда и Франція, не взирая на разныя свои съ вѣнскимъ дворомъ обязательства, явила свѣту, сколь удалена она пособствовать дальнѣйшему могущества австрійскаго распростране-

нію, и когда по признанію прусскаго въ дѣлахъ повѣреннаго, изъ отзывовъ посла французскаго заключаемому, дворъ его поставляетъ себѣ въ тягость союзъ съ Австрійцами. Отъ Турокъ помощь не нужна и потому союзъ съ ними можетъ быть полезенъ только имъ: огражденные отъ внѣшняго страха, поправятся и приключатъ Россіи бо̀льшую заботу чѣмъ прежде. По непостоянству Турокъ вслѣдствіе частой перемѣны министерства, союзъ сей при первомъ дѣлъ оборотѣ ни во что̀ обращенъ быть-можетъ. Если будетъ заключенъ союзъ между Пруссіей и Турціей, то въ случаѣ распрей и войны между Россіей и сею послѣдней, къ которымъ дѣла татарскія, затрудненія въ торговлѣ и мореплаванія и другія по сосѣдству и невѣжеству турецкому недоразумѣнія причину подать могутъ, будемъ мы связаны и самимъ союзникомъ нашимъ, который пользу свою конечно въ томъ полагать будетъ, чтобъ бытіе новаго его союзника, то-есть Порты Оттоманской, ни малѣйшему ущербу подвержено не было, словомъ, что все наше съ той стороны поведеніе зависѣть будетъ отъ двора берлинскаго. Посему угодно ея величеству, чтобъ сіе королемъ прусскимъ учиненное приглашеніе отклонено было образомъ благопристойнымъ. Что̀ же касается собственно до Порты, то поелику настоитъ уже нынѣ съ нею трактатъ мира и дружбы, да и ко взаимной торговлѣ положено основаніе, ея величество желаетъ, чтобъ связь сія вяще могла утверждена быть посредствомъ коммерческаго трактата. Къ сему не нужно ничье постороннее посредство».

Въ 1779 году говорилось еще о возможности утвержденія связи съ Турціей коммерческимъ трактатомъ; но иначе пошли дѣла въ 1782 году, когда вспыхнуло возстаніе противъ Шагинъ-Гирея подъ предводительствомъ родныхъ его братьевъ, и ханъ долженъ былъ удалиться въ Таганрогъ. Екатерина обратилась къ новому союзнику своему, Іосифу

II, и получила отъ него самый удовлетворительный отвѣтъ: «Получить письмо вашего императорскаго величества и отвѣчать на него въ продолженіи тѣхъ же двадцати четырехъ часовъ было во мнѣ однимъ чувствомъ и однимъ дѣйствіемъ. Мнѣ не нужно ни размышленій, ни соображеній, ни разсчетовъ, когда мое сердце чувствуетъ, и когда дѣло идетъ о томъ, чтобы служить, смѣю сказать, моей императрицѣ, моему другу, моей союзницѣ, моей героинѣ; да, я готовъ всегда ко всякому соглашенію съ вашимъ императорскимъ величествомъ относительно всѣхъ возможныхъ событій, каковыя могутъ произойдти отъ смутъ въ Крыму» *).

«Моя радость равна была моей признательности при чтеніи письма, которое вашему императорскому величеству угодно было написать мнѣ, отвѣчала Екатерина. Ваше императорское величество привыкли счастливить людей; вы спѣшите содѣйствовать счастію и вашей союзницы. Обѣщаніе вашего императорскаго величества войдти въ соглашеніе со мною относительно всѣхъ событій, могущихъ произойдти отъ крымскихъ смутъ, это обѣщаніе служитъ для меня драгоцѣннымъ залогомъ вашей дружбы, за что позвольте выразить мою живѣйшую благодарность» **).

Должно-быть въ это время Безбородко написалъ свою знаменитую записку: «Россія не имѣетъ надобности желать другихъ пріобрѣтеній какъ 1) Очаковъ съ частію земли между Бугомъ и Днѣстромъ; 2) Крымскаго полуострова, буде бы паче чаянія тамошнее правленіе по смерти нынѣшняго хана или по какимъ-либо непредвидимымъ замѣшательствамъ нашлось для насъ невыгоднымъ и вреднымъ, и наконецъ 3) одного, двухъ или трехъ островов въ Архипелагѣ для пользъ и нуждъ по торговлѣ. Напротивъ того вѣнскій дворъ возвращеніемъ Бѣлграда съ частію Сербіи и Босніи,

*) 17 іюля 1782 года.

**) 1 августа 1782 года.

а можетъ быть и банната Краіовскаго учинился бы въ положеніи предъ нами выгоднѣйшемъ. Но можно позволить ему сіе расширеніе предѣловъ своихъ, если онъ согласится съ нами относительно дальнѣйшаго жребія монархіи Оттоманской. Сей жребій опредѣлиться можетъ въ двухъ слѣдудующихъ степеняхъ: 1) Ежели обѣ державы, находя продолженіе войны для себя весьма убыточнымъ, а завоеванія ненадежными, предпочли бы заключеніе мира безъ разрушенія Турецкаго государства, въ такомъ случаѣ сверхъ обоесторонних пріобрѣтеній полезно было бы имъ условливаться и постановить, чтобъ Молдавія, Валахія и Бессарабія, подъ именемъ своимъ древнимъ Дакіи, учреждена была областію независимою, въ которую владѣтель назначенъ былъ бы закона христіянскаго, тамъ господствующаго, если не изъ здѣшняго императорскаго дома, то хотя другая какаялибо особа, на которой вѣрность оба союзника могли бы положиться; новая сія держава не можетъ быть присоединена ни къ Россіи, ни къ Австріи. Но положимъ, что упорство Порты съ одной стороны, а успѣхи съ другой подали бы способы къ совершенному истребленію Турціи и къ возстановленію древней Греческой имперіи въ пользу младшаго великаго князя, внука вашего императорскаго величества. Тутъ также за ранѣе предопредѣлить нужно точныя границы сея имперіи, назначая ихъ во владѣніяхъ турецкихъ въ Европѣ на твердой землѣ и въ островахъ архипелажскихъ, разумѣя тѣ, кои за удовлетвореніемъ другихъ останутся: ибо предполагать должно, что при таковомъ въ пользу нашу снисхожденіи вѣнскій дворъ захочетъ имѣть какое-либо основаніе въ Средиземномъ морѣ для торговли своей; что Англія и Франція и Гишпанія можетъ-быть востребуютъ и себѣ нѣкоего пріобрѣтенія, что республика Венеціянская предъявитъ свои притязанія на Морею, которой ей уступать не должно, а лучше замѣнить въ островахъ, можетъ-

быть, что Францiя и Гишпанiя устремятъ намѣренiя свои на порты въ Египтѣ или другiя на африканскихъ берегахъ, въ чемъ еще менѣе затрудненiя дѣлать слѣдуетъ».

На этихъ основанiяхъ отправлено было въ Вѣну слѣдующее предложенiе: *) «Между тремя монархiями должно быть навсегда независимое отъ нихъ государство. Это государство, въ древности извѣстное подъ именемъ Дакiи, можетъ быть образовано изъ провинцiй Молдавiи, Валахiи и Бессарабiи подъ скипетромъ государя религiи греческой. Что касается до равенства въ прiобрѣтенiяхъ, то Россiя желаетъ 1) городъ Очаковъ съ областью между Бугомъ и Днѣстромъ; 2) одинъ или два острова въ Архипелагѣ для безопасности и удобства торговли. Хотя положенiе и плодоносiе турецкихъ областей, сосѣднихъ съ государствомъ вашего императорскаго величества, даютъ вашимъ прiобрѣтенiямъ совсѣмъ иное значенiе, однако моя личная дружба къ дорогому союзнику не позволитъ мнѣ колебаться и одной минуты сдѣлать ему это пожертвованiе, ибо я твердо увѣрена, что если наши успѣхи въ этой войнѣ дадутъ намъ возможность избавить Европу отъ врага имени христiянскаго изгнанiемъ его изъ Константинополя, то ваше величество не откажетесь содѣйствовать возстановленiю монархiи Греческой, подъ непремѣннымъ условiемъ съ моей стороны сохранять эту возобновленную монархiю въ полной независимости отъ моей, и возвести на ея престолъ младшаго внука моего, великаго князя Константина, который дастъ обязательство не имѣть никогда притязанiй на престолъ россiйскiй, ибо двѣ эти короны никогда не должны быть соединены на одной главѣ».

Iосифъ отвѣчалъ **), что присоединенiе къ Россiи Очакова съ означенною областью не можетъ встрѣтить никакого за-

*) $^{10}/_{21}$ сентября 1782.

**) 13 октября 1782.

трудненія. Что же касается до образованія новаго государства Дакіи и возведенія на греческій престолъ великаго князя Константина, то это будетъ зависѣть отъ успѣховъ войны, съ его же стороны не будетъ затрудненія въ исполненіи всѣхъ этихъ желаній, если только будутъ исполнены и его желанія, которыя состоятъ въ слѣдующемъ: для Австрійской монархіи нужно присоединить: городъ Хотинъ съ небольшою областью, прикрывающею Галицію и Буковину, часть Валахіи, которую огибаетъ Алута, Никополисъ и отсюда оба берега вверхъ по Дунаю, слѣдовательно города Виддинъ, Орсову и Бѣлградъ, для прикрытія Венгріи; отъ Бѣлграда протянуть линію самую прямую и самую короткую къ Адріатическому морю, включая Golfo della Drina, и наконецъ всѣ владѣнія венеціянскія на твердой землѣ и съ прилежащими островами должны отойдти къ Австрійской монархіи, ибо только этимъ средствомъ произведенія ея земель получатъ цѣнность; полуостровъ Морея, который принадлежалъ нѣкогда Венеціянамъ, острова Кандія, Кипръ и другіе архипелажскіе могутъ богато вознаградить этихъ республиканцевъ; онъ, императоръ, можетъ имѣть тогда морскія суда и быть слѣдовательно гораздо полезнѣе для Россіи; дунайская торговля останется совершенно свободною для австрійскихъ подданныхъ какъ при входѣ въ Черное море, такъ и при выходѣ изъ него чрезъ Дарданеллы; новыя государства, Дакійское и Греческое, обяжутся не взимать никакихъ пошлинъ съ австрійскихъ судовъ.

Эти соглашенія развязывали руки относительно Крыма; здѣсь Шагинъ-Гирей былъ возстановленъ съ помощію Россіи; но, въ ожиданіи новыхъ смутъ и покушеній со стороны Турціи, Потемкину отправленъ былъ слѣдующій рескриптъ 14 декабря 1782 года: «Предполагая, что политическій составъ Оттоманской монархіи разными обстоятельствами былъ бы еще отдаленъ отъ конечнаго его разрушенія, и чтобъ

мы даже послѣ войны нашлись еще одинъ разъ въ необходимости сдѣлать миръ съ сею державою: не были ль бы мы обязаны отвѣтомъ предъ совѣстію нашею, есть ли бы, имѣя въ рукахъ своихъ надежныя средства удалить на времена будущія всякій поводъ къ новой войнѣ и предварить всечасныя безпокойства, да съ такою выгодою для государства нашего случай тотъ благопоспѣшный изъ рукъ выпустили? Извѣстно, что однимъ изъ главнѣйшихъ поводовъ къ распрямъ нашимъ съ Турками отъ давняго времени служилъ полуостровъ Крымскій, изъ нѣдръ коего не однажды обезпокоены были границы наши. Преобразованіе его въ вольную и независимую область обратилось только въ новыя для насъ заботы со знатными издержками. Опыты времени отъ 1774 года доказываютъ, что таковая независимость мало свойственна татарскимъ народамъ, ибо, чтобъ удержать ее, надлежитъ почти всегда намъ быть вооруженными, и посреди мира изнурять войска трудными движеніями, неся большіе убытки какъ бы во время войны, безъ всякой надежды замѣнить оные. При малѣйшемъ со стороны нашей послабленіи, Турки, пользуясь единовѣріемъ Татаръ и разными связями, предуспѣваютъ тамъ толико умножать свою силу, что почти всякій разъ паки къ войнѣ прибѣгать должно, дабы только дѣла поставить въ прежней степени. Таковое бдѣніе надъ крымскою независимостью принесло намъ уже болѣе 7.000.000 чрезвычайныхъ расходовъ, не щитая непрерывнаго изнуренія войскъ и потери въ людяхъ, кои превосходятъ всякую цѣну. Въ уваженіи на сіи обстоятельства приняли мы намѣреніе рѣшительнымъ образомъ тамошнимъ дѣламъ дать совсѣмъ иной оборотъ, и при дальнемъ со стороны турецкой противъ насъ не пристойномъ и интересамъ нашимъ вредномъ поведеніи такъ ихъ устроить, чтобъ полуостровъ Крымскій не гнѣздомъ разбойниковъ и мятежниковъ на времена грядущія остался, но прямо обра-

щенъ былъ на пользу государства нашего, въ замѣну и награжденіе осмилѣтняго беспокойства вопреки миру нами понесеннаго и знатныхъ иждивеній на охраненіе цѣлости мирныхъ договоровъ употребленныхъ, чѣмъ и будетъ изъятъ впредь всякій поводъ къ войнѣ съ Турками, если они сей шагъ намъ самою необходимостію вынужденный не почтутъ за точную причину къ явному разрыву: но и въ семъ послѣднемъ случаѣ находимъ мы полезнѣе однажды навсегда кончить дѣла наши съ помянутою державою, нежели быть во всегдашней отъ нея тревогѣ, чтобъ не допустить ее паки къ крайнему намъ вреду усилиться въ татарской области и почти поработить себѣ оную. Вслѣдствіе того волю нашу на присвоеніе того полуострова и на присоединеніе его къ Россійской имперіи объявляемъ вамъ съ полною нашею довѣренностію и съ совершеннымъ удостовѣреніемъ, что вы къ исполненію сего не упустите ни времени удобнаго, ни способовъ, отъ васъ зависящихъ, но не инако, что поводомъ къ таковому присвоенію Крыма долженствуютъ служить случаи: 1) Буде постигнетъ смерть нынѣ владѣющаго хана, или непріятели его увезутъ; или утвердить его на владѣніи тамошнемъ будетъ ненадежно. 2) Буде онъ, паче чаянія, окажется измѣнникомъ или вовсе сомнительнымъ въ доброхотствѣ къ Россійской имперіи; или же сдѣлаетъ непристойное затрудненіе въ удержаніи нами Ахтъ-Ярской гавани, либо другихъ интересахъ нашихъ. 3) Буде Порта не подастся на прочіе главные артикулы нами требуемые. 4) Буде она пошлетъ войска въ Крымъ или на Кубань, либо морскія силы въ Черное море; или же начнетъ поджигать Татаръ какимъ бы то образомъ ни было къ безпокойству и мятежу. 5) Буде она въ другой части намъ ближней или на другой станетъ противъ насъ тайно или явно собою или чрезъ другихъ дѣйствовать. 6) Буде императоръ римскій распространитъ далѣе свой кордонъ или границу на счетъ

Молдавіи или Валахіи; въ таковомъ случаѣ и мы должны искать средства къ соблюденію съ нимъ равенства.» Потемкинъ долженъ былъ всячески стараться приклонить Татаръ на свою сторону и внушать имъ, чтобы подали просьбу о присоединеніи Крыма къ Россіи; хану внушать, что будетъ осыпанъ милостями. Если Порта согласится отступить отъ всякаго къ Татарамъ прикосновенія и исполнить мирный договоръ во всемъ его объемѣ, то присоединеніе Крыма отложить до другаго времени, занявъ только Ахтъ-Ярскую гавань.

Въ 1552 году жестокости послѣдняго казанскаго хана Шигъ-Алея заставили Казанцевъ просить царя Іоанна IV свести отъ нихъ ненавистнаго Алея и прислать намѣстника московскаго: въ 1783 году жестокости хана Шагинъ-Гирея произвели такое же движеніе въ Крыму и повели къ уничтоженію его самостоятельности. 7 февраля 1783 года Екатерина послала Потемкину повелѣніе: «Изъ донесеній, присланныхъ къ вамъ отъ генералъ-поручика графа Дебалмена, а къ министерству нашему отъ посланника Веселицкаго, мы съ сожалѣніемъ увѣдомляемся о казни многихъ изъ Татаръ, кои вовлечены были въ участіе въ послѣднемъ тамъ происшедшемъ неспокойствѣ, несмотря на то, что хану Шагинъ-Гирею отъ помянутаго посланника внушаемо было отъ имени нашего о показаніи при семъ случаѣ всякой кротости и человѣколюбія во прощеніи виновныхъ. По сродной намъ жалости, желая отвратить по крайней мѣрѣ впредь всякую жестокость и особливо чтобъ оная тамъ мѣсто не имѣла, гдѣ силы наши воинскія обращаются, соизволяемъ мы, чтобъ вы предписали графу Дебалмену объявить помянутому хану въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, съ какимъ прискорбіемъ получили мы сіе непріятное извѣстіе; что когда возстановленіе его обладанія совершилось подъятіемъ оружія нашего безъ всякаго пролитія крови, и когда участвовавшіе въ возмущеніи приведены были въ раскаяніе, то не

требовало ли самое человѣчество пощадить обратившихся къ повиновенію? Примѣры прежніе долженствовали его въ томъ научить; мятежъ въ 1777 году укрощенъ былъ конечно не его строгостію. Казни при томъ случаѣ употребленныя и повторенныя потомъ многократно не могли устрашить другихъ, а только огорчили его подданныхъ и предуготовили послѣднее возмущеніе. Онъ долженъ вѣдать, что еслибы мы таковую суровость съ его стороны предвидѣли, не обратили бы войскъ вашихъ на его защиту, ибо несходно то съ правилами нашими, чтобъ силой нашею низверженныхъ попускать на истребленіе. Скорѣе мы оставимъ всякое ему пособіе, нежели распространимъ оное на угнетеніе рода человѣческаго; что милость и покровительство наше не на одну его особу, но вообще на всѣ татарскіе народы распространяется, и что потому желаемъ, дабы онъ управлялъ сими народами съ кротостію, благоразумному владѣтелю свойственною, и не подавалъ причины къ новымъ бунтамъ, ибо не можетъ ему быть неощутительно, что сохраненіе его на ханствѣ не составляетъ еще для государства нашего такого интереса, для котораго мы обязаны были бы находиться всегда въ войнѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ распряхъ съ Портою, а и ни для чего не согласимся славу оружія нашего, извѣстную столько же побѣдами, сколько и пощадою побѣжденныхъ, подвергать какому-либо предосужденію. Заключивъ сіе изъясненіе требованіемъ, чтобы, до совершеннаго приведенія въ порядокъ дѣлъ въ томъ краѣ, онъ отдалъ на руки военнаго нашего начальства родныхъ своихъ братьевъ и племянника, также и прочихъ подъ стражею содержащихся, бывъ увѣренъ, что какъ, съ одной стороны, жизнь сихъ людей охранена будетъ отъ всякаго противъ ихъ покушенія, такъ, съ другой, не можетъ онъ опасаться отъ нихъ новыхъ безпокойствъ. Между тѣмъ нѣтъ нужды скрывать въ народѣ его на истинѣ самой осно-

ванныи внушенія, дабы Татары видѣли, что подобныя казни намъ и военному нашему начальству всемѣрно отвратительны, что мы ничего не оставимъ употребить къ пресѣченію ихъ, и что всѣ тѣ, кои прибѣгнутъ подъ защиту войскъ нашихъ, воспользуются полною безопасностію; да и дѣйствительно предпишите о помѣщеніи ихъ подъ охраненіемъ нашимъ, гдѣ и какъ выгоднѣе, и о соблюденіи ихъ безопасности. Еслибы, паче чаянія, ханъ не съ удовольствіемъ принялъ такое увѣщаніе, и ежели бы онъ сдѣлалъ затрудненіе въ отдачѣ намъ братьевъ и племянника своихъ съ другими Татарами, въ заключеніи содержащимися, въ такомъ случаѣ повелѣваемъ всю стражу при немъ находящуюся, взявъ, отправить къ Ахтъ-Ярской гавани или куда вы за лучше признаете, и потомъ и помышлять только о своихъ дѣлахъ, о своей безопасности, объ удержаніи твердой ноги въ Крыму, и о приведеніи упомянутыхъ дѣлъ къ желаемой и выгоднѣйшей для насъ цѣли, оставляя его (тоесть хана) между народомъ. Впрочемъ казнь означенныхъ князей крови его долженствуетъ служить поводомъ къ совершенному отъятію руки нашей отъ сего владѣтеля, и сигналомъ къ спасенію Крыма отъ дальнѣйшихъ мучительствъ и утѣсненій способомъ, въ рескриптѣ нашемъ отъ 14 декабря 1782 года вамъ подписаннымъ».

Шагинъ-Гирей отказался отъ престола, и Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи указомъ 8 апрѣля 1783 года. Бывшій ханъ оставался жить въ Тамани; императрица распорядилась, чтобъ его перевели въ Воронежъ, но онъ не послушался и въ отвѣтѣ вошелъ въ разныя «нескладныя» изъясненія. Тогда отправленъ былъ къ нему генералъ Игельстромъ съ приказаніемъ, чтобы непремѣнно выѣхалъ изъ Тамани, выбравъ для жительства изъ трехъ городовъ: Воронежъ, Орелъ или Калугу. Игельстромъ долженъ былъ внушить хану, что «съ русской стороны не было упущено ни-

чего къ сохраненію его на престолѣ: собственное его поведеніе, наипаче жестокость отдалила отъ него всѣхъ подвластныхъ; Татары принимали ханомъ всякаго иного, кромѣ его, и многіе отзывались, что они лучше повиноваться будутъ всякому россійскому начальнику, нежели ему. Съ другой стороны, Порта готова была, да и начинала уже пользоваться симъ заботливымъ положеніемъ дѣлъ. Благо и тишину имперіи нашей не могли мы не поставить выше всякаго уваженія къ хану Шагинъ-Гирею или къ кому бы то ни было; что ханъ отрекся отъ правленія безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ нами или съ поставленными отъ насъ начальниками; что сама Порта подтвердила присоединеніе Крыма, слѣдовательно непристойно и непозволительно ему, хану, человѣку теперь частному, вступаться въ какія-либо дѣла, касающіяся до земель сихъ; не долженъ онъ жаловаться на министровъ или генераловъ нашихъ, вѣдая, что они исполняли только волю нашу».

Шагинъ-Гирея перевели въ Калугу.

ГЛАВА VII.

Не смотря на сильное волненіе, произведенное въ Турціи вѣстію о присоединеніи Крыма къ Россіи, Порта на первыхъ портахъ нашла необходимымъ признать это присоединеніе, что̀ и было сдѣлано конвенціею 28 декабря 1783 года. Но это было только на первыхъ порахъ. Чѣмъ болѣе прихо-

дила Турція сама въ себя послѣ громоваго удара, тѣмъ яснѣе сознавала всю важность потери: послѣднее татарское царство подпало власти русской, подпалъ этой власти весь сѣверный берегъ Чернаго моря, откуда враждебные корабли не преминутъ при первомъ случаѣ явиться предъ Константинополемъ, и флотъ дѣйствительно заводился. Предупредить страшную опасность, кинуться на врага, когда онъ не ожидаетъ нападенія, не приготовился къ нему, вотъ поступокъ, который могъ быть внушенъ Портѣ отчаяніемъ и вмѣстѣ благоразуміемъ. Лѣтомъ 1787 году рейсъ-ефенди представилъ русскому послу въ Константинополѣ, Булгакову, ультиматумъ, которымъ требовалось: выдача молдавскаго господаря Маврокордата, удалившагося въ Россію; отозваніе русскихъ консуловъ изъ Яссъ, Букареста и Александріи; допущеніе турецкихъ консуловъ во всѣ русскія гавани и торговые города; признаніе грузинскаго царя Ираклія, поддавшагося Россіи, турецкимъ подданнымъ; осмотръ всѣхъ русскихъ кораблей выходящихъ изъ Чернаго моря. Булгаковъ отвергъ требованія, и Порта объявила войну Россіи. Посолъ, вопреки условію Кайнарджійскаго мира, былъ заключенъ въ Семибашенный зэмокъ. «Поселили меня въ домѣ комменданта, доносилъ Булгаковъ о своемъ заключеніи *). Поступаютъ со мною учтиво, но не допускаютъ никого не только ко мнѣ, но даже и въ крѣпость. Интернунцій, сколь ни старался обо мнѣ, всегда съ презрѣніемъ и даже съ ругательствомъ былъ отвергаемъ. Въ несчастіи моемъ нашелся однако человѣкъ, который оправдалъ совершенно и мою довѣренность, и свою преданность къ высочайшему двору, а именно г. Гонфрисъ, датскій агентъ. Онъ въ самый день моего заключенія изыскалъ средства прислать ко мнѣ все нужное, и находитъ оныя понынѣ меня кормить, содержать, утѣшать и доставлять извѣстіе о происходящемъ.

*) 25 августа 1787 года.

Сколь ни скоропостижно меня схватили, успѣлъ я скрыть наиважнѣйшія бумаги, цифры, архиву моего времени, дорогія вещи и проч. Казна также въ цѣлости, хотя и не велика».

Россія была застигнута въ расплохъ; положеніе Потемкина, обязаннаго защищать Новую Россію, было крайне затруднительно; онъ не зналъ куда обратиться, съ чего начать; предвидѣлъ еще бо̀льшія затрудненія, если Пруссія и Англія станутъ дѣйствовать непріязненно; писалъ въ Петербургъ, что надобно ласкать эти двѣ державы. Екатерина старалась поддержать его духъ: узнавши изъ его донесенія объ осадѣ Кинбурна Турками, она писала *): «Что Кинбурнъ осажденъ непріятелемъ и уже тогда четыре сутки выдержалъ канонаду и бомбардираду, я усмотрѣла изъ твоего собственноручнаго письма; дай Боже его не потерять, ибо всякая потеря непріятна; но положимъ такъ, то для того не унывать, а стараться какъ ни на есть отмстить и брать реванжъ; имперія останется имперія и безъ Кинбурна; того ли мы брали и потеряли? Всего лутче, что Богъ вливаетъ бодрость въ нашихъ солдатъ тамъ, да и здѣсь не уныли, а публика лжетъ въ свою пользу, и города беретъ, и морскіе бои и баталіи складываетъ, и Царьградъ бомбардируетъ. Я слышу все сіе съ молчаніемъ и у себя на умѣ думаю: былъ бы мой князь здоровъ, то все будетъ благополучно и поправлено, еслибы гдѣ и вырвалось чего непріятное. Усердіе Александра Васильевича Суворова, которое ты такъ живо описываешь мнѣ, весьма обрадовало; ты знаешь, что ничѣмъ такъ на меня не можно угодить какъ отдавая справедливость трудамъ, ревнію и способности. Ласкать Англичанъ и Прусаковъ ты пишешь: кой часъ Питтъ узналъ о объявленіи войны, онъ писалъ къ Воронцову, чтобъ онъ пріѣхалъ къ нему, и по пріѣздѣ ему сказалъ, что война объявлена, и что говорятъ въ Царѣградѣ что на то подущалъ

*) 24 сентября 1787 года.

Турокъ ихъ посолъ, и клялся что посолъ ихъ не имѣетъ на то приказанія отъ великобританскаго министерства. Сіе я вѣрю, но иностранныя дѣла Великобританіи не управляемы нынѣ английскимъ министерствомъ, но самымъ ехиднымъ королемъ по правиламъ гановерскихъ министровъ; его величество уже добрымъ своимъ правленіемъ потерялъ 15 провинцій, такъ мудрено ли ему дать послу своему въ Царѣградѣ приказаніе въ противности интересовъ Англіи? Онъ управляется мелкими личными страстьми, а не государственнымъ и національнымъ интересомъ. Касательно Прусаковъ, то имъ и понынѣ кромѣ ласки не оказано, но они хотятъ не ласки, и то можетъ-быть не король, а Герцберхъ. Молю Бога, чтобы тебѣ далъ силы и здоровья, и унялъ ипохондрію. Какъ ты все самъ дѣлаешь, то и тебѣ покоя нѣтъ; для чего не берешь къ себѣ генерала, который бы имѣлъ мелкой детайль? Скажи кто тебѣ надобенъ, я пришлю; на то даются фельдмаршалу генералы полные, чтобъ одинъ изъ нихъ занялся мелочію, а главнокомандующій тѣмъ не замученъ былъ. Что не проронишь, того я увѣрена; но во всякомъ случаѣ не унывай и береги свои силы; Богъ тебѣ поможетъ и не оставитъ, и царь тебѣ другъ и покровитель. Проклятое оборонительное состояніе! И я его не люблю. Старайся его скорѣе оборотить въ наступательное: тогда тебѣ да и всѣмъ лехче будетъ, и больныхъ тогда будетъ менѣе; не все на одномъ мѣстѣ будутъ».

Ипохондрія Потемкина не проходила: онъ прислалъ просьбу о позволеніи сдать начальство надъ войскомъ Румянцеву, а самому пріѣхать въ Петербургъ. Просьба сильно не понравилась императрицѣ; она отвѣчала *): «Не запрещаю тебѣ пріѣхать сюда, если ты увидишь, что твой пріѣздъ не разстроитъ тобою начатое либо производимое. Приказаніе къ фельдмаршалу Румянцеву для принятія команды, когда ты

*) 25 сентября 1787 года.

ему здашь, посылаю къ тебѣ; вручишь ему оное какъ возможно позже, если послѣдуешь моему мнѣнію и совѣту; съ моей же стороны пребываю хотя съ печальнымъ духомъ, но со всегдашнимъ моимъ дружескимъ доброжелательствомъ.»

Новое несчастіе окончательно отняло духъ у Потемкина. Любимое его созданіе, севастопольскій флотъ, былъ разбитъ бурею; сынъ счастія пришелъ въ совершенное отчаяніе, когда увидѣлъ, что начинаетъ быть несчастливымъ: «Матушка государыня, я сталъ несчастливъ; при всѣхъ мѣрахъ возможныхъ, мною предпріемлемыхъ, все идетъ на выворотъ. Флотъ севастопольскій разбитъ бурею; остатокъ его въ Севастополѣ, все малыя и ненадежныя суда, и лучше сказать не употребительныя; корабли и большіе фрегаты пропали. Богъ бьетъ, а не Турки. Я при моей болѣзни пораженъ до крайности; нѣтъ ни ума, ни духу. Я просилъ о порученіи начальства другому. Вѣрьте, что я себя чувствую; не дайте чрезъ сіе терпѣть дѣламъ. Ей, я почти мертвъ; я всѣ милости и имѣніе, которое получилъ отъ щедротъ вашихъ, повергаю стопамъ вашимъ и хочу въ уединеніи и неизвѣстности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу къ графу Петру Александровичу (Румянцеву), чтобъ онъ вступилъ въ начальство, но не имѣя отъ васъ повелѣнія, не чаю чтобъ онъ принялъ, и такъ Богъ вѣсть что̀ будетъ. Я все съ себя слагаю и остаюсь простымъ человѣкомъ; но что я былъ вамъ преданъ, тому свидѣтель Богъ» *). Въ отчаяніи Потемкинъ писалъ, что надобно вывести войска изъ Крыма.

«Конечно все это не радостно, однако ничто не пропало», отвѣчала ему Екатерина **). «Крайне сожалѣю, что ты въ такомъ крайнемъ состояніи, что хочешь сдать команду; сіе

*) 24 сентября.

**) 2 октября.

мнѣ болѣе всего печально. Ты упоминаешь о томъ, чтобы вывести войска изъ полуострова; если сіе исполнишь, то родится вопросъ: что̀ же будетъ и куда̀ дѣвать флотъ севастопольскій? Я думаю, что всего бы лучше было, еслибы можно было сдѣлать предпріятіе на Очаковъ либо на Бендеры, чтобъ оборону оборотить въ наступленіе. Прошу ободриться и подумать, что бодрый духъ и неудачу поправить можетъ. Все сіе пишу къ тебѣ, какъ лучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и болѣе еще имѣетъ расположенія нежели я сама; но на сей случай я бодрѣе тебя, понеже ты боленъ, а я здорова. Ты не терпѣливъ какъ пятилѣтнее дитя, тогда какъ дѣла, на тебя возложенныя теперь, требуютъ терпѣнія невозмутимаго».

Побѣда Суворова надъ Турками у Кинбурна нѣсколько ободрила Потемкина. Съ грустью, но уже спокойно, сталъ говорить онъ о потерѣ флота, о своемъ отчаяніи при этомъ: «Правда, матушка, что рана сія глубоко вошла въ мое сердце. Сколько я преодолѣвалъ препятствій, и труда понесъ въ построеніи флота, который бы черезъ годъ предписывалъ законы Царюгороду! Преждевременное открытіе войны принудило меня предпріять атаковать раздѣльный флотъ турецкій съ чѣмъ можно было; но Богъ не благословилъ. Вы не можете представить, сколь сей нечаянный случай меня почти поразилъ до отчаянія».

Мы видѣли, что Екатерина указывала на Очаковъ, взятіемъ котораго надобно было оборонительную войну перемѣнить на наступательную. Въ другой разъ, послѣ Кинбурнскаго дѣла, императрица писала Потемкину *): «Понеже Кинбурнская сторона важна, и въ оной покой быть не можетъ, дондеже Очаковъ существуетъ въ рукахъ непріятельскихъ, то за неволю подумать нужно о осадѣ сей, буде инако захватить не можно по вашему сужденію». — «Кому больше

*) 2 ноября 1787 года.

на сердцѣ Очаковъ какъ мнѣ»? писалъ Потемкинъ *). «Несказанныя заботы отъ сей стороны на меня всѣ обращаются. Не стало бы за доброй волей моей, еслибъ я видѣлъ возможность. Схватить его никакъ нельзя, а формальная осада по позднему времени быть не можетъ, — и къ ней столь много приготовленій! Теперь еще въ Херсонѣ учатъ минеровъ какъ дѣлать мины, также и прочему. До 100.000 потребно фашинъ, и много надобно габіоновъ. Вамъ извѣстно, что лѣсу нѣтъ по близости. Я уже надѣлалъ въ лѣсахъ моихъ польскихъ, откуда повезутъ къ мѣсту. Очаковъ намъ нужно конечно взять, и для того должны мы употребить всѣ способы вѣрные для достиженія сего предмета. Сей городъ не былъ разоренъ въ прошлую войну; въ мирное время Турки укрѣпляли его безпрерывно. Вы изволите помнить, что я въ планѣ моемъ наступательномъ, по таковой ихъ тутъ готовности, не полагалъ его брать прежде другихъ мѣстъ, гдѣ они слабѣе. Еслибы слѣдовало мнѣ только жертвовать собою, то будьте увѣрены, что я не замѣшкаюсь минуты; но сохраненіе людей столь драгоцѣнныхъ обязываетъ иттить вѣрными шагами и не дѣлать сумнительной попытки, гдѣ можетъ случиться, что потеря въ нѣколько тысячъ пойдетъ не взявши, и растроимся такъ, что уменьша старыхъ солдатъ, будемъ слабѣе на будущую кампанію. Притомъ, не разбивъ непріятеля въ полѣ, какъ приступить къ городамъ? Полевое дѣло съ Турками можно назвать игрушкою; но въ городахъ и мѣстахъ таковыхъ дѣла съ ними кровопролитны».

Преждевременное начатіе войны и соединенныя съ нимъ невыгоды положенія естественно внушали желаніе какъ бы поскорѣе освободиться отъ войны. Но здѣсь важный вопросъ: какъ другія державы будутъ смотрѣть на дѣло? Мы видѣли, что Потемкинъ сильно безпокоился на счетъ Пруссіи и Англіи. Легко было придти къ мысли повторить сред-

*) 1 ноября 1787 года.

ство уже испытанное въ первую турецкую войну,—отправить флотъ въ Средиземное море; но какъ на это посмотрятъ морскія державы, Англія и Франція? «Французскія каверзы, писала Екатерина Потемкину *), по двадцати-пяти-лѣтнимъ опытамъ мнѣ довольно извѣстны; но нынѣ спознали мы и англійскія, ибо не мы одни, но вся Европа увѣрена, что посолъ англійскій и посланникъ прусскій Порту склонили на объявленіе войны. Теперь оба сіи двора отъ сего поступка отступаются. Они же (Англичане) никогда и ни въ какое время ни на какой союзъ съ нами согласиться не хотѣли въ теченіи двадцати пяти лѣтъ. Франція, конечно и безспорно, находится въ слабомъ состояніи и ищетъ нашего союза; но колико можно долѣе себя менажировать (должно) съ Франціею и съ Англіею; безъ союза намъ будетъ полезнѣе иногда нежели самый союзъ тотъ или другой, понеже союзъ навлечетъ единаго злодѣя болѣе. Но въ случаѣ еслибы пришло рѣшиться на союзъ съ тою или другою державою, то таковой союзъ долженъ быть распоряженъ съ постановленіями сходными съ нашими интересами, а не по дудѣ и прихотямъ той или иной націи, еще менѣе по ихъ предписаніямъ. Я сама того мнѣнія, что войну сію укоротить должно колико возможно. Совѣтую вамъ на мой собственный счетъ закупить въ Украйнѣ, или гдѣ удобнѣе найдете, тысячъ на сто рублей или болѣе, барановъ и быковъ, и оными производить порціи солдатамъ, по стольку разъ въ недѣлю какъ заблагоразсудите. Буде никакой надежды къ миру чрезъ зиму не будетъ, то какъ ранѣе возможно весной отправить отселѣ флотъ; нужно чтобы оному отъ Англіи не было препятствія. Конечно, когда мои двадцать кораблей пройдутъ Гибралтарскій заливъ, тогда признаюсь, чтобы полезно быть могло, чтобъ авангардъ его была эскадра французская, и аріергардъ той же націи, а наши бы корабли со-

*) 4 ноября 1787 года.

ставляли *корпъ-дарме*, и такъ бы дѣйствовали и шли кончить войну проходя проливы. За сію услугу Французамъ бы дать можно участіе въ Египтѣ, а Англичане намъ въ семъ не подмогутъ, а захотятъ насъ вмѣшать въ свои глупыя и безтолковыя германскія дѣла, гдѣ не вижу ни чести, ни барыша, а пришло бы бороться за чужіе интересы; нынѣ же боремся по крайней мѣрѣ за свои собственные; и тутъ кто мнѣ поможетъ, тотъ и товарищъ».

Но помощниковъ и товарищей не являлось, а затрудненія увеличивались безпрестанно. 1788 годъ начался очень печально: къ страшной дороговизнѣ присоединились болѣзни. «Дай Боже, чтобъ болѣзни скорѣе пресѣклись, писала императрица Потемкину. Дороговизна во всемъ ужасная; дай Боже силу снести всѣ видимыя и невидимыя хлопоты.»*) Теперь Потемкинъ, въ свою очередь, написалъ ободрительное письмо: «Болѣзни, дороговизны и множество препятствій заботятъ меня, и къ тому совершенное оскудѣніе въ хлѣбѣ. Но и въ Петербургѣ, какъ изволите писать, недужныхъ много. Въ семъ случаѣ, что̀ вамъ дѣлать? Терпѣть и надѣяться неизмѣнно на Бога. Христосъ вамъ поможетъ, Онъ пошлетъ конецъ напастямъ. Пройдите вашу жизнь, увидите, сколько неожиданныхъ отъ Него благъ по несчастіи вамъ приходило. Были обстоятельства, гдѣ способы казались пресѣчены пути (sic), — вдругъ выходила удача. Положите на Него всю надежду и вѣрьте, что Онъ непреложенъ. Пусть кто какъ хочетъ думаетъ, а я считаю, что Апостолъ въ ваше восшествіе (на престолъ) припалъ не на удачу: «вручаю вамъ Фиву, сестру вашу сущу, служитель- «ницу церкви, да пріимете ю о Господѣ достойнѣ святымъ.» Людямъ нельзя испытывать, для чего попускаетъ Богъ скорби; но знать надобно то, что въ такихъ случаяхъ къ

*) 26 января 1787.

Нему должно обращаться. Вы знаете меня, что во мнѣ сіе не суевѣріе производитъ».

Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась тогда Россія, самымъ выгоднымъ представлялся Потемкину союзъ съ ближайшимъ государствомъ, съ Польшею. Еще въ то время, когда разсуждалось о пользѣ австрійскаго союза для войны турецкой, и Безбородко указывалъ, что со стороны Польши нечего бояться препятствій, Потемкинъ замѣтилъ: «Справедливость требуетъ, по увѣнчаніи успѣхами предпріятій вашихъ, удѣлить и Польшѣ, а именно: землю лежащую между рѣкъ Днѣпра и Буга.» Теперь, 15 февраля 1788 года, Потемкинъ писалъ императрицѣ: «Примите мое усерднѣйшее предложеніе, рѣшите съ Польшей, обѣщайте имъ пріобрѣтеніе; несказанная польза, чтобъ они были наши; ей-ей, они тверже будутъ всѣхъ другихъ; привяжите богатыхъ и знатныхъ, почтивъ ихъ быть шефами нашихъ полковъ или корпусовъ; они сами къ Россіи прилѣпятся, и большія деньги отъ себя въ пользу полковъ нашихъ употребятъ.» Екатерина не раздѣляла надеждъ Потемкина, слишкомъ во всемъ дававшаго волю своему пламенному воображенію; однако употребила всѣ средства для склоненія Польши къ союзу. Она отвѣчала Потемкину *): «Касательно польскихъ дѣлъ, въ скоромъ времени пошлются приказанія, кои изготовляются, для начатія соглашенія; выгоды имъ обѣщаны будутъ; если симъ привяжемъ Поляковъ и они намъ будутъ вѣрными, то сіе будетъ первый примѣръ въ исторіи постоянства ихъ. Если кто изъ нихъ (исключительно пьянаго Радзивила и гетмана Огинскаго котораго неблагодарность я уже испытала) войдти хочетъ въ мою службу, то не отрекусь его принять; наипаче же гетмана графа Браницкаго, жену котораго я отъ сердца люблю и знаю, что она меня любитъ и памятуетъ, что она Русская;

*) 26 февраля 1788.

храбрость же его извѣстна; также воеводу русскаго Потоцкаго охотно пріиму, потому что онъ честный человѣкъ, и въ нынѣшнее время поступаетъ сходственно совершенно съ нашимъ желаніемъ. Впрочемъ, Поляковъ принять въ армію и сдѣлать ихъ шефами подлежитъ разсмотрѣнію личному, ибо вѣтренность, индисциплина или разстройство и духъ мятежа у нихъ царствуетъ. Впрочемъ, стараться буду, чтобы соглашеніе о союзѣ не замедлилось, дабы нація занята была. Дай Боже, чтобъ болѣзни прекратились; если роты сдѣлать сильнѣе, то и денегъ и людей болѣе надобно; вы знаете, что послѣдній наборъ былъ со ста душъ; деньгами же стараемся быть исправны, налоговъ же наложить теперь не время, ибо хлѣбу недорода; и такъ недоимокъ не малое число. Признаться должно, что мореходство наше еще слабо и люди непривычны и къ оному мало склонны; авось-либо въ нынѣшнюю войну лучше притравлены будутъ. Морскіе командиры нужны паче иныхъ».

Въ это время, когда Потемкинъ такъ торопился союзомъ съ Польшею, Вѣнскій дворъ сообщилъ Петербурскому о безпокойствахъ своихъ относительно намѣреній Пруссіи пріобрѣсти земли отъ Польши. Кауницъ предлагалъ вооружить Поляковъ противъ Пруссіи обѣщаніемъ возврата уступленныхъ Пруссіи по раздѣлу земель. Но въ Петербургѣ нашли, что неблагоразумно такимъ поступкомъ вооружать противъ себя прусскаго короля. Безбородко подалъ записку: «Въ условіяхъ съ Австріей было поставлено, что Россія подастъ помощь Австріи, если Пруссія или Франція нападутъ на нее. Но Вѣнскій дворъ сверхъ диверсіи отъ короля прусскаго предполагаетъ другой случай, тотъ, еслибы сей государь рѣшился, воспользуясь войною нашею съ Портой, сдѣлать безъ обнаженія меча пріобрѣтеніе на счетъ Польши или гдѣ индѣ. Цѣлость настоящихъ владѣній польскихъ предохранена ручательствомъ ея императорскаго величества. Отъ

рѣшенія ея величества зависитъ, слѣдуетъ ли принять покушеніе короля прусскаго присвоить Данцигъ и какую-нибудь часть земли польской за нарушеніе мира и тому воспрепятствовать всѣми силами. Нельзя не признаться, что таковое безъ войны пріобрѣтеніе дало бы королю прусскому гораздо выгоды болѣе нежели намъ, кои долженствуемъ несть убытки въ людяхъ и деньгахъ. Можно будетъ Вѣнскому двору отвѣтствовать, что мы уже подали имъ достаточныя увѣренія въ исполненіи обязательствъ нашихъ на случай диверсіи короля прусскаго; что относительно подозрѣнія въ завладѣніи имъ частію изъ Польши, святость и сила разныхъ трактатовъ, ручательство наше сей республикѣ утвердившихъ, да и самые интересы наши могутъ совершеннымъ образомъ Вѣнскій дворъ обнадежить, что мы признаемъ подобное покушеніе за противное миру и, поколику возможность дозволитъ, тому воспротивимся. Кауницъ, упоминая съ похвалою о намѣреніи нашемъ заключить союзный трактатъ съ Польшей, внушаетъ о представленіи Полякамъ перспективы на возвращеніе отъ короля прусскаго, въ случаѣ враждебныхъ его покушеній, той части, которая уступлена ему раздѣльнымъ трактатомъ. Извѣстно, что подобныя дѣла въ Польшѣ негоцируются съ цѣлымъ почти народомъ; какимъ же образомъ можно, прежде настоянія случая, дѣлать подобныя обнадеживанія? Сіе значило бы совершенно непріязненныя намѣренія наши и вызовъ короля прусскаго къ войнѣ, которую мы теперь отдалять должны.»

Хлопотали объ отдаленіи войны прусской, потому что опасность начала грозить со стороны Швеціи. Здѣсь царствовалъ двоюродный братъ императрицы Екатерины по матери, Густавъ III, человѣкъ способный начинать важныя дѣла, но неспособный разсчитывать средства къ ихъ успѣшному окончанію. Въ 1772 году ему удалось усилить королевскую власть на счетъ шляхетской демократіи, ослаблявшей Шве-

цію съ 1720 года. Это не могло, разумѣется, нравится въ Петербургѣ: по господствующему правилу тогдашней политики, каждая держава должна была стараться о томъ, чтобы въ сосѣдней державѣ сохранялась такая форма правленія, которая бы давала какъ можно менѣе силы ея правительству и такимъ образомъ дѣлала ее безопасною для сосѣдей. Такъ сосѣди Польши давно уже вносили въ свои договоры статью — поддерживать господство шляхетской демократіи въ Польшѣ; такъ Россія, Данія и Пруссія обязаны были другъ передъ другомъ трактатами поддерживать и въ Швеціи форму правленія, установленную тамъ съ 1720 года. Несмотря на то, родственники — императрица русская и король шведскій — продолжали находиться въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ. Густавъ III посѣтилъ Екатерину въ Петербургѣ въ 1777 году; когда въ 1782 году у короля родился второй сынъ, онъ просилъ Екатерину быть воспріемницей, причемъ напоминалъ о слышанной имъ отъ нея русской пословицѣ, что только два сына — сынъ. Императрица отвѣчала, что онъ ошибается, пословица говоритъ: одинъ сынъ не сынъ, два сына—полсына, три сына—сынъ. Въ слѣдующемъ 1783 году, у родственниковъ было условлено свиданіе въ Фридрихсгамѣ, въ Финляндіи; но Густавъ упалъ съ лошади и разбилъ себѣ руку, отчего свиданіе и не состоялось. Любезности продолжались: извѣстно, что Екатерина любила заниматься русской исторіей, которая была въ связи съ шведскою, поэтому императрица просила Короля прислать къ ней шведскихъ историческихъ книгъ. Густавъ поспѣшилъ исполнить просьбу, и къ посылаемымъ книгамъ приложилъ реестръ съ краткимъ изложеніемъ содержанія каждой книги; онъ писалъ, что реестръ составленъ имъ самимъ. Екатерина отвѣчала: «Я сомнѣваюсь, чтобы ваши ученые знали лучше васъ шведскую исторію. Съ этихъ поръ я смотрю на ваше величество не какъ на короля, — короли, какъ всѣ

знатныя особы, знаютъ все, не учившись ничему, — но я смотрю на васъ какъ на знатока исторіи, какъ на одного изъ самыхъ достойныхъ членовъ моей Академіи.»

Но отношенія перемѣнились при началѣ войны турецкой. Густавъ возбудилъ въ Швеціи сильное и основательное подозрѣніе, что онъ намѣренъ предпринять еще новыя перемѣны въ формѣ правленія, еще болѣе усилить свою власть. Это повело къ тому, что на сеймѣ 1786 года онъ встрѣтилъ сильную оппозицію и не могъ провести своихъ предложеній. Королю хотѣлось поправить дѣла воинскими подвигами, пріобрѣсти силу и значеніе Густава Адольфа, опереться на побѣдоносное войско и на всѣхъ тѣхъ, которымъ дорога слава отечества. Удобный случай къ тому представила война Россіи съ Турціей,—война, вслѣдствіе которой сѣверо-западныя границы Россіи были обнажены отъ войскъ. Густавъ думалъ, что ему легко будетъ напасть съ суши и съ моря на беззащитный Петербургъ и вынудить у Екатерины уступку завоеваній Петра Великаго. Шведскій вопросъ примкнулъ къ восточному.

Когда русскій посолъ въ Стокгольмѣ, графъ Разумовскій, далъ знать своему двору о враждебныхъ движеніяхъ въ Швеціи, Екатерина написала: «Императрица Анна Іоанновна, имѣя въ 1738 или 39 году пребываніе свое лѣтнее въ Петергофѣ, получила извѣстіе, что Шведы намѣреваются сдѣлать высадку войскъ на здѣшнемъ берегу, приказала сдѣлать Шведамъ объявленіе въ такой силѣ, что буде осмѣлятся учинить подобное чего, то чтобы завѣрное полагали, что она въ самомъ Штокгольмѣ камень на камнѣ не оставитъ. По твердости сего объявленія или по инымъ причинамъ, остановилась тогда назойливость шведская. Но то неоспоримо, что доходы имперіи и ея силы морскія и сухопутныя, коммерція и многолюдство были противъ теперешняго едва ли не въ половинѣ, и считалось нѣсколько губерній

менѣе теперешняго, чего сообщить графу Разумовскому, дабы онъ легкомыслію, вѣтренности, назойливости и лживоразсѣяннымъ слухамъ зналъ чѣмъ преграду учинить.»

Въ то время, какъ съ сѣвера начали приходить зловѣщіе слухи, на югѣ великолѣпный князь Тавриды опять запѣлъ печальную пѣсню о необходимости покинуть Тавриду. Екатерина отвѣчала ему: *) «На оставленіе Крыма, воля твоя, согласиться не могу; объ немъ идетъ война, и если сіе гнѣздо оставить, тогда и Севастополь, и всѣ труды, и заведеніе пропадутъ, и паки возстановятся набѣги татарскіе на внутреннія провинціи, и кавказскій корпусъ отъ тебя отрѣзанъ будетъ, и мы въ завоеваніи Тавриды паки упражнены будемъ и не будемъ знать, куда дѣвать военныя суда, кои ни въ Днѣпръ, ни въ Азовское море не будутъ имѣть убѣжища; ради Бога, не пущайся на сіи мысли, коихъ мнѣ понять трудно и мнѣ кажутся неудобны, понеже лишаютъ насъ многихъ пріобрѣтенныхъ миромъ и войною выгодъ; когда кто сидитъ на конѣ, тогда сойдетъ ли съ оного, чтобы держаться за хвостъ? Въ Польшу давно курьеръ посланъ и съ проектомъ трактата, и думаю, что сіе дѣло уже въ полномъ дѣйствіи. Великій князь (наслѣдникъ Павелъ Петровичъ) сбирается къ вамъ въ армію, на что я согласилась, и думаетъ отселѣ выѣхать 20 іюня, буде шведскія дѣла его не задержатъ; буде же полоумный король шведскій начнетъ войну съ нами, то великій князь останется здѣсь.»

Съ шведской стороны начались враждебныя демонстраціи съ цѣлію вынудить Русскихъ сдѣлать что-нибудь такое, на что можно было бы указать какъ на нарушеніе мира съ русской стороны. Но Густавъ ошибся въ разсчетѣ: съ русской стороны не было ни малѣйшаго враждебнаго движенія. Екатерина все еще надѣялась, что дѣло кончится одними демонстраціями. «Мнѣ кажется они не задерутъ, а останутся при

*) 27 мая 1788.

демонстраціи,» писала она къ Потемкину *). «Осталось рѣшить лишь единый вопросъ: терпѣть ли демонстраціи? Еслибы ты былъ здѣсь, я бъ рѣшилась въ пять минутъ что̀ дѣлать, переговоря съ тобою. Еслибы слѣдовать моей склонности, я бъ флоту Грейгову да эскадрѣ Чичагова приказала разбить въ прахъ демонстрацію: въ сорокъ лѣтъ Шведы паки не построили бы корабли; но сдѣлавъ такое дѣло, будемъ имѣть двѣ войны, а не одну. Начать намъ и потому никакъ не должно, что если онъ насъ задеретъ, то отъ шведской націи не будемъ имѣть по ихъ конституціямъ никакой помоги, а буде мы задеремъ, то они дать должны; и такъ полагаю, чтобъ ему дать свободное время дурить, денегъ истратить и хлѣбъ съѣсть.»

Въ то время какъ *Catherine le Grand* (по выраженію принца де-Линя) умѣла сдерживать свою склонность, побуждавшую ее разбить въ прахъ демонстрацію, у Густава III уже закружилась голова: онъ уже приглашалъ своихъ придворныхъ дамъ на балъ, который сбирался дать имъ въ Петергофѣ, приглашалъ ихъ къ молебну въ петербургскій соборъ; ему уже представлялось, что его имя разносится по странамъ Азіи и Африки, какъ мстителя за Оттоманскую имперію. Шведы задрали; король явился въ Финляндіи и отправилъ къ русскому вице-канцлеру, графу Остерману, подъ видомъ условій мира, насмѣшливый вызовъ къ войнѣ. Король требовалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ возвращенія Швеціи всѣхъ земель, уступленныхъ ею по Нистадскому и Абовскому мирамъ, возвращенія Портѣ Крыма и т. д.

«Мы отъ роду не слыхали жалобъ отъ него, писала Екатерина Потемкину **), и теперь не вѣдаю за что раззлился; теперь Богъ будетъ между нами судіею. Здѣсь жары прежасныя и духота, я переѣхала жить въ городъ. У насъ въ

*) 4 іюня 1788.

**) 3 іюля 1788.

народѣ превеликая злоба противъ шведскаго короля сдѣлалась, и нѣтъ рода брани, которымъ бы его не бранили большіе и малые; солдаты идутъ съ жадностію, говорятъ: вѣроломца за усы приведемъ; другіе говорятъ, что войну окончатъ въ три недѣли, просятъ идти безъ отдыха; однимъ словомъ, диспозиція духовъ у насъ и въ его войскѣ въ моей пользѣ. Трудно сіе время для меня, это правда; но что дѣлать? Надѣюсь въ короткое время получить великое умноженіе, понеже отовсюду ведутъ людей и вещей.»

Послѣ сраженія при Хохландѣ, Екатерина писала *): «Усердіе и охота народная противъ сего непріятеля велика; не могутъ дождаться драки; рекрутъ ведутъ и посылаютъ отовсюду; мое одно село Рыбачья Слобода прислала добровольныхъ охотниковъ 65, а всего ихъ 1300 душъ. Царское Село возитъ подвижные магазины. Тобольскому полку мужики давали по 700 лошадей на станціи. Здѣшній городъ далъ 700 не очень хорошихъ рекрутъ добровольною подпиской; какъ услышали сіе на Москвѣ, пошла подписка, и Петръ Борисовичъ (Шереметевъ) первый подписалъ 500 человѣкъ. Островъ Эзель прислалъ (ты скажешь: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешнею), дворянство и жители, что сами вооружатся и просятъ только 200 ружей и нѣсколько пороха. Здѣсь жары такъ велики были, что на термометрѣ на солнцѣ было $39\frac{1}{2}$. Въ сей духотѣ, въ городѣ сидя, я терпѣла духоту еще по шведскимъ дѣламъ. Въ день баталіи морской 6 іюля (при Хохландѣ) духъ пороха здѣсь въ городѣ слышенъ былъ: ainsi, j'ai aussi senti la poudre.»

Но и *фуфлыга-богатырь* (какъ называла Екатерина Густава III) также испыталъ духоту въ Финляндіи. Когда онъ далъ приказъ войскамъ своимъ напасть на Фридрихсгамъ,

*) 13 іюля 1788.

офицеры объявили, что не будутъ исполнять этого приказанія, потому что несправедливая война съ Россіей начата безъ согласія чиновъ, вопреки конституціи. Вслѣдствіе этого шведскія войска отступили отъ Фридрихсгама и Нейшлота, и король возвратился въ Стокгольмъ. Мала этого: финляндскія войска отправили майора Егергорна въ Петербургъ для непосредственныхъ переговоровъ съ императрицею. Екатерина такъ писала объ этомъ Потемкину *): «Присланъ ко мнѣ отъ финскихъ войскъ депутатъ майоръ Егергорнъ съ меморіаломъ на шведскомъ языкѣ, что они участія не имѣютъ въ неправильно начатой королемъ войнѣ противъ народнаго права и ихъ законовъ, и много еще отъ нихъ словесныхъ предложеній. Мой отвѣтъ будетъ въ такой силѣ, что если они изберутъ способы тѣ, кои ихъ могутъ сдѣлать отъ Шведовъ свободными, тогда обязуюсь ихъ оставить въ совершенномъ покоѣ, и перевѣдаюсь со Шведами.»

Не на радость возвратился Густавъ III и въ Швецію: здѣсь Датчане, вслѣдствіе союза съ Россіей, напали на его владѣнія; но Пруссія и Англія поспѣшили къ нему на помощь,—не съ войсками, разумѣется; они угрозами заставили Данію удержаться отъ нападеній на Швецію; Пруссія объявила, что если Данія будетъ продолжать шведскую войну, то прусскія войска вступятъ въ Голштинію.

Наконецъ прусскій король предложилъ свое посредничество въ примиреніи Россіи съ Швеціею. Фридрихъ Вильгельмъ извинялъ Густава III, представлялъ, что онъ началъ войну по недоразумѣніямъ, изъявлялъ надежду, что Россія заключитъ съ Швеціею миръ, не требуя никакихъ вознагражденій, представлялъ, что король шведскій первый обнаружилъ склонность къ примиренію. Фридрихъ-Вильгельмъ предлагалъ свое посредничество и въ примиреніи съ Турціей, и чтобы склонить къ принятію этого посредниче-

*) 31 іюля.

ства, указывалъ на свой союзъ съ Англіей и Голландіей, упоминалъ объ интересѣ своемъ сохранить равновѣсіе на сѣверѣ и востокѣ. Императрица передала прусскія предложенія на разсужденіе совѣту, собранному 18-го сентября. Совѣтъ нашелъ въ этихъ предложеніяхъ не слова, а вещи колкія: «Король говоритъ въ первомъ своемъ рескриптѣ о миролюбивыхъ короля шведскаго расположеніяхъ, признавая самъ ихъ недостаточными къ учиненію изъ того употребленія; но во второмъ изражаетъ пристрастно, будто сей государь вовлеченъ въ войну недоразумѣніемъ, а весь свѣтъ знаетъ, что онъ получилъ отъ Порты деньги, и въ надеждѣ получать оныя, рѣшился напасть на Россію. Упреждая всякое дружеское изъясненіе, которое съ нашей стороны имѣть съ нимъ старались, присоединилъ къ внезапному вѣроломству вредное хотѣніе отторгнуть отъ Россіи многими иждивеніями и кровію предковъ пріобрѣтенныя земли. Но извиненіямъ таковымъ по себѣ непристойнымъ прибавилъ король прусскій хуже того изреченіе, что ожидаетъ отъ двора нашего согласія возстановить миръ съ Швеціею въ томъ состояніи вещей, въ какомъ были онѣ до воспослѣдовавшаго разрыва. Намѣреніе таково доказываетъ явное неуваженіе къ тягости оскорбленія, причиненнаго ея императорскому величеству королемъ шведскимъ, и ни во что̀ поставляются его покушенія на вредъ имперіи. Вмѣсто удовлетворенія соразмѣрнаго обидѣ, король прусскій разумѣетъ онымъ то, что король шведскій первый отзывъ учинилъ къ миру. Но какой государь, чувствующій силу, можетъ поступить на такую низость и оставить примѣръ сосѣду нападать, въ чаяніи при всякой неудачѣ покрыть злое дѣло единымъ токмо хотѣніемъ мира? Еще сія неприличность не столько бы насъ трогала, когда бы король прусскій вязался только за одну Швецію, но онъ распространяетъ свое настояніе и на войну нашу турецкую! Понять не трудно, что

говоря о союзѣ своемъ съ Англіей и Голландіей, упоминая объ интересѣ своемъ же сохранить равновѣсіе на сѣверѣ и востокѣ, онъ страшитъ насъ общею отъ сихъ державъ препоною въ успѣхахъ нашихъ въ томъ и здѣшнемъ краяхъ. Посему въ видѣ медіатора зрится возстающій нетерпимый повелитель не токмо на настоящія наши дѣла, но и на будущія, которыя Россія въ свою оборону или для пользы государства предпринять бы могла. Соображая таковый подвигъ во всѣхъ его слѣдствіяхъ, совѣтъ весьма удаленъ согласиться на предлагаемую отъ короля прусскаго настоящую медіацію; ибо податливость на оную предосудительна достоинству имперіи Всероссійской и царствованію ея величества, чрезъ 27 лѣтъ великою славою сопровождаемому. Что̀ уничтожительнѣе оной крайности, какъ пріять великой имперіи законъ отъ прусскаго государя? Всякое уваженіе къ нуждамъ и къ тягости новой войны при семъ размышленіи исчезаетъ. А по сему всемѣрно слѣдуетъ медіаціи сего государя отклонить; хотя впрочемъ съ твердостію, но въ изъясненіяхъ на сей разъ дружескихъ, можно бы во 1) сказать, что ея императорское величество по дружбѣ, толь долголѣтне пребывающей, ожидать не могла, чтобы предлагаемая медіація исключала всякое должное удовлетвореніе государю и государству за учиненныя оскорбленіи или уваженіе пріобрѣсть безопасность границамъ на будущее время отъ подобныхъ насильствъ; 2) сказать о невозможности трактовать съ королемъ шведскимъ, поелику на его слова и обѣты положиться нельзя; 3) по шведскимъ дѣламъ предложены добрыя услуги и со стороны двора Версальскаго: но какъ ея величество состоитъ въ союзныхъ обязательствахъ по шведской войнѣ съ королемъ датскимъ, а противъ Турковъ съ императоромъ римскимъ, то безъ предварительнаго сношенія съ сими союзниками не можетъ на таковыя предложенія дать полнаго отвѣта. — Думая, что король прусскій не

удовольствуется нашими объясненіями, совѣтъ полагаетъ, что турецкую войну должно обратить въ оборонительную, приготовляться къ войнѣ съ Пруссіею и пріобрѣтать союзниковъ, заключить союзъ съ Франціей и другими бурбонскими домами, ибо на сторонѣ Пруссіи Англія и Голландія. Ни унывать, ни бояться не должно. Россія безъ всякаго напряженія имѣетъ 300,000 боеваго войска.» Мнѣніе подписали: Брюсъ, Панинъ, Вяземскій, Остерманъ, Воронцовъ, Стрекаловъ, Завадовскій. Графъ Андрей Шуваловъ не согласился, принимая въ соображеніе тяжелое состояніе финансовъ, и подалъ мнѣніе—объявить Англіи и Пруссіи, что мы не хотимъ отъ Швеціи никакихъ земель, а требуемъ только возстановленія прежней формы правленія, Россіею гарантированной; Англіи то не можетъ быть противно. Въ то же время открыть съ Англіею негоціацію о сближеніи торговымъ трактатомъ. Союзъ съ Франціею вреденъ: она тѣсно связана съ Швеціей и Турціей.

Чрезъ нѣсколько дней пришла депеша отъ Штакельберга изъ Варшавы, что Прусскій дворъ явно препятствуетъ собранію сейма и утвержденію союза съ Россіею, толкуетъ о вооруженнѣмъ посредничествѣ вмѣсто съ Англіею. Прочтя депешу, Екатерина сказала: «Буде два дурака не уймутся, то станемъ драться. Графа Румянцева-Задунайскаго обратимъ для наступательной войны па Пруссію, чтобъ отнять тѣ земли, чтò я ему отдала. Князь Потемкинъ-Таврическій будетъ дѣйствовать оборонительно» *). Изъ этихъ словъ было видно, что императрица не согласится съ мнѣніемъ Шувалова; тѣмъ прискорбнѣе было для нея услыхать, что графъ Дмитріевъ-Мамоновъ раздѣляетъ мнѣніе Шувалова. Въ сильномъ раздраженіи, почти сквозь слезы сказала Екатерина: «Неужели мои подданные, видя дѣлаемыя мнѣ обиды отъ коро-

*) Записки Храповицкаго (по изд. Москов. Истор. Общ.), стр. 110.

лей Прусскаго и Англійскаго, не смѣютъ сказать имъ правды? Развѣ они имъ присягали» *)?

Дипломатическая война между Россіею и Пруссіею уже началась въ Польшѣ, вслѣдствіе чего здѣсь между Поляками уже образовались два лагеря, Русскій и Прусскій. Прусскій посланникъ Бухгольцъ получилъ отъ своего двора значительную сумму денегъ для составленія Прусской партіи. Прусскій министръ Шуленбургъ писалъ великому гетману Литовскому, Огинскому, что пришло время дать Польшѣ возможность играть роль и самому Огинскому участвовать въ этой роли. Для объясненія, что значатъ эти слова, Огинскій отправилъ въ Берлинъ адъютанта, который былъ представленъ королю, и Фридрихъ Вильгельмъ II прямо сказалъ ему: «Я желаю Польшѣ добра, но не потерплю, чтобъ она вступила въ союзъ съ какимъ-нибудь другимъ государствомъ. Если республика нуждается въ союзѣ, то я предлагаю свой съ обязательствомъ выставить 40,000 войска на ея защиту, не требуя для себя ничего за это». Министръ Герцбергъ прибавилъ, что король можетъ помочь Польшѣ въ возвращеніи Галиціи отъ Австріи, лишь бы Поляки не затрогивали Турокъ.

Въ октябрѣ 1788 собрался въ Варшавѣ сеймъ, которому былъ предложенъ союзъ съ Россіею при рѣшеніи Восточнаго вопроса. Россія обязывалась вооружить на свой счетъ и содержать во все продолженіе войны двѣнадцатитысячный корпусъ польскаго войска, и даже послѣ заключенія мира, въ продолженіи шести лѣтъ, выплачивать на его содержаніе ежегодно по милліону польскихъ злотыхъ; предложены были большія торговыя выгоды; дано обязательство вытребовать такія же выгоды и отъ Турціи при заключеніи мира. Король былъ всею душею за этотъ союзъ. Но Бухгольцъ подалъ сейму ноту, что его король не видитъ для Польши

*) Тамъ же, стр. 115.

ни пользы, ни необходимости въ союзѣ съ Россіею, что не только Польша, но и пограничныя съ нею владѣнія Прусскія могутъ пострадать, если республика заключитъ союзъ, который дастъ Туркамъ право вторгнуться въ Польшу. Если Польша нуждается въ союзѣ, то его прусское величество предлагаетъ ей свой; его прусское величество употребитъ всѣ старанія, чтобъ избавить знаменитую польскую націю отъ всякаго чужестраннаго притѣсненія и отъ нашествія Турокъ, обѣщаетъ всякую помощь для охраненія независимости, свободы и безопасности Польши.

Чего же хотѣла собственно Пруссія? Противодѣйствовать усиленію Россіи и Австріи на счетъ Турціи, противодѣйствовать успѣхамъ этого ненавистнаго для нея союза между двумя сосѣдними имперіями, отомстить Россіи, показать ей, что она можетъ только потерять отъ перемѣны Прусскаго союза на Австрійскій. Но кромѣ этого у Пруссіи были еще другія цѣли. Россія и Австрія вступили въ войну съ Турціею для увеличенія своихъ владѣній на ея счетъ: пусть ихъ достигнутъ этой цѣли, если и Пруссія при этомъ также увеличитъ свои владѣнія. Фридрихъ II воспользовался первою Турецкою войною и получилъ часть Польши: надобно воспользоваться второю Турецкою войною и достигнуть того же и такимъ же образомъ, т. е. безъ войны, дипломатическимъ путемъ, какъ произведенъ былъ раздѣлъ Польши при Фридрихѣ II. Для этого министръ Фридриха-Вильгельма II хочетъ заключить союзъ съ Портою, которая, какъ добрая союзница, должна взять на себя издержки увеличенія Прусскихъ владѣній, а именно: Россія и Австрія должны получить земли отъ Турціи; за это Россія уступитъ клочекъ Финляндіи Швеціи, Австрія Галицію Польшѣ; Польша, получивъ Галицію, должна уступить Данцигъ и Торнъ Пруссіи, а Швеція, получивъ вознагражденіе отъ Россіи, должна уступить Пруссіи же свою Померанію. Можетъ быть Турція

не будетъ довольна? Турція останется довольна; за всѣ свои потери она получитъ громадное вознагражденіе: четыре державы—Россія, Пруссія, Австрія и Англія гарантируютъ на будущее время цѣлость остальныхъ ея владѣній.

Въ Польшѣ ничего не знали объ этихъ соображеніяхъ. Здѣсь прусскія деньги приготовили умы и сердца, а великодушныя обѣщанія безкорыстной поддержки, возбужденная надежда, съ помощію Пруссіи, освободиться изъ-подъ вліянія Россіи, надежда играть роль,—покончили дѣло. Невозможно было описать того восторга, съ какимъ была встрѣчена нота Бухгольца; все, что было способно увлекаться громкими словами, блестящими надеждами бросилось въ Прусскій лагерь. Король былъ за Россію, слѣдовательно всѣ люди, ему недоброжелательные, должны были стать за Пруссію. Королевская и русская партія пали, число и дерзость оппозиціи возрасли, Штакельбергъ нашелъ невозможнымъ провести союзный русскій трактатъ *), ибо никто изъ самыхъ приверженныхъ къ Россіи людей не рѣшился бы его поддерживать.

Сеймъ, преобразовавшійся въ конфедерацію, отвѣчалъ Бухгольцу на его ноту, что конфедерація вовсе не имѣетъ въ виду союза съ Россіею, но возстановленіе свободной формы правленія и принятіе мѣръ необходимыхъ для защиты страны. Первою подобною мѣрою, разумѣется, должно было быть увеличеніе числа войска, и Валевскій, староста Сѣрацкій, предложилъ увеличить число войска до 100,000. Взрывъ рукоплесканій, слезы, объятія были отвѣтомъ на это предложеніе; все ликовало, какъ будто бы стотысячная армія уже маневрировала подъ стѣнами Варшавы и Европа съ уваженіемъ смотрѣла на Польшу; никто не подумалъ о бездѣлицѣ — чѣмъ содержать стотысячное войско: доходы простирались до 18 милліоновъ злотыхъ, а на одно содер-

*) Штакельбергъ вице-канцлеру Остерману 15 октября 1788.

жаніе стотысячной арміи надобно было 50 милліоновъ! Въ пылу восторга многіе предложили добровольныя пожертвованія; но когда восторгъ охладѣлъ, пожертвованія оказались ничтожными. Четыре года потомъ толковали объ увеличеніи податей и налоговъ, не дотолковались до удовлетворительнаго результата и число войска не превысило 60,000 человѣкъ.

Послѣ рѣшенія о стотысячномъ войскѣ пошла ломка. Военное управленіе было отнято у Постояннаго Совѣта и поручено совершенно независимой Военной Коммиссіи подъ очереднымъ предсѣдательствомъ четырехъ гетмановъ. Сеймъ объявленъ безсрочнымъ, чтобъ имѣть время привести въ исполненіе всѣ преднамѣренныя реформы. Штакельбергъ объявилъ, что императрица будетъ смотѣрть на это нарушеніе гарантированнаго ею устройства какъ на разрывъ дружественныхъ отношеній между Россіею и Польшею. Сеймъ отвѣчалъ нотою, въ которой отвергалъ претензію Россіи ограничивать верховныя права республики; въ другой нотѣ сеймъ потребовалъ, чтобъ Польскія владѣнія были очищены отъ Русскихъ войскъ. Вѣтеръ, раздувавшій весь этотъ пожаръ, дулъ изъ Берлина; тамъ прямо высказывались русскому посланнику: «Что̀ взяли, отставши отъ насъ и соединившись съ Австріею? Еслибы были съ нами, то все бы получили; и теперь если опять будете съ нами, то все получите.» Герцбергъ, пожимая руку посланнику императрицы, Нессельроду, говорилъ: «Еслибы на насъ положились, то и Крымъ и Очаковъ были бы ваши.» Екатерина отмѣтила противъ донесенія Нессельрода: «Намѣстникъ Божій, вселенною распоряжающій: зазнались совершенно!» Когда Русскій дворъ далъ знать Берлинскому, что императрица отступаетъ отъ союза съ Польшею, Герцбергъ отвѣчалъ: «Если императрица, по свойству великой души своей, отступаетъ отъ союза, могущаго нанести Польшѣ вредъ, то король, его го-

сударь надѣется, что войска русскія ни входить, ни проходить, ни довольствоваться въ Польшѣ не будутъ, чтобъ не дать повода и Туркамъ тоже дѣлать.» Екатерина отвѣчала: «Поступокъ сей Прусскаго двора похожъ на поступки Шведскіе нынѣшняго года. Я говорила, чѣмъ больше имъ уступать, тѣмъ болѣе они требуютъ» *).

6 декабря Потемкинъ взялъ Очаковъ, и это торжество конечно не могло заставить его согласиться, что надобно ограничиться оборонительною войною съ Турціей и сосредоточить всѣ силы на сѣверѣ. Онъ писалъ императрицѣ въ духѣ шуваловскаго предложенія: «Честь царствованія требуетъ оборота критическаго нынѣшняго положенія дѣлъ. Всѣ подданные ожидаютъ сего. Я не нахожу невозможности, лишь бы живѣе дѣйствовать въ политикѣ и препоручить людямъ преданнымъ. Вопервыхъ усыпить прусскаго короля, поманя его надеждою пріобрѣсти прежнюю довѣренность, что̀ можно сдѣлать изъясняясь съ нимъ ласково о примиреніи насъ съ Турками, согласясь тутъ съ императоромъ для отнятія у него подозрѣнія. Полякамъ ежели показать, что вы намѣрялись имъ при мирѣ съ Портою доставить часть земли за Днѣстромъ, они оборотятся всѣ къ вамъ, и оружіе, что̀ готовятъ, употребятъ на вашу службу. Ускорите съ Англіею поставить трактатъ коммерческій; симъ вы обратите къ себѣ націю, которая охладѣла противу васъ. Напрягите всѣ силы успѣть въ сихъ двухъ пунктахъ, тогда не только бранить, но и бить будемъ прусскаго короля. Иначе прусскій король легко отдѣлитъ противу цесаря 80,000 своихъ, да 25,000 Саксонцевъ, 80,000 противъ насъ да Поляковъ съ 50,000. Извольте подумать, чѣмъ противъ сего бороться, не кончивъ съ Турками? Я первый того мнѣнія, что прусскому королю заплатить нужно, но помирясь съ Турками.» Относительно Франціи Потемкинъ былъ пророкомъ: «La France

*) Записки Храповицкаго, стр. 126.

est en délire, писалъ онъ, и никогда не поправится, а будетъ у нихъ хуже и хуже.»

Увѣщанія съ юга приходились не ко времени. Вопервыхъ, легко было Потемкину изъ Очакова совѣтовать усыпить прусскаго короля: но въ Петербургѣ хорошо видѣли всю трудность, невозможность этого дѣла; вовторыхъ, раздраженіе, произведенное тономъ прусскихъ предложеній и положеніемъ прусскаго правительства, ставшаго на всѣхъ дорогахъ, чтобы мѣшать Россіи, раздраженіе было чрезвычайное. Императрица, во твѣтѣ своемъ, дала замѣтить Потемкину—возможное ли дѣло, при настоящемъ антагонизмѣ Австріи и Пруссіи, сблизиться съ послѣднею, не разрывая союза съ первою,—союза, заключеніе котораго самъ Потемкинъ больше всѣхъ совѣтовалъ. Потемкинъ оскорбился, что въ немъ предположили колебаніе мыслей: «Ежели мысль моя о ласканіи короля прусскаго не угодна, писалъ онъ, на сіе могу сказать, что тутъ нейдетъ дѣло о перемѣнѣ союза съ императоромъ, но о томъ, чтобы, лаская его, избавиться препятствій, отъ него быть могущихъ. Вы изволите упоминать, что союзъ съ императоромъ есть мое дѣло: сіе произошло отъ усердія; отъ оного же истекалъ и польскій союзъ; въ томъ видѣ и покупка имѣнія Любомирскаго учинена *), дабы, сдѣлавшись владѣльцемъ, имѣть право входить въ ихъ дѣла и въ начальство военное. Мои совѣты происходили всегда отъ ревности; ежели я тутъ не угодилъ, то впредъ конечно кромѣ врученнаго мнѣ дѣла говорить не буду.»

Несмотря на счастливое, повидимому, окончаніе 1788 года, новый 1789 годъ не принесъ никакихъ благопріятныхъ перемѣнъ. Передъ взятіемъ Очакова, жалуясь на короля прусскаго и его союзниковъ, Екатерина писала Потем-

*) Имѣніе куплено было Потемкинымъ.

кину: «они позабыли себя и съ кѣмъ дѣло имѣютъ. Возьми Очаковъ и сдѣлай миръ съ Турками; тогда увидишь, какъ осядутся, какъ снѣгъ на степи послѣ оттепели, да поползутъ какъ вода по отлогимъ мѣстамъ.» Очаковъ былъ взятъ; но блестящія надежды, которыя возлагались на это событіе, не оправдались. Затруднительное положеніе обоихъ союзныхъ императорскихъ дворовъ весною 1789 года всего лучше очерчено въ письмѣ Іосифа II къ Екатеринѣ *): «Прусскія интриги достигаютъ въ Константинополѣ все большихъ и большихъ результатовъ. Безуміе Англичанъ и Голландцевъ, энтузіазмъ Поляковъ къ королю прусскому, Данія, силою принужденная къ миру, король шведскій, дерзающій на все и который успѣлъ усилить свою власть и свои средства, эта неудобная конфедерація германская, печальное состояніе Франціи и ложные принципы Испаніи — все это мудрость вашего величества съумѣетъ оцѣнить и найдетъ средства противодѣйствовать злу. Мнѣ остается только повторить увѣреніе, что буду всегда готовъ помогать вашему величеству всѣми моими силами.»

Густавъ III шведскій, освобожденный Англіею и Пруссіею отъ датской войны, дѣйствительно успѣлъ провести на сеймѣ такія постановленія, которыя дѣлали власть его почти неограниченною; сеймъ взялъ на себя королевскіе долги и далъ Густаву новыя денежныя средства къ продолженію русской войны. Война эта и въ 1789 году кончилась неудачно для Шведовъ; но они не заключали мира, и слѣдовательно Россія нисколько не была облегчена съ этой стороны; а тутъ война грозила ежеминутно со стороны Пруссіи и Польши: «съ Прусакомъ употребляется что возможно, писала Екатерина Потемкину: но съ врагами вообще нѣтъ ничего исцѣлительнѣе, какъ ихъ бить.» Но бить четырехъ враговъ заразъ было слишкомъ трудно. На югѣ, несмотря

*) 20 мая 1789.

на блистательныя побѣды Суворова, дѣло не подвигалось къ концу; отъ Австрійцевъ была плохая помощь; Потемкинъ жаловался на нихъ. На эти жалобы Екатерина писала *): «Каковы цесарцы бы ни были и какова ни есть отъ нихъ тягость, но оная будетъ несравненно менѣе всегда нежели прусская, которая сопряжена со всѣмъ тѣмъ, что въ свѣтѣ можетъ только быть придумано, поноснымъ и несноснымъ. Мы Прусаковъ ласкаемъ; но каково на сердцѣ терпѣть ихъ грубости и ругательствомъ наполненныя слова и дѣла!» Въ одной изъ записокъ императрицы, относящихся къ этому времени, читаемъ слѣдующія слова: «Молю Всевышняго, да отмститъ Прусаку гордость. Въ 1762 году я его дядюшкѣ возвратила Пруссію и часть Помераніи, что не исчезнетъ въ моей памяти. Не забуду и то, что двухъ нашихъ союзниковъ онъ же привелъ въ недѣйствіе; что со врагами нашими заключилъ союзъ, что Шведамъ давалъ денегъ и что съ нами имѣлъ грубые и неприлично повелительныя переписки. Будетъ и на нашу улицу праздникъ авось либо!»

Но праздника надобно было еще подождать. Союзникъ, Іосифъ II, умиралъ, изнемогая подъ тяжестію непріятностей, видя, какъ его реформы возбудили повсюду волненія, ненависть, видя необходимость отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Екатерина питала сочувствіе къ Іосифу, но не одобряла способа его дѣйствій при реформахъ, не одобряла излишней стремительности, неровности и мелочности: «Императоръ самъ ко мнѣ пишетъ (увѣдомляла Екатерина Потемкина), что онъ очень боленъ и печаленъ по причинѣ потери Нидерландіи. Если въ чемъ его оправдать нельзя, то въ семъ дѣлѣ: сколько тутъ перемѣнъ было! То онъ отъ нихъ все отнималъ, то возвращалъ, то паки отнималъ и паки отдавалъ. О союзникѣ моемъ я много жалѣю, и странно, какъ имѣя ума и знанія довольно, онъ не имѣлъ ни еди-

*) 18 октября 1789.

наго вѣрнаго человѣка, который бы ему говорилъ пустяками не раздражать подданныхъ; теперь онъ умираетъ ненавидимъ всѣми. Венгерцы мать его спасли въ 1740 году отъ потери всего: ябъ на его мѣстѣ ихъ на рукахъ носила» *).

Австрійскій союзъ принесъ мало пользы и при Іосифѣ; нельзя было ждать лучшаго при его преемникѣ, Леопольдѣ, а между тѣмъ Пруссія продолжала находиться относительно Россіи въ угрожающемъ и раздражающемъ положеніи, и двѣ войны, турецкая и шведская, не обѣщали скораго окончанія. Печально начался 1790 годъ: мирное предложеніе, сдѣланное Россіею Швеціи посредствомъ испанскаго посланника, осталось безъ дѣйствія; Польша заключила союзъ съ Пруссіей. «Мучитъ меня теперь несказанно (писала Екатерина Потемкину) **), что подъ Ригою полковъ не въ довольномъ числѣ для защищенія Лифляндіи отъ прусскихъ и польскихъ набѣговъ, коихъ теперь почти ежечасно ожидать надлежитъ. Король шведскій мечется повсюду, какъ угорѣлая кошка. Долго ли сіе будетъ, не вѣдаю; только то знаю, что одна премудрость Божія и Его всесильныя чудеса могутъ всему сему сотворить благой конецъ. Странно, что воюющіе всѣ хотятъ и имъ нуженъ миръ, Шведы же и Турки дерутся въ угодность врага нашего скрытнаго, новаго европейскаго диктатора (короля прусскаго), который вздумалъ отнимать и даровать провинціи, какъ ему угодно: Лифляндію посулилъ съ Финляндіею Шведамъ, а Галицію Полякамъ; послѣднее заподлинно, а первое моя догадка, ибо шведскій король писалъ къ испанскому министру, что когда прусскій король вступитъ въ войну, тогда уже безъ его согласія нельзя мириться, да и теперь ни на единый пунктъ, испанскимъ министромъ предложенный, не соглашается, а требуетъ многое себѣ попрежнему.» На другой день императри-

*) 10 января и 6 февраля 1790.

**) 13 мая 1790 г.

ца писала: «Если визирь выбранъ съ тѣмъ, чтобы не мѣшать миру, то кажется ты намъ вскорѣ доставишь сіе благополучіе; съ другой же стороны дѣла дошли до крайности. Естьлибъ въ Лифляндіи мы имѣли корпусъ тысячъ до 20, то бы все безопасно было, да и въ Польшѣ перемѣна ускорилась.»

Весною Густавъ III возобновилъ непріятельскія дѣйствія. На сухомъ пути они были попрежнему незначительны; но на морѣ произошли два важныя сраженія, представившія быструю перемѣну военнаго счастія; въ первомъ Русскіе одержали блистательную побѣду надъ шведскимъ флотомъ, запертымъ въ Выборгскомъ заливѣ; во второмъ потерпѣли пораженіе отъ Шведовъ: «Послѣ сей, прямо славной побѣды (писала Екатерина Потемкину) *) шесть дней (спустя) послѣдовало несчастное дѣло съ гребною флотиліею, которое мнѣ столь прискорбно, что послѣ разнесенія черноморскаго флота бурею ничто столько сердце мое не сокрушило, какъ сіе.»

Но послѣдняя побѣда дала только возможность Густаву III съ честію окончить войну, для продолженія которой онъ не имѣлъ болѣе средствъ. Поэтому новое предложеніе Россіи было принято и 3 августа 1790 года заключенъ былъ Верельскій миръ: границы обоихъ государствъ остались тѣже, какія были до войны; Густавъ обязался не вмѣшиваться въ дѣла турецкія; Екатерина отказалась отъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла шведскія. «Велѣлъ Богъ одну лапу высвободить изъ вязкаго мѣста (писала Екатерина Потемкину) **). Сего утра я получила отъ барона Игельстрома курьера, который привезъ подписанный имъ и барономъ Армфельдомъ миръ безъ посредничества. Отстали они, если смѣть сказать, моею твердостію личною одною отъ требова-

*) 17 іюля 1790 г.

**) 5 августа 1790 г.

нія, чтобъ принять ихъ ходатайство у Турокъ.» — Оставалось покончить съ послѣдними: «Одну лапу мы изъ грязи вытащили; какъ вытащимъ другую, то пропоемъ аллилуія», читаемъ въ другомъ письмѣ *). Потемкинъ писалъ, что сталъ спать покойно съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о мирѣ съ Шведами; императрица отвѣчала **): «Ты пишешь, что спокойно спишь съ тѣхъ поръ, что свѣдалъ о мирѣ съ Шведами; на сіе тебѣ скажу, что со мною случилось: мои платья все убавляли отъ самаго 1784 года, а въ сіи три недѣли начали узки становиться, такъ что скоро паки прибавить должно мѣру; я же гораздо веселѣе становлюсь.»

ГЛАВА VIII.

«Вытащить другую лапу изъ грязи,» т. е. покончить войну съ Турціею честнымъ миромъ, было дѣло очень трудное. Пруссія и Англія, а за ними Голландія и Польша сохраняли прежнее враждебное положеніе относительно Россіи и Австріи, по прежнему грозили войною, если императорскіе дворы не помирятся съ Турціею съ возстановленіемъ прежнихъ условій, существовавшихъ до войны—(statu quo). Въ Берлинѣ было въ это время двѣ партіи: партія войны, главою которой былъ Герцбергъ, желавшій во чтобы то ни стало пріобрѣсти для Пруссіи Данцигъ и Торнъ отъ Польши, и партія мира, главою которой былъ любимецъ короля Би-

*) 9 августа 1790 г.

**) 29 августа 1790 г.

шофсвердеръ. Въ Англіи не хотѣли воевать за Турцію съ Австріею и Россіею, хотѣли союзами и вооруженіями напугать ихъ, заставить заключить съ Турціею миръ statu quo. Англійскимъ посланникомъ въ Берлинѣ былъ Евартъ, имѣвшій сильное вліяніе на Прусскія рѣшенія по своимъ способностямъ и энергіи; оффиціальнымъ представителемъ Россіи въ Берлинѣ былъ Нессельродъ; но въ тоже время важныя сношенія были ведены другимъ дипломатомъ, Алопеусомъ, не имѣвшимъ оффиціальнаго значенія.

Англія и Пруссія успѣли напугать Австрію. Преемникъ Іосифа II-го, Леопольдъ нашелъ свое государство въ самомъ печальномъ положеніи вслѣдствіе преобразованій Іосифа, приходившихся часто не ко времени и не къ мѣсту; Леопольду нужно было, во чтобы то ни стало, заключить миръ съ Турціею и отклонить войну съ Пруссіею, чтобъ заняться внутреннимъ успокоеніемъ своего пестраго государства. По восшествіи своемъ на престолъ *), Леопольдъ написалъ Прусскому королю письмо, наполненное изъявленіями мирныхъ желаній; Фридрихъ Вильгельмъ отвѣчалъ ему **) въ томъ же тонѣ: «Мое честолюбіе въ настоящую минуту состоитъ въ томъ, чтобъ содѣйствовать успокоенію Европы; у меня никогда не будетъ стремленія къ завоеваніямъ. Вотъ мое исповѣданіе вѣры.» Король предъявилъ и условія мира: «Или, по предложенію Англійскаго короля, возстановленіе status quo, или, что лучше по моему мнѣнію, такое общее распоряженіе, которое бы уравновѣшенною мѣною примиряло интересы государствъ, участвующихъ въ тепере шнихъ смутахъ.» Ясно было, въ чемъ должно состоять это общее распоряженіе: Пруссія безо всякой войны и безо всякой мѣны должна получить Данцигъ и Торнъ.

Но Леопольду дѣлать было нечего, надобно было мирить-

*) 25 марта 1790 года. **) 14 апрѣля.

ся на томъ или на другомъ условіи. Старый канцлеръ Австріи, знаменитый Кауницъ написалъ Потемкину *): «Дѣла дошли до такого кризиса, что требуютъ самыхъ скорыхъ и самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ. Ожесточеніе Пруссіи и ослѣпленіе Англіи заставляютъ наши два двора выбирать изъ двухъ крайностей, одна хуже другой: или купить сохраненіе общаго спокойствія пожертвованіями, которыя будутъ очень тяжки послѣ несчастной войны, или рисковать всеобщею войною, лучшій исходъ которой для насъ будетъ, если ничего не потеряемъ и получимъ миръ съ Портою сколько-нибудь сносный. Намъ надобно проложить дорогу посрединѣ этихъ двухъ крайностей, и всего лучше обезпечить для себя упомянутый исходъ, не подвергаясь случайностямъ, потерямъ и неисчислимымъ бѣдствіямъ всеобщей войны. Нечего колебаться въ выборѣ между уменьшеніемъ выгодъ и важными, существенными потерями. Никакія выгоды не могутъ вознаградить насъ за потерю Нидерландовъ и Галиціи; что же касается Россіи, то ничто не можетъ вознаградить ее за потерю вліянія въ Польшѣ и за соединеніе Англійскаго флота съ Шведскимъ; для обоихъ дворовъ одинаково ничто не можетъ вознаградить за преобладаніе Пруссіи на сѣверѣ и за исключительное господство ея въ Польшѣ.»

Въ Вѣнѣ приходили въ ужасъ отъ одной мысли, что Пруссія можетъ увеличить свои владѣнія, усилить гдѣ-нибудь свое вліяніе, и потому придумали средство: предложить возвращеніе Галиціи Польшѣ, но съ тѣмъ, чтобы Пруссія и Россія также отказались отъ своихъ долей, полученныхъ по раздѣлу 1772 года. Кауницъ написалъ Австрійскому посланнику въ Петербургѣ, Люи Кобенцелю **): «Мы бы очень желали, еслибъ русскій дворъ согласился возвратить свою долю. Нельзя ожидать никакой опасности отъ несдержанія

*) 2 мая.

**) 2 мая 1790.

слова, а Пруссія подвергается явному предосужденію, особенно въ глазахъ Поляковъ.» Но въ Петербургѣ смотрѣли иначе на дѣло: страхомъ всеобщей войны Екатерину нельзя было заставить отдать Бѣлоруссію или, предложивъ это возвращеніе, не сдержать слова. Она накидала на бумагу слѣдующіе пункты по поводу Австро-Прусскихъ дѣлъ: «1) Всякая несправедливость внушаетъ ужасъ. Поведеніе Берлинскаго двора относительно Вѣнскаго отличается такою несправедливостію, какой я еще не знаю примѣра. Берлинскій дворъ требуетъ, чтобы дворъ Вѣнскій уступилъ Польшѣ большую часть Галиціи, обладаніе которою гарантировано покойнымъ Прусскимъ королемъ и нами. Вознагражденіе Австріи Берлинскій дворъ обѣщаетъ на счетъ Турокъ, Турокъ, съ которыми Берлинскій дворъ только что заключилъ оборонительный и наступательный союзъ. 2) Но отдавая области своихъ союзниковъ, Пруссія увѣрена ли, что Турки уступятъ ихъ? слѣдовательно хотятъ ограбить Австрію и обѣщаютъ ей въ вознагражденіе то, что можетъ быть Турки еще и не уступятъ, т. е. почти что ничего. 3) Все это дѣлается Берлинскимъ дворомъ для пріобрѣтенія Торна и Данцига съ частію Познани — вотъ и другой новый союзникъ Прусскаго короля, котораго онъ хочетъ ограбить. То есть деретъ съ живаго и съ мертваго. 4) Надобно увѣрить Вѣнскій дворъ, что мы вполнѣ исполнимъ свои обязательства во всякомъ случаѣ. 5) Мы желаемъ мира съ Турками, общаго или отдѣльнаго единственно для того, чтобъ дѣятельнѣе помогать нашему союзнику противъ общихъ враговъ. 6) Я предпочитаю прямые переговоры съ Портою; и справедливо, чтобъ и Вѣнскій дворъ трактовалъ въ тоже время. 7) Если Вѣнскій дворъ будетъ трактовать отдѣльно съ посредниками или безъ посредниковъ, то справедливость требуетъ, чтобъ и мы могли дѣлать то же самое, т. е. отдѣльно.»

Леопольду нужно было прежде всего отвратить грозу съ

сѣвера, гдѣ Пруссія, въ подкрѣпленіе своихъ требованій, выставляла большое войско; въ Галиціи Поляки волновались. Леопольдъ согласился на конгрессъ, который долженъ былъ собраться въ Рейхенбахѣ въ Силезіи въ іюлѣ 1790 г. Австрійскіе и Прусскіе уполномоченные должны были уладиться при посредствѣ Англійскаго и Голландскаго уполномоченныхъ. Въ первой конференціи Австрійскіе уполномоченные уступили въ пользу Польши часть Галиціи во 144 мили съ 308,000 душъ. Прусскіе уполномоченные отвергли это предложеніе съ угрозами, и потребовали округа Бохни, Тарнова, Замосця, города Бродъ, что составляло 500,000 душъ съ 700,000 флориновъ дохода. Въ вознагражденіе соглашались на присоединеніе къ Австріи Турецкой Кроаціи и всего того, чѣмъ владѣла Австрія по миру Пассаровицкому, но съ условіемъ срытія Бѣлградской крѣпости. Тутъ же Прусаки объявили, что хотять взять Данцигъ, Торнъ, Дубно, землю между Нетцою и Вартою *). Но имъ скоро напомнили, что они не одни съ Австрійцами въ Рейхенбахѣ: Англійскій уполномоченный объявилъ Герцбергу, что Англія никогда не будетъ способствовать къ тому, чтобы Турки, безъ ихъ согласія, лишены были своихъ владѣній, что ни Пруссія, ни Австрія не могутъ отказаться отъ основанія переговоровъ — status quo, и если Австрія принимаетъ его, то нѣтъ никакого предлога къ начатію войны. Это значило, что если Пруссія будетъ настаивать на свой проектъ мѣны владѣній, и объявитъ Австріи войну, то будетъ воевать одна съ Австріей и Россіей. Явился изъ Варшавы прусскій посланникъ при польскомъ дворѣ, маркизъ Люкезини и объявилъ, что Польша рѣшительно не согласна на уступку Данцига и Торна. Планъ Герцберга рушился. 15 іюля онъ долженъ былъ предложить австрійскимъ уполномочен-

*) Депеша вице-канцлера Филиппа Кобенцеля изъ Вѣны Австрійскому послу Люи Кобенцелю въ Петербургъ 13 іюля.

нымъ немедленно же заключить перемиріе съ Турками на основаніи status quo. Австрія согласилась, при чемъ обязалась ничѣмъ не помогать Россіи къ продолженію войны.

Герцбергъ съ бѣшенствомъ возвратился изъ Рейхенбаха; увидавшись съ Алопеусомъ, онъ началъ увѣрять его, что никогда не хлопоталъ о *status quo*, что его планъ, одобренный уже и Австріею на рейхенбахскихъ конференціяхъ, былъ совсѣмъ другой и Россія была бы имъ очень довольна. Австрійскій дворъ соглашался уступить Польшѣ Броды, Замосць, Жолкву, съ 500,000 жителей, на условіи, чтобы Польша уступила Пруссіи два города, совершенно безполезныя для Польши, Данцигъ и Торнъ, съ народонаселеніемъ едва ли во 100 ,000; Пассаровицкія границы были бы возстановлены между Турціею и Австріею, и Очаковъ остался бы за Россіею. «Таковъ былъ мой проектъ, продолжалъ Герцбергъ: этотъ проектъ былъ внушенъ мнѣ патріотизмомъ; но когда все было улажено, все въ одну минуту разрушилось, потому что иностранцы (т. е. Люкезини *), которые естественно не могутъ имѣть такой же привязанности къ странѣ, какъ я, въ ней родившійся, иностранцы захотѣли пріобрѣсть себѣ важность на счетъ Пруссіи. Я не понимаю этого человѣка (Люкезини): прошлую зиму онъ меня увѣрялъ, что Поляки будутъ совершенно согласны уступить Данцигъ и Торнъ, если имъ отдадутъ эту часть Галиціи; а теперь онъ утверждаетъ, что имъ надобно всю Галицію; но вы понимаете, что это невозможно. Тутъ-то пришли къ этому знаменитому status quo, который давно уже былъ предложенъ Англіею, и который всегда нравился королю. Я не

*) Герцбергъ говорилъ послѣ Полякамъ: «Votre plus grand ennemi c'est ce serpent Italien (Люкезини). C'est lui qui a compromis et qui compromet sans cesse les interets de la Pologue et de son roi. Les jtaliens ont moins de politique que de ruse. Ils ne combattent pas, ils harcelent: ce sont les cosaques de la diplomatie. (Булгаковъ Безбородку 11/22 августа 1792 года).

могъ идти противъ потока и сталъ просить отставки; король не согласился. По моему мнѣнію есть еще средство придти къ соглашенію на счетъ Очакова, если русскій дворъ обяжется тайно не препятствовать уступкѣ Данцига и Торна; я знаю, что со стороны Поляковъ будутъ затрудненія, но эти затрудненія могутъ быть побѣждены. Необходимо, чтобъ Россія и Пруссія пришли наконецъ къ соглашенію; Пруссія вовсе не хочетъ противодѣйствовать вліянію Россіи въ Польшѣ. Россія хотѣла вовлечь Польшу въ войну съ Турками и обогатить ее на счетъ послѣднихъ; политика Пруссіи требовала этому противодѣйствовать, потому что увеличеніе Польши было ей противно и слѣдовательно ей нужно было отстранять все, могущее этому содѣйствовать. Дѣйствительно нашъ дворъ обязался въ отношеніи къ Турціи помочь ей возвратить все потерянное въ послѣднюю войну; но такъ какъ императрица требуетъ такой малости, Очакова съ областью до Днѣстра, то можно заставить Турокъ понять, что они должны согласиться на это условіе; надобно только, чтобъ съ вашей стороны было сдѣлано намъ предложеніе въ такой формѣ: если королю прусскому удастся посредствомъ дипломатическихъ сношеній и сдѣлокъ, а не путемъ силы склонить Польшу къ уступкѣ ему Данцига и Торна, то Петербургскій дворъ не воспротивится этому, напротивъ будетъ помогать посредствомъ своей партіи въ Польшѣ. Даю вамъ честное слово, что король запретилъ мнѣ говорить объ уступкѣ Данцига и Торна; но если предложеніе будетъ сдѣлано съ вашей стороны, то я могу, не смотря на всѣ запрещенія, не только принять его для донесенія (ad referendum), но и подкрѣплять его; мнѣ будетъ легко доказать, что пріобрѣтеніе дружбы Россіи и обладаніе Данцигомъ и Торномъ гораздо важнѣе дружбы государства, для котораго мы сдѣлали такъ много, и которое само не въ состояніи ничего сдѣлать.»

Алопеусъ донесъ въ Петербургъ объ этомъ разговорѣ съ Герцбергомъ, прибавивъ, что между королемъ и его министромъ господствуетъ сильное несогласіе, но что король, не смотря на свое природное упрямство, не имѣетъ духа удалить Герцберга отъ дѣлъ *).

Россія осталась одна; но не думала уступать требованіямъ Пруссіи и Англіи и заключать миръ съ Турціею на основаніи status quo: пріобрѣтеніе Очакова съ прилежащею областью между Бугомъ и Днѣстромъ было объявлено ею какъ необходимое условіе мира. Англія и Пруссія, успѣвъ напугать Австрію вооруженіями, думали, что могутъ напугать тѣмъ же и Россію. Первый министръ Георга III, знаменитый Питтъ разослалъ приказы усиливать флотъ и держать его въ готовности выйти въ море. Пруссія также продолжала истощать свои финансы, держа на готовѣ многочисленное войско, при чемъ она по прежнему не теряла изъ виду Данцига и Торна, и Англія, имѣя общее дѣло съ Пруссіею, считала необходимымъ потворствовать ея желаніямъ. Въ ноябрѣ 1790 польскій посланникъ въ Голландіи, Огинскій получилъ отъ своего правительства порученіе ѣхать въ Лондонъ и провѣдать, какъ тамъ смотрятъ на стремленіе Пруссіи пріобрѣсти Торнъ и Данцигъ. «Какая вамъ Полякамъ выгода владѣть Торномъ и Данцигомъ? спросилъ его Питтъ. Какая вамъ выгода имѣть эти два рынка для вашихъ произведеній при той слабости, въ какой вы находитесь до сихъ поръ, стеная подъ гарантіею Петербургскаго двора? Король Прусскій, предлагая вамъ свою дружбу и союзъ, представляетъ вамъ средства выйти изъ этого презрѣннаго положенія, и это одно стоитъ нѣкоторыхъ пожертвованій. Но чего требуетъ Прусскій король — это даже нельзя назвать и пожертвованіями, потому что, съ своей стороны, онъ отказывается отъ значительнаго дохода, получаемаго съ та-

*) Алопеусъ Остерману 25 ноября (6 декабря) 1790.

моженъ.» Тутъ министръ показалъ Огинскому копію съ письма къ нему Прусскаго короля: Фридрихъ Вильгельмъ II откровенно объяснялъ побужденія, которыя заставляли его желать Торна и Данцига. «Неужели вы считаете ни за что купить этою цѣною торговый трактатъ съ Англіею и Голландіею? продолжалъ Питтъ. Вы говорите, что потерявъ Данцигъ, единственное свободное мѣсто, гдѣ вы сбываете ваши произведенія, вы должны будете подвергаться всѣмъ таможеннымъ придиркамъ и платить всѣ пошлины, какія отъ васъ потребуютъ. Но не должно забывать, что вы теперь платите гораздо больше, чѣмъ будете платить по новому торговому трактату, вамъ предлагаемому. Наконецъ что касается придирокъ, то ваши опасенія могли бы быть еще основательны, если бы вы не имѣли дѣло съ союзникомъ и другомъ и еслибъ у васъ не было гарантій Англіи и Голландіи. Вы лучше меня знаете, какія были старинныя сношенія торговыя у Польши съ Англіею и Голландіею. У васъ была маленькая гавань на Балтикѣ подлѣ рѣки Свенты, если не ошибаюсь, гавань эта засорилась и вамъ нечего жалѣть о ней; но у васъ было много городовъ во внутренности страны, гдѣ купцы голландскіе и англійскіе имѣли богатыя конторы и гдѣ вы складывали вашъ хлѣбъ, его покупали у васъ на мѣстѣ, вамъ не нужно было возить его до балтійскихъ гаваней. Я нынче утромъ смотрѣлъ на картѣ положеніе Ковна и Мереча. Первый изъ этихъ городовъ, расположенный на двухъ судоходныхъ рѣкахъ, былъ, какъ говорятъ, очень населенъ и производилъ большую торговлю, за городомъ сохранились еще слѣды нѣсколькихъ сотенъ домовъ, которые, какъ говорятъ, были заняты голландскими и англійскими купцами. Что было прежде, то можетъ быть возстановлено, и если торговый трактатъ съ Польшею осуществится, то мы съумѣемъ освободить васъ отъ всѣхъ придирокъ данцигскихъ таможенныхъ чиновни-

ковъ, пріѣзжая за вашими произведеніями во внутренность страны, чтобъ получать ихъ изъ первыхъ рукъ. Торговля съ Польшею для насъ очень выгодна, потому что у васъ нѣтъ фабрикъ, вы потребляете много иностранныхъ товаровъ и предметовъ роскоши и съ лихвою отдаете намъ то, что отъ насъ берете. Такъ будьте увѣрены, что мы принимаемъ горячее участіе въ судьбѣ Польши и ея торговли, и никогда не потерпимъ, чтобы торговый трактатъ, о которомъ идетъ дѣло, не гарантировалъ вашей странѣ всѣхъ выгодъ, на которыя она имѣетъ право.»

«Я объяснился съ полною откровенностію, закончилъ Питтъ, я не утаилъ моего образа мыслей, который вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ мыслей нашего правительства.» Таковъ былъ образъ мыслей короля и его министровъ; Георгъ III и Питтъ хотѣли непремѣнно заставить Россію заключить миръ съ Турками statu quo и чтобъ имѣть съ собою Пруссію, готовы были отдать ей Данцигъ. Но Огинскій могъ сейчасъ же убѣдиться, что дѣло еще вовсе не рѣшено, если правительство такъ думаетъ, что есть люди, которые думаютъ иначе, и эти люди могутъ рѣшить дѣло иначе въ палатахъ; Огинскій повидался съ Фоксомъ и съ другими членами оппозиціи: всѣ изъявили свое сочувствіе къ Польшѣ, къ движеніямъ, въ ней происходящимъ; но Фоксъ при этомъ процитовалъ извѣстный латинскій стихъ: «Incidit in Scyllam qui vult vitare Carybdim» (впадаетъ въ Сциллу, кто хочетъ избѣжать Харибды). «Не очень довѣряйте вашему новому союзнику (королю прусскому), сказалъ онъ Огинскому; разсчитывайте на свой патріотизмъ, на свою энергію, на духъ времени, и вы съумѣете обезпечить свою свободу и независимость» *).

Что же дѣлала въ это время Австрія? Австрія спѣшила пользоваться рейхенбахскими постановленіями, вознагра-

*) Mèmoires de Michel Oginski, I, 88—102.

дить себя за унизительныя условія, какія должна была принять, спѣшила успокоить волненія въ Галиціи, Венгріи и Бельгіи, возстановить поколебленное было свое государственное зданіе, чтобъ потомъ явиться на арену европейской борьбы съ новыми силами, съ развязанными руками. Обязавшись въ Рейхенбахѣ не помогать Россіи, Австрія, въ сношеніяхъ съ послѣднею, не переставала называть себя самою вѣрною ея союзницею. 2 января 1791 года Кауницъ писалъ Кобенцелю въ Петербургъ: «Все, чего русскій императорскій дворъ можетъ требовать отъ самаго вѣрнаго союзника—это положительное удостовѣреніе съ нашей стороны, что онъ можетъ разсчитывать на насъ съ первой минуты, какъ только намъ будетъ возможно придти къ нему на помощь. Возстановленіе нашихъ внутреннихъ дѣлъ было въ настоящее время самою большою и единственною услугою, которую нашъ августѣйшій монархъ могъ оказать своей союзницѣ, ибо возстановленіе внутренняго порядка дастъ намъ средство быть ей полезными по прежнему: отсутствіе силъ могло бы повести только къ тому, что дѣла не были бы въ соотвѣтствіи съ обѣщаніями.»

Австрійскій министръ былъ на этотъ разъ совершенно искрененъ: Австрія боялась больше всего на свѣтѣ, чтобы Россія не потерпѣла неудачи въ предстоящей борьбѣ и ненавистная Пруссія не поднялась на ея счетъ; Очаковскія степи, которыхъ требовала Россія, не возбуждали зависти въ Вѣнѣ, а между тѣмъ раздраженіе противъ Пруссіи и Англіи за вмѣшательство и наложеніе условій мира съ Турками было страшное. Въ Берлинѣ нѣкоторые поняли это положеніе Австріи, поняли, что возстановившая свои силы Австрія будетъ опасна въ тылу при готовящейся борьбѣ съ Россіею, и рѣшились попытаться, нельзя ли сблизиться съ Австріею и оттянуть ее совершенно отъ Россіи, и нельзя ли опять поднять вопросъ о пріобрѣтеніи Данцига и Торна,

при чемъ пусть нарушается status quo при мирѣ Австріи и Россіи съ Турками. Война съ Россіею опасна при враждебности Австріи и при неувѣренности, какъ то еще будетъ помогать Англія; гораздо выгоднѣе избѣжать опасной войны и получить польскія земли, какъ было сдѣлано при Фридрихѣ II. Разумѣется возможности для Пруссіи сблизиться съ Австріею никакъ не могъ понять Герцбергъ, птенецъ Фридриха II: вражда къ Австріи вошла у него въ плоть и кровь, это было чувство, безъ котораго Герцберга нельзя было представить. Слѣдовательно надобно было дѣйствовать мимо Герцберга, и придумали *средство*.

По Берлину вдругъ пронеслась вѣсть, что любимецъ короля, Бишофсвердеръ подвергся опалѣ и долженъ оставить столицу. Бишофсвердеръ дѣйствительно исчезъ изъ Берлина — и очутился въ Вѣнѣ, гдѣ потребовалъ тайныхъ переговоровъ съ Кауницомъ: тотъ отвѣчалъ, что не можетъ самъ вести эти переговоры, ибо это возбудило бы всеобщее вниманіе и помѣшало дѣлу, но что поручитъ переговоры вице-канцлеру, графу Филиппу Кобенцелю. 20 февраля 1791 года происходилъ первый разговоръ Кобенцеля съ Бишофсвердеромъ:

Бишофсвердеръ. Мой первый вопросъ, на которомъ основана вся моя коммиссія, состоитъ въ слѣдующемъ: угодно ли Его И—скому В—ству перемѣнить соперничество, такъ долго существующее между двумя дворами, на тѣсную дружбу? *Кобенцель*. Императоръ ничего такъ пламенно не желаетъ, какъ жить въ мирѣ и дружбѣ съ королемъ, знаменитымъ какъ по своему могуществу, такъ и по личному характеру, потому что онъ считается государемъ—честнымъ человѣкомъ. *Бишофсвердеръ*. Но скажите: вполнѣ здѣсь увѣрены, что король дѣйствительно таковъ? Если у васъ есть сомнѣнія на этотъ счетъ, скажите, на чемъ они основаны, чтобъ мнѣ можно было ихъ уничтожить. *Кобенцель*.

Императоръ нисколько въ этомъ не сомнѣвается, и если иногда случаются вещи, которыхъ мы никакъ не можемъ согласить съ совершенною правотою, то мы обыкновенно приписываемъ ихъ дурнымъ совѣтникамъ. *Бишофсвердеръ.* Прекрасно! это именно такъ и есть. Король — это сама честность, и хочетъ, чтобъ вся вселенная была въ этомъ убѣждена. Не смотря на такое счастливое расположеніе, его часто однако вовлекаютъ въ заблужденіе, его часто заставляютъ дѣйствовать вопреки его благородному образу мыслей: вотъ почему, желая пламенно сблизиться съ Его Имп. В—ствомъ, онъ посылаетъ къ нему не ученаго и просвѣщеннаго министра, но человѣка, котораго онъ удостоиваетъ своею довѣренностію, который не большой знатокъ въ государственныхъ дѣлахъ, но который знаетъ сердце и образъ мыслей своего государя лучше всѣхъ его министровъ, и который будетъ считать себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, если успѣетъ упрочить благо двухъ народовъ тѣсною дружбою между двумя дворами; Герцбергъ всегда представляетъ это королю дѣломъ невозможнымъ, но не убѣждаетъ короля. Многіе изъ насъ вѣрныхъ слугъ королевскихъ думаютъ одинаково съ королемъ и, должно сказать, что общее мнѣніе не за насъ; одинаково съ нами думаютъ Моллендорфъ и герцогъ Брауншвейгскій; послѣдній помогъ мнѣ уговорить короля послать меня сюда для такого спасительнаго дѣла, безъ вѣдома Герцберга, который будетъ всегда противъ подобнаго проекта. Хотятъ уговорить короля къ сближенію съ Россіею, представляютъ, что ему стоитъ только исполнить желаніе императрицы, и она за это доставитъ ему все нужное для Пруссіи. Намъ даютъ это чувствовать очень ясно. Вы можете быть увѣрены, что отъ насъ зависитъ жить въ ладахъ съ Россіею, когда только захотимъ, и эти лады доставятъ намъ величайшія выгоды; но король предусматриваетъ еще большія выгоды въ тѣсномъ союзѣ съ ав-

стрійскимъ домомъ. Онъ бы не хотѣлъ способствовать усиленію Россіи, какъ это дѣлаете вы изъ желанія противопоставить Пруссіи страшнаго врага, который день ото дня будетъ становиться страшнѣе также и для Австріи: онъ бы хотѣлъ, чтобы вмѣсто этого императоръ заключилъ тѣсный и постоянный союзъ съ Пруссіею, подъ защитою котораго обѣ монархіи, наслаждаясь глубокимъ миромъ между собою, не боялись бы никакого другаго государства, имѣя возможность соединять свои силы противъ всякаго, кто бы захотѣлъ ихъ обезпокоить или нарушить равновѣсіе Европы, и противъ всякаго иностранца, который захотѣлъ бы присвоить себѣ вліяніе на дѣла Германіи. Къ этому союзу, заключенному между нашими двумя дворами, присоединились бы всѣ настоящіе союзники Пруссіи. *Кобенцель*: Также и Турки? *Бишофсвердеръ*: Почему нѣтъ? Вашъ собственный интересъ требуетъ больше всего, чтобы Турки не были изгнаны Русскими изъ Европы. *Кобенцель:* Тогда надобно будетъ отказаться съ обѣихъ сторонъ отъ всякаго пріобрѣтенія? *Бишофсвердеръ*: Вы безъ сомнѣнія знаете, что поднятъ вопросъ о Данцигѣ, и дѣйствительно это пріобрѣтеніе было бы очень желательно для короля, если бы онъ могъ его сдѣлать съ полнаго согласія Польши, вознаградивъ республику другими выгодами. Мы увѣрены, что Россія будетъ на это согласна, если мы согласимся содѣйствовать ея настоящимъ видамъ; король надѣется, что и императоръ не будетъ противъ, если дружба и союзъ между ними разъ установится. Впрочемъ не должно думать, что король никакъ уже не можетъ отказаться отъ мысли о Данцигѣ. Прежде всего онъ желаетъ союза съ австрійскимъ домомъ: всякая другая идея, всякій другой проектъ уходятъ на второй планъ. *Кобенцель:* Его Прусское величество конечно уже имѣетъ въ виду основанія, на которыхъ созиждется этотъ союзъ? *Бишофсвердеръ*: Да, есть много основаній, въ ко-

торыхъ мы условились съ герцогомъ Брауншвейгскимъ; вотъ эти основанія: примиреніе Россіи съ Турками безъ опасности для послѣднихъ быть изгнанными изъ Европы; противодѣйствіе Русскому вліянію на дѣла Германіи; поддерживаніе соединенными силами германской конституціи; соглашеніе какъ дѣйствовать противъ французской революціи. При этомъ Бишофсвердеръ объявилъ, что у него есть инструкція, написанная герцогомъ Брауншвейгскимъ. Кобенцелю казалось это очень страннымъ, онъ не понималъ, какъ подобный трактатъ могъ быть заключенъ безъ Герцберга. Бишофсвердеръ растолковывалъ ему: «Я условлюсь здѣсь въ главныхъ основаніяхъ; потомъ произойдетъ свиданіе между императоромъ и королемъ, послѣ котораго король велитъ Герцбергу сочинить договоръ и тотъ сочинитъ, потому что дѣло уже сдѣлано, слово дано, спорить больше нельзя. Кобенцель замѣтилъ, что было бы гораздо проще смѣнить министра. Бишофсвердеръ отвѣчалъ, что нѣтъ никого, кто бы могъ занять его мѣсто. Наконецъ Бишофсвердеръ разсказалъ, какъ русскій посланникъ въ Берлинѣ Алопеусъ былъ у него и просилъ уговаривать короля войти въ виды Россіи, обѣщая сдѣлать за это королю всякое удовольствіе, а его Бишофсвердера обогатить; но онъ, Бишофсвердеръ отклонилъ предложеніе *).

4 марта Бишофсвердеръ имѣлъ второй разговоръ съ Кобенцелемъ. Неизбѣжный Данцигъ опять явился на сцену. Бишофсвердеръ объявилъ: «Если бы мы могли сдѣлать это пріобрѣтеніе, или въ вознагражденіе за нашу уступчивость требованіямъ Россіи, или въ вознагражденіе за издержки вооруженія, а быть можетъ и цѣлой кампаніи, то нашлась бы возможность и вамъ удержать что-нибудь изъ вашихъ

---

*) Rapport de Vice-Chancelier de Cour et d'Etat au Chancelier pr. de Kaunitz Richtberg sur la conversation avec M. de Bischofswerder le 20 fevr. 1791

завоеваній, напримѣръ король могъ бы на Чистовскомъ конгрессѣ (гдѣ велись переговоры между Австріею и Турціею при посредничествѣ Пруссіи и ея союзниковъ) не настаивать на строгое status quo, онъ могъ бы даже самъ склонить Турокъ къ уступкѣ, давъ имъ почувствовать, что миръ для нихъ необходимъ и что король не можетъ доставить его имъ на другихъ условіяхъ. Но для этого не нужно бы было спѣшить заключеніемъ мира. По моему было бы благороднѣе и даже полезнѣе для короля отказаться отъ всякаго пріобрѣтенія, но не всѣ такъ думаютъ въ Берлинѣ и проектъ измѣненія status quo въ пользу Австріи будетъ всегда крайнимъ средствомъ и найдетъ защитниковъ, которые предпочтутъ его намѣренію рисковать войною съ Россіею безъ увѣренности, какъ поступитъ въ этомъ случаѣ Австрія и безъ увѣренности, въ какой мѣрѣ Пруссія можетъ надѣяться на серіозную помощь со стороны Англіи.» Кобенцель отвѣчалъ, что его дворъ *быть можетъ* выслушаетъ предложеніе Пруссіи, если ему поставятъ на видъ возможность получить вознагражденіе на счетъ Турціи. Кобенцель при этомъ далъ замѣтить, что Вѣнскій дворъ не можетъ полагаться на совершенную откровенность Прусскаго министерства, не можетъ быть увѣренъ, что въ это же самое время Пруссія не трактуетъ съ Россіею насчетъ Данцига и Торна. Бишофсвердеръ въ отвѣтъ показалъ ему письмо къ себѣ короля, которое оканчивалось такъ: «Не увлекайтесь никакими предложеніями Алопеуса; какъ бы ни были велики выгоды, предлагаемыя Россіею, я все нахожу гораздо больше выгодъ въ союзѣ съ императоромъ; союзъ съ Россіею отъ насъ не уйдетъ, если Австрійцы не захотятъ насъ.»

Изъ Вѣны дали знать въ Петербургъ обо всѣхъ этихъ разговорахъ. Кауницъ писалъ Люи Кобенцелю *), что оба императорскіе двора должны сообщать другъ другу всѣ вну-

*) 28 марта 1791.

шенія, какія будутъ приходить къ нимъ изъ Берлина, что оба двора должны показывать Берлинскому двору рѣшительное отвращеніе трактовать съ нимъ отдѣльно о предметахъ, оба ихъ одинаково интересующихъ; особенно императорскіе дворы должны хлопотать о томъ, чтобъ Прусскому королю не досталась добыча, тогда какъ Австрія останется безъ вознагражденія за Турецкую войну; Австрія отказалась отъ этого вознагражденія, но съ условіемъ, чтобъ и Пруссія ничего не получила. Австрія охотно соглашается на пріобрѣтенія, которыя сдѣлаетъ Россія, если Турція согласится принять ея ултиматумъ, но главное, чтобъ общій врагъ (Пруссія) не получилъ при этомъ ничего. Императоръ проникнутъ принципомъ, что пріобрѣтенія союзниковъ на счетъ Турціи вовсе не желательны, если они уравновѣсятся Прусскими пріобрѣтеніями, особенно на счетъ Польши, и если надобно будетъ приступить къ подобному соглашенію между тремя государствами, то это только въ послѣдней крайности.

Австрія приняла холодно попытку Пруссіи къ сближенію: ничего не надобно намъ, лишь бы Пруссія ничего не получила—вотъ принципъ, которымъ былъ проникнутъ императоръ Леопольдъ. Бросились къ Россіи. По возвращеніи изъ Вѣны Бишофсвердеръ предложилъ Алопеусу заключить секретную конвенцію: «Прусскій король обязывается не препятствовать императрицѣ посредствомъ соглашеній получить отъ Турціи Очаковъ съ областью до Днѣстра, король даже будетъ помогать ей въ этомъ дѣлѣ своими дружескими и убѣдительными представленіями. За это императрица обязывается, тотчасъ по заключеніи мира съ Портою, возобновить прежній союзъ Россіи съ Пруссіею» *). Екатерина, прочтя депешу Алопеуса, написала: «Кабалу на себя дать я не намѣрена; Очаковъ же, также какъ Туркамъ отъ

*) Алопеусъ Остерману $^{8}/_{19}$ февраля 1791.

Прусскаго двора гарантированный Крымъ въ моихъ рукахъ находится безъ дозволенія его Прусскаго величества. Угорѣлыя кошки всегда повсюду мечутся.»

Въ Вѣнѣ неудача, въ Петербургѣ неудача, а между тѣмъ упрямый Питтъ не хочетъ слышать ни о какихъ сдѣлкахъ, вслѣдствіе которыхъ Россія могла бы что-нибудь получить отъ Турціи; онъ хочетъ непремѣнно заставить ее заключить миръ съ Портою statu quo до войны, и условливается съ Пруссіею, что Англія пошлетъ 35 линейныхъ кораблей въ Балтійское море, а король Прусскій войдетъ съ 85,000 войска въ Лифляндію, за что получитъ Данцигъ. Курьеръ былъ готовъ везти ультиматумъ въ Петербургъ, какъ только предложеніе Питта пройдетъ въ парламентѣ; но это былъ еще вопросъ, пройдетъ ли оно въ парламентѣ?

27 марта 1791 Питтъ держалъ совѣтъ съ своими товарищами по кабинету о необходимости войны съ Россіею; не всѣ были согласны съ мнѣніемъ перваго министра; герцогъ Ричмондъ счелъ своею обязанностію вечеромъ того же дня написать Питту, что чѣмъ болѣе думаетъ онъ объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе приходитъ къ убѣжденію, что Англія страшно рискуетъ, начиная войну безъ увѣренности, что Голландія и Польша будутъ съ нею и что англійскимъ кораблямъ будетъ свободный входъ въ шведскія гавани. «Я взвѣсилъ всѣ ваши аргументы, и не могу сказать, чтобъ они меня убѣдили» *).

Но письмо Ричмонда не могло остановить Питта. На другой день, 28 марта онъ внесъ въ палату общинъ объявленіе отъ имени короля: «Такъ какъ старанія его величества и союзниковъ его прекратить войну между Россіею и Портою остались безполезными, то онъ считаетъ необходимымъ увеличить немного свои морскія силы и надѣется, что его вѣрныя общины назначатъ сумму на покрытіе нужныхъ для

*) Stanhope—Life of William Pitt, II. chap. XV.

этого издержекъ.» Только что объявленіе было заслушано, какъ поднялся глава оппозиціи, Фоксъ и заявилъ свое несогласіе; въ слѣдующій день и потомъ нѣсколько разъ онъ вооружался противъ проекта съ обыкновенною своею силою; въ палатѣ общинъ его поддерживали Грей, Шериданъ и Уэйтбридъ, въ палатѣ перовъ лордъ Лоборо, лордъ Стормонтъ и лордъ Нортъ. Краснорѣчіе ораторовъ оппозиціи произвело сильное впечатлѣніе: начинать войну, дѣлать огромныя издержки — для чего? чтобъ не дать Россіи куска степи между Бугомъ и Днѣстромъ и полуразрушенной крѣпости! Министерство получило большинство, но большинство 80 голосовъ. Въ странѣ война становилась день ото дня непопулярнѣе. Питтъ почувствовалъ, что надобно отступить и отправилъ немедленно курьера къ англійскому посланнику въ Петербургѣ, чтобъ тотъ удержался отъ подачи Остерману грозной ноты, уже заготовленной имъ.

Екатерина торжествовала; она одержала одну изъ самыхъ блистательныхъ побѣдъ своихъ: ея твердость, неуступчивость предъ угрозами Англо-Прусской коалиціи увѣнчалась совершеннымъ успѣхомъ; Екатерина имѣла полное право говорить: «Мы никогда войны не начинаемъ, но защищаться умѣемъ», и повторять стихъ Расина:

Je crains Dieu, cher Abner, et n'ai point d'autre crainte.
(Боюсь Бога, и нѣтъ у меня другаго страха) *).

И другая лапа была вытащена изъ грязи, ибо скорый и честный миръ съ Турціею быть теперь несумнителенъ. Питтъ хлопоталъ только о томъ, какъ бы отступить съ наименьшимъ позоромъ. Онъ боялся, что Россія увеличитъ теперь

*) Екатерина не забыла союзниковъ. Записки Храповицкаго, стр. 243: «Требую мраморный бюстъ Фокса, съ котораго сдѣлавъ бронзовой, поставлю на коллонадѣ, подлѣ Демосѳена, онъ краснорѣчіемъ своимъ не допустилъ Англію до войны съ Россіею.»—Я (Храповицкій)· Il se croira trop honoré.—«Non, je ne puis autrement exprimer ma reconnoissance».

свои требованія, и предложилъ императору Леопольду оборонительный союзъ между Англіею, Пруссіею, Австріею, Голландіею и Турціею, которыя должны взаимно гарантировать ненарушимость своихъ владѣній, при чемъ Австрія, разумѣется, немедленно же должна заключить миръ съ Турціею на строгомъ status quo; что же касается Данцига, то это дѣло чисто торговое: Англія согласна на присоединеніе его къ Пруссіи, если Польша согласится на это свободно. Питтъ надѣялся, что одно объявленіе объ этомъ пятерномъ союзѣ заставитъ Россію заключить миръ съ Турціею. Леопольдъ, проникнутый своимъ принципомъ, отвѣчалъ, что онъ тогда только исполнитъ свои Рейхенбахскія обязательства, когда Пруссія откажется отъ намѣренія искать пріобрѣтеній въ Польшѣ. Пруссія отказалась. Но скоро надежды ея опять были возбуждены сильнѣе прежняго: Польскія отношенія получили новый видъ вслѣдствіе революціи 3 мая.

ГЛАВА IX.

Мы оставили Польшу въ концѣ 1788 года, когда, раздуваемая изъ Берлина, стала сильно разгораться вражда къ Россіи и обнаружилось стремленіе къ ломкѣ учрежденій, Россіею гарантированныхъ. Видѣли Россію въ затруднительномъ положеніи и хотѣли воспользоваться этимъ; не могли воспользоваться для того, чтобъ вдохнуть новыя силы въ

разбитое параличемъ государственное тѣло: за то вполнѣ насладились удовольствіемъ лягнуть льва, не разобравши, что левъ не только не былъ при смерти, даже не былъ и боленъ.

Партія реформы выступила смѣлѣе съ 1789 года: въ челѣ ея находились двое братьевъ Потоцкихъ, Игнатій и Станиславъ, самые блистательные члены Польской аристократіи по талантамъ и образованію. Игнатій тридцати лѣтъ былъ уже великимъ маршаломъ Литовскимъ; къ нему примыкали два человѣка, пріобрѣтшіе громкую извѣстность въ послѣднее время Польши—Піатоли и Коллонтай. Италіанецъ Піатоли, капуцинъ, домашній учитель у княгини Любомирской; рекомендованный ею королю, онъ скоро сдѣлался самымъ довѣреннымъ у него человѣкомъ; поклонникъ Руссо, онъ сталъ оракуломъ тогдашнихъ Польскихъ прогрессистовъ и главнымъ излагателемъ ихъ плановъ. Коронный референдарій, Гуго Коллонтай не уступалъ Піатоли въ способностяхъ; но это былъ человѣкъ самой легкой нравственности, безъ убѣжденій, рабъ всякой силы, будь то человѣкъ, будь то партія.

Игнатій Потоцкій составилъ проектъ уничтоженія Постояннаго Совѣта. 19 января 1789 года было бурное засѣданіе сейма: дѣло шло объ этомъ уничтоженіи. Нѣсколько разъ король принимался говорить противъ предложенія объ уничтоженіи Совѣта; примасъ Понятовскій, братъ короля протестовалъ, что предложеніе это противно конституціи; въ томъ же смыслѣ говорилъ князь Мосальскій, епископъ Виленскій, Іосифъ Косаковскій, епископъ Ливонскій, еще трое епископовъ; изъ свѣтскихъ противъ уничтоженія Совѣта были: великій маршалъ коронный Мнишекъ, графъ Ожаровскій, кастелланъ Войницкій, прямо говорившій о томъ, что не должно раздражать Россіи; нѣсколько другихъ сенаторовъ и пословъ, числомъ до пятидесяти, были того

же мнѣнія. Совѣтъ удержался бы, еслибъ не началъ говорить противъ него гетманъ Браницкій: «Я подаю голосъ за уничтоженіе Совѣта, какъ потому, что всегда былъ противъ него, такъ и потому, что сама императрица сказала мнѣ въ 1774 году, что не хочетъ навязывать націи этого Совѣта. Курьеръ былъ отправленъ по этому случаю къ графу Штакельбергу, но посолъ, не смотря ни на что, одинъ настоялъ на учрежденіе Совѣта.» Это объявленіе произвело сильное впечатлѣніе на большинство. За Браницкимъ произнесъ рѣчь Игнатій Потоцкій; онъ не счелъ нужнымъ, подобно Браницкому, успокоивать сеймъ увѣреніемъ, что Русская императрица будетъ равнодушна къ уничтоженію Постояннаго Совѣта: Потоцкій старался раздуть ненависть къ Россіи: «Я бы желалъ, сказалъ онъ, чтобъ меня отправили въ Петербургъ, какъ въ 1768 году сослали въ Сибирь епископовъ и сенаторовъ». Когда такимъ образомъ масло было подлито въ огонь, пророческія слова короля не могли произвести впечатлѣнія: «Я хочу, говорилъ Станиславъ Августъ, быть навѣки неразлучнымъ съ моимъ народомъ, и потому-то я приглашаю его внимательнѣе подумать надъ нашею общею судьбою, особенно въ эту критическую минуту, ибо кто знаетъ: эта минута не есть ли послѣдній предѣлъ, назначенный Провидѣніемъ для существованія Польши?» Король хотѣлъ отсрочить засѣданіе: но ему стали грозить возстаніемъ, и предложеніе объ уничтоженіи Совѣта прошло *).

Что же Штакельбергъ? Оказалъ полное равнодушіе. Это было всего благоразумнѣе въ его положеніи, когда онъ не могъ, подобно своимъ предшественникамъ, опираться на вооруженную силу. Онъ доносилъ своему двору, что надобно предоставить самимъ себѣ толпу безумцевъ, что настоящій сеймъ—это болѣзнь, въ которой надобно оставить дѣйство-

*) Штакельбергъ Остерману $^{10}/_{21}$ января.

вать природу, чтобъ не убить больнаго лѣкарствами *). Но на природу нельзя было надѣяться при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Равнодушіе Штакельберга къ уничтоженію Постояннаго Совѣта сначала озадачило патріотовъ; но потомъ они увидали въ этомъ сознаніе слабости, и тѣмъ сильнѣе начали дѣйствовать. Самыми яростными выходками противъ Россіи отличался маршалъ сеймовый со стороны Литвы, князь Казимиръ Сапѣга, генералъ артиллеріи Литовской, племянникъ гетмана Браницкаго, горячая, страстная натура, способная къ самымъ рѣзкимъ переходамъ; предводитель знатной Польской молодежи въ ночныхъ оргіяхъ, Сапѣга былъ способенъ превратить и сеймовое засѣданіе въ оргію. Сдержки не было: Штакельбергъ уклонялся, разыгрывалъ равнодушнаго, и тѣмъ самымъ уступалъ поле дѣйствія послу Прусскому. Преемникомъ Бухгольца въ Варшавѣ былъ маркизъ Люкезини—выборъ чрезвычайно удачный относительно цѣлей Берлинскаго двора. Съ одушевленіемъ, съ огнемъ въ глазахъ, восторженнымъ тономъ проповѣдника говорилъ Италіанецъ Полякамъ о необходимости и возможности въ настоящее время возстановить силу, свободу, самостоятельность Польши, заставить ее играть роль въ Европѣ, говорилъ о великодушныхъ намѣреніяхъ Фридриха Вильгельма II, защитника угнѣтенныхъ, говорилъ онъ это среди народа, такъ способнаго увлекаться горячими, громкими, красивыми словами, и, разумѣется, успѣхъ проповѣдника былъ громадный. Сапѣга съ товарищами кричитъ объ освобожденіи Польши изъ-подъ вліянія Россіи; но Россія тутъ, въ самой Польшѣ, и въ этой Россіи также могутъ раздаться крики объ освобожденіи отъ Польши? Сапѣга съ товарищами толкуютъ о волненіяхъ въ Украйнѣ, и вдругъ приходитъ страшная вѣсть изъ Волыни, что богатый шляхтичъ Вельченскій ночью зарѣзанъ съ женою и пятью до-

*) Штакельбергъ Остерману $^{13}/_{24}$ января.

машними. «Вотъ начало бунта!» кричатъ патріоты; толкуютъ, что уже схваченъ Русскій священникъ, участникъ въ заговорѣ. Гетманъ Браницкій за обѣдомъ у Штакельберга, сказалъ ему, что, по мнѣнію очень многихъ, бунты начинаются по наущенію русскихъ чиновниковъ *). И дѣйствительно, чего ждать хорошаго, когда русскія войска проходятъ черезъ Польшу, русскіе купцы и вощики снуютъ по ней во всѣхъ направленіяхъ, а тутъ естественные враги Польши, русскіе попы, которые не хотятъ знать католическаго правительства Польши и молятся за свою покровительницу, единовѣрную Русскую царицу? Что могутъ они внушить своимъ духовнымъ дѣтямъ?

Сеймовое засѣданіе 5 апрѣля началось чтеніемъ извѣстій изъ Волыни о тамошнихъ мнимыхъ волненіяхъ, возбужденныхъ попами и московскими купцами и вощиками. Депутатъ Нѣмцевичъ говоритъ: «Послѣ такихъ доказательствъ дружбы со стороны Россіи, я предоставляю мудрости сейма рѣшить, можно ли пускать черезъ Польшу русскіе транспорты и войска, чтобъ они окончили начатое дѣло?» За Нѣмцевичемъ говорятъ другіе патріоты въ томъ же смыслѣ. Король закрываетъ засѣданіе; но эта мѣра только усиливаетъ раздраженіе. На другой день Сапѣга открываетъ засѣданіе самою зажигательною рѣчью, какой никогда еще не произносилъ: нельзя позволять Россіи держать свои войска въ Польшѣ, не должно пропускать русскихъ войскъ черезъ Польскія владѣнія въ Турцію, надобно обратиться съ просьбою о помощи въ этомъ дѣлѣ къ Прусскому королю, другу и подпорѣ республики. Сапѣгу поддерживалъ депутатъ Кублицкій, объявившій, что король Прусскій никогда не былъ тираномъ Польши; за Кублицкимъ говорили въ томъ же духѣ депутаты Суходольскій и Миржеевскій, а депутатъ Сухоржевскій кричалъ, что надобно объявить войну Россіи и выслать

*) Штакельбергъ Остерману 28 марта (8 апрѣля)

Штакельберга. Не смотря на всѣ эти рѣчи, патріоты не могли заставить сеймъ отказать Россіи на отрѣзъ въ пропускѣ ея войскъ черезъ Польшу *).

Черезъ недѣлю новая причина волненія, новыя оскорбленія Россіи: Сапѣга съ Виленскимъ палатиномъ Раздивиломъ обвинили православнаго епископа Виктора Садковскаго въ томъ, что онъ волнуетъ крестьянъ въ Слуцкой области и даже взялъ съ нихъ присягу. Поднялись крики, что надобно заключить въ оковы измѣнника. Тщетно Штакельбергъ представлялъ, что Викторъ епископъ Переяславскій, викарій Кіевскій, подданный императрицы. Посолъ могъ добиться только того, что Виктора привезли въ Варшаву въ сопровожденіи офицера для безопасности, и обѣщали не осуждать его не выслушавши **). Но арестомъ епископа, русскаго подданнаго не удовольствовались: солдаты ворвались въ домовую церковь русскаго посла и схватили священника для преданія его суду. Штакельбергъ потребовалъ удовлетворенія, удовлетворенія не было дано. Сеймъ постановилъ, чтобъ со всего русскаго духовенства взята была присяга на вѣрность республикѣ; но въ Литвѣ нѣкоторые отказались присягать безъ приказанія императрицы ***).

При этихъ внутреннихъ причинахъ къ раздраженію не было недостатка и во внѣшнихъ побужденіяхъ: Шведскій резидентъ при Варшавскомъ дворѣ Енгстрёмъ сильно подливалъ масло въ огонь; Англійскій министръ Гэльсъ (Hales) говорилъ Полякамъ: «если вы теперь не сядете на копей, то навсегда останетесь націею безъ значенія». Люкезини былъ умѣреннѣе всѣхъ, онъ совѣтовалъ не подниматься безъ нападенія со стороны Россіи. Охота слѣдовать совѣту Англійскаго министра была очень не у многихъ, и чтобъ не дать

---

*) Штакельбергъ Остерману 7/18 апрѣля.

**) Тотъ же тому же 14/25 апрѣля.

***) Штакел. Остерману 29 апрѣля (10 мая)

этимъ немногимъ возможности дѣйствовать на большинство, въ Петербургѣ было рѣшено вывести русскія войска изъ Польши и транспортамъ не касаться польскихъ границъ. Цѣль была достигнута: патріоты до времени должны были прекратить свои выходки противъ Россіи *).

Средина и конецъ 1789 года прошли спокойно; но въ началѣ 1790 года Штакельбергъ началъ бить тревогу, пугать свой дворъ, толковать, что надобно, во чтобы то ни стало, заключить миръ съ Турками, иначе придется плохо: дѣло идетъ о союзѣ между Пруссіею и Польшею, поднимается вопросъ о престолонаслѣдіи послѣ Станислава Августа. Штакельбергъ доносилъ о тайномъ совѣщаніи, происходившемъ между маршаломъ Малаховскимъ, Игнатіемъ Потоцкимъ и двумя братьями Чацкими: читали письмо Люкезини, въ которомъ тотъ обѣщаетъ согласіе своего короля на установленіе наслѣдственнаго правленія въ Польшѣ, если выберутъ принца изъ его дома.

Екатерина не хотѣла заключать постыднаго мира съ Турками, и потому рѣшилась спокойно смотрѣть, что̀ бы ни происходило въ Польшѣ. По этому она отправила слѣдующій рескриптъ къ Штакельбергу: **) «Я нужнымъ нахожу предписать, чтобъ вы по настоящимъ дѣламъ удержались отъ всякихъ на письмѣ декларацій, отговаривая отъ того же и Римско-императорскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, потому что я для пользы службы моей считаю на нынѣшнее время сходнѣе спокойно смотрѣть на неистовства Поляковъ, въ собственный ихъ вредъ обратиться могущія, нежели ускорять дальнія безпокойства. Самыя словесныя ваши внушенія и объясненія долженствуютъ быть располагаемы съ крайнею осторожностію съ людьми, которые всякое слово переносятъ непріятелямъ и завистникамъ нашимъ.»

*) Тотъ же тому же 18/29 апрѣля, 9/20 мая, 19/30 мая.

**) 7 Февраля 1790.

13 февраля *) Люкезини формально предложилъ Польскому правительству объ уступкѣ Данцига и Торна за уменьшеніе таможенныхъ пошлинъ. Впечатлѣніе, произведенное этимъ предложеніемъ было самое неблагопріятное для Пруссіи, вслѣдствіе чего изъ Берлина поспѣшили дать знать, что берутъ назадъ предложеніе: «вѣдь это было только простое предложеніе на случай, если Польша признаетъ его выгоднымъ для своей торговли». Это предложеніе не открыло глаза ослѣпленнымъ: они и тутъ не поняли, въ чемъ дѣло, и, вмѣсто того, чтобъ вести себя осторожнѣе относительно Пруссіи, начали превозносить умѣренность Фридриха-Вильгельма и торопиться заключеніемъ съ нимъ союза **).

Какъ же велъ себя въ этихъ обстоятельствахъ король Станиславъ-Августъ? Своимъ яснымъ умомъ онъ хорошо понималъ, въ чемъ дѣло, и продолжалъ плыть противъ теченія, хотя можно было уже видѣть, что не надолго станетъ у него нравственныхъ силъ для этого. Онъ объявилъ Штакельбергу, что непремѣнно присоединитъ предложеніе о торговомъ трактатѣ съ Пруссіею къ предложенію о союзномъ трактатѣ съ нею, для того, чтобъ отстранить послѣдній или, по крайней мѣрѣ, протянуть время. Наканунѣ того дня, въ который дѣло должно было быть предложено сейму, во дворцѣ былъ дипломатическій ужинъ. Штакельбергъ видѣлъ, какъ несчастнымъ королемъ завладѣлъ сначала Люкезини, а потомъ сейчасъ же Гэльсъ, который истощалъ все свое краснорѣчіе, чтобъ отвлечь короля отъ его намѣренія на счетъ двойнаго трактата. Штакельбергъ понапрасну дожидался, пока уѣдутъ Прусскій и Англійскій министры. Люкезини остался до самаго конца, король только успѣлъ сказать Штакельбергу мимоходомъ, что Люкезини ему грозилъ.

---

*) Стараго стиля.

**) Штакельб. Остерману $^{2}/_{13}$ марта 1790.

Между тѣмъ Сапѣга приготовлялся къ бурному засѣданію. Такъ какъ на засѣданія допускались и посторонніл лица, такъ называемые *арбитры*, съ правомъ выражать свое одобреніе или неодобреніе рѣчамъ депутатовъ и рѣшеніямъ ихъ, то Сапѣга поилъ этихъ посѣтителей и внушалъ имъ, что можно будетъ взяться и за сабли. Сеймъ начался изложеніемъ хода переговоровъ съ Пруссіею; за тѣмъ слѣдовало чтеніе депешъ, присылаемыхъ Польскими министрами при иностранныхъ дворахъ: князь Яблоновскій изъ Берлина выдавалъ завѣрное, что Петербургскій дворъ предлагалъ Берлинскому Данцигъ и Торнъ на условіи, чтобъ Пруссія отказалась отъ союза съ республикою. Деболи изъ Петербурга писалъ о томъ же, хотя не такимъ рѣшительнымъ тономъ. Приготовивши умы этими извѣстіями, предложили проектъ союза съ Пруссіею. Депутаты — Кублицкій, Нѣмцевичъ и Вейссенгофъ произнесли рѣчи съ сильными выходками противъ Россіи, требуя Прусскаго союза безъ торговаго трактата. Начнетъ кто-нибудь говорить въ другомъ смыслѣ — крики, угрозы заставляютъ его замолчать. Сталъ говорить король, изложилъ подробно, что̀ можно сказать за и что̀ противъ союза, упирая болѣе на то, что не слѣдуетъ раздѣлять двухъ трактатовъ, но кончилъ словами: «Если нація противнаго мнѣнія, то я съ нею соглашаюсь». Раздались рукоплесканія. Адамъ Чарторыйскій говорилъ за союзъ; въ томъ же смыслѣ говорилъ Игнатій Потоцкій, кончившій словами, что ничто не можетъ быть хуже одиночества. Не смотря на всѣ эти рѣчи, по замѣчанію Штакельберга, большинство было бы противъ союза, еслибъ король обнаружилъ больше твердости *).

Слѣдственная коммиссія по дѣлу епископа Виктора окончила свои занятія и 15 марта докладъ былъ прочитанъ сейму: «Съ тѣхъ поръ, говорилось въ этомъ докладѣ, съ тѣхъ

*) Штакельб. Остерману, 7/18 марта.

поръ, какъ Кіевъ пересталъ принадлежать республикѣ и Греки неуніаты вышли изъ-подъ власти Константинопольскаго престола, Россія стала для нихъ вторымъ отечествомъ. Ихъ воспитаніе, ихъ священники, ихъ зависимость отъ новой метрополіи — все съ дѣтства привязывало ихъ къ Россіи. Будучи подданными республики по мѣсту жительства, они тянули къ чужому государству по отношеніямъ нравственнымъ, которыя сильнѣе политическихъ. На области, въ которыхъ они обитали, можно было смотрѣть, какъ на провинціи Россіи». «Поведеніе епископа Виктора докладчикъ описывалъ такъ: «Садковскій, преданный ученикъ епископа Могилевскаго (Конисскаго) былъ главнымъ дѣятелемъ въ этихъ скрытныхъ и ловкихъ движеніяхъ противъ Польши. Мѣсто священника при Русскомъ посольствѣ въ Варшавѣ дало ему возможность вполнѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Захваченныя у него бумаги открываютъ достаточно, съ какою заботливостію старался онъ поражать взоры неуніатовъ польскихъ дѣйствіями благосклоннаго покровительства, оказываемаго имъ Россіею; съ какимъ усердіемъ питалъ онъ въ ихъ сердцахъ тайное отвращеніе ко власти *національной* (!). Почти всѣ священническія мѣста были мало по малу, безъ обращенія вниманія на право прихожанъ, заняты духовными, присланными изъ Россіи. Съ 1783 года являются въ Польшѣ указы русскаго Синода. Садковскій сдѣланъ Слуцкимъ архимандритомъ по рекоммендаціи русскаго посла. Въ Польшѣ распространенъ русскій краткій катехизисъ. Архивъ Садковскаго наполненъ синодскими указами, содержаніе которыхъ составляютъ: празднованія счастливыхъ для имперіи Россійскихъ событій, публичныя молитвы за Императрицу и царствующій домъ, опредѣленіе монаховъ и священниковъ Русскихъ на вакантныя мѣста безъ вѣдома прихожанъ, наконецъ самыя мелочныя распоряженія Петербургскаго Синода. Раппорты Садковскаго о точномъ

исполненіи полученныхъ указовъ и о различныхъ распоряженіяхъ или уже сдѣланныхъ или долженствующихъ сдѣлаться, ясно показываютъ рѣшительное намѣреніе не оставлять ничего *національному* правительству въ дѣлахъ Польскихъ Грековъ неуніатовъ *). По мысли Конисскаго учреждена епископія Слуцкая и епископъ долженъ быть коадъюторомъ митрополита Кіевскаго, чтобъ удобнѣе держать Польскихъ Грековъ неуніатовъ въ подчиненіи Россіи. Садковскій сдѣланъ епископомъ Переяславскимъ и далъ присягу хранить тайну ненарушимо и вѣрно исполнять все ему порученное: никакой потентатъ въ мірѣ и никакое *народное множество* невозмогутъ отвлечь его отъ повиновенія. Со времени посвященія Садковскаго въ епископы число православныхъ церквей въ его епархіи возрасло отъ 94 до 300.»

Докладчикъ вѣрно изобразилъ ходъ дѣла: раздѣленіе западной Россіи отъ восточной въ политическомъ отношеніи подъ двѣ различныя династіи повело въ XV вѣкѣ къ раздѣленію церковному: великій князь Литовскій, владѣвшій западною Россіею, не хотѣлъ, чтобъ духовенство, а чрезъ него и все народонаселеніе послѣдней зависѣло отъ митрополита, жившаго въ Москвѣ, и настоялъ, чтобъ въ Кіевѣ былъ особый митрополитъ; въ XVII вѣкѣ политическое возсоединеніе Кіева съ Москвою необходимо повлекло къ возсоединенію церковному, Кіевскій митрополитъ подчинился Московскому патріарху, а съ уничтоженіемъ патріаршества Синоду, съ этимъ вмѣстѣ Синоду подчинялось и все православное духовенство во владѣніяхъ Польской республики. За все это Поляки могли сердиться на исторію, но не имѣли никакого права обвинять епископа Виктора за то, что онъ повиновался своему начальству, принималъ отъ него приказанія, исполнялъ ихъ и доносилъ объ ихъ исполненіи. Въ этомъ отношеніи докладъ былъ составленъ крайне не-

*) Grecs non unis de Pologne.

добросовѣстно, именно съ цѣлію во чтобы то ни стало обвинить. Епископъ былъ виноватъ въ томъ, что все дѣлалъ по сношенію съ Синодомъ, не давая никакого участія *національному* (!) правительству въ церковныхъ дѣлахъ православнаго исповѣданія: но докладчику прежде всего нужно было объяснить, въ чемъ же должно было выражаться это участіе? Епископъ виноватъ въ томъ, что увеличилъ число церквей? виноватъ въ томъ, что распространялъ русскій катехизисъ? но какой же другой слѣдовало ему распространять? Епископъ присягалъ не повиноваться никакой власти въ мірѣ, если ея приказанія противорѣчили его обязанностямъ въ отношеніи къ церкви, къ церковному правительству: и эта присяга поставлена въ вину!

Обвинить Переяславскаго епископа не было никакой возможности; но понятно, что изложеніе дѣла въ докладѣ должно было сильно раздражить сеймъ, затрогивая самое больное мѣсто: архіерейская присяга сейчасъ же получила политическій смыслъ: архіереи присягаютъ въ повиновеніи русскому Синоду, а нашего правительства клянутся не слушать! въ нѣдрахъ республики находится многочисленный народъ, подчиненный русскому правительству! Потомъ начали читать письма Конисскаго, захваченныя у Виктора, толкуя ихъ все въ одномъ смыслѣ и оканчивая толкованія криками о необходимости Прусскаго союза! Станиславъ Августъ уже совершенно выбился изъ силъ, не могъ болѣе плыть противъ теченія, и объявилъ, что среди такихъ великихъ опасностей надобно спѣшить опереться на Прусскій союзъ. Оборонительный союзъ былъ заключенъ 29 марта 1790: союзныя державы обязались подавать другъ другу помощь войсками, Пруссія выставляетъ 16,000, Польша 12,000 войска, которое, по требованію, могло быть увеличено—со стороны Пруссіи до 30,000, со стороны Польши до 20,000, а въ случаѣ нужды союзники обязывались помогать другъ дру-

гу и всѣми своими силами; никто не долженъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши, и если представленія Пруссіи будутъ недѣйствительны, то она обязана подавать выговоренную помощь. Обѣ державы гарантировали владѣнія другъ друга и отказались отъ всякихъ притязаній.

Относительно Россіи, сеймъ рѣшилъ напечатать обо всѣхъ ея злодѣйствахъ: разсылаетъ синодскіе указы къ архіереямъ, Синоду подвѣдомственнымъ, разсылаетъ катехизисы, и т. п., и сообщить всѣмъ европейскимъ дворамъ. Опредѣлили, чтобъ Польскій министръ въ Константинополѣ уладился съ тамошнимъ патріархомъ на счетъ будущаго церковнаго управленія грековъ неуніатовъ. Маршаламъ велѣно публиковать манифестъ, успокоивающій неуніатовъ относительно свободы ихъ исповѣданія; призвать въ Варшаву двоихъ неуніатовъ и двоихъ диссидентовъ и, сообща съ ними, уладить ихъ церковныя дѣла *).

Константинопольскій патріархъ отклонилъ предложеніе Польскаго правительства взять опять православную церковь въ Польшѣ въ свое завѣдываніе. Тогда начали думать о томъ, какъ бы учредить въ самой Польшѣ консисторію или синодъ для православныхъ; опредѣлили, что если будетъ въ Польшѣ независимый русскій митрополитъ, то дать ему мѣсто въ Сенатѣ **).

Въ это время послѣдовало отозваніе Штакельберга и назначеніе на его мѣсто Булгакова, освобожденнаго изъ еди кула. Потемкинъ настаивалъ на эту перемѣну: онъ и прежде не любилъ Штакельберга по наговорамъ гетмана Браницкаго (женатаго на племянницѣ Потемкина, Энгельгардтъ), а теперь еще больше разсердился на него за неудачу русска-

---

*) Штакельб. Остерману $^{20}/_{31}$ марта.

**) Ашъ Остерману $^{17}/_{28}$ іюля.

го дѣла въ Варшавѣ *). Императрица не раздѣляла раздраженія Потемкина, не обвиняла Штакельберга въ томъ, что онъ не заключилъ союза съ Польшею и позволилъ господствовать прусскому вліянію, она не отзывала его до тѣхъ поръ, пока посолъ дѣйствительно не провинился въ ея глазахъ. Провинился онъ тѣмъ, что поступилъ не такъ какъ слѣдовало въ дѣлѣ епископа Садковскаго **); потомъ испугался и позволилъ себѣ давать совѣты о заключеніи постыднаго мира съ Турками: Екатерина не любила такихъ совѣтовъ, особенно отъ тѣхъ, кого не спрашивала; наконецъ Штакельбергъ позволилъ себѣ, безъ спросу, непосредственно сноситься съ русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, графомъ Нессельродомъ, поручать ему, чтобъ старался узнать мысли тамошняго министерства на счетъ наслѣдства Польскаго престола. Екатерина замѣтила Штакельбергу по этому случаю: «Не могу оставить безъ примѣчанія, чтобъ вы таковыхъ препорученій не дѣлали, ибо помянутый министръ имѣетъ отсюда достаточныя наставленія, какъ и о чемъ говорить съ симъ кабинетомъ, отъ котораго конечно никакого дружественнаго и чистосердечнаго поступка ожидать не можно».

Новый русскій посолъ нашелъ Варшаву въ сильномъ движеніи по поводу предложенія основныхъ перемѣнъ въ правительственной формѣ. Предложеніе ввести наслѣдственное правленіе встрѣтило сильное сопротивленіе; должны были ограничиться предложеніемъ избрать при жизни короля наслѣд-

*) Въ одномъ письмѣ Потемкина къ Императрицѣ находимъ о Штакельбергѣ: «Онъ всюду бьетъ въ набатъ, если бъ онъ не подписалъ своего имени, то я бы могъ его письмо принять за Лукезиніево». Въ другомъ письмѣ: «Изъ неограниченнаго моего усердія говорю, что вреденъ въ Польшѣ Стакельбергъ».

**) Екатерина замѣтила по этому дѣлу: «Il (Штакельбергъ) n'a rien fait de ce qu'on lui a ordonnè, et il a fait tout ce qui lui étoit defendu, oûtre cela il entend tout infiniment mieux que nons autres».

ника престола. Продолжающіяся хлопоты Пруссіи о Данцигѣ и Торнѣ охладили энтузіазмъ Поляковъ къ великодушному союзнику; но при этомъ вражда къ Россіи не уменьшалась: польскій посланникъ въ Константинополѣ, Петръ Потоцкій хлопоталъ о заключеніи союза между республикою и Портою.

Когда Булгаковъ далъ знать въ Петербургъ объ этомъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ, то получилъ слѣдующій наказъ отъ императрицы: *) «Теперь имѣю вамъ предписать не иное что, какъ только чтобъ вы продолжали тихимъ, скромнымъ и ласковымъ обхожденіемъ привлекать къ себѣ умовъ, пока нашъ миръ съ Турками заключенъ будетъ. Друзей нашихъ обнадежьте, что преданность ихъ къ намъ не останется безъ признанія, но къ сему еще время не настало. Рейхенбахскій конгрессъ открылъ глаза многимъ Полякамъ, здернулъ бѣльмо съ очей ослѣпленной публики и въ прочихъ земляхъ, ибо тутъ явно открылось, что ни о чемъ иномъ дѣло не шло, а кромѣ о собственной гордости и барышей того, который вздумалъ сдѣлаться диктаторомъ Европы, и который въ самомъ дѣлѣ лишь только что цѣлитъ на Польскія поссессіи и для того заводитъ ихъ въ хлопоты и отдаленіе отъ насъ, яко державы, которая одна ему препятствуетъ своею неустрашимой твердостію выполнить его намѣренія. Ежели мы могли сіе обдержать посреди Турецкой и Шведской войны, то теперь, когда со Швеціей миръ заключенъ, то у насъ тѣмъ паче къ тому руки развязаны. Польша, заключая союзъ оборонительный и наступательный съ Портою, въ самомъ дѣлѣ сильнѣе не будетъ, понеже слабое и растроенное состояніе Турокъ вамъ довольно извѣстно; но сей химерой лишь сіе отъ насъ стараются отдалить, тогда какъ она болѣе всего можетъ имѣть нужду въ насъ для обезпеченія ея цѣлости. Кто ей словами обѣщалъ Галицію и Молдавію, тотъ ей нынѣ сулить можетъ Кіевъ, Бѣлорусь,

*) Отъ 25 сентября.

Смоленскъ и Москву. Мы бы съ болѣе основанными рѣчами могли имъ обѣщать всю остъ и вестовую Пруссію, ежели бы не почитали за нелѣпу и непристойность сулить и обѣщать чужое и что неподвластно намъ нынѣ, но тридцать лѣтъ назадъ въ нашихъ рукахъ однако завоевано оставалось, а прочее не иначе какъ по заключенной съ ними и съ Вѣнскимъ дворомъ конвенціи занято, по тогдашнимъ неотступнымъ докукамъ теперешнихъ союзниковъ нынѣшняго сейма Польскаго. Что войска рѣчи посполиты подвинулись къ Украйнѣ къ нашей границѣ, сіе намъ извѣстно и наши расположены же кордономъ войска на всякой отпоръ. Пусть король Прусскій сыплетъ деньгами: скорѣе его сокровища изчерпнуты (будутъ), въ чемъ самъ министръ его, пишучи къ своему одному другу, признался такими словами: мы возвратимся въ Берлинъ съ пустымъ кошелькомъ, со страшными вооруженіями по пустому и съ непримиримыми врагами. Понеже надворный маршалъ Потоцкій (Игнатій), не смотря на присягу свою, къ деньгамъ оказался лакомъ: гдѣ полезенъ быть можетъ, вы то къ случаю не оставьте сіе употребить въ нашу и друзей нашихъ пользу. Касательно особы короля Польскаго слабое его поведеніе намъ довольно извѣстно; понеже онъ кромѣ насъ всегда мало имѣлъ подпору, то вы къ нему, какъ и ко всей націи, сохраните все должное уваженіе; если же онъ избѣгаетъ обращенія съ вами, то и вы лишнее не окажите стремленіе приблизиться къ нему. Не умножитъ онъ къ себѣ почтеніе, бравъ со всѣхъ сколько можетъ и бывъ окруженъ Италіанцами, приверженными къ единоземцу своему маркизу Лукезинію. Личное разореніе многихъ изъ сеймующихъ, кои, бросая дѣла, разъѣзжаются, оставляя все въ рукахъ у тѣхъ, кто живетъ прусскими деньгами, и выводимыя ваши изъ того заключенія, что всѣ будутъ падки на деньги, когда кто дороже заплатитъ, суть весьма справедливы; но время еще не наста-

ло, низачто приниматься не надлежитъ, дондеже миръ съ Турками не заключится, а до тѣхъ поръ пусть Поляки чувствуютъ все неистовство своего поведенія и да поживутъ на счетъ короля Прусскаго; кто похочетъ и вы сказать можете, что не деньги, не приказаніе ни имѣется ни на что и совершенно пассивной (будьте) смотритель происходящаго и бдите единственно сохраненіе (о сохраненіи) добраго согласія между нами и республики. Касательно умысла сдѣлать Польскую корону наслѣдною съ удовольствіемъ вижу, что оной обратился счастливо въ ничто. Патріотическій фанатизмъ принудилъ короля стараться о томъ; равномѣрно, не успѣвъ въ одномъ, принялся онъ за другое, и имянно, чтобъ наслѣдникъ былъ выбранъ при его жизни и тотчасъ: но сіе противно законамъ тѣмъ польскимъ, кои гласятъ, что при жизни короля да не изберется король или преемникъ короны. Но каково бы при разосланномъ вопросѣ по провинціямъ — хочетъ ли народъ теперь выбрать наслѣдника? не подѣйствовали прусскія деньги, сей вопросъ самъ по себѣ либо въ послѣдствіи не рѣшится безъ насъ, и тутъ подкрѣпить вамъ надлежитъ сперва мысли тѣхъ, кои сему незаконному выбору найдете противны, они довольно имѣютъ и примѣры до того не допустить, и буде явно будутъ рекламировать подпору и помощь нашу, то непремѣнно дадимъ; желательно было, еслибъ дѣло протянулось до мира, но однако въ приготовленіи умовъ пройти могутъ нѣсколько мѣсяцевъ, а миръ, если Богъ изволитъ, не замѣшкается долѣе заморозы. Не единой изъ кандидатовъ Лукезины нами до Польской короны допущенъ быть не можетъ, понеже по чести и достоинству долженствуемъ держаться статьямъ трактата: да не падетъ выборъ на иного окромѣ Піаста, изъ Піастовъ не на (кого кромѣ) неколебленно привязаннаго къ Россіи. Но теперь казусъ не о выборѣ короля, которой еще здравствуетъ, но о кандидатѣ къ наслѣдію, Прусскимъ ко-

ролемъ Польшѣ даруемомъ: для того либо препятствовать и не допустить сего выбора, либо намъ придетъ изгнать избраннаго, а безъ насъ дѣло не обойдется. Король Станиславъ на обѣщанныя ему деньги для уплаты своихъ долговъ не болѣе класть можетъ надежду, какъ король Шведскій на субсидіи, въ надеждѣ коихъ разорилъ себя и свою землю. Постарайтесь подъ рукою колко можно умы удержать, дондеже получите извѣстіе о заключеніи мира, послѣ котораго тонъ возвысимъ. Приласкайте Поляковъ какъ возможно больше; ежели ихъ видите склонны къ реконфедераціи и къ рекламаціи нашей помощи, то примите то и другое на донесеніе пассивное, а за ними не ходите, и не оказывайте, что намъ сіе нужно либо на сердцѣ лежитъ. Доброжелающимъ, подпору требующимъ, кои разумѣютъ подъ оною какой-нибудь поступокъ (уступку) съ нашей стороны въ пользу Польши, скажите, чтобъ они вамъ открылись явнѣе, въ чемъ оной поступокъ состоять имѣетъ для ихъ пользы. Я мышлю, что въ ихъ дѣлѣ, по злобѣ націи Польской къ Россіи, мѣшаться не должно, дондеже часть націи меня не призоветъ, развѣ откроется впредь случай такой, гдѣ съ пристойностію къ тому приступить могу, котораго не упущу конечно. Съ удовольствіемъ вижу, что гетмана графа Браницкаго расположенія таковы, какъ вы ихъ описываете. Вы не оставьте его племянника и сестру подкрѣпить въ нынѣшнемъ ихъ перемѣнившемъ(ся) образѣ мыслей».

Булгаковъ сообщилъ въ Петербургъ планъ Игнатія Потоцкаго соединить Польшу съ Пруссіею подъ однимъ королемъ *). Императрица отвѣчала: «Когда за нѣсколько лѣтъ у нѣкоторыхъ Поляковъ приходила мысль о соединеніи Россіи съ Польшею, тогда отъ насъ сей планъ оставленъ былъ въ молчаніи, понеже мы взирали на Польшу, яко на державу посереди четырехъ сильнѣйшихъ находящуюся и служа-

*) Депеша 12/23 октября 1790 года.

шую преградою отъ многихъ сосѣдственныхъ раздоровъ. Сію преграду сохранить елико возможно долѣе мы пеклись донынѣ и пещись будемъ; дондеже злостные затѣи враговъ нашихъ и самой Польши насъ не принудятъ перемѣнить наше объ ней благое расположеніе, и всякой благомыслящій Полякъ въ насъ найдетъ слѣдовательно во всякое время защиту свою и отечества его. Таковыя и тому подобныя разсужденія дозволяемъ вамъ употребить и внушать друзьямъ нашимъ».

Планъ Потоцкаго не нашелъ поддержки; гораздо болѣе приверженцевъ имѣлъ курфюрстъ саксонскій. Въ октябрѣ положено было, чтобъ сконфедерованный старый сеймъ оставался въ полномъ составѣ, до тѣхъ поръ пока утвердится новая форма правленія, но число депутатовъ должно быть удвоено новыми выборами. Въ концѣ 1790 и началѣ 1791 года преобразователей одушевляло враждебное положеніе Пруссіи и Англіи относительно Россіи по вопросу о status quo турецкаго мира: ждали войны, въ которой хотѣли принять дѣятельное участіе и между тѣмъ безпрепятственно провести преобразованія. Но вотъ приходитъ страшная вѣсть, что Англо-Прусская коалиція противъ Россіи разстроилась и Польша будетъ предоставлена самой себѣ. Рѣшили не медлить болѣе, и вдругъ провести на сеймѣ новую конституцію: иначе приверженцы старины и Россіи усилятся и помѣшаютъ дѣлу. Игнатій Потоцкій, Піатоли и Коллонтай принялись работать надъ новою конституціею; для проведенія ея къ нимъ присоединились сеймовый маршалъ Станиславъ Малаховскій, братья Чацкіе, Станиславъ Солтыкъ, племянникъ извѣстнаго епископа, Потоцкіе, Чарторыйскіе, Нѣмцевичь, Вейссенгофъ, Мостовскій, Матушевичь, Выбицкій, Забѣлло. Наступала Пасха, приходившаяся въ этотъ годъ 24 апрѣля (новаго стиля). На Пасху многіе депутаты разъѣзжались изъ Варшавы по домамъ и не могли возвра-

титься къ началу засѣданій, т. е. къ Ѳомину понедѣльнику, 2 мая. Хотѣли воспользоваться отсутствіемъ противниковъ, а свои были всѣ тутъ, не разъѣзжались. Вторникъ, 3 мая назначенъ былъ для переворота. Послушаемъ одного изъ очевидцевъ событій знаменитаго дня *).

«На разсвѣтѣ меня будятъ: Панъ! что это въ Варшавѣ дѣлается? войска валятъ къ замку, Краковскимъ предмѣстьемъ! — я вскочилъ съ постели и на улицу: идетъ полкъ, полковникъ знакомый, я къ нему: что это значитъ? — хоть убей не знаю, отвѣчалъ полковникъ: ночью получилъ приказъ выступать.—Идетъ полкъ конной гвардіи, капитанъ знакомый; я къ нему: тотъ же отвѣтъ! Встрѣтилъ еще нѣсколько знакомыхъ: никто ничего не знаетъ; одни говорятъ, что король умеръ, другіе, что бунтъ какой-то. Пустился я къ замку: Краковское предмѣстье залито войскомъ, стоятъ пушки. Тѣснота страшная, булавкѣ негдѣ упасть! а никто не знаетъ, что такое? Здѣсь и тамъ раздавались крики: виватъ круль! Изъ Краковскихъ воротъ показывается густая толпа народу съ криками: виватъ Малаховскій! въ срединѣ несутъ на рукахъ Малаховскаго, маршала сеймоваго, окруженнаго сенаторами и депутатами. Окна сосѣднихъ домовъ унизаны зрителями, машутъ платками, хлопаютъ въ ладоши, кричатъ: «виватъ!» Такъ было на улицѣ; но посмотримъ, что дѣлается въ *Избѣ* (сеймовой залѣ). *Изба* наполнена сенаторами, послами (депутатами), генералами, арбитрами (посторонними посѣтителями), король тутъ. Сеймовый маршалъ Малаховскій открываетъ засѣданіе объявленіемъ, что польскіе министры, находящіеся при разныхъ дворахъ, прислали печальныя вѣсти. Новое несчастіе грозитъ Польшѣ! Станиславъ Солтыкъ трагическимъ тономъ объясняетъ въ чемъ дѣло: «Не только дипломаты, всѣ Поляки, находящіеся за границею, пишутъ согласно, что иностранные дворы го-

*) Pamiętniki Ochockiego, II, 48.

товятъ новый раздѣлъ Польши. Медлить нельзя, мы должны воспользоваться настоящею минутою для спасенія отечества.» Тутъ Сухоржевскій, прежде одинъ изъ самыхъ сильныхъ крикуновъ противъ Россіи, а теперь ставшій поборниковъ старой воли, проситъ позволенія говорить. Ему не даютъ говорить; онъ бросается на колѣна, проползаетъ между ногами предстоящихъ къ трону и умоляющимъ голосомъ проситъ позволенія говорить. Король даетъ ему это позволеніе. Сухоржевскій начинаетъ говорить о заговорѣ противъ свободы, кричитъ, что не хочетъ наслѣдственнаго правленія. Послѣ этой сцены читаются депеши изъ Гаги, изъ Петербурга: сообщаются слухи о раздѣлѣ, о томъ, что миръ съ Турками будетъ заключенъ на счетъ Польши. Дипломаты совѣтуютъ, для избѣжанія удара, торопиться великимъ дѣломъ новой конституціи *). Игнатій Потоцкій обращается къ королю, чтобъ тотъ, въ своей мудрости, указалъ средства спасти отечество. «Мы погибли, отвѣчаетъ король, если долѣе будемъ медлить съ новою конституціею. Проектъ готовъ, и надѣюсь, что его нынче же примутъ; промедлимъ еще двѣ недѣли — и тогда, быть можетъ, уже будетъ поздно.» Читаютъ проектъ:

1) Господствующею признается католическая вѣра; всѣ прочія терпимы; 2) всѣ привилегіи шляхты сохраняются; 3) всѣ города вмѣстѣ имѣютъ право присылать на сеймъ 24 депутата, которые представляютъ желанія своихъ довѣрителей, право же голоса имѣютъ только при разсужденіи о тѣхъ дѣлахъ, которыя непосредственно касаются городскаго сословія; горожане получаютъ право служить въ войскѣ кромѣ національной кавалеріи, которая составляется изъ шляхты; въ духовномъ званіи могутъ быть прелатами и ка-

*) Эссенъ и Гэльсъ утверждаютъ, что депеши были фальшивыя, сфабрикованы въ Варшавѣ.

никами; вмѣстѣ съ шляхтою засѣдаютъ въ коммиссіи полицейской, финансовой и въ ассессорскихъ судахъ, гдѣ рѣшаются въ послѣдней инстанціи споры городовъ и мѣщанъ съ шляхтою. Во всѣхъ этихъ верховныхъ коммиссіяхъ мѣщане имѣютъ голосъ дѣйствительный и рѣшительный по всѣмъ дѣламъ, касающимся городовъ и торговли. Послѣ двухъ лѣтъ службы въ означенныхъ коммиссіяхъ мѣщане возводятся въ шляхетское сословіе, въ военной службѣ они достигаютъ этого по достиженіи капитанскаго чина. Мѣщанинъ можетъ покупать шляхетскія земли и получаетъ чрезъ это шляхетскія права на первомъ сеймѣ. Каждый сеймъ будетъ жаловать шляхетскія права 30 мѣщанамъ, избирая такихъ, которые отличились или на военномъ поприщѣ, или на промышленномъ, отличились устройствомъ мануфактуръ, фабрикъ и предпріятіями полезными для торговли; 4) сохраняются договоры, которые землевладѣльцы заключили съ своими крестьянами или впредь заключатъ. Иностранцы пользуются полною свободою; 5) законодательная власть принадлежитъ сенаторской и посольской избѣ. Каждые два года собирается обыкновенный, каждые двадцать пять лѣтъ конституціонный сеймъ; 6) исполнительная власть принадлежитъ королю и его совѣту, который состоитъ изъ шести министровъ, отвѣтственныхъ предъ націею; король можетъ ихъ назначать и увольнять; онъ долженъ ихъ смѣнить, если двѣ трети сейма того потребуютъ; 7) установляется наслѣдственное правленіе; по смерти царствующаго короля престолъ принадлежитъ нынѣ царствующему курфюрсту Саксонскому, а по немъ его дочери, король и нація изберутъ для нея супруга; 8) конфедераціи и *liberum veto* уничтожаются.

Маршалъ Малаховскій начинаетъ превозносить проектъ: «У насъ передъ глазами два республиканскихъ устройства, говоритъ онъ: Англійское и Американское; нашъ проектъ,

по моему мнѣнію, превосходитъ ихъ оба, и обезпечиваетъ намъ свободу, безопасность и независимость. Умоляю короля принять вмѣстѣ съ нами эту новую конституцію и тѣмъ обезпечить будущее благополучіе Польши.»

Но нѣкоторые депутаты не хотятъ этого благополучія, начинаются горячіе споры. Чтобъ поддержать защитниковъ проекта, король объявляетъ: «Иностранные министры хлопочутъ изо всѣхъ силъ, чтобъ помѣшать принятію новой конституціи; одинъ изъ нихъ признался, что если проектъ пройдетъ, то это повлечетъ за собою большія перемѣны въ европейской политикѣ и они будутъ принуждены почтительнѣе обходиться съ Польшею.» Но споры продолжаются, многіе депутаты не хотятъ сейчасъ же принять проектъ безъ обсужденія; защитники проекта требуютъ отъ короля, чтобъ онъ сейчасъ же присягнулъ на новой конституціи: «всѣ любящіе отечество Поляки послѣдуютъ его примѣру.» Король провозглашаетъ, что всякій, кто любитъ отечество, долженъ быть за проектъ, и спрашиваетъ: «Кто за проектъ, пусть отзовется!» Въ отвѣтъ крики: «Всѣ! всѣ!» Не хотятъ даже допустить вторичнаго чтенія проекта. Арбитры кричатъ: «да здравствуетъ новая конституція!» и заглушаютъ крики: «Nie ma zgody!» (несогласны). Королю подносятъ Евангеліе, и онъ присягаетъ. Засѣданіе кончилось; король встаетъ, чтобъ идти въ костелъ св. Яна, большинство за нимъ; Познаньскій депутатъ Мелжыпскій, противникъ новой конституціи, падаетъ на земь передъ дверями, чтобъ воспрепятствовать выходу, но понапрасну: шагаютъ черезъ него, топчутъ. Около 50 депутатовъ остаются въ избѣ и рѣшаютъ подать протестъ противъ принятія новой конституціи.

Но протеста не принимаютъ въ Городскомъ судѣ. Вся Варшава обхвачена восторгомъ. Въ костелѣ св. Яна присягаютъ на новой конституціи сенаторы и депутаты, послѣ чего отправляется благодарственный молебенъ, воздухъ по-

трясается отъ грома пушекъ и восклицаній многочисленной толпы. 4 числа пріѣзжаетъ въ Варшаву гетманъ Браницкій съ 400 шляхты, хочетъ подать въ Градскомъ судѣ протестъ противъ рѣшенія сейма 3-го мая, но судъ запертъ. 5 мая опять засѣданіе сейма съ восторгами: сеймовый секретарь читаетъ проектъ: такъ какъ теперь всѣ сословія равны передъ закономъ и мѣщанамъ открытъ доступъ до высшихъ чиновъ, то и шляхтѣ дозволяется заниматься торговлею и участвовать въ правахъ городскихъ. Проектъ принятъ съ восторгомъ, безъ разсужденія. Король начинаетъ говорить: исчисливши выгоды для страны отъ новой конституціи, онъ заканчиваетъ словами: «За все претерпѣнное мною въ продолженіе царствованія я награжденъ этимъ восторгомъ и единодушіемъ моего народа.» При этихъ словахъ король заливается слезами; изба потрясается криками: «да здравствуетъ король! да здравствуетъ возлюбленный Станиславъ Августъ! Король съ народомъ, народъ съ королемъ!» По окончаніи засѣданія оба маршала сеймовые, сенаторы, депутаты, арбитры потянулись къ ратушѣ; тамъ Малаховскій, Сапѣга и другіе объявили, что желаютъ вписаться въ число мѣщанъ. Это произвело новый взрывъ восторга; толпа выпрягла лошадей изъ кареты Малаховскаго и привезла на себѣ новаго мѣщанина. На другой день Сапѣга явился на сеймъ въ кожаной лакированной портупеѣ, на которой виднѣлась бляха съ надписью: «король съ народомъ, народъ съ королемъ!» Съ такими же бляхами явилось и нѣсколько депутатовъ Литовскихъ. Не прошло трехъ дней, какъ эти бляхи были уже на большей части жителей Варшавы; золотыхъ и бронзовыхъ дѣлъ мастера, сѣдельники, бросивъ всѣ другія работы, только и дѣлали, что портупеи съ бляхами. Вечеромъ въ Саксонскомъ саду показалось нѣсколько знатныхъ дамъ съ голубыми поясами, на которыхъ черными буквами были выбиты слова: «король съ народомъ, народъ

съ королемъ,» и вотъ всѣ Варшавянки бросились заказывать себѣ такіе же пояса *).

Гетманъ Браницкій не рѣшился плыть противъ теченія и, вмѣстѣ съ другими противниками конституціи 3-го мая, подписалъ ее. Успѣхъ Игнатія Потоцкаго съ товарищами, повидимому, былъ полный. Но, вглядѣвшись внимательнѣе, легко было увидать, что знаменитая реформа была дѣломъ партіи, была проведена заговоромъ. 3 мая присутствовало на сеймѣ не болѣе 157 членовъ, отсутствовало не менѣе 327 **); богатые Варшавскіе мѣщане были за реформу, которая открывала имъ дорогу къ шляхетству, ихъ восторгъ былъ неподдѣльный; но много было также и поддѣльныхъ голосовъ. Многочисленные противники реформы, привыкшіе уступать всякой силѣ, теперь испугались Варшавскихъ восторговъ, и замолкли, но вовсе не отказались отъ своихъ старыхъ убѣжденій и ждали только удобнаго времени, чтобъ подняться, опираясь на какую нибудь внѣшнюю силу. За скорую побѣду ручалось имъ во-первыхъ то, что въ провинціяхъ большинство было враждебно или равнодушно къ реформѣ; во-вторыхъ параличъ государственнаго и народнаго тѣла, которое нельзя было возбудить къ жизни никакими реформами, никакими восторженными криками, портупеями и поясами, къ чему присоединялась еще слабохарактерность короля и между виновниками реформы отсутствіе человѣка съ великими государственными способностями; въ-третьихъ наконецъ, отношенія къ сосѣднимъ державамъ: въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ были употреблены всѣ средства, чтобъ раздражить Россію; раздражили Россію въ угоду Пруссіи, а Пруссію оттолкнули отказомъ уступить ей Данцигъ и Торнъ.

---

*) Pamiętniki Ochockiego II, 56.

**) Депеши Эссена у Herrmann—Geschichte des russischen Staates, VI, 358.

Майскія событія не перемѣнили нисколько политики Петербургскаго двора относительно Польши: «Мы какъ прежде, такъ и теперь останемся спокойными зрителями, до тѣхъ поръ, пока сами Поляки не потребуютъ отъ насъ помощи для возстановленія прежнихъ законовъ республики,» отвѣчала Екатерина на донесенія Булгакова о переворотѣ *). Послѣ событій 3-го мая вниманіе русскаго посла было особенно обращено на Русское дѣло въ Польшѣ. Еще въ ноябрѣ 1790 года Булгаковъ писалъ въ Петербургъ: «Дѣло архіерея Слуцкаго начинаетъ подавать надежду къ доброму концу. Король спрашивалъ коммиссію его судящую, заклиная сказать правду. Главный его непріятель Залѣскій отвѣчалъ, что, по совѣсти говоря, не находитъ въ немъ вины. Приняли намѣреніе выпустить его на волю, если никакое новое обстоятельство не перемѣнитъ ихъ добрыхъ расположеній.» Добрыхъ расположеній не оказалось; епископъ продолжалъ сидѣть подъ стражею. 2 марта 1791 года православные подали сейму просьбу объ установленіи у себя іерархіи и отправлять повсюду свободно всѣ обряды своей религіи. Правительство позволило имъ держать для этого предмета конгрегацію въ Пинскѣ. 15 іюня собрались здѣсь 100 православныхъ депутатовъ, духовныхъ и мірянъ, и въ продолженіе двухъ недѣль держали конференцію, сочиняли проекты объ учрежденіи въ Польшѣ церковной іерархіи, составляли списки церквей и всѣхъ лицъ, исповѣдающихъ греческую вѣру, а 1-го іюля, въ присутствіи присланнаго отъ сейма коммиссара, Сендомирскаго посла Кохановскаго, принесли присягу на вѣрность королю и республики, на повиновеніе и защиту конституцій 3 го и 5-го мая, отрекаясь

*) О своемъ участіи въ событіяхъ Булгаковъ доносилъ: «Сколь ни разглашаютъ, что я издержалъ 60,000 червонныхъ: не издержалъ я ничего, ибо, предвидя все, было бы деньги бросать въ воду.» Булгаковъ императрицѣ 30 апрѣля (11 мая).

отъ всякой заграничной зависимости и сохраняя по духовнымъ только дѣламъ отношенія къ Константинопольскому патріарху, пока республика не учредитъ въ своихъ владѣніяхъ отдѣльной грековосточной іерархіи *).

Когда узнали объ этомъ въ Римѣ, то забили сильную тревогу. Кардиналъ-префектъ *пропаганды* сейчасъ же написалъ мемуаръ изъ трехъ пунктовъ: 1) Неприлично въ католической странѣ давать чуждому исповѣданію тѣ же права, какими пользуется господствующая вѣра. 2) Такой примѣръ очень опасенъ и повлечетъ за собою множество дурныхъ послѣдствій для господствующей религіи, которая будетъ все болѣе и болѣе ослабѣвать, и которую постараются уничтожить окончательно. 3) Не одни религіозныя побужденія, но и политическія причины не позволяютъ давать большихъ правъ въ Польшѣ Грекамъ-диссидентамъ, ибо они каждую минуту могутъ нарушать спокойствіе государства и будутъ орудіями, которыя Россія употребитъ для достиженія своей цѣли, а эта цѣль — порабощеніе Польши, превращеніе ея въ Русскую провинцію.

14 сентября нунцій подалъ королю грамоту отъ своего двора съ представленіями противъ дарованія правъ православнымъ. Король отвѣчалъ, что дѣло зашло слишкомъ далеко и воспрепятствовать ему нельзя тѣмъ болѣе, что затѣяли его лица очень почтенныя, которыя не захотятъ отстать отъ него. Притомъ же, прибавилъ король, мы надѣемся извлечь большую выгоду отъ Пинскаго конгресса, а именно совершенно отвлечь Грековъ отъ Россіи и такимъ образомъ освободиться отъ ея вліянія.—А по моему мнѣнію, отвѣчалъ нунцій, дѣло невозможное отчудить Грековъ отъ Россіи, потому что между ними связь самая крѣпкая, связь религіозная. Они теперь даютъ обѣщанія и клятвы для того только, чтобъ получить извѣстныя выгоды. Пат-

*) Булгаковъ Остерману $^{9}/_{20}$ іюля 1791 г.

ріархъ Константинопольскій на жалованьѣ у Россіи и слѣдовательно будетъ поддерживать всегда между Греками привязанность къ Россіи и отвращеніе къ тѣмъ, которые не одной съ ними вѣры.

Послѣ этого нунцій получилъ изъ Рима такой наказъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что приверженцы новой философіи стараются повсюду, слѣдовательно и здѣсь, распространять ученіе о неограниченной терпимости и смѣшивать такимъ образомъ всѣ религіи, чтобъ не было потомъ ни одной. Нѣтъ сомнѣнія, что проповѣдники новаго ученія настроили и Грековъ предъявить свои требованія. Если уже непремѣнно хотятъ удовлетворить нѣкоторымъ требованіямъ Грековъ, то вы должны соглашаться только на самыя неважныя. Въ крайности можно допустить, чтобъ у нихъ былъ одинъ епископъ и чтобъ все оставалось по старому.»

Такимъ образомъ новые польскіе порядки возбудили сильное негодованіе въ Римѣ. Иначе было въ Вѣнѣ. Здѣсь всѣ взгляды, всѣ отношенія подчинялись одному основному правилу: не давать усиливаться Пруссіи. «Императорскіе дворы, писалъ Кауницъ Люи Кобенцелю въ Петербургъ *), должны выбирать одно изъ двухъ: или противиться утвержденію новаго порядка вещей въ Польшѣ, или разстроить виды Берлинскаго двора, объявивши себя за революцію. Несомнѣнно, что первое изъ этихъ рѣшеній будетъ имѣть необходимымъ слѣдствіемъ тѣсный союзъ между Польшею, Саксоніею и Пруссіею, будетъ содѣйствовать именно тому, чего Берлинскій дворъ можетъ желать болѣе всего въ своей враждѣ къ обѣимъ имперіямъ. Притомъ же настоящія обстоятельства вовсе не благопріятствуютъ такому предпріятію, которое встрѣтитъ всякаго рода препятствія, и успѣхъ будетъ очень сомнителенъ. Напротивъ Австріи и Россіи очень выгодно объявить себя за революцію 3-го мая. Разумѣется

*) 24 мая 1791 года.

въ случаѣ окончательнаго утвержденія новаго порядка вещей въ Польшѣ могутъ встрѣтиться вещи, вовсе не желательныя обоимъ императорскимъ дворамъ; но вѣдь дѣло идетъ объ учрежденіяхъ, для утвержденія которыхъ надобны года и года: Австрія и Россія, продолжая искреннее согласіе во всемъ касающемся ихъ интересовъ, могутъ легко найти средство положить преграду тому, что для нихъ неудобно. Вѣрно одно, что въ настоящую минуту нечего больше дѣлать, какъ отнестись дружелюбно къ послѣднимъ Польскимъ событіямъ, и это особенно необходимо относительно Саксоніи, которой нейтралитетъ такъ полезенъ въ случаѣ войны съ Пруссіею.»

Легко понять, какъ принято было это внушеніе въ Петербургѣ. Объявить себя за революцію 3 мая! Легко было это говорить Кауницу, потому что Австрія не подвергалась въ Польшѣ съ 1788 года постояннымъ, нестерпимымъ для могущественной державы оскорбленіямъ; Австріи не было дѣла до того, что Станиславъ Августъ съ Игнатіемъ Потоцкимъ хотѣли возстановить дѣло Витовта, уничтоженное Московскимъ договоромъ, раздѣлить русскую церковь: но для Россіи это былъ жизненный вопросъ. Первый раздѣлъ Польши, предложенный Пруссіею, представлялся въ Петербургѣ преимущественно раздѣломъ Польши, и потому на него неохотно согласились; но когда въ Варшавѣ вздумали возстановить дѣло Витовта, то вопросъ получилъ для Россіи уже настоящее значеніе: дѣло пошло уже не о раздѣлѣ Польши, а о соединеніи Русскихъ земель. Польша стала грозить раздѣленіемъ Россіи, и Россія должна была поспѣшить политическимъ соединеніемъ предупредить раздѣленіе церковное. Австрія твердила о враждѣ Пруссіи къ обоимъ императорскимъ дворамъ; но императорскій Россійскій дворъ хорошо зналъ, отчего эта недавняя вражда у Пруссіи къ Россіи: оттого, что Россія соединилась съ враждебною для Пруссіи

Австріею; это соединеніе произошло потому, что Австрія согласилась поддерживать виды Россіи относительно Турціи; но Турецкій, Восточный вопросъ терялъ на время свое значеніе, на первомъ планѣ стоялъ вопросъ Польскій, и если Австрія отказывалась тутъ содѣйствовать видамъ Россіи, то надобно было сблизиться съ Пруссіею, которая всегда будетъ въ восторгѣ отъ этого сближенія. Но война Турецкая еще не кончена, и потому не время приступать къ чему-нибудь рѣшительному, надобно отмалчиваться и ждать, когда настанетъ пора говорить и дѣйствовать. А между тѣмъ на западѣ Европы происходятъ явленія, которыя подаютъ надежду, что не нужно будетъ мѣнять союзъ Австрійскій на Прусскій, можно сдѣлать то, что̀ было совершенно немыслимо прежде, остаться въ союзѣ съ Австріею и въ тоже время возобновить союзъ съ Пруссіею и заставить обѣ державы содѣйствовать видамъ Россіи: эту надежду подавали воинственныя движенія революціонной Франціи.

Со вниманіемъ, съ самаго начала слѣдила Екатерина за разгаромъ Французской революціи, указывала на ошибки правительства, неумѣнье пользоваться людьми *), сердилась на слабость Людовика XVI, на его *двуволіе*, не ждала ничего добраго отъ этого, предвидѣла, до какихъ крайностей можетъ дойти движеніе **). Когда эти крайности обнаружились, когда революціонная Франція начала грозить европейскимъ монархіямъ войною и пропагандою своего политическаго ученія, Екатерина громко заговорила о необходимости

*) Записки Храповицкаго, стр. 202: Разговоръ о Франціи: «Со вступленія на престолъ я всегда думала, что ферментація тамъ должна быть; нынѣ не умѣли пользоваться расположеніемъ умовъ: Фаэта, comme un ambitieux, взяла бы къ себѣ и сдѣлала своимъ защитникомъ! Замѣть, что дѣлали здѣсь съ восшествія?»

**) Храповицкій, стр. 206: «Да! ils sont capables de pendre leur roi à la lanterne, c'est affreux». Стр. 209: Изволила мнѣ сказывать, что короля съ фамиліею перевезли на житье въ Тюльери: «il aura le sort de Charles I.»

единодушнаго дѣйствія противъ революціи, охотно приняла предложеніе Австріи и Пруссіи дѣйствовать за одно, сейчасъ же назначила большую сумму денегъ для вспоможенія принцамъ, братьямъ Людовика XVI и эмигрантамъ. Хлопоча о составленіи и поддержаніи коалиціи противъ Франціи, Екатерина имѣла двѣ цѣли: съ одной стороны она считала необходимымъ, для безопасности престоловъ, остановить революціонныя движенія и пропаганду; самымъ лучшимъ средствомъ для этого она считала возбужденіе внутренняго антиреволюціоннаго движенія во Франціи, во главѣ котораго должны были стать принцы, братья королевскіе: они должны были опереться не на иноземныя войска, но на многочисленныхъ Французовъ, не сочувствующихъ революціи, или ея крайностямъ, сосредоточить ихъ около себя, обѣщаніемъ забыть прошлое должны были успокоить противниковъ, однимъ словомъ, дѣйствовать, какъ дѣйствовалъ знаменитый предокъ ихъ Генрихъ IV, успокоившій взволнованную Францію: успѣхъ былъ несомнѣненъ, ибо Франція, по убѣжденію Екатерины, была страна монархическая. Съ другой стороны, возбуждая Швецію, Пруссію и Австрію къ согласному дѣйствію противъ революціонной Франціи, Екатерина хотѣла отвесть вниманіе этихъ державъ отъ востока на западъ, пріобрѣсти этимъ для себя полную свободу дѣйствія, возстановить то блистательное положеніе Россіи, которое имѣла она до 1788 года *).

Густава III Шведскаго легко было отвлечь на западъ:

*) Записки Храповицкаго, стр. 258: «Въ Воскресенье, при разборѣ Московской почты, сказано мнѣ: «Je me*casse la tête, чтобъ подвигнуть Вѣнской и Берлинской дворы въ дѣла Французскія. Прусскій бы пошелъ, но останавливается Вѣнскій». Написали записку къ Вице-Канцлеру: «Они меня нв понимаютъ: ai-je tort? Il y a des raisons, qu'on ne peul pas dire; je veux les engager dans les affaires, pour avoir les coudées franches; у меня много предпріятій неконченныхъ, и надобно, чтобъ они были заняты и мнѣ не помѣшали».

русская императрица представила ему, какую честь, славу и пользу получитъ онъ, принявши начальство надъ войскомъ, которое пойдетъ возстановлять Французскую монархію, по примѣру Густава Адольфа, который спасъ Германію отъ Австріи; Густавъ III тѣмъ болѣе обязанъ это сдѣлать, что Швеція поручилась за Вестфальскій договоръ,нарушенный теперь Франціею, которая измѣнила отношенія Эльзаса къ германской имперіи, выговоренныя въ Вестфальскомъ договорѣ. Труднѣе было убѣдить Германскія государства, Пруссію, и особенно Австрію вступиться за Германскую Имперію; труднѣе было убѣдить императора Леопольда вступиться за свою сестру, Французскую королеву Марію-Антуанету. Императору Леопольду не хотѣлось вмѣшиваться во Французскія дѣла, пока онъ не вывелъ еще окончательно Австрію изъ того затруднительнаго положенія, въ какомъ оставилъ ее Іосифъ, и пока не кончился восточный вопросъ; притомъ Леопольдъ съ радостію думалъ, что революція обезсилитъ Францію, что вслѣдствіе ограниченія королевской власти уже не явится оттуда новый Людовикъ XIV. Если нельзя избѣжать войны съ Франціею въ слѣдствіе задирокъ ея революціоннаго правительства, то, по крайней мѣрѣ, Леопольдъ хотѣлъ вести эту войну не одинъ, а въ союзѣ съ Англіею, Россіею и Пруссіею. Такъ уже Французская революція начала дѣйствовать на перемѣну политической системы, которая сначала условливалась религіозною борьбою и стремленіемъ Габсбургскаго дома, потомъ стремленіями Людовика XIV, далѣе стремленіями Фридриха II Прусскаго, а теперь Французская революція заставляетъ восточную и среднюю Европу соединяться съ Англіею противъ Франціи. Польша погибнетъ при этомъ образованіи новой системы; восточный вопросъ отложится; но система созрѣетъ нескоро, ей будетъ особенно мѣшать соперничество Австріи и Пруссіи; чтобъ она созрѣла нуженъ будетъ Наполеонъ и его гнетъ дъ Европою.

Въ августѣ 1791 года императоръ Леопольдъ имѣлъ свиданіе съ Прусскимъ королемъ въ Пильницѣ. Сюда же явился младшій братъ Людовика XVI, графъ Артуа и передалъ обоимъ государямъ записку, въ которой требовалъ, чтобъ родственники королевы Маріи Антуанеты и государи Бурбонскаго дома протестовали противъ дѣйствій Французскаго національнаго собранія, объявили рѣшенія его недѣйствительными и со стороны короля вынужденными; чтобъ старшій послѣ короля братъ, графъ Прованскій былъ объявленъ регентомъ; чтобъ жители Парижа объявлены были, подъ смертною казнію, отвѣтственными за безопасность королевской фамиліи; чтобъ императоръ, вмѣстѣ съ Пруссіею и Сардиніею, двинулъ войска къ Французскимъ владѣніямъ и позволилъ эмигрантамъ вооружаться въ своихъ владѣніяхъ. Императоръ и король отвѣчали: возстановленіе порядка и монархіи во Франціи вопросъ важный для всей Европы; государи имѣютъ намѣреніе пригласить къ соучастію всѣ державы, и, если онѣ согласятся, то Австрія и Пруссія обѣщаютъ свое дѣятельное вмѣшательство. Но Англія уже объявила, что въ случаѣ разрыва между Австріею и Франціею будетъ содержать строжайшій нейтралитетъ.

Французскіе принцы обратились къ русской императрицѣ; посредникомъ былъ принцъ Нассау-Зигенъ, котораго они ввели въ свой совѣтъ. Екатерина назначила 500,000 рублей на вспоможеніе принцамъ, но писала къ Нассау: *) «Буду хлопотать изо всѣхъ силъ о союзѣ державъ противъ революціонной Франціи, но для успѣха первое и самое существенное условіе состоитъ въ томъ, чтобы принцы полагались гораздо болѣе на самихъ себя и на своихъ многочисленныхъ приверженцевъ Французовъ, чѣмъ на какую нибудь внѣшнюю помощь; пусть установятъ порядокъ и дис-

---

*) 20 сентября 1791.

циплину у себя, пусть господствуютъ между ними любовь и взаимная довѣренность, пусть поддерживаютъ мужество, внушаютъ энтузіазмъ, необходимый для окружающихъ, пусть выбираютъ удобную минуту, и, выбравши, дѣйствуютъ немедленно. Денежныя затрудненія будутъ продолжаться только пока они находятся внѣ границъ Франціи. Я писала къ королю Прусскому, къ императору, къ королю Шведскому, послала убѣдительныя внушенія и къ королевѣ Французской, чтобъ она дѣйствовала за одно съ принцами.»

Екатерина обѣщала хлопотать изо всѣхъ силъ о союзѣ противъ революціонной Франціи; Леопольдъ хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ какъ нибудь отклонить Французскую войну. Его сильно безпокоило молчаніе Россіи относительно Польши, относительно революціи 3 го мая; а тутъ новое сильное безпокойство со стороны Пруссіи: 9 октября Берлинскій дворъ сообщилъ Вѣнскому, что принцесса Оранская, сестра короля Фридриха-Вильгельма II, хочетъ женить втораго сына своего на принцессѣ Курляндской Биронъ, съ тѣмъ, чтобъ Курляндія перешла къ этому принцу. Король писалъ императору, чтобъ тотъ освѣдомился въ Петербургѣ, согласится ли на это Россія?

Въ сильномъ безпокойствѣ о Польскомъ вопросѣ, Кауницъ писалъ Кобенцелю въ Петербургъ: *) «Тяжелый опытъ въ продолженіе слишкомъ столѣтія давалъ чувствовать Европѣ тотъ перевѣсъ, который имѣла Франція подъ неограниченнымъ правленіемъ, благодаря физическому положенію и громаднымъ средствамъ этого государства. Австрія убѣждена, что ничто не можетъ такъ обезпечить ея разсѣянныя и окруженныя могущественными врагами владѣнія, какъ ослабленіе внутреннихъ пружинъ этой грозной монархіи, ослабленіе, которое отвлечетъ ея энергію отъ внѣшнихъ предпріятій. Оба императорскіе двора должны не-

*) 12 ноября 1791.

медленно и откровенно объясниться на счетъ Польскаго дѣла. Еще 23 мая мы сообщили Петербургскому кабинету наши идеи, и просили дать намъ знать объ идеяхъ императрицы. Не разъ Вашему Превосходительству былъ обѣщанъ отвѣтъ. Медленность въ исполненіи этого обѣщанія ставитъ насъ вдвойнѣ въ затруднительное положеніе: во-первыхъ потому, что изъ настоящихъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній республики могутъ выйдти самые невыгодные результаты, если оба императорскіе двора не примутъ сейчасъ же опредѣленнаго рѣшенія. Во-вторыхъ, такъ какъ нашему двору необходимо отвѣчать дворамъ Дрезденскому и Берлинскому благопріятно относительно новой Польской конституціи, то намъ будетъ очень прискорбно, если мы въ этомъ случаѣ, по незнанію, будемъ говорить разное съ нашею союзницею Россіею. У Австріи и Россіи одни виды на счетъ Польши: обѣ должны желать, чтобъ Пруссія не увеличивалась на счетъ Польши, и чтобъ Польша не усиливалась и не стала опасною сосѣдкою, тогда какъ Пруссія желаетъ слабости Польши съ единственною цѣлію распространить свои владѣнія на ея счетъ. Изъ сказаннаго выводятся слѣдующія заключенія: 1) Дальнѣйшій раздѣлъ Польши можетъ быть выгоденъ только одной Пруссіи, значитъ болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ обоимъ императорскимъ дворамъ. 2) Необходимо полагать ограниченія королевской власти въ Польшѣ и вообще поддерживать духъ независимости въ Польской шляхтѣ. 3) Не менѣе однако необходимо въ будущемъ положить конецъ этому крайнему безпорядку: ничто такъ не выгодно для Прусскихъ плановъ, какъ эти частые выборы королей, и легкость, съ какою мѣняются конституціи благодаря страшной неправильности въ управленіи и сеймахъ. 4) Наслѣдственный король Польскій будетъ всегда искреннѣе преданъ обоимъ императорскимъ дворамъ, чѣмъ король избирательный, который никогда не можетъ дѣйство-

вать по одной постоянной системѣ; наслѣдственный король будетъ тщательно охранять цѣлость владѣній республики, взирая на эти владѣнія, какъ на наслѣдство и поддержку своей фамиліи, поэтому будетъ сильнѣе противиться Прусскимъ видамъ, чаще требовать помощи у другихъ своихъ сосѣдей, преимущественно у Россіи, чѣмъ король избирательный, готовый всегда жертвовать владѣніями, которыя по его смерти перейдутъ къ другой фамиліи. Примѣръ показалъ нынѣшній король Польскій, который благопріятствовалъ Прусскому проэкту сдѣлать изъ уступки Данцига статью простаго торговаго трактата. 5) Легче будетъ обоимъ дворамъ императорскимъ препятствовать улучшенію состоянія Польши, ибо и Пруссія никогда не позаботится объ этомъ улучшеніи. 6) Шляхта будетъ сильнѣе противиться дальнѣйшему усиленію королевской власти при королѣ Саксонцѣ или вообще при иностранцѣ, чѣмъ при Пястѣ. 7) Если не дать Польской формѣ правленія бо́льшей твердости, то надобно бояться, чтобъ Французскіе демократическіе принципы не взяли здѣсь верха, что будетъ опасно для сосѣдей. 8) Установленіе наслѣдственности польскаго престола, быть можетъ, представляетъ лучшее средство къ уничтоженію энтузіазма и тщеславія Поляковъ, ихъ желанія существовать самостоятельно, ихъ удаленія отъ всякаго посторонняго вліянія, ихъ страсти къ образованію могущественной арміи, ихъ склонности къ патріотическимъ пожертвованіямъ и значительнымъ субсидіямъ. Оно внесетъ духъ несогласія, породитъ партіи въ этой безпокойной націи по предметамъ внутренняго управленія, особенно усилитъ противодѣйствіе малѣйшему увеличенію государевой власти».

Понятно, что Вѣнскій дворъ не могъ никого убѣдить этими доводами въ Петербургѣ, могъ только раздражить, идя съ такою назойливостію противъ Русскихъ интересовъ. Кобенцель не получилъ и на этотъ разъ никакого отвѣта.

Императрица высказалась передъ своими объ Австрійской нотѣ въ такихъ выраженіяхъ *): «По дѣламъ Французскимъ Вѣнскій дворъ пишетъ и дѣлаетъ такое противорѣчіе, которое ниначто не похоже. Рѣчамъ же императора впредь мало вѣры дать можно. По его доказательству и предложенію мы вошли въ его дѣла: ни противорѣчить, ни перемѣнить наше поведеніе я не нахожу пристойно, еще менѣе плясать по перемѣнчивому Италіанскому макіавелизму, который сдѣлавъ шагъ впередъ, поворачивается назадъ, не смотря на то, теряетъ ли достоинство и пристойность. Положеніе короля Французскаго отчаянное: онъ и члены семейства его—люди мертвые. Очень бы я желала быть дурною пророчицею. Вести переговоры съ бунтовщиками не нужно. Все что можетъ сдѣлать Вѣнскій дворъ самаго благоразумнаго въ пользу короля и королевы Французскихъ—это держать на готовѣ значительный корпусъ войска, который могъ бы войти во Францію въ случаѣ нужды. Надобно согласиться, что планъ Вѣнскаго двора настоящій Австрійскій, планъ прирожденнаго врага Франціи. Императоръ съ королемъ Прусскимъ будутъ владычествовать въ Германіи. Я боюсь ихъ гораздо болѣе, чѣмъ старинную Францію во всемъ ея могуществѣ и новую Францію съ ея нелѣпыми принципами. Поведеніе императора не показываетъ ни благородства въ мысляхъ, ни благородства въ дѣйствіяхъ, ни одной опредѣленной идеи, вездѣ недостатокъ принциповъ и энергіи, и это они называютъ мудростію, благоразуміемъ: поздравляю ихъ съ этимъ, но подражать имъ не хочу. Замѣтьте, что Вѣнскій дворъ всегда старался удалить насъ отъ европейскихъ дѣлъ, исключая случаевъ, когда для собственныхъ цѣлей увлекалъ насъ ко вмѣшательству... Съ теченіемъ времени Французы все болѣе и болѣе будутъ примыкать къ партіи принцевъ, братьевъ королевскихъ,

*) Собственноручная записка Екатерины 4 декабря 1791.

ибо монархическое правленіе есть единственное приличное для Франціи; всегда здѣсь, во всѣхъ возстаніяхъ противъ монархическаго правленія, оно торжествовало напослѣдокъ. Я читаю будущее въ прошедшемъ.»

Относительно Польскаго вопроса Екатерина писала: «У насъ трактаты съ Польшею; трактаты имѣли для насъ всегда священную обязательность, и такъ какъ отъ этого зависитъ безопасность Имперіи со стороны Польши, то у насъ не будетъ другихъ правилъ кромѣ нашихъ трактатовъ. Все что противно нашимъ трактатамъ съ Польшѣю, противно нашему интересу. Заключивъ трактатъ съ республикою, гарантировавъ *pacta conventa* (ограничительныя условія) нынѣшняго короля, нарушенныя конституціею 3-го мая, я не соглашусь ниначто изъ этого новаго порядка вещей, при утвержденіи котораго не только не обратили никакого вниманія на Россію, не осыпали ее оскорбленіями, задирали ее ежеминутно. Но если другіе не хотятъ знать Россіи, то слѣдуетъ ли изъ этого, что и Россія также должна забыть собственные интересы? Я даю знать господамъ членамъ Иностранной Коллегіи, что мы можемъ сдѣлать все, что̀ намъ угодно въ Польшѣ, потому что противорѣчивые полуволи дворовъ Вѣнскаго и Берлинскаго противопоставятъ намъ только кипу писаной бумаги и мы покончимъ наши дѣла сами. Я высказываюсь враждебно только къ тѣмъ, которые хотятъ меня испугать. Екатерина II часто приводила въ трепетъ враговъ своихъ, но не знаю, чтобъ враги Леопольда II когда-нибудь его трусили.»—Когда нѣкоторые совѣтовали составлять Русскую партію въ Польшѣ и дѣлать внушенія сосѣднимъ дворамъ, то Екатерина написала: «А я говорю, чтобъ дворамъ не сказывать ни слова, а партія сыщется всегда, когда нужно будетъ. Нельзя, чтобъ не было людей, кои бы лучше желали старину; тутъ же дѣло идетъ о продажѣ староствъ и о уничтоженіи гетмановъ. Взять ка-

жется тутъ Волынію и Подолію много разныхъ предлоговъ, лишь выбрать»

Наконецъ рѣшительная минута наступила: въ концѣ декабря 1791 года заключенъ былъ у Россіи миръ съ Турками въ Яссахъ, и въ тоже время революціонное Французское правительство своимъ поведеніемъ относительно Германіи заставляло Австрію и Пруссію приняться за оружіе. 7 февраля 1792 года послѣдовало соглашеніе между Австріею и Пруссіею: каждая обязалась выставить отъ 40 до 50,000 войска для войны Французской. *Союзники по неволѣ*, занимаясь дѣлами Франціи, не могли забыть о Польшѣ, и тутъ Леопольдъ, для поддержанія союза, долженъ былъ уступить Пруссіи, которая объявила, что конституція 3-го мая противна ея интересамъ, что союзъ ея съ Польшею 1790 года нисколько ее не обязываетъ относительно новой конституціи. Леопольдъ могъ выговорить только слѣдующій сепаратный артикулъ: «Союзники согласятся и пригласятъ императорскій россійскій дворъ къ соглашенію съ ними въ томъ, что они не посягнутъ на цѣлость владѣній и на свободную конституцію Польши (qu'elles n'entreprendront rien pour alterer l'intégrité et le maintien d'une libre constitution de la Pologne); что они никогда не будутъ стараться посадить на Польскій престолъ одного изъ своихъ принцевъ ни посредствомъ брака на принцессѣ инфантѣ Саксонской, ни въ случаѣ новыхъ выборовъ, и не употребятъ своего вліянія на этихъ выборахъ въ пользу какого-нибудь другаго принца, безъ взаимнаго соглашенія другъ съ другомъ.»

Черезъ 10 дней по заключеніи этого договора, Прусскій посолъ въ Петербургѣ, Гольцъ получилъ слѣдующее внушеніе отъ двора, при которомъ находился: «Среди дружественныхъ сообщеній между дворами Петербургскимъ и Берлинскимъ по поводу дѣлъ Французскихъ, министерство его

величества Прусскаго сдѣлало нѣсколько намековъ и относительно дѣлъ Польскихъ. Ея императорское величество не поколебалась бы отвѣчать на это съ полною довѣренностію; но она сочла за нужное отложить дѣло до окончанія мирныхъ переговоровъ съ Портою. Теперь, когда эта счастливая минута наконецъ наступила, императрица, не теряя времени, пользуется ею, чтобъ изложить свой образъ мыслей относительно событій въ Польшѣ. Если дѣло 3 го мая прошлаго года должно остаться и крѣпнуть, то нѣтъ сомнѣнія, что Польша, въ соединеніи съ Саксоніею и при помощи новой организаціи, сдѣлается опасною или, по крайней мѣрѣ, неудобною сосѣдкою. Правда, что Россія тутъ будетъ обязана только наблюдать за безопасностію своихъ границъ: но Пруссія, кромѣ того, должна имѣть въ виду еще Германію, гдѣ Саксонія, благодаря соединенію своему съ Польшею, непремѣнно усилитъ свое вліяніе и, быть можетъ, получитъ перевѣсъ. Обо всемъ этомъ Россія и Пруссія должны серіозно подумать и согласиться, какъ можно скорѣе на счетъ мѣръ, которыя они должны принять, дабы уладить дѣла соотвѣтственно своимъ интересамъ.»

Алопеусъ давалъ знать, что въ Берлинѣ думаютъ отложить вмѣшательство въ Польскія дѣла до окончанія дѣла Французскихъ. Вице-канцлеръ Остерманъ отвѣчалъ ему (въ февралѣ): «Вразумляйте, что чѣмъ болѣе дадутъ времени новому порядку вещей утверждаться въ Польшѣ, тѣмъ труднѣе будетъ послѣ его искоренять, тогда какъ теперь для этого потребуются очень небольшія усилія, которыя нисколько не могутъ ослабить вооруженій противъ Франціи.

Въ это самое время, когда Австрія своими представленіями, противными самымъ существеннымъ интересамъ и достоинству Россіи, заставила послѣднюю сблизиться съ Пруссіею, умираетъ императоръ Леопольдъ II-й. Наслѣдникъ его Францъ II й сначала хочетъ слѣдовать политикѣ отцов-

ской: опять идетъ изъ Вѣны предложеніе въ Берлинъ—согласиться на введеніе въ Польшѣ наслѣдственнаго правленія, а для безопасности сосѣдямъ отъ новаго соединеннаго Польско-Саксонскаго королевства гарантировать постоянный нейтралитетъ Польши, и выговорить, чтобъ она никогда не имѣла болѣе 40,000 войска. Это предложеніе приводитъ короля Фридриха-Вильгельма въ сильное негодованіе: «Никогда, говоритъ онъ, никогда не соглашусь на это! Для Пруссіи не можетъ быть ничего опаснѣе подобной державы, образованной изъ соединенія Польши и Саксоніи; при ея союзѣ съ Австріею у Пруссіи не будетъ Силезіи, съ Россіею—не будетъ Восточной Пруссіи. Ограниченіе числа войска вздоръ, потому что при первой войнѣ это условіе исчезнетъ само собою.» Но король не хотѣлъ останавливаться на томъ, чтобъ только помѣшать соединенію Польши съ Саксоніею: 12 марта онъ объявилъ своимъ министрамъ, что новый раздѣлъ Польши всего выгоднѣе для Пруссіи, а 20 апрѣля Франція объявила войну Францу II-му, что заставило и Австрію уступить эту выгоду Пруссіи.

Но въ то время, когда судьба Польши рѣшалась въ Петербургѣ, Берлинѣ и Парижѣ, что̀ дѣлалось въ Варшавѣ?

ГЛАВА X.

Въ Варшавѣ все громче и рѣзче высказывались неудовольствія противъ майской конституціи. Самое сильное неудовольствіе возбуждено было мѣрою, предпринятою для увеличенія финансовыхъ средствъ: рѣшено было отобрать

староства *) и продавать ихъ. Двое первостепенныхъ вельможъ стали во главѣ недовольныхъ майскимъ переворотомъ: Феликсъ Потоцкій, генералъ артиллеріи коронной, и Ржевускій, гетманъ польный коронный. Осенью они отправились въ Молдавію къ Потемкину хлопотать о русской помощи; Потемкинъ умеръ; они обратились къ Безбородко, ведшему въ Яссахъ мирные переговоры съ Турціею. Къ нимъ присоединился и великій гетманъ Браницкій, отправившійся въ Россію подъ предлогомъ полученія наслѣдства послѣ Потемкина. По всѣмъ провинціямъ Потоцкій и Ржевускій разослали письма съ обѣщаніемъ помочь націи возвратить ея старыя права и вольности; Ржевускій прислалъ формальный протестъ противъ конституціи 3-го мая, обращенный къ королю и совѣту министровъ (Стражу). Сеймъ отнялъ у Потоцкаго и Ржевускаго ихъ должности; но это нисколько не помогло. Гроза приближалась. Скорый миръ у Россіи съ Турціей былъ несомнителенъ. Польское правительство перетрусилось, какъ нашалившее дитя, почуявъ приближеніе гувернера. Стали кланяться, заискивать у государыни, которую въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ постоянно оскорбляли: въ декабрѣ 1791 года отправили въ Петербургъ, въ очень учтивыхъ выраженіяхъ, увѣдомленіе о переворотѣ 3-го мая, тогда какъ другимъ дворамъ это увѣдомленіе было послано давно, Берлинскому на другой же день, 4 мая. Раздражили Россію въ угоду Пруссіи: такъ, по крайней мѣрѣ, въ Пруссіи найдутъ себѣ защиту отъ Россіи? Обратились къ Пруссіи съ просьбою рѣшительно объясниться на счетъ конституціи 3-го мая и подкрѣпить ее своимъ признаніемъ. Люкезини словесно объявилъ Станиславу Августу отвѣтъ своего государя: «Его Прусское Величество сохранитъ дружбу свою къ республикѣ и намѣренъ исполнять всѣ обязательства, содержащіяся въ трактатѣ союза;

*) Государственныя имущества, раздававшіяся въ пользованіе знати.

но ни мало не будетъ вмѣшиваться въ то, что воспослѣдовало въ Польшѣ послѣ заключенія этого трактата.» Эта декларація сильно встревожила дворъ; а тутъ еще другая причина тревоги: Прусскій король запретилъ своимъ подданнымъ покупать въ Польшѣ староства *).

Наконецъ 17 генваря 1792 года получена была въ Варшавѣ страшная вѣсть о подписаніи въ Яссахъ мира между Россіею и Турціею. Въ тоже время Польскій министръ при Петербургскомъ дворѣ, Деболи доносилъ о своемъ разговорѣ съ вице-канцлеромъ Остерманомъ на счетъ увѣдомленія о майскихъ событіяхъ; Остерманъ сказалъ ему: «Я еще не говорилъ императрицѣ о сдѣланномъ вами сообщеніи, и, признаюсь, у меня едва ли достанетъ смѣлости говорить ей объ этомъ, ибо Поляки слишкомъ долго медлили дать знать сюда о своей новой конституціи, о которой императрица узнала изъ газетъ. Ея И. Величеству нечего вамъ отвѣчать. Польша объявила, что не хочетъ допускать никакой гарантіи, объявила, что хочетъ управляться сама собою безъ вмѣшательства какой бы то ни было державы, слѣдовательно Русскій дворъ не можетъ подать вамъ никакого совѣта.» Деболи прибавлялъ, что Россія, согласясь съ сосѣдними державами, не дастъ благопріятнаго отвѣта, и ожидаетъ только удобной минуты, чтобъ обратить свое оружіе противъ Польши. Это донесеніе такъ поразило короля, что онъ упалъ въ обморокъ. Со всѣхъ сторонъ непріятныя вѣсти: въ Берлинѣ оказываютъ большую холодность; въ Дрезденѣ курфюрстъ вовсе не спѣшитъ принять опасный даръ — наслѣдство Польской короны, дѣлаетъ безконечныя возраженія, выставляетъ формальности; въ Вѣнѣ видимо хитрятъ, покажутъ надежду, которая вдругъ исчезнетъ, ясно одно, что императоръ не отступится отъ союза съ Россіею, и не побѣжитъ за мечтою. Надобно защищаться однимъ, надобно

*) Булгаковъ Остерману $^{15}/_{26}$ генваря 1792 г,

готовиться къ войнѣ: но гдѣ средства, а главное, гдѣ привычка къ такому образу дѣйствія? Военные недовольны, жалуются на приказанія Войсковой Коммиссіи, кричатъ противъ тиранства. Янъ Потоцкій, возвратясь изъ Краснаго Става (подъ Люблиномъ) разсказываетъ о худомъ состояніи войскъ, о ихъ ропотѣ. Князь Іосифъ Понятовскій, назначенный главнокомандующимъ, не хочетъ принять начальства, прежде нежели дадутъ ему все нужное *).

А тутъ еще на рукахъ тяжелое дѣло объ епископѣ Викторѣ и русскихъ священникахъ, обвиненныхъ въ подстрекательствѣ къ бунту. Въ началѣ 1792 года король созвалъ разъѣхавшихся членовъ слѣдственной коммиссіи и приказалъ имъ поспѣшить окончаніемъ дѣла. Опять допрошены были епископъ и священники, и опять ничего нельзя было вывести преступнаго изъ ихъ показаній. Какъ быть? Какой дать оборотъ дѣлу, какъ привязаться къ тому, чтобъ не имѣть въ Польшѣ архіерея, зависящаго отъ Россіи? Оправдать Виктора—значитъ признаться въ сдѣланной ему несправедливости и отнять у себя способъ отдалитъ его отъ епархіи; а осудить, выслать изъ Польши не за что! Сдѣлали запросъ епископу: зачѣмъ онъ въ разныхъ случаяхъ искалъ покровительства Русскаго посла, какъ это оказалось изъ его бумагъ? Викторъ отвѣчалъ, что онъ слѣдовалъ общему обыкновенію, видя, что не только сенаторы и вельможи, но и самъ король находилъ это нужнымъ **).

Между тѣмъ Феликсъ Потоцкій и Ржевускій явились въ Петербургѣ съ просьбою о помощи для возстановленія стараго порядка. Мы видѣли, что уже давно было рѣшено: оставаться въ покоѣ до тѣхъ поръ пока сами Поляки не потребуютъ помощи для возстановленія конституціи, гаранти-

*) Булгаковъ Остерману $^{18}/_{29}$ генваря $^{4}/_{15}$ февраля.

**) Булгаковъ Остерману $^{6}/_{17}$ марта.

рованной Россіею *). 9 марта отправлено было приказаніе Булгакову выйти изъ прежняго недѣятельнаго положенія, обѣщать приверженцамъ старины помощь Россіи. Булгаковъ прислалъ два списка: первый заключалъ имена тѣхъ, на которыхъ уже теперь можно было положиться; здѣсь было 15 сенаторовъ и 36 пословъ сеймовыхъ (депутатовъ); сенаторы были: 1) епископъ Инфляндскій Косаковскій, 2) епископъ Жмудскій Гедройцъ, 3) воевода Сирадскій Валевскій, 4) кастелянъ Троцкій Платеръ, 5) воевода Витепскій Косаковскій, 6) воевода Мазовецкій Малаховскій, 7) воевода Мстиславскій Хоминскій, 8) гетманъ коронный Браницкій, 9) великій канцлеръ коронный Малаховскій, 10) маршалъ надворный коронный Рачинскій, 11) Кастелянъ Войницкій Ожаровскій, 12) кастелянъ Гнѣзенскій Мясковскій, 13) кастелянъ Инфляндскій Косаковскій, 14) кастелянъ Премышльскій князь Антонъ Четвертинскій, 15) кастелянъ Любачевскій Рышевскій.—Второй списокъ заключалъ имена лицъ, которыя, будучи недовольны дѣйствіями сейма, присоединятся къ первымъ, какъ скоро увидятъ хоть малую надежду на успѣхъ; здѣсь было 19 сенаторовъ и 20 пословъ. Булгаковъ писалъ при этомъ, что епископъ Косаковскій, канцлеръ Малаховскій, маршалъ Рачинскій и кастелянъ Ожаровскій могутъ заправлять всѣмъ дѣломъ, на нихъ твердо можно положиться: люди опытные, съ связями и кредитомъ въ Польшѣ и съ самаго начала движенія не переставали отличаться преданностію къ Россіи. Начать ниспроверженіе новой формы правленія въ Варшавѣ было невозможно, по мнѣнію

*) Записки Храповицкаго, 7 марта: разсматривая почту Московскую, сказали, что «устали, никогда столько дѣлъ не было. Да еще пріѣздъ Потоцкаго и Ржевускаго время занимаетъ. Какъ ихъ не принять? Одинъ 30 лѣтъ намъ вѣренъ и преданъ, а другой, изъ непріятеля, по обстоятельствамъ, сдѣлался намъ другъ, потому что Польская республика не можетъ устоять противъ Россіи. По польскимъ дѣламъ есть одинъ изъ самыхъ неблагодарныхъ ... c'est le roi.»

Булгакова: «вся сила, всѣ способы обольщенія, наградъ, обѣщаній, угрозъ, наказаній, однимъ словомъ, казна, войско, суды находятся въ полной зависимости господствующей факціи. При наималѣйшемъ здѣсь покушеніи или сопротивленіи всѣхъ ихъ сомнутъ. Сіе самое заставляетъ всѣхъ недовольныхъ пребывать въ молчаніи до способнаго времени не только здѣсь, но и по провинціямъ, гдѣ ихъ, по моимъ свѣдѣніямъ, весьма много, безъ вступленія въ Польшу сильнаго войска не можно ни къ чему открытымъ образомъ приступить» *).

Деболи продолжалъ извѣщать свое правительство о враждебныхъ намѣреніяхъ Петербургскаго двора и господствующая факція сильно хлопотала объ усиленіи средствъ къ защитѣ: сеймъ все болѣе и болѣе увеличивалъ власть короля, который самъ сбирался командовать войскомъ. Столько лѣтъ толковали о слабости, безхарактерности короля, теперь все забыли, не умѣли вникнуть въ смыслъ этихъ словъ: «Станиславъ-Августъ — диктаторъ! Станиславъ-Августъ — военачальникъ!» Послали занимать деньги въ Голландіи, генераловъ и офицеровъ выписывали изъ Пруссіи. Толковали о самыхъ сильныхъ мѣрахъ: о поголовномъ вооруженіи (посполитое рушеніе), объ освобожденіи крестьянъ. Хотѣли дѣйствовать на Бѣлруссію, на тамошнихъ крестьянъ. Игнатій Потоцкій предложилъ въ Коммиссіи Полиціи перевесть и напечатать на русскомъ языкѣ конституцію 3-го мая и разослать по русской границѣ; въ Вильнѣ печатались прокламаціи для возмущенія русскихъ крестьянъ. Игнатій Потоцкій приходилъ въ восторгъ, что такъ легко исполняются его преобразовательные замыслы, говорилъ: «Поляки такъ добры, что не смотря на ихъ набожность и суевѣріе, я берусь заставить ихъ перемѣнить религію, если это будетъ необходимо.» Иногда впрочемъ эти восторги и самонадѣян-

*) Булгаковъ императрицѣ 31 марта (11 апрѣля) 1792.

ность реформатора смѣнялись грустными размышленіями: новый военачальникъ, Станиславъ-Августъ обнаруживалъ безпокойство, во дворцѣ господствовалъ паническій страхъ. Боялись внутренней немощи, разврата, легкости, съ какою можно было подкупать Поляковъ; боялись ложныхъ братій, которые ждали первой минуты, чтобъ заговорить: «вы навлекли на насъ войну съ вашею прекрасною конституціею, мы жили такъ счастливо и спокойно безъ нея.» Игнатій Потоцкій говорилъ: «Мы не боимся войны, но боимся легкости, съ какою Россія можетъ сдѣлать контръ-революцію, особенно теперь, когда столько недовольныхъ. Религія—готовое орудіе въ рукахъ Русской императрицы, которымъ она можетъ поднять нашихъ Украинскихъ крестьянъ и заставить ихъ биться противъ насъ.» 3-го мая хотѣли праздновать годовщину революціи заложеніемъ церкви во имя *Промысла Божія*; когда узнали, что проповѣдь поручена говорить епископу *) Малиновскому, то прислали ему безымянное письмо, въ которомъ предлагали слѣдующій текстъ для проповѣди изъ книги Бытія: «И сниде Господь видѣти градъ и столпъ, его же созидаша сынове человѣчестіи... И разсѣя ихъ оттуда Господь по лицу всея земли: и престаша зиждуще градъ и столпъ.» Былъ еще другой пророкъ, который восторженнымъ, поэтическимъ языкомъ также предсказывалъ разрушеніе града и столпа: то былъ маркизъ Люкезини: «Громъ гремитъ вдалекѣ, говорилъ онъ: небо омрачается со стороны Борисѳена, гроза приближается и ясность 3-го мая исчезнетъ навсегда» **).

Гроза приблизилась: $^{19}/_{30}$ апрѣля Булгаковъ получилъ отъ своего двора извѣщеніе, что между $^{1}/_{12}$ и $^{10}/_{22}$ мая Русское войско подъ начальствомъ генерала Коховскаго вступитъ въ Польшу; одновременно съ вступленіемъ Русскихъ

*) In partibus infidelium.

**) Булгаковъ императрицѣ $^{12}/_{23}$ апрѣля, $^{6}/_{17}$ мая.

полковъ образуется на границахъ конфедерація для возстановленія стараго порядка вещей, маршаломъ конфедераціи будетъ Феликсъ Потоцкій. Около этого же времени Булгаковъ долженъ подать Польскому правительству декларацію императрицы. Онъ ее подалъ $^{7}/_{18}$ мая. Въ деклараціи говорилось, что честолюбцы, недовольные настоящимъ своимъ положеніемъ представили русскую гарантію, какъ тяжкое и постыдное иго, тогда какъ величайшія государства, между прочимъ Германія, ищутъ подобныхъ гарантій, какъ самаго крѣпкаго основанія для своихъ владѣній и независимости; описывалось съ какими насиліями былъ произведенъ переворотъ 3-го мая; исчислялись оскорбленія, нанесенныя Россіи виновниками переворота: настояли, чтобъ русскія войска и магазины были удалены изъ Польскихъ владѣній; мало того, предъявили притязанія на пошлины при провозѣ чрезъ Днѣстръ запасовъ, которые были закуплены у польскихъ землевладѣльцевъ къ великой выгодѣ послѣднихъ. Подданные императрицы, находившіеся въ Польшѣ по дѣламъ торговымъ, были злостно обвинены въ возбужденіи мѣстныхъ жителей къ бунту, были, подъ этимъ предлогомъ, схвачены и брошены въ тюрьмы; судьи, не находя никакихъ слѣдовъ преступленія, прибѣгли къ пыткамъ, чтобъ вынудить признаніе, и, вынудивши его, приговаривали несчастныхъ къ смертной казни. Жители православнаго греческаго исповѣданія подверглись преслѣдованію. Епископъ Переяславскій, подданный императрицы, не смотря на свой санъ и чистоту нравовъ, былъ схваченъ и отвезенъ въ Варшаву, гдѣ и теперь находится въ тяжкомъ заключеніи. Народное право не было соблюдено и въ отношеніи къ послу императрицы: солдаты вторглись въ его домовую церковь и схватили священника. Отправили чрезвычайное посольство въ Турцію, находившуюся въ открытой войнѣ съ Россіею, чтобъ предложить ей союзъ противъ Россіи. Въ сеймовыхъ

рѣчахъ не сохранено надлежащаго уваженія къ особѣ императрицы. Эти оскорбленія, не считая опущенныхъ для краткости, могутъ вполнѣ оправдать предъ Богомъ и государствами самое сильное возмездіе. Но императрица не хочетъ смѣшивать всего Польскаго народа съ извѣстною его частію. Большое число Поляковъ, знаменитыхъ происхожденіемъ, саномъ и личными достоинствами, составили законную конфедерацію противъ незаконной Варшавской и прибѣгли съ просьбою о помощи къ императрицѣ, которая сочла себя обязанною трактатами подать имъ эту помощь и приказала части войскъ своихъ войти во владѣнія республики. Они являются друзьями, чтобъ содѣйствовать возстановленію старинныхъ правъ и вольностей Польскихъ. Тѣ, которые примутъ ихъ въ этомъ значеніи, получатъ, кромѣ совершеннаго забвенія прошедшаго, всякаго рода помощь и безопасность, какъ для себя лично, такъ и для имуществъ своихъ *).

Декларація произвела сильное волненіе. Немедленно созванъ былъ *стражъ* (совѣтъ министровъ), черезъ день декларацію прочли на сеймѣ; король говорилъ рѣчь: «Вы видите, господа, съ какимъ презрѣніемъ въ этомъ актѣ отзываются не только о вашемъ дѣлѣ 3-го мая, но и обо всѣхъ вашихъ прежнихъ постановленіяхъ. Вы видите усилія, съ какими хотятъ разрушить до основанія власть и самое существованіе настоящаго сейма, уничтожить въ тоже время всю нашу независимость. Вы видите, что наши соотечественники, которые противятся волѣ и благу отечества, получили открыто помощь; вы видите наконецъ, что цѣлой націи дѣлаютъ самыя гордыя угрозы, а чрезъ это видите явное наступательное движеніе на насъ со стороны Россіи. Вы видите, что мы, съ своей стороны, должны необходимо

*) Recueil des traités, conventions et actes diplomatiqus concernant la Pologne, par le comte d'Angeberg, p. 274.

позаботиться о всѣхъ возможныхъ средствахъ для защиты и спасенія отечества. Средства эти двухъ родовъ: средства перваго рода заключаютъ въ себѣ все то, къ чему могутъ побудить храбрость и отвага; все что вы постановите въ этомъ отношеніи, я одобрю, мало того, явлюсь лично всюду, гдѣ мое присутствіе будетъ полезно или для приданія духу въ опасностяхъ, или для лучшаго направленія вашихъ силъ. Втораго рода средства для нашего спасенія заключены въ негоціяціяхъ. Прежде всего мы должны обратиться къ нашему союзнику, королю Прусскому. Вспомните, что съ самаго начала настоящаго сейма, всѣ самыя важныя распоряженія ваши были предприняты по внушенію и совѣтамъ его прусскаго величества, именно, наше освобожденіе отъ русской гарантіи, посольство въ Турцію, выводъ изъ нашихъ владѣній магазиновъ и войскъ русскихъ; тотъ же нашъ великодушный сосѣдъ выразилъ желаніе, чтобъ мы учредили у себя твердое правительство, на основаніи котораго онъ хотѣлъ упрочить свой союзъ съ нами; вслѣдствіе этого союза торжественно обѣщалъ намъ сначала посредничество (bona officia), а потомъ и дѣйствительную помощь, въ случаѣ если посредничество не приведетъ къ желанному результату, не прикроетъ нашей независимости и нашихъ границъ». Въ заключеніе рѣчи король изъявилъ надежду, что и русская императрица, узнавши лучше истину, затемненную Феликсомъ Потоцкимъ съ товарищами, откажется отъ своихъ враждебныхъ намѣреній *).

Принялись за средства перваго рода: удвоили всѣ подати, платимыя въ казну, что могло увеличить доходы до 18 милліоновъ; приняли проектъ универсала къ народу съ изложеніемъ нынѣшнихъ обстоятельствъ и причинъ, почему сеймъ продолжается на неопредѣленное время; учрежденъ чрезвычайный сеймовый судъ изъ пяти человѣкъ; дана

*) Булгаковъ Остерману $^{12}/_{23}$ мая.

власть королю распоряжаться всеобщимъ вооруженіемъ въ каждомъ воеводствѣ и повѣтѣ, когда увидитъ въ томъ надобность; дано королю два милліона злотыхъ на столъ и на приготовленія къ походу. Депутація, разсматривавшая дѣло о мнимыхъ бунтахъ православнаго народонаселенія, читала свой докладъ и мнѣніе: положено епископа Переяславскаго и игумна держать до дальнѣйшаго времени, а двоихъ другихъ захваченныхъ выпустить *). 13 мая по всей Варшавѣ по улицамъ прибито было печатное объявленіе, неизвѣстно отъ кого, приглашавшее рѣзать всякаго, кто говорилъ, писалъ, противился или впередъ будетъ это дѣлать противъ конституціи 3-го мая, съ обѣщаніемъ награды всякому такому убійцѣ. Полиція сорвала объявленія. Разставленные повсюду шпіоны и угрозы тѣмъ, кто отважится бывать у русскаго посла, прервали сообщенія Булгакова съ цѣлымъ городомъ, такъ что онъ писалъ: «Теперешняя моя жизнь походитъ совершенно на едикульскую.» Послано приказаніе жечь хлѣбныя скирды повсюду, гдѣ пойдутъ русскія войска **).

Въ то же время было употреблено и средство втораго рода: обратились къ великодушному союзнику, королю Прусскому. Мы уже видѣли, какой вѣтеръ подулъ въ Берлинѣ съ начала весны. Шуленбургъ, завѣдывавшій внѣшними сношеніями Пруссіи, 24 апрѣля пригласилъ къ себѣ Алопеуса, и началъ его увѣрять, что король никоимъ образомъ не будетъ препятствовать дѣйствіямъ ея императорскаго величества въ Польшѣ; желательно одно, чтобъ въ Петербургѣ вошли въ подробности на счетъ того, что̀ намѣрены дѣлать, открылись искренне, потому что тутъ множество предметовъ, заслуживающихъ внимательнаго обсужденія; возстановить въ Польшѣ совершенно старый порядокъ трудно,

*) Булгаковъ Остерману $^{19}/_{30}$ мая.

**) Булгаковъ Остерману $^{15}/_{26}$ мая.

чтобъ не сказать, невозможно. Взиманіе налоговъ, напримѣръ, совершенно перемѣнило прежній характеръ: вся шляхта согласилась платить наравнѣ съ остальнымъ народонаселеніемъ. Необходимо сосѣднимъ державамъ условиться, какъ дѣйствовать въ томъ случаѣ, если Поляки рѣшатся на отчаянныя средства, напримѣръ, вздумаютъ отдаться одному изъ сосѣдей, на что, разумѣется, другіе сосѣди никакъ не могутъ согласиться *).

Алопеусъ доносилъ **) о сильной тревогѣ въ Берлинѣ, когда узнали, что русскія войска готовы вступить въ Польшу, а между тѣмъ не послѣдовало никакого соглашенія между сосѣдними державами. Министры англійскій и голландскій начали сильно кричать противъ властолюбивыхъ намѣреній Россіи. Вѣнскій дворъ, негодуя на сближеніе Россіи съ Пруссіею, былъ также не прочь понапугать Фридриха Вильгельма II-го. «Но я отвѣчаю, писалъ Алопеусъ, что все это неповедетъ ни къ чему, если мы подкрѣпимъ графа Шуленбурга. Онъ преданъ Россіи по принципу и по убѣжденію. Онъ даже вотъ что мнѣ сказалъ: «Было бы очень хорошо, еслибъ вашъ дворъ изъявилъ желаніе, чтобъ для заключенія союза отправленъ былъ въ Петербургъ Бишофсвердеръ: польщенный этимъ порученіемъ и обласканный у васъ, онъ сдѣлается вашимъ.» Придумали средство подойти поближе къ цѣли: Шуленбургъ сказалъ Алопеусу: «Я буду писать къ графу Гольцу, что со всѣхъ сторонъ намъ даютъ знать, будто императрица хочетъ соединить дѣла польскія съ французскими; я не понимаю, что̀ это значитъ, и потому пусть графъ Гольцъ попроситъ у вашего вице-канцлера объясненій» ***).

Въ это самое время, когда въ Берлинѣ хотѣли соединить

*) Алопеусъ Остерману 24 апрѣля (5 мая).

**) Алопеусъ Безбородку 27 апрѣля (8 мая).

***) Алопеусъ Остерману $^{8}/_{19}$ мая.

дѣла польскія съ французскими, т. е. за французскую войну получить вознагражденіе на счетъ Польши и послали въ Петербургъ предложить эту мысль, какъ будто идущую изъ Петербурга,—въ это самое время пріѣзжаетъ въ Берлинъ Игнатій Потоцкій съ письмомъ отъ своего короля къ великодушному союзнику. Станиславъ Августъ писалъ: «Я пишу въ то время, когда все налагаетъ на меня обязанность защищать независимость и владѣнія Польши. Тѣ и другія подверглись нападенію со стороны ея величества, императрицы Россійской. Если союзъ, существующій между вашимъ величествомъ и Польшею даетъ право обратиться къ вамъ за помощію, то мнѣ существенно важно знать, какимъ образомъ вашему величеству угодно будетъ исполнить свои обязательства. Положительныя свѣдѣнія о чувствахъ вашего величества также необходимы для моего поведенія, какъ необходимы ваши войска для моихъ успѣховъ. Среди безпокойствъ и страданій я утѣшаюсь тѣмъ, что стою за святое дѣло и опираюсь на союзника, самаго почтеннаго и самаго вѣрнаго въ глазахъ современниковъ и потомства.»

Потоцкій привезъ слѣдующій отвѣтъ отъ вѣрнаго союзника: «Изъ письма вашего величества съ сожалѣніемъ вижу тѣ затрудненія, въ какія теперь поставлена республика Польская; но скажу откровенно, что ихъ легко было предвидѣть послѣ того, что̀ произошло въ Польшѣ годъ тому назадъ. Вспомните ваше величество, что не одинъ разъ маркизу Люкезини поручаемо было передавать вамъ мои справедливыя опасенія на этотъ счетъ. Съ той минуты, какъ возстановленіе общаго спокойствія въ Европѣ позволяло мнѣ объясниться и съ тѣхъ поръ, какъ императрица Россійская обнаружила рѣшительно свою враждебность къ новому порядку вещей, установленному революціею 3-го мая, мой образъ мыслей и языкъ моихъ министровъ никогда не измѣнялись, и, взирая спокойнымъ окомъ на новую консти-

туцію, которую дала себѣ республика, безъ моего вѣдома и содѣйствія, я никогда не думалъ ее поддерживать или ей покровительствовать. Напротивъ я предсказывалъ, что угрожающія мѣры и военныя приготовленія, къ которымъ не переставалъ прибѣгать сеймъ, непремѣнно вызовутъ враждебное чувство со стороны императрицы Россійской и навлекутъ на Польшу бѣдствія, которыхъ думали избѣгнуть. Не будь этой новой правительственной формы, не выкажи республика усилій для ея поддержанія,—Русскій дворъ не рѣшился бы на тѣ сильныя мѣры, которыя онъ теперь приводитъ въ исполненіе. Какова бы ни была дружба, питаемая мною къ вашему величеству и участіе, принимаемое мною во всемъ, до него касающемся, оно пойметъ само, что въ слѣдствіе совершенной перемѣны дѣлъ со времени заключенія союза между мною и республикою, и вслѣдствіе настоящихъ отношеній, созданныхъ конституціею 3 го мая, и неприложимыхъ къ обязательствамъ, въ трактатѣ постановленнымъ, отъ меня не зависитъ удовлетворить ожиданіямъ вашего величества, если намѣренія патріотической партіи остаются тѣ же самыя, и если она непремѣнно хочетъ поддержать свое созданіе. Но если она захочетъ возвратиться назадъ, обращая вниманіе на затрудненія, возникающія со всѣхъ сторонъ, то я буду готовъ снестись съ императрицею и съ Вѣнскимъ дворомъ, постараюсь примирить различные интересы и согласить относительно мѣръ, могущихъ возвратить Польшѣ спокойствіе.»

Патріотическая партія не захотѣла возвращаться назадъ, разрушать собственное созданіе, она попыталась безъ союзника помѣряться съ Россіею. Польша могла выставить въ поле не болѣе 45,000 войска, большая часть котораго находилась на Украйнѣ подъ начальствомъ племянника королевскаго, князя Іосифа Понятовскаго, находившагося прежде въ австрійской службѣ и начавшаго свое военное

поприще въ послѣдней войнѣ Австрійцевъ съ Турками; второстепенными вождями при немъ были: Михаилъ Віельгорскій и Өаддей Косцюшко, который воспитывался въ Варшавскомъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ былъ во французской и американской службѣ. Другая, меньшая часть польской арміи находилась въ Литвѣ подъ начальствомъ генерала Юдицкаго. Русскія войска, въ числѣ около 100,000, должны были войти въ польскія владѣнія съ трехъ сторонъ, съ юга, востока и сѣвера. Южная армія, закаленная въ Турецкой войнѣ, двигалась изъ Бессарабіи подъ начальствомъ генерала Коховскаго. Тотчасъ по вступленіи ея въ польскія владѣнія, въ маленькомъ украинномъ городкѣ Тарговицѣ образовалась конфедерація для возстановленія стараго порядка вещей; Феликсъ Потоцкій былъ провозглашенъ ея генеральнымъ маршаломъ, Браницкій и Ржевускій совѣтниками; къ нимъ присоединились Антонъ Четвертинскій, Юрій Віельгорскій, Мошинскій, Сухоржевскій (знаменитый сначала своими выходками протимъ Россіи на сеймѣ, а потомъ своимъ сопротивленіемъ конституціи 3-го мая), Злотницкій, Загорскій, Кобылецкій, Швейковскій и Гулевичь. Война состояла въ томъ, что польскія войска постоянно отступали передъ русскими. Значительная битва была въ началѣ іюня при деревнѣ Деревичи, недалеко отъ Любара, гдѣ потерпѣлъ пораженіе Віельгорскій. Второй упорный бой былъ при Зеленцѣ (недалеко отъ Полоннаго): здѣсь генералъ Марковъ, не смотря на превосходное число непріятеля, удержалъ поле сраженія. Въ Литву Русскія войска вступили подъ начальствомъ генерала Кречетникова, и не встрѣчали сопротивленія; 31 мая занята была Вильна, гдѣ съ торжествомъ была провозглашена Литовская конфедерація для возстановленія старины; 25 іюня былъ занятъ Гродно, а на другой день, 26 Коховскій занялъ Владиміръ Волынскій; въ началѣ іюля перешелъ онъ Бугъ и выбилъ Косцюшко

изъ неприступнаго положенія его при Дубенкѣ (или Уханкѣ), между Бугомъ и Австрійскою границею.

Это было послѣднее дѣло. Въ Варшавѣ давно уже увидали, что дѣло проиграно, и спѣшили просить прощенія у Россіи. 7 іюля ночью пріѣхалъ къ Булгакову Литовскій вице-канцлеръ Хрептовичь отъ имени короля просить о перемиріи. Булгаковъ отвѣчалъ: «Перемиріе отъ меня не зависитъ и мѣста имѣть не можетъ прежде, нежели здѣсь совершенно во всемъ прежнемъ раскаются, поданную мною декларацію примутъ за основаніе всему, чистосердечно и съ доброю вѣрою прибѣгнуть къ великодущію ея императорскаго величества.» Хрептовичь объявилъ, что сейчасъ же отправляются къ князю Понятовскому два королевскіе адъютанта съ приказаніемъ отступать для избѣжанія сраженій и предложить Русскому главнокомандующему перемиріе. Наконецъ Хрептовичь признался, что присланъ къ Булгакову за совѣтомъ, что̀ имъ дѣлать? Посолъ отвѣчалъ: «Я не могу въ формальныя переговоры вступить иначе, какъ въ смыслѣ деклараціи, которую прежде всего надлежитъ вамъ принять за основаніе; а ежели хотите имѣть ко мнѣ довѣренность, то единый совѣтъ могу вамъ дать тотъ, чтобы прибѣгнули, не теряя времени, къ великодушію ея императорскаго величества; но и въ этомъ случаѣ нужны нелицемѣрное чистосердечіе и добрая вѣра, безъ которыхъ ничто прочно быть не можетъ.» Хрептовичь объявилъ, что не только король, но и маршалъ Малаховскій, Коллонтай и другіе главные зачинщики зла согласны прибѣгнуть къ великодушію императрицы: «Мы сами всѣ видимъ, говорилъ Хрептовичь, что нѣтъ другаго для насъ спасенія, какъ я всегда это твердилъ, предсказывалъ и подвергался за то злобѣ и гоненію. Намѣреніе и желаніе короля и всѣхъ истинно любящихъ отечество Поляковъ есть: предложить Польскій тронъ съ наслѣдствомъ для великаго князя Кон-

стинтина Павловича, съ просьбою къ ея императорскому величеству учредить новое и прочное правленіе для Польши. Ежели это предложеніе не будетъ соотвѣтственно желаніямъ ея императорскаго величества или встрѣтитъ какія политическія неудобства, мы удовольствуемся и тѣмъ, чтобы соблаговолили выбрать намъ государя при нынѣшнемъ королѣ, кого заблагоразсудить изволятъ. Ежели и это ея императорское величество отвергнетъ, то просимъ заключить союзъ съ Польшею вѣчный или временный на какомъ угодно основаніи. Ежели и это не удостоится высочайшей аппробаціи, то просимъ поправить нашу форму правленія, выбросить изъ нея то, что неугодно, внести что угодно. Наконецъ, ежели и это не понравится, то предаемся неограниченно волѣ ея императорскаго величества и желаемъ, чтобъ Польша и Россія составляли впредь, такъ сказать, единый народъ.» Булгаковъ отвѣчалъ: «Вотъ это всего лучше, и надобно составить новый сеймъ съ помощію начавшейся новой генеральной конфедераціи.» Хрептовичь прервалъ его: «Этого-то мы и боимся: кто будетъ въ новомъ сеймѣ? все тѣ же Поляки, тѣ же вражды, тѣ же злобы, тѣ же мщенія, то же легкомысліе, безразсудность, несообразность, личность, собственный интересъ. Они слѣдовательно могутъ надѣлать конституцій еще нынѣшней хуже, и для избѣжанія этого желаемъ мы, чтобъ ея императорское величество соблаговолила сама поправить форму правленія и намъ ее дать готовую.»—«Опасаться нечего, отвѣчалъ Булгаковъ: конфедерація составлена подъ покровительствомъ и съ помощію ея императорскаго величества, слѣдовательно надлежитъ надѣяться, что не выступитъ изъ предѣловъ, которые сама себѣ предписала; впрочемъ Россійскій здѣсь министръ будетъ имѣть за нею смотрѣніе и не попуститъ, чтобъ будущій сеймъ уподобился нынѣшнему. Чрезвычайно было бы полезно, еслибы его величество препроводилъ всѣ

эти предложенія письмомъ къ ея императорскому величеству, не краснословіемъ, но искренностію наполненнымъ.»

10 числа Хрептовичь привезъ къ Булгакову письмо королевское къ императрицѣ, запечатанное, копію съ него и записку, содержащую предложенія; но все это было очень кратко, темно и поверхностно; Булгаковъ сказалъ Хрептовичу на отрѣзъ, что эти бумаги не заключаютъ въ себѣ того, что было условлено, и потому не могутъ произвести дѣйствія, какого ожидаетъ отъ нихъ король. Все это было перепутано, какъ выражается Булгаковъ, Игнатіемъ Потоцкимъ, который хотя и согласился на то, чтобъ король вошелъ въ сношенія съ императрицею, однако совѣтовалъ не забывать достоинства республики и равенства ея съ другими державами, которое они, Потоцкій съ товарищами, ей доставили. Увидавъ неудовольствіе посла, Хрептовичь тотчасъ объявилъ, что король перемѣнитъ письмо, какъ будетъ угодно Булгакову.—«Я совѣтую держаться того, какъ мы съ вами условились,» отвѣчалъ Булгаковъ. Хрептовичь уѣхалъ и чрезъ нѣсколько часовъ возвратился съ черновымъ совершенно новымъ письмомъ. Булгаковъ сдѣлалъ на него нѣкоторыя примѣчанія, Хрептовичь поправилъ отмѣченныя мѣста, и на другой день прислалъ пакетъ съ копіею, прося переслать письмо къ императрицѣ съ своими представленіями о настоящемъ положеніи Польскаго правительства и о чистосердечномъ намѣреніи короля искать спасенія только въ покровительствѣ императрицы. Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Я объяснюсь откровенно, потому что пишу къ Вамъ. Удостойте прочесть мое письмо благосклонно и безъ предубѣжденія. Вамъ нужно имѣть вліяніе въ Польшѣ, вамъ нужно безпрепятственно проводить чрезъ нее свои войска всякій разъ, какъ Вамъ угодно будетъ заняться или Турками, или Европою. Намъ нужно освободиться отъ безпре-

станныхъ революцій, къ которымъ подаетъ поводъ каждое междуцарствіе, когда всѣ сосѣди вмѣшиваются въ наши дѣла, вооружая насъ самихъ другъ противъ друга. Сверхъ того намъ нужно внутреннее правленіе болѣе правильное, чѣмъ прежде. Теперь удобная минута согласить все это. Дайте мнѣ въ наслѣдники своего внука, Великаго Князя Константина; пусть вѣчный союзъ соединитъ обѣ страны; заключимъ и торговый договоръ взаимно полезный. Сеймъ далъ мнѣ власть заключить перемиріе, но не окончательный миръ. Поэтому я умоляю Васъ согласиться на это перемиріе какъ можно скорѣе, и я Вамъ отвѣчаю за остальное, если Вы мнѣ дадите время и средства. Здѣсь теперь произошла такая перемѣна въ образѣ мыслей, что предложенія мои, Вамъ сдѣланныя, принимаются, быть можетъ, съ бо̀льшимъ энтузіазмомъ, чѣмъ все совершенное на этомъ сеймѣ. Но я не долженъ отъ Васъ скрыть, что если Вы настойчиво потребуете всего того, что содержитъ Ваша декларація, то не во власти моей будетъ совершить все то, чего я такъ желаю. Еще разъ умоляю Васъ, не отвергайте моей просьбы, дайте намъ поскорѣе перемиріе, и смѣю повторить, что все, предложенное мною будетъ принято и исполнено націею, если только Вы удостоите одобрить средства, мною предложенныя.»

Отправляя въ Петербургъ королевское письмо, Булгаковъ доносилъ: «Перемѣна мыслей въ самыхъ запальчивыхъ головахъ велика. Всѣ теперь кричатъ, что надлежитъ къ Россіи прибѣгнуть, всѣ вопіютъ на короля Прусскаго, всѣ почти упрекаютъ Потоцкихъ и другихъ начальниковъ факціи, что погубили они Польшу, а сіи извиняются тѣмъ, что хотѣли сдѣлать добро, что обстоятельства тому воспротивились и что Прусскій король измѣнилъ» *).

Но *факція* обнаруживала еще свое существованіе, хотя въ предсмертныхъ, судорожныхъ движеніяхъ: Переяслав-

*) Булгаковъ императрицѣ 11/22 іюня.

скаго епископа Виктора отправили съ конвоемъ въ Ченстоховъ, для содержанія въ тамошней крѣпости. Разглашали, что Англичане и Французы возбудили Порту опять начать войну съ Россіею, что Турки взяли уже Очаковъ, что 50,000 Татаръ вошли въ Русскія границы. Появилось печатное сочиненіе, побуждающее короля ко всеобщему вооруженію (посполитому рушенію). Король, понуждаемый Игнатіемъ Потоцкимъ съ товарищами, выдалъ универсалъ по всѣмъ цивильно-войсковымъ коммиссіямъ, чтобъ высылали въ лагерь, собранный подъ Варшавою, шляхту, вписавшуюся въ реестры на защиту государства, чтобъ снабдили всѣмъ нужнымъ начальниковъ надъ такими охотниками, и увѣщевали остальную шляхту приниматься за оружіе. Но большинство мало ожидало пользы отъ этого замаскированнаго посполитаго рушенія, если бы даже оно и состоялось: двѣ трети Польши заняты были уже русскими войсками, время упущено къ созванію шляхты и не принято никакихъ мѣръ къ ея прокормленію. У театра приклеили сатиру на лагерь подъ Варшавою: «Антрепренеры національной защиты будутъ имѣть честь дать печальной публикѣ представленіе новой оригинальной комедіи, сочиненной Варшавскимъ военнымъ совѣтомъ, подъ заглавіемъ: «Экспедиція противъ комаровъ или смѣхотворный лагерь за Прагою;» за тѣмъ непосредственно актеры нѣмецкіе и русскіе дадутъ большую трагедію подъ заглавіемъ: «Разрушеніе Польши.» Такъ какъ послѣдняя пьеса стоитъ казнѣ около 20 милліоновъ, то входъ для публики безплатный.»

Между тѣмъ Хрептовичь продолжалъ ѣздить къ Булгакову и спрашивать у него совѣтовъ; между прочимъ онъ сказалъ, что король намѣренъ собрать сеймъ, представить ему положеніе дѣлъ и распустить его. Булгаковъ отвѣчалъ, что ничего не можетъ быть вреднѣе для короля. Хрептовичь согласился и предложилъ созвать senatus consilium. Булга-

ковъ отвѣчалъ, что если будетъ нужда, то это можетъ быть сдѣлано, когда конфедерація будетъ въ Варшавѣ; но главное, чтобъ король приступилъ къ конфедераціи. Потомъ Хрептовичь спрашивалъ о тайномъ совѣтѣ при королѣ, оставить ли прежній? придать ли къ нему кого захочетъ онъ, посолъ или составить совершенно новый и изъ кого? Булгаковъ отвѣчалъ, что лучше составить совершенно новый и назвалъ имена лицъ, изъ которыхъ онъ долженъ состоять. Хрептовичь объявилъ, что Малаховскій (сеймовый маршалъ) и Игнатій Потоцкій принуждали короля ѣхать въ лагерь, угрожая въ противномъ случаѣ издать противъ него манифестъ, и спрашивалъ, будетъ безопасенъ король, когда русскія войска придутъ въ Варшаву? Булгаковъ отвѣчалъ, что если король оставитъ Варшаву, то это будетъ побѣгъ; манифестъ пускай они пишутъ: онъ ничего не значитъ и имъ во вредъ обратится; для короля нѣтъ мѣста безопаснѣе Варшавы, когда русскія войска придутъ; но должно ему тогда тотчасъ подписать конфедерацію, чего онъ теперь, не подвергаясь явной опасности, сдѣлать еще не можетъ *).

Наконецъ былъ полученъ отвѣтъ императрицы (отъ $^{2}/_{13}$ іюля) на письмо королевское: Екатерина писала, что она обѣщала помогать конфедераціи и исполнитъ свое обѣщаніе, и что король, не дожидаясь послѣдней крайности, долженъ приступить къ конфедераціи. Вице-канцлеръ Остерманъ сообщилъ Булгакову объясненія, почему предложенія королевскія не могутъ быть приняты: «Предложеніе наслѣдства Польскаго престола В. Князю Константину, когда императрица одною изъ главныхъ причинъ войны объявила намѣреніе свое возстановить прежній законъ республики относительно избирательности королей,—есть предложеніе, съ одной стороны, противное образу мыслей императрицы и

*) Булгаковъ Остерману $^{16}/_{29}$ іюня, $^{19}/_{30}$ іюня, 30 іюня (11 іюля), $^{7}/_{18}$ іюля.

видамъ ея относительно устройства своей фамиліи, съ другой, способное заподозрить ея безкорыстіе и потревожить довѣренность и согласіе, царствующее между нею и дворами Вѣнскимъ и Берлинскимъ въ особенности относительно дѣлъ Польскихъ. Предлагается императрицѣ заключить союзный и торговый договоры: но она предполагаетъ ихъ постоянно существующими между Россіею и настоящею республикою Польскою, не смотря на безчисленныя нарушенія, сдѣланныя похитителями власти; предлагать заключить подобные трактаты значитъ стараться вовлечь императрицу въ сношенія съ похитителями власти, значитъ хотѣть вынудить у нея нѣкоторое признаніе опасныхъ нововведеній, противъ которыхъ она вооружилась и которыя старается низпровергнуть. Домогаться наконецъ у нея перемирія, значитъ хотѣть дать видъ, что война идетъ у государства съ государствомъ, тогда какъ на дѣлѣ этого нѣтъ: Россія въ искреннемъ и совершенномъ союзѣ съ настоящею республикою противъ ея внутреннихъ враговъ.»

Булгаковъ былъ боленъ, когда получилъ бумаги изъ Петербурга, и потому не могъ самъ ѣхать къ королю. 11 іюля онъ призвалъ къ себѣ Хрептовича и пересказалъ ему содержаніе присланныхъ приказаній. Хрептовичь записалъ для памяти сообщенное, и признался, что въ настоящемъ печальномъ состояніи короля нужно его къ этому приготовить и что онъ приметъ мѣры вмѣстѣ съ княземъ примасомъ. Переговоривъ съ послѣднимъ, Хрептовичь подалъ королю письмо императрицы и сообщилъ обо всемъ, слышанномъ отъ Булгакова. Станиславъ-Августъ пришелъ въ отчаяніе и въ первомъ порывѣ приказалъ Хрептовичу ѣхать къ Булгакову, просить его отправить курьера къ императрицѣ съ донесеніемъ, что онъ, король готовъ сложить корону, лишь бы новая конституція осталась въ цѣлости. Хрептовичь замѣтилъ ему, что сложеніе короны не поможетъ конституціи,

и слѣдовательно онъ сдѣлаетъ только себѣ вредъ, а Польшѣ не поможетъ. Поуспокоившись, король послалъ Хрептовича къ Булгакову съ условіями, на которыхъ онъ согласенъ исполнить волю императрицы: 1) цѣлость владѣній республики; 2) сохраненіе армій; 3) чтобъ конфедерація не судила обывателей чрезъ такъ называемые санциты; 4) чтобъ до прибытія ея король сохранялъ власть надъ скарбовою и войсковою коммиссіями; 5) чтобъ обезпечены были сдѣланные республикою займы. Булгаковъ отвѣчалъ, что условія въ настоящемъ положеніи имѣть мѣста не могутъ; но для успокоенія Его В—ства онъ скажетъ собственное свое мнѣніе: 1) цѣлость владѣній есть главный пунктъ декларации Ея И. В—ства и акта генеральной конфедераціи; 2) вся Польская армія едва ли составляетъ теперь 30,000 человѣкъ, т. е. именно такое число, которое было гарантировано Россіею, и потому безполезно говорить о ея сохраненіи; 3) конфедерація, будучи запята важнѣйшими государственными дѣлами, не будетъ имѣть времени упражняться въ санцитахъ, да и не осмѣлится, находясь подъ высочайшимъ покровительствомъ; исполненіе четвертаго и пятаго пункта зависитъ отъ конфедераціи. Въ тотъ же день Станиславъ-Августъ прислалъ къ Булгакову проектъ письма, въ которомъ обѣщалъ приступить къ конфедераціи; посолъ, прибавя нѣсколько словъ, нашелъ письмо достаточнымъ.

Въ послѣдствіи Станиславъ-Августъ поступалъ очень недобросовѣстно, утверждая, что ему обѣщана была цѣлость владѣній республики и что только на этомъ условіи онъ приступилъ къ конфедераціи. Булгаковъ ему прямо объявилъ, что *условія имѣть мѣста не могутъ*, и потомъ прибавилъ свое собственное мнѣніе; но личное мнѣніе посла и обѣщаніе, данное правительствомъ—двѣ вещи совершенно разныя.

На другой день, 12 числа, король созвалъ совѣтъ мини-

babaстровъ, прочелъ письмо императрицы, представилъ настоящее положенiе дѣлъ и требовалъ мнѣнiя каждаго. Князь примасъ просилъ какъ можно скорѣе приступить къ конфедерацiи, такъ какъ ни откуда никакой нѣтъ надежды. Великiй маршалъ коронный Мнишекъ сказалъ, что онъ никогда не былъ согласенъ на новую форму правленiя, тѣмъ болѣе теперь не желаетъ терять драгоцѣннаго времени. Великiй маршалъ Литовскiй Игнатiй Потоцкiй объявилъ, что признаетъ одну конфедерацiю Варшавскую, и всякая другая, хотя бы опиралась на пяти монархахъ, есть незаконная, и что онъ готовъ на всѣ несчастiя. Великiй канцлеръ коронный Малаховскiй высказался въ сильныхъ выраженiяхъ, что, не теряя времени, сейчасъ же надобно вступить въ сношенiя съ конфедерацiею. Вице-канцлеръ коронный Коллонтай также изъявилъ согласiе на приступленiе къ конфедерацiи. Вице-канцлеръ Литовскiй Хрептовичь просилъ не терять времени. Великiй подскарбiй Тишкевичъ сказалъ, что съ самаго начала былъ противникомъ конституцiи 3 мая и просилъ о приступленiи къ конфедерацiи. Маршалъ надворный Литовскiй Солтанъ говорилъ, что не надобно отчаяваться, храбрость народа можетъ поправить дѣло, указывалъ на примѣръ Голландiи, которая также находилась на краю гибели, но нашли способъ подняться. Подскарбiй надворный коронный Островскiй совѣтовалъ королю приступить къ конфедерацiи, но о себѣ сказалъ, что не можетъ этого сдѣлать по убѣжденiю въ пользѣ конституцiи 3-го мая. Подскарбiй надворный Литовскiй Дзяконскiй соглашался на приступленiе къ конфедерацiи. Маршалъ сеймовый коронный Малаховскiй говорилъ, что съ бунтовщиками (Тарговицкими конфедератами) и говорить не слѣдуетъ, но что можно продолжать негоцiацiи прямо съ Петербургскимъ дворомъ. Маршалъ сеймовый Литовскiй Сапѣга объявилъ, что онъ во всемъ послѣдуетъ за королемъ. Оказалось 8 голо-

совъ противъ четырехъ за приступленіе къ конфедераціи. Король подписалъ актъ, не дожидаясь даже и присылки депутатовъ отъ конфедераціи *).

Когда Булгаковъ узналъ, что актъ приступленія къ конфедераціи подписанъ, то первымъ его дѣломъ было освободить епископа Переяславскаго Виктора; король послалъ тотчасъ повелѣніе въ Ченстоховъ; епископъ былъ привезенъ въ Варшаву и помѣщенъ въ домѣ русскаго посла. Черезъ мѣсяцъ съ чѣмъ-нибудь, когда торжествующая конфедерація взяла въ свои руки правленіе, она признала епископа невиннымъ, обѣщала доставить ему удовлетвореніе въ понесенныхъ имъ убыткахъ и разореніяхъ, велѣла дать ему конвой какъ для безопасности въ дорогѣ, такъ и во время пребыванія его въ Слуцкѣ, куда онъ долженъ былъ отправиться для вступленія въ прежнюю должность и для приведенія въ порядокъ разстроенныхъ во время заключенія его дѣлъ **).

Когда по Варшавѣ разнеслась вѣсть о приступленіи короля къ конфедераціи, то 13 числа Литовскіе волонтеры, служители при разныхъ коммиссіяхъ и разный сбродъ собрались въ Саксонскомъ саду въ числѣ отъ 200 до 300 человѣкъ, бранили короля, грозили его убить, министровъ, согласившихся подписать актъ приступленія, перевѣшать, перебили окна у канцлера Малаховскаго и разошлись. На другой день начали было опять собираться, угрожая перевѣшать королевскую фамилію, но все кончилось однимъ шумомъ. Маршалы Игнатій Потоцкій и Солтанъ ходили по улицамъ и уговаривали горожанъ къ возстанію, но безъ успѣха. Тогда, отчаявшись поддержать конституцію 3-го мая внутренними средствами, маршалъ сеймовый Малаховскій,

---

*) Булгаковъ Безбородкѣ 16/27 іюля,

**) Булгаковъ Остерману 28 іюля (8 августа), 18/29 сентября.

Игнатій Потоцкій и Солтанъ сложили свои должности и выѣхали за границу; за ними послѣдовалъ и Коллонтай *).

Судьба констицуціи 3-го мая рѣшилась на берегахъ Вислы; судьба Польши рѣшилась на берегахъ Майна и Рейна.

ГЛАВА XI.

Французская война, какъ справедливо разсчитывала Екатерина, заставила Австрію прекратить свое заступничество за конституцію 3 го мая; нуждаясь въ союзѣ Пруссіи и Россіи, Вѣнскій дворъ долженъ былъ согласоваться съ ихъ видами относительно Польши. Еще 1-го іюня Австрійскій повѣренный въ дѣлахъ при Варшавскомъ дворѣ, Декаше получилъ отъ своего правительства слѣдующее приказаніе: «Такъ какъ Вѣнскій дворъ не можетъ постигнуть, на чемъ основаны разглашаемыя въ Польшѣ толкованія и надежды, будто бы онъ будетъ защищать новую конституцію 3 го мая: то повелѣваетъ ему, Декаше опровергать этотъ неосновательный слухъ и отзываться, гдѣ только случай представится, что Вѣнскій дворъ о томъ никогда не помышлялъ; доказательствомъ служитъ то, что до сихъ поръ постоянно избѣгалъ онъ отвѣчать и изъясняться на дѣлаемые ему частые отъ Польши отзывы, вопросы, представленія и домогательства; хотя императоръ любитъ и почитаетъ Саксонскаго курфюрста, однако и это не заставитъ его вмѣшаться въ Польскія дѣла, тѣмъ болѣе, что курфюрстъ съ самаго нача-

*) Булгаковъ Остерману $^{16}/_{27}$ іюля.

ла объявилъ, что никогда не приметъ короны безъ согласія Петербургскаго и Берлинскаго дворовъ; наконецъ, Польскія замѣшательства, происходящія отъ намѣренія удерживать силою новую правительственную форму, могутъ поколебать равновѣсіе, нужное для спокойствія Европы *). Немного спустя Люи Кобенцель въ Петербургѣ получилъ приказаніе отъ своего двора предувѣдомить Русское правительство, что его Апостольское Величество не колеблется согласовать свои виды съ видами высокой союзницы относительно возстановленія старой Польской конституціи 1775 года **).

Но вопросъ о возстановленіи старой Польской конституціи сейчасъ же долженъ былъ уступить мѣсто другому вопросу въ сношеніяхъ между Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворами. Австрія, Пруссія и Россія начинаютъ войну съ Франціею, войну, требующую большихъ издержекъ, и гдѣ же вознагражденіе за эти издержки? Шуленбургъ, разговаривая въ іюнѣ мѣсяцѣ съ принцемъ Нассау объ этомъ важномъ вопросѣ, выразился такъ: «Топографическое положеніе Австріи позволяетъ ей сдѣлать земельныя пріобрѣтенія на счетъ Франціи, тогда какъ для Пруссіи и Россіи такія пріобрѣтенія невозможны; единственное вознагражденіе для нихъ — взять деньги съ Франціи, но денегъ у Франціи нѣтъ» ***). Послѣ этого разговора Шуленбургъ открылся Алопеусу, что Австрія могла бы сдѣлать земельныя пріобрѣтенія на счетъ Франціи, и это не уменьшило бы политическаго значенія последней страны. Вѣнскій дворъ боится вооружить противъ себя этимъ большую часть Европы; но въ сущности дѣйствуетъ тутъ не этотъ страхъ, а желаніе осуществить свой проектъ промѣна Бельгіи на Баварію. Здѣсь въ Берлинѣ не находятъ въ этомъ такихъ опасностей, какія находили пре-

*) Булгаковъ Остерману $^{2}/_{13}$ іюня.

**) Кауницъ Кобенцелю 9 іюня 1792.

***) Алопеусъ Остерману $^{19}/_{30}$ іюня.

жде, если только посредствомъ новыхъ пріобрѣтеній и со стороны Пруссіи поддержится равновѣсіе. Эти пріобрѣтенія не могутъ быть для Пруссіи со стороны Франціи, какъ по причинѣ отдаленности, такъ и потому, что не слѣдуетъ дробить Францію какъ Польшу, долженствующую играть второстепенную роль, слѣдовательно вознагражденіе для Пруссіи возможно только въ Польшѣ. Шуленбургъ увѣрялъ Алопеуса, что онъ еще не знаетъ видовъ короля на этотъ счетъ, но намѣренъ говорить объ этомъ королю. Для Пруссіи важно имѣть часть Польши, которая соединила бы Пруссію съ Силезіею; а Россіи выгодно бы было пріобрѣсть Польскую украйну, которая бы соединила старыя русскія области съ новыми пріобрѣтеніями отъ Турціи *).

Въ то время, когда Прусскіе дипломаты уже толковали о раздѣлѣ Польши, Поляки бросались во всѣ стороны, чтобъ не сдаваться безусловно Россіи. Мы видѣли, что король Станиславъ-Августъ предлагалъ польскій престолъ внуку Екатерины, великому князю Константину Павловичу; Игнатій Потоцкій въ Берлинѣ предлагалъ этотъ престолъ второму сыну Прусскаго короля, принцу Людовику; а Піатоли и Мостовскій хлопотали въ Дрезденѣ, какъ бы заставить Англію поддерживать Польшу, писали объ этомъ два мемуара въ Лондонъ. Мало того, Піатоли прислалъ письмо къ Алопеусу, приглашая его съѣхаться съ нимъ гдѣ-нибудь между Берлиномъ и Дрезденомъ, обѣщая сообщить важныя идеи; письмо было самое льстивое, напримѣръ: «Его Величество (Станиславъ-Августъ) и достойный министръ его, графъ Хрептовичь безпрестанно указывали на васъ, какъ на единственнаго человѣка, способнаго соединить усердіе къ своей государынѣ съ искреннимъ участіемъ въ благополучіи Польской націи. Вы одни можете быть ходатаемъ великаго (!) короля и почтеннаго народа предъ Екатериною. Ваши политическіе

*) Алопеусъ Остерману 22 іюня (3 іюля).

таланты, ваша опытность, милости къ вамъ императрицы, и особенно ваша испытанная честность дѣлаютъ васъ достойнымъ быть человѣкомъ двухъ націй» *). Екатерина, получивши донесеніе объ этомъ, написала: «Запретить надлежитъ Алопеусу, чтобъ онъ отнюдь не вошелъ съ Піатоліемъ ни въ какія связи. Сей интригантъ вездѣ суетится какъ угорѣлая кошка. Напишите скорѣе, дабы переписка и мошенничество пресѣклись наискорѣе.» Когда Прусскій король былъ въ Лейпцигѣ, Піатоли явился въ окрестностяхъ этого города и выпросилъ свиданіе съ Бишофсвердеромъ: онъ предложилъ, что Польша присоединится къ союзу Австро-Прусскому противъ Франціи, если Австрія и Пруссія рѣшатся дѣйствовать противъ Россіи. Бишофсвердеръ отвѣчалъ, что не вмѣшается въ дѣла, которыми завѣдывалъ Шуленбургъ **).

Наконецъ Австрія высказалась, что желала бы обмѣнять Бельгію на Баварію, а Пруссіи предложила вознагражденіе на счетъ Польши. Австрійское министерство при этомъ дало замѣтить, что какъ ни выгоденъ промѣнъ Бельгіи на Баварію въ политическомъ отношеніи, однако Австрія потеряетъ относительно доходовъ; впрочемъ если не будетъ и никакого вознагражденія, то Вѣнскій дворъ не сочтетъ это слишкомъ большимъ для себя несчастіемъ.—Послѣднее особенно встревожило Шуленбурга: онъ представилъ себѣ, что Австрія дѣйствительно не захочетъ взять никакого вознагражденія— съ цѣлію ослабить Пруссію: ибо такое государство, какъ Австрія, не раззорится, если къ массѣ его долговъ присоединится еще сумма въ какихъ-нибудь 50 милліоновъ, тогда какъ Пруссія съ трудомъ перенесетъ опустошеніе своей казны, которое произойдетъ вслѣдствіе войны ***).

*) Алопеусъ Остерману 22 іюня (3 іюля).

**) Алопеусъ Остерману изъ Франкфурта 13/24 іюля.

***) Алопеусъ Остерману 13/24 іюля.

Въ Маинцѣ оба *союзника–по неволѣ*, Францъ II-й и Фридрихъ-Вильгельмъ II-й свидѣлись для соглашенія въ общихъ мѣрахъ относительно похода; наканунѣ отъѣзда обоихъ государей изъ города происходила третья конференція по вопросу о вознагражденіи. Положено было, что Австрія получаетъ Баварію въ замѣнъ Бельгіи, Пруссія вознаграждается на счетъ Польши. Такъ какъ промѣнъ Бельгіи на Баварію уменьшаетъ доходы Австріи на два милліона, то Австрія должна за это получить вознагражденіе. Если планъ вообще не можетъ быть приведенъ въ исполненіе, или если нельзя будетъ найти для Австріи вознагражденіе за потерю двухъ милліоновъ дохода, то обѣ стороны отказываются отъ земельныхъ вознагражденій и получаютъ съ Франціи деньги. Со стороны Австрійскихъ дипломатовъ сдѣлано было предложеніе, чтобы Пруссія уступила Австріи въ прибавку къ Баваріи Аншпахъ и Байрейтъ, и въ такомъ случаѣ Австрія не будетъ требовать вознагражденія за потерю двухъ милліоновъ дохода. Прусскіе министры отвѣчали, что доложатъ объ этомъ королю *), и впослѣдствіи Пруссія не согласилась на это предложеніе.

Войска союзниковъ приближались къ границамъ Франціи; Алопеусъ слѣдовалъ за Прусскою арміею, при которой находился самъ король съ обоими сыновьями. Сначала Прусакамъ казалось, что походъ будетъ веселою прогулкою, придутъ, увидятъ и побѣдятъ, особенно съ такимъ полководцемъ, каковъ былъ герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій, человѣкъ, пользовавшійся фальшивою репутаціею, далеко не соотвѣтствовавшею его настоящимъ достоинствамъ. Но скоро начали прокрадываться сомнѣнія относительно успѣха предпріятія. Эмигранты нахвастали, что у нихъ повсюду соумышленники въ крѣпостяхъ; но оказалось, что все это неправда *). Сдалась пограничная крѣпость Лонгви, сдался

*) Алопеусъ Остерману изъ Луксембурга $^{8}/_{19}$ августа.

Вердюнъ; но этимъ и кончились успѣхи союзниковъ. Когда пришелъ слухъ изъ Варшавы, что отрядъ русскаго войска, подъ начальствомъ Кутузова, получилъ приказаніе выступить къ границамъ Франціи, то герцогъ Брауншвейгскій сказалъ по этому случаю Алопеусу: «Хотя нѣтъ сомнѣнія, что мы войдемъ въ Парижъ, однако я не вижу, чтобъ этотъ входъ положилъ конецъ несчастіямъ Франціи; нѣтъ возможности оставить тамъ всю Прусскую армію, однако безъ значительныхъ силъ нельзя сдержать жителей этого сильнаго государства *). Политическое головокруженіе и мятежъ пустили такіе глубокіе корни, что въ одинъ или въ два года ихъ не вырвешь; вражда вызванная къ несчастію правительствомъ самымъ развращеннымъ и питаемая управленіемъ самымъ отвратительнымъ, такъ вкоренилась, что для ея утушенія нужно цѣлое поколѣніе. Будущее правительство, какова бы ни была его форма, не должно никогда удаляться отъ началъ самого строгаго правосудія и справедливости; но можно ли ожидать чего-нибудь подобнаго отъ эмигрантовъ? Эти люди пріобрѣли неискоренимую привычку вмѣсто правосудія опираться на королевскую благосклонность, вмѣсто справедливости употреблять угнетеніе; посмотрите, какъ они высокомѣрно ведутъ себя даже съ нами, тогда какъ они кормятся на счетъ Прусскаго короля» **).

Непосредственно императрицѣ отправлено было слѣдующее описаніе поведенія эмигрантовъ: «Едва Прусская армія коснулась границъ Франціи, какъ вмѣсто 8,000 эмигрантовъ, которыхъ ожидали, явилось около 14,000 и въ тоже

---

*) Еще прежде Шуленбургъ говорилъ Алопеусу, что по занятіи Франціи нужно будетъ оставить въ ней русскія войска, которыя менѣе нѣмецкихъ могутъ быть подвержены опасности увлечься Французскими приманками (elles sont moins sujettes â être ébranlés que le militaire allemand, qui ne resistera pas également aux appas de la seduction francaise).

**) Алопеусъ Остерману изъ Вердюна 25 августа (5 сентября.)

время и въ той же пропорціи усилились самыя нелѣпыя требованія. Императорскіе министры протестовали противъ такого нарушенія Маинцкой конвенціи, по которой союзники обязались содержать только 8,000 эмигрантовъ; императорскіе министры объявили, что они исполнятъ буквально конвенцію и не дадутъ ни обола больше; но король, по добротѣ своей, назначилъ принцамъ 13 августа еще 8,000 лишнихъ раціоновъ; всего издержано было Пруссіею на эмигрантовъ 5,422,168 ливровъ. Не смотря на это и не смотря на пособія, которыя приходили изъ Берлина, Петербурга, Вѣны и Парижа, войско эмигрантское нуждалось въ необходимомъ, ибо Калоннъ явился въ станѣ такимъ же расточителемъ, какимъ былъ во время министерства своего при Людовикѣ XVI; были генералы, которые брали на однихъ себя по 500 раціоновъ; у графа Артуа было болѣе 100 адъютантовъ. Отъ бывшихъ линейныхъ войскъ (гвардіи и жандарміи, Royal-Allemand, Royal-Saxon и проч.) явились только жалкіе остатки, вся же прочая масса эмигрантскаго войска представляла пеструю толпу изъ людей всѣхъ сословій и возрастовъ, способныхъ только затруднять армію, и никакъ не быть ей полезными. Но, что всего хуже, куда только ни появлялись эти эмигранты, повсюду они обнаруживали тотъ же самый характеръ, который былъ для нихъ источникомъ несчастій во Франціи—наглость и легкомысліе. Каждый день новые планы, новые проекты и новыя интриги, которые разстроивали и приводили въ отчаяніе начальниковъ союзныхъ войскъ. Развращеніе ихъ нравовъ и ихъ оскорбительное высокомѣріе вооружили противъ нихъ народы, среди которыхъ они нашли гостепріимство. Эти непріятныя впечатлѣнія перешли и къ обѣимъ союзнымъ арміямъ и трудно себѣ представить ту степень ненависти и презрѣнія, съ какими обѣ арміи смотрѣли на когорты, незнающія ни порядка, ни дисциплины. При вступленіи во

Францію, вмѣсто симпатіи и помощи, которыя обѣщаны были союзнымъ арміямъ, нужно было каждый шагъ впередъ покупать кровію и вездѣ встрѣчено было рѣшительное нерасположеніе къ возстановленію стараго порядка вещей и непримѣримая ненависть къ эмигрантамъ. И надобно признаться, что послѣдніе употребили всѣ средства, чтобъ укрѣпить это чувство. Едва только они появились, подъ покровительствомъ Прусскихъ пушекъ, въ Лонгви и Вердюнѣ, какъ главные изъ нихъ начали расточать ругательства и площадные эпитеты горожанамъ и вообще жителямъ всѣхъ сословій, а другіе эмигранты, не такъ чиновные, позволили себѣ даже опустошеніе и грабежи».

Эмигранты дѣйствительно вели себя очень дурно; но неуспѣхъ кампаніи не зависѣлъ единственно отъ дурнаго поведенія эмигрантовъ. По непростительной медленности герцога Брауншвейгскаго, Дюмурье, начальствовавшій французскими войсками, успѣлъ занять Аргоньскія тѣснины, Ѳермопилы Франціи по дорогѣ къ Парижу, и укрѣпиться тутъ. Таже нерѣшительность герцога спасла Французовъ при Вальми, гдѣ дѣло ограничилось одною безполезною канонадою. Наконецъ король, сдѣлалъ новую ошибку: завелъ переговоры съ Дюмурье о мирѣ, что было очень выгодно для Дюмурье, выигрывавшаго время для усиленія своего войска, а Прусаки, между тѣмъ, пришли въ самое печальное положеніе: по пяти дней не ѣли; дурная пища произвела болѣзни, усилившіяся еще отъ мокрой осенней погоды на болотистыхъ мѣстахъ, такъ что больные составляли треть войска. Брауншвейгъ 30 сентября началъ отступленіе, а между тѣмъ еще нѣсколькими днями прежде французскій генералъ Кюстинъ началъ наступательное движеніе на Германію, провозглашая войну дворцамъ тиранновъ и миръ хижинамъ правдивыхъ. Онъ захватилъ Шпейеръ, Маинцъ сдался при первомъ появленіи Французовъ; ужасъ распространился повсюду, все бѣжало, Французы заняли Франкфуртъ.

Алопеусъ писалъ въ Петербургъ, что для него много непонятнаго въ отступленіи Брауншвейга, хотя дѣйствительно больныхъ много и большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. По мнѣнію Алопеуса, съ небольшимъ пожертвованіемъ войска, можно бы принудить Дюмурье къ отступленію и навести страхъ на остальную Францію. «Осторожность герцога Брауншвейгскаго зашла слишкомъ далеко, чтобъ не сказать больше. Положительно вѣрно, что онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ, ибо послѣ отступленія непріятеля отъ Гранпрэ, онъ мнѣ самъ сказалъ, что дорога къ Парижу теперь открыта. Графъ Бретёйль просилъ меня повергнуть его къ стопамъ императрицы и умолять Ея И. В—ство не покинуть короля Французскаго въ эту минуту. Онъ увѣрялъ меня, что спасеніе Людовика XVI будетъ зависѣть отъ корпуса войскъ, который императрица соблаговолитъ отправить весною во Францію» *).

Послѣ очищенія Франціи, въ октябрѣ собрались въ Люксембургѣ Австрійскіе и Прусскіе дипломаты и завели конференціи о вознагражденіи за Французскую войну. Австрійцы повторяли старое, что промѣнъ Бельгіи на Баварію не только не представляетъ никакого вознагражденія, но еще убытокъ. Слѣдовательно, чтобъ не было убытка, Австрія должна взять у Франціи часть Лотарингіи и Эльзаса по Мозелю, такъ чтобы эта рѣка составляла Австрійскую границу; но для обезпеченія этой границы Австрія возьметъ еще крѣпости: Тіонвиль, Мецъ, Понтамуссонъ и Нанси. Прусаки

*) Алопеусъ Остерману, Вердюнь 20 сентября (2 октября). Алопеусъ находилъ много непонятнаго въ поведеніи герцога Брауншвейгскаго. Но вспомнимъ, что герцогъ Фердинандъ, подъ именемъ Eques a Victoria, былъ главнымъ великимъ магистромъ масонства въ Германіи; вспомнимъ, какую роль играло масонство въ революціонныхъ движеніяхъ Франціи, что главные дѣятели въ этихъ движеніяхъ принадлежали къ ложамъ; вспомнимъ, что герцогъ Брауншвейгскій провозглашался кандидатомъ на Французскій престолъ по сверженіи Бурбоновъ.

объявили, что они возьмутъ вознагражденіе въ Польшѣ, равномѣрное пріобрѣтеніямъ Австріи, не будутъ ни въ чемъ противорѣчить видамъ русской императрицы и передадутъ ей рѣшеніе всего дѣла.—Получивши отъ Алопеуса донесеніе объ этомъ, Екатерина написала: «Послѣ такой блистательной кампаніи, они еще смѣютъ толковать о завоеваніяхъ!»

Но какое бы негодованіе ни возбуждала блистательная кампанія, надобно было забыть объ ней и думать о второй, а этой второй кампаніи не хотѣли предпринимать безъ вознагражденія. 25 октября Пруссія объявила Австріи, что король Фридрихъ Вильгельмъ будетъ продолжать войну съ Франціею только подъ условіемъ, чтобы вознагражденіе Польскими землями было ему обезпечено Россіею и Австріею, и чтобы онъ могъ дѣйствительно вступить во владѣніе этими землями. Въ ноябрѣ Шуленбургъ объявилъ Алопеусу, что генералъ Мёллендорфъ получилъ королевское приказаніе поставить на военную ногу 17 батальоновъ пѣхоты, 20 экскадроновъ конницы и баттарею легкой артиллеріи; что подъ предлогомъ войны Французской это войско будутъ держать на готовѣ ко вступленію въ Польшу, если Прусскій проектъ относительно вознагражденій будетъ одобренъ императрицею. Шуленбургъ замѣтилъ, что это сообщеніе вовсе не оффиціальное, министерство не получило еще приказаніе сдѣлать его; тѣмъ не менѣе оно рѣшило его сдѣлать, зная правило короля относиться во всѣхъ дѣлахъ къ Ея И. В—ству съ безпредѣльною довѣренностію и неограниченною откровенностію. Шуленбургъ прибавилъ, что если императрицѣ угодно будетъ согласиться на проектъ королевскій, то надобно скорѣе приводить его въ исполненіе, потому что волненія въ Польшѣ становятся день ото дня сильнѣе и ширится духъ мятежа, который надобно задушить при самомъ рожденіи *).

*) Алопеусъ Остерману, Берлинъ $^{6}/_{17}$ ноября.

Дѣйствительно Булгаковъ доносилъ вице-канцлеру отъ 30-го октября (10 ноября). «Неоднократно уже я имѣлъ честь доносить, что отступленіе назадъ во Франціи соединенныхъ войскъ и онаго слѣдствія производятъ въ Польшѣ, и особливо въ Варшавѣ нѣкоторое волнованіе, которое то умножается, то уменьшается по мѣрѣ полученія изъ той стороны добрыхъ или худыхъ извѣстій. Занятіе Маинца и Франкфурта, взятыя съ нихъ контрибуціи, успѣхи Французовъ въ Савоіи и въ другихъ мѣстахъ, и наконецъ сношеніе живущихъ въ Лейпцигѣ недовольныхъ Поляковъ съ Парижемъ, опять вскружили головы до такой степени, что начались было безпорядки въ публичныхъ мѣстахъ, какъ-то въ театрахъ и на редутахъ. По счастію число явныхъ оныхъ зачинщиковъ весьма мало; всѣ они почти дворяне, голые. По сіе время непримѣтно, чтобъ Варшавскіе мѣщане мѣшались въ ихъ шалости, которыя состоятъ въ безыменныхъ сочиненіяхъ, въ дерзкихъ разсужденіяхъ, въ крикахъ, въ шумѣ, въ повтореніяхъ такихъ пассажей изъ комедій, кои могутъ они толковать на изворотъ или обращать во вредъ и посмѣяніе членовъ конфедераціи; но сія, будучи о томъ извѣщена, прислала наконецъ строгое повелѣніе къ маршалу коронному Мнишку о укрощеніи подобныхъ буянствъ и обѣщаетъ принять дѣйствительнѣйшія мѣры къ пресѣченію зла. Есть нѣкоторое подозрѣніе, что взявшіе здѣсь отставку, непринятые въ военную службу и возвратившіеся сюда генералы Віельгорскій и Мокрановскій поджигаютъ между прочими изъ-подъ тиха на заведеніе шума бродягъ, но сами они явно нигдѣ участниками не оказываются, въ обществахъ же своихъ твердятъ о революціи, о возстановленіи конституціи 3-го мая и т. п. Сверхъ того расположеніе на зимнія квартиры войскъ нашихъ подало поводъ къ жалобамъ и крикамъ отъ недовольныхъ, кои пользуются симъ обстоятельствомъ для приведенія ихъ въ ненависть повсюду. Доходило

даже до того, что въ Варшавѣ возобновили разглашенiе, дѣланное уже во время вступленiя ихъ въ Польшу, о Сицилiйской вечернѣ. Генералъ Коховскiй, исчисля, сколько нужно на пропитанiе ввѣренной ему армiи и истребовавъ реестръ дымовъ или домовъ въ каждомъ воеводствѣ, разложилъ оное нужное количество на всѣ вообще, такъ что, напримѣръ, въ Варшавской землѣ, гдѣ, выключая городъ, считается до 70,000 домовъ, приходитъ каждому дому поставить на цѣлые семь мѣсяцевъ только два четверика муки, полтора гарнца крупы, четверикъ овса, три пуда сѣна. Но маршалы и совѣтники конфедерацiй воеводскихъ или повѣтовыхъ, располагая, вслѣдствiе онаго росписанiя, поставку фуража, исключаютъ деревни свои собственныя, своихъ прiятелей или покровителей, отчего тягость упадаетъ на бѣдныхъ дворянъ и заставляетъ ихъ кричать».

Отъ того же самаго числа новое донесенiе: «Баснямъ здѣшнимъ по поводу Французовъ нѣтъ конца. Одни полагаютъ уже ихъ близь Дрездена, другiе въ шести только миляхъ отъ польскихъ границъ и прибавляютъ, что вступленiе ихъ въ Польшу будетъ сигналомъ всеобщаго бунта и возмущенiя крестьянъ».

Эти извѣстiя, съ одной стороны, съ другой несогласiе Прусскаго короля вести войну съ Францiею безъ вознагражденiя на счетъ Польши, наконецъ невозможность успокоить Польшу собственными ея средствами, ибо главы конфедерацiи, взявши въ свои руки правленiе, оказались совершенно къ нему неспособными, думали только о своихъ личныхъ выгодахъ, спѣшили воспользоваться своимъ торжествомъ, чтобъ обогатиться, и ссорились другъ съ другомъ,—все это заставляло Екатерину немедленно же войти въ виды Пруссiи относительно втораго раздѣла, на который послѣ замысловъ Польскихъ реформаторовъ относительно русскаго православнаго народонаселенiя, смотрѣли уже не

какъ на раздѣлъ Польши, но какъ на соединеніе раздробленной Россіи. Право распоряжаться считали за собою полное, потому что Польша была завоевана и сдалась безусловно на волю побѣдителей; конфедерація нисколько не помогала рускимъ войскамъ, но шла по ихъ слѣдамъ и крѣпла съ ихъ успѣхами *).

Въ ноябрѣ Прусскій посолъ въ Петербургѣ графъ Гольцъ представилъ карту Польши, гдѣ отмѣченъ былъ участокъ желаемый Пруссіею. «Ея И. В—ству всеподданнѣйше докладываемо о домогательствахъ Прусскаго министра графа Гольца получить отвѣтъ на предъявленное со стороны короля его государя желаніе, касающееся до пріобрѣтенія имъ части земли отъ Польши, чертою на картѣ означенной и до введенія войскъ его въ ту часть. По разсмотрѣніи всѣхъ бумагъ и разныхъ свѣдѣній по сей матеріи, Ея В—ство указала въ высочайшемъ своемъ присутствіи и подъ собственнымъ Ея усмотрѣніемъ протянуть черту на картѣ Польской для показанія того удѣла, который предназначается къ Всероссійской Имперіи въ удовлетвореніе убытковъ ея и вслѣдствіе общихъ видовъ обоихъ союзныхъ дворовъ поставить Польшу въ такое положеніе, чтобъ она, служа барьеромъ между окружающими ея, не могла однакожь сама собою безпокоить ихъ: въ лучшееже объясненіе монаршей воли описавъ нѣкоторыя мѣста и урочища по той чертѣ, Ея В—ство изволила утвердить оную своеручною припискою» **). Черта

---

*) Записки Храповицкаго, стр. 283: Изъ Риги получено по почтѣ письмо Северина Ржевускаго въ собственныя руки. Онъ дѣлаетъ возраженія на раздѣлъ Польши и описываетъ, сколь затруднительно теперь положеніе его и графа Потоцкаго. Онъ не вѣритъ, чтобы была на то воля Ея В—ства.— «Я думала войти въ Польшу къ готовой конфедераціи, но вмѣсто того войска мои дошли до Варшавы и конфедерацію открыли за спиной арміи. Они сами не сдержали слова, и теперь беру Украйну въ замѣнъ моихъ убытковъ и потери людей».

**) Записка Безбородко 2 декабря 1792 г.

была проведена отъ восточной границы Курляндіи мимо Пинска черезъ Волынь къ границамъ Австрійской Галиціи. Прусскій удѣлъ заключалъ Познань, Гнѣзно, Калишъ, Сераджь, Ленчицу, Ченстоховъ, Торнъ, Данцигъ. Екатерина послѣднее время усердно занималась древнею Русскою исторіею; ей было тяжело, что не всѣ русскія области войдутъ въ составъ Всероссійской Имперіи, останутся за чужими стольные города знаменитыхъ Русскихъ князей; но она разсчитывала, что со временемъ можно будетъ вымѣнять ихъ у Австріи на Турецкія области *).

Привести въ исполненіе планъ раздѣла Екатерина поручила не Булгакову, который былъ отозванъ, а Сиверсу, который умѣлъ самыя непріятныя дѣла обработывать такимъ образомъ, что люди, получившіе непріятность, не сердились на него, оставались къ нему въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Въ рескриптѣ императрицы къ новому послу говорилось слѣдующее **): «Извѣстно вамъ на какихъ основаніяхъ взаимно полезныхъ и сосѣдственной тишинѣ благопріятствующихъ съ начала нашего вступленія на престолъ нашъ хотѣли мы учредить сношенія наши съ республикою польскою. Пріобрѣтенное нами въ правительствѣ ея вліяніе устремлялось всегда на утвержденіе вольности и независимости ея съ предохраненіемъ законныхъ правъ согражданъ ея. Но всѣ сіи подвиги, вмѣсто должнаго ими признанія, произвели злобу къ государству нашему, междоусобную зависть и кровопролитные мятежи, кои пресѣклись наконецъ раздѣломъ въ 1773 году въ дѣйство произведеннымъ. Не

*) Записки Храповицкаго, стр. 286: Сказывали, что Елагинъ дивится откуда собранъ родословникъ древнихъ князей Россійскихъ (составленный Екатериною), и многое у себя въ Исторіи поправилъ. Дошли до занятія Польши: «Владиміръ на Волыни мы теперь не взяли по причинѣ. Но со временемъ надобно вымѣнять у императора Галицію: она ему некстати, а нужна прибавка къ Венгріи изъ владѣнія Турецкаго».

**) Рескриптъ отъ 22 декабря.

можетъ быть конечно ни одного Поляка, нѣсколько свѣдущаго о дѣлахъ, который бы не зналъ, сколь приступленіе нашё къ таковой мѣрѣ вынуждено было обстоятельствами и сколь и тутъ умѣли мы не только ограничить собственныя наши права въ предѣлахъ крайней умѣренности, но и воздержать лакомство и алчность другихъ дворовъ въ ономъ съ нами участвовавшихъ. Казалось бы по всѣмъ вѣроятностямъ, что вышепомянутое событіе послужитъ поученіемъ и убѣжденіемъ для переду, что дальняя цѣлость и спокойствіе Польскихъ владѣній зависятъ нераздѣльно отъ соблюденія тѣснаго и непрерывнаго согласія съ нами и державою нашею. Но время и весьма короткое доказало, что легкомысліе, надменность, вѣроломство и неблагодарность сему народу свойственныя не могутъ быть исправлены ниже самими бѣдствіями; ибо какъ скоро управляющіе онымъ увидѣли насъ озабоченными двумя явными войнами и происками потаенными нашихъ завистниковъ, то не усумнились поползнуться на расторженіе всѣхъ торжественныхъ съ нами обязательствъ и на разные всякаго рода оскорбительные поступки какъ противъ насъ самихъ, такъ особливо противъ войскъ нашихъ и даже противъ подданныхъ нашихъ, по невиннымъ своимъ промысламъ въ Польшѣ находившихся, увѣнчавъ напослѣдокъ всѣ сіи неистовства испроверженіемъ въ 3-й день маія 1791 формы правленія, нашимъ ручательствомъ утвержденной. Перемѣна столь несвойственная кореннымъ пользамъ государства нашего не могла быть отъ насъ долго терпима, и мы твердо положили оную уничтожить при первомъ удобномъ случаѣ, который намъ и представился въ замиреніи нашемъ съ Портою Оттоманскою. Уважая вышеозначенныя нарушенія торжественныхъ договоровъ и разныя обиды намъ отъ Поляковъ причиненныя, имѣли мы бы неоспоримое право приступить къ исполненію нашего намѣренія и точнымъ объявленіемъ войны. Но упре-

ждая напрасное пролитіе крови и предпочитая вездѣ и всегда способы кротости и человѣколюбія, мы прибѣгнули къ средству въ Польшѣ издавна извѣстному и въ чрезвычайныхъ случаяхъ обыкновенно употребляемому, т. е. къ составленію новой конфедераціи. Для сего велѣли мы призвать ко двору нашему изъявившихъ гласно неудовольствіе ихъ о перемѣнахъ въ ихъ отечествѣ воспослѣдовавшихъ отъ короны генерала артиллеріи графа Потоцкаго и польнаго гетмана Ржевускаго, и отъ Литвы находящагося въ службѣ нашей генералъ-поручика Косаковскаго; скоро присоединились къ нимъ коронный великій гетманъ Браницкій и человѣкъ до 12 разныхъ чиновъ изъ рыцарства. Но сколь ни малолюдно сіе число, однакожь при соглашеніи съ министерствомъ нашимъ о предварительныхъ мѣрахъ и о началахъ будущаго правленія примѣчено было разнообразіе видовъ, не предвѣщающихъ ни единодушія, ни прочности, въ созидаемомъ зданіи, какимъ бы образомъ оно ни устроилось. Одни помышляли о сохраненіи или распространеніи преимуществъ чиновъ ихъ, другіе о пріобрѣтеніи оныхъ, а третіи, исключа ручательство наше на форму правленія, хотѣли сохранить армію Польскую въ томъ количествѣ, которое опредѣлилъ ей послѣдній сумасбродный сеймъ. Словомъ мало изъ нихъ, или лучше сказать ѝикто, кромѣ генерала артиллеріи графа Потоцкаго, не занимались прямо благомъ отечества, согласуя оное съ выгодами сосѣдей его, и не примѣшивая къ тому личныхъ и корыстолюбивыхъ видовъ. Но какъ главный вопросъ состоялъ не въ раздробленіи сихъ видовъ, а паче въ поспѣшеніи предположеннымъ дѣламъ, то и повелѣли ихъ наискорѣе отправить къ начальникамъ войскъ нашихъ, а симъ съ разныхъ сторонъ вступить въ предѣлы польскіе и тамъ подъ защитою оружія нашего обнародовать генеральную конфедерацію, которая и взяла свое бытіе подъ именемъ Тарговицкой. Его В—ство призналъ на-

конецъ конфедерацію. Но сколь поступокъ сей былъ нечистосердеченъ, то явно изобличается его поведеніемъ; ибо не говоря о тѣхъ коварныхъ предложеніяхъ, которыя онъ намъ чинилъ въ намѣреніи поссорить насъ съ другими сосѣдственными дворами, мы достовѣрно знаемъ, что онъ и по нынѣ продолжаетъ возбуждать и питать въ польскомъ народѣ злобу и недоброжелательство къ намъ и войскамъ нашимъ, въ чемъ онъ довольно и предуспѣлъ, ибо вседневно обнаруживаются разные знаки таковыхъ непріятныхъ расположеній, и особливо самымъ непристойнымъ неуваженіемъ къ главнымъ начальникамъ помянутыхъ войскъ нашихъ. Къ вящшему доказательству сей строптивости духа, нынѣ тамъ господствующаго, долженствуетъ служить собственное признаніе главныхъ членовъ присыланной сюда конфедератской делегаціи, что какъ скоро войска наши выступятъ изъ предѣловъ Польши, то все тамъ подъ ихъ щитомъ установленное въ мгновеніе ока испровергнуто будетъ. Но не столько заботимся мы симъ могущимъ воспослѣдовать событіемъ, сколько расположеніемъ нынѣшняго пагубнаго французскаго ученія до такой степени, что въ Варшавѣ развелись клубы на подобіе Якобинскихъ, гдѣ сіе гнусное ученіе нагло проповѣдуется и откуда легко можетъ распространиться до всѣхъ краевъ Польши и слѣдовательно коснуться и границъ ея сосѣдей. Нѣтъ мѣръ предосторожности и строгости, каковыхъ бы опасеніе толь лютаго зла оправдать не долженствовало. Рѣшительный отзывъ короля Прусскаго принудилъ насъ войти въ ближайшее соображеніе всѣхъ обстоятельствъ и околичностей въономъ встрѣчающихся. Тутъ усмотрѣли мы очевидно и ощутительно во 1) что по испытанности прошедшаго и по настоящему расположенію вещей и умовъ въ Польшѣ, т. е. по непостоянству и вѣтрености сего народа, по доказанной его злобѣ и ненависти къ нашему, а особливо по изъявляющейся въ немъ наклонности къ раз-

врату и неистовствамъ французскимъ, мы въ немъ никогда не будемъ имѣть ни спокойнаго, ни безопаснаго сосѣда, иначе какъ приведя его въ сущее безсиліе и немогущество; во 2) что неподатливостію нашею на предложеніе короля Прусскаго и послѣдуемымъ за тѣмъ его отпаденіемъ отъ Римскаго императора въ настоящемъ ихъ общемъ дѣлѣ, мы подвергаемъ сего естественнаго и важнаго союзника нашего такимъ опасностямъ, что слѣдствія онаго вовсе опровергнутъ европейское равновѣсіе и безъ того уже потрясенное нынѣшнимъ положеніемъ Франціи, и въ 3) что король Прусскій, ожесточенный безполезностію употребленныхъ имъ издержекъ, не взирая и на отчужденіе наше отъ его видовъ, можетъ по извѣстной горячности его нрава или теперь силою завладѣть тѣми землями, или, для достиженія къ тому надежнѣйшаго способа, навлечь на насъ новыя отяготительныя хлопоты, къ усугубленію которыхъ сами Поляки готовы будутъ содѣлаться первымъ орудіемъ. Сіи и многія другія уваженія рѣшили насъ на дѣло, *которому началомъ и концомъ предполагаемъ избавить земли и грады, нѣкогда Россіи принадлежавшіе, единоплеменниками ея населенные и созданные и единую вѣру съ нами исповѣдующіе отъ соблазна и угнетенія имъ угрожающихъ.*»

Въ Берлинѣ были въ восторгѣ отъ согласія Россіи на раздѣлъ Польши; но чѣмъ веселѣе были въ Берлинѣ, тѣмъ печальнѣе были въ Вѣнѣ: Пруссія получитъ немедленно вознагражденіе за войну, а Австріи? должно ждать обмѣна Бельгіи на Баварію, а между тѣмъ Французы уже заняли Бельгію и мѣнять стало нечего! Король Фридрихъ Вильгельмъ писалъ въ Петербургъ Гольцу *): «Вы изъясните графу Остерману въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ признательность, какую внушили мнѣ поступки его государыни». Но въ этомъ

*) 26 декабря 1792.

же письмѣ король увѣдомляетъ, что Вѣнскій дворъ не хочетъ довольствоваться вознагражденіемъ, которое получаетъ въ промѣнѣ Бельгіи на Баварію, а требуетъ еще Польскихъ земель во временное владѣніе, на случай, если выговоренный промѣнъ не состоится. Чтобъ отвязаться отъ Австріи, Прусскій король предлагаетъ новую сдѣлку: если нельзя будетъ отнять Бельгіи у Французовъ, и нечего будетъ промѣнивать на Баварію, то вознаградить Австрію церковными владѣніями въ Германіи (посредствомъ секуляризаціи). Въ то же время *) Кобенцель получаетъ отъ своего правительства приказаніе настаивать въ Петербургѣ, чтобъ Россія двинула корпусъ войскъ своихъ изъ Польши противъ Французовъ и гарантировала промѣнъ Бельгіи на Баварію и суррогатъ, который должна еще получить Австрія; Филиппъ Кобенцель писалъ Люи Кобенцелю: «Мы никогда не соглашались на требуемый королемъ Прусскимъ весьма знатный удѣлъ въ Польшѣ, а только былъ оный принятъ *ad referendum*, буде бы согласился намъ уступить при всемъ отъ него зависящемъ споспѣшествованіи въ Баварскомъ обмѣнѣ Аншпахъ и Байрейтъ. Поелику король въ семъ уступленіи на отрѣзъ отказалъ, то изъ сего выводится само по себѣ слѣдствіе, что онъ, по всей справедливости, удовольствуется гораздо меньшимъ польскимъ пріобрѣтеніемъ, и что намъ безъ сомнѣнія желать надобно всевозможнаго уменьшенія оному, какъ то всеконечно интересу Россійскаго императорскаго двора прилично. При нынѣшнемъ крайне сумнительномъ положеніи нашихъ обстоятельствъ само по себѣ явствуетъ, что мы не будемъ домогаться всевозможнаго соразмѣрнаго уменьшенія Прусскаго удѣла въ Польшѣ, ниже настоять непосредственно на отсроченіе явно признаннаго взятія во владѣніе онаго и прямымъ образомъ противоборствовать Берлинскому двору. Совсѣмъ различно однакоже

*) 23 декабря.

при семъ положеніе Ея И—скаго россійскаго В—ства, и токмо отъ ея твердой рѣшительности зависитъ какъ на всеобщій, такъ особенно нашъ интересъ обратить все то дѣятельное вниманіе, котораго ожидать должно отъ Ея дружества къ Его И. В—ству. Существеннѣйшее въ семъ зависѣть будетъ отъ того, чтобы Ея россійское И. В—ство потщилось ограничить удѣлъ Прусскій по справедливой соразмѣрности, при чемъ мы вообще признаемъ совершенно основательнымъ предложенное г. Зубовымъ правило, чтобы стараться при новомъ раздѣлѣ удержать Польшу яко державу посреди лежащую и уклоняться отъ того, чтобы были тѣ три двора въ сосѣдствѣ. Потомъ чтобы Ея россійское И. В—ство согласилось на раздѣлъ сей токмо съ двоякимъ *conditio sine qua non*, дабы съ одной стороны король Прусскій продолжалъ войну противу Франціи со всевозможнымъ усиліемъ, съ другой же стороны дабы нашъ обмѣнъ былъ равнымъ образомъ приведенъ въ порядокъ, а послѣ войны къ окончанію».

Вѣнскій дворъ прямо признавался, что не смѣетъ явно дѣйствовать противъ Пруссіи, имѣя нужду въ союзѣ ея противъ Франціи; но тайно позволялъ себѣ дѣйствовать и противъ Пруссіи, и противъ Россіи, мѣшая имъ въ Польшѣ. Сеймъ 1793 года назначенъ былъ въ Гроднѣ. Сюда пріѣхалъ и Сиверсъ, и 29 марта (9 апрѣля) подалъ декларацію о раздѣлѣ. Все было спокойно, сопротивленія быть не могло; но скоро *) посолъ далъ знать императрицѣ о письмѣ польскаго министра при Австрійскомъ дворѣ, Войны къ канцлеру Малаховскому: Война писалъ, что императоръ Францъ утѣшалъ его на счетъ печальной участи Польши, уговаривалъ не терять надежды. «Я не одобряю раздѣла и въ немъ не участвую, говорилъ Францъ: но мое положеніе таково, что не могу ничего сдѣлать. Утѣшьтесь и успокойте своихъ

*) 17/28 апрѣля.

Поляковъ на счетъ этой бѣды, ибо обстоятельства навѣрное могутъ измѣниться». Австрійскій повѣренный въ дѣлахъ въ Варшавѣ Декаше говорилъ громко, что его дворъ при другихъ обстоятельствахъ сталъ бы противодѣйствовать раздѣлу. Вслѣдствіе этого король Станиславъ Августъ тотчасъ перемѣнилъ тонъ.

Между тѣмъ военное счастіе перешло на сторону союзниковъ, Бельгія была очищена отъ Французовъ; не смотря на то надежды промѣнять ее на Баварію было еще меньше чѣмъ прежде. Англія, присоединившаяся къ союзу противъ Франціи, требовала, чтобъ Бельгія оставалась за Австріею и была усилена линіею крѣпостей, отнятыхъ у Франціи: для Англіи было важно, чтобъ Бельгія принадлежала одному изъ самыхъ сильныхъ государствъ въ Европѣ и такимъ образомъ сдерживала бы Францію на сѣверѣ, тогда какъ независимая Бельгія, по слабости своей, не могла представлять никакой сдержки. Наслѣдники Баварскаго престола также не соглашались на обмѣнъ. Это заставляло Австрію еще сильнѣе волноваться на счетъ событій, происходившихъ въ Польшѣ. Иностранными сношеніями Вѣнскаго двора управлялъ въ это время знаменитый Тугутъ. 16 іюня онъ писалъ Кобенцелю въ Петербургъ: «Императоръ въ промѣнѣ Бельгіи на Баварію никакъ не можетъ видѣть часть вознагражденія, которое онъ долженъ получить, ибо, по крайней мѣрѣ, сомнительно, чтобъ огромная несоразмѣрность въ народонаселеніи и доходахъ была вознаграждена выгодами округленія, какія представляются со стороны Баваріи. Въ настоящую минуту нерасположеніе Англіи, болѣе чѣмъ двусмысленныя расположенія Прусскаго короля, сопротивленіе курфюрста Баварскаго и его наслѣдниковъ, не позволяютъ императору долѣе останавливаться на проектѣ, который можно привести въ исполненіе только силою, и который потому возбудитъ самыя сильныя жалобы со стороны главныхъ членовъ им-

періи, доставитъ недоброжелателямъ и завистникамъ Австріи случай оклеветать намѣренія Его В—ства, отдалить отъ него всѣ германскіе дворы и умножить этимъ настоящія затрудненія и невыгоды нашего положенія. Императоръ, рѣшившись избѣгать такихъ важныхъ неудобствъ, не можетъ поэтому самому согласиться и на секуляризацію и ни на какое пріобрѣтеніе въ Германіи, ибо этимъ можно подать опасный примѣръ для жадности Берлинскаго двора, который имъ воспользуется, сложивъ всю вину на насъ, и вооружитъ противъ Австріи всѣ Германскія государства. Изъ этого слѣдуетъ, что въ случаѣ, если нельзя будетъ выполнить нашихъ намѣреній относительно Франціи, императору не останется ничего болѣе, какъ искать вознагражденія въ той же Польшѣ, по примѣру дворовъ Петербургскаго и Берлинскаго. Его В—ство будетъ принужденъ такимъ образомъ прибѣгнуть къ великодушной дружбѣ своей искренней союзницы, дабы Ея В—ству императрицѣ благоугодно было напередъ согласиться и гарантировать вознагражденіе Австріи въ Польшѣ, въ томъ предположеніи, если, не смотря на всѣ усилія императора и дѣятельную помощь, которой онъ въ правѣ ожидать отъ союзниковъ, ему нельзя будетъ получить вознагражденія на счетъ Франціи. Быть можетъ вашему превосходительству возразятъ, что Польша будетъ совершенно уничтожена, если императоръ будетъ также въ ней искать вознагражденія наравнѣ съ двумя другими дворами: но я буду имѣть честь вамъ замѣтить, что въ томъ состояніи, въ какомъ будетъ находиться Польша вслѣдствіе пріобрѣтеній, уже сдѣланныхъ на ея счетъ, когда она будетъ служить очень недостаточнымъ барьеромъ между пограничными державами, окончательный раздѣлъ остающагося не можетъ повлечь за собою очень большихъ неудобствъ. Исключая крайняго случая, императоръ вовсе не желаетъ обогащаться на счетъ Польши; дѣло идетъ не о томъ, чтобъ

распространять наши владѣнія въ Польшѣ, но укрѣпить, сдѣлать болѣе сносною нашу настоящую границу. Императору желательно было бы получить городъ Краковъ: положеніе Ченстохова, столь грозное для Галиціи необходимо заставляетъ насъ желать этого оборонительнаго пункта».

Въ то время, какъ явился третій претендентъ на владѣнія республики, на ея древнюю столицу, въ Гроднѣ не хотѣли уступать требованіямъ ни Россіи, ни Пруссіи. Король Станиславъ-Августъ въ рѣчи своей 20 іюня объявилъ сейму, что онъ приступилъ къ Тарговицкой конфедераціи подъ условіемъ неприкосновенности Польскихъ владѣній, что онъ никоимъ образомъ не будетъ содѣйствовать уступкѣ Польскихъ провинцій, въ надеждѣ, что и сеймъ будетъ поступать точно также. Но Сиверсъ и Прусскій посолъ Бухгольцъ потребовали, чтобъ сеймъ немедленно выбралъ и уполномочилъ коммиссію для переговоровъ съ ними. Король настаивалъ, чтобъ не соглашались на коммиссію, а вмѣсто того отправили бы посольства къ дружественнымъ дворамъ съ просьбою о посредничествѣ. Не смотря на то большинствомъ 107 голосовъ противъ 24 было рѣшено выбрать коммиссію, но уполномочить и вести переговоры только съ Сиверсомъ, а не съ Бухгольцомъ.

Какъ скоро въ Вѣнѣ получено было извѣстіе, что сеймъ выставилъ сопротивленіе требованіямъ пословъ Русскаго и Прусскаго, такъ пошла депеша отъ Тугута къ Кобенцелю въ Петербургъ *): «Императоръ обращается съ довѣренностію къ августѣйшей союзницѣ, проситъ ее взвѣсить въ своей мудрости — перемѣны, происшедшія въ расположеніи сейма, не представляютъ ли важныхъ побужденій къ тому, чтобъ не употреблять сильныхъ средствъ къ ускоренію раздѣла, но отложить его до окончанія войны. Прежде всего

*) Отъ 12 іюля.

это единственное средство обезпечитъ болѣе или менѣе дѣятельное содѣйствіе Прусскаго короля до конца войны съ Франціею; содѣйствіе это необходимо ослабнетъ если и не прекратится совершенно, съ той самой минуты, какъ онъ вступитъ въ полное владѣніе Польскими областями и не будетъ болѣе видѣть въ нихъ будущую награду обѣщанныхъ усилій для блага общаго дѣла.

Депеша опоздала. 13 іюля уже начались въ Гроднѣ конференціи у Сиверса съ сеймовою коммиссіею. Угроза, что русскій посолъ сочтетъ дальнѣйшую проволочку дѣла за объявленіе войны заставила сеймъ принять предложенный Россіею договоръ, согласиться на уступку требуемыхъ земель. 11 іюля (ст. ст.) договоръ былъ подписанъ. 13 іюля Бухгольцъ потребовалъ отъ сейма назначенія новой коммиссіи для переговоровъ объ уступкахъ въ пользу Пруссіи. Сиверсъ поддержалъ требованіе Прусскаго посла. Не смотря на то оно было встрѣчено упорнымъ сопротивленіемъ со стороны сейма: воспоминаніе о поведеніи Пруссіи съ 1788 года возбуждало сильную ненависть къ недавнимъ великодушнымъ союзникамъ. Сеймъ затянулъ дѣло. Угроза Бухгольца, что генералъ Мёллендорфъ начнетъ непріятельскія дѣйствія, не помогла; Сиверсъ ввелъ русскихъ солдатъ въ за́мокъ, гдѣ происходило засѣданіе сейма; коммиссія была уполномочена подписать договоръ объ уступкѣ требуемыхъ Пруссіею земель, но съ условіями, напримѣръ, чтобъ архіепископъ примасъ жилъ въ Польшѣ, но пользовался доходами съ имѣній, отходящихъ къ Пруссіи; что договоръ объ уступкѣ земель не прежде будетъ подтвержденъ, какъ по заключеніи торговаго договора между Польшею и Пруссіею. Бухгольцъ потребовалъ безусловнаго подписанія договора. Это повело къ сильному волненію на сеймѣ. Нѣкоторые депутаты позволили себѣ рѣзкія выходки противъ обоихъ дворовъ и ихъ представителей. Сиверсъ велѣлъ схватить

четверыхъ депутатовъ*) и выпроводить изъ Гродна. Тутъ-то 23 сентября (н. ст.) послѣдовало знаменитое *нѣмое* засѣданіе, когда депутаты думали, что могутъ *отмолчать* свои земли. Сиверсъ велѣлъ объявить, что онъ не выпуститъ депутатовъ изъ залы, пока не заговорятъ, не выпуститъ и короля. Пробила полночь — молчаніе; пробило три часа утра — молчаніе. Наконецъ раздался голосъ Анквича, депутата Краковскаго: «молчаніе есть знакъ согласія,» сказалъ онъ. Сеймовый маршалъ Бѣлинскій обрадовался и три раза повторилъ вопросъ: уполномочиваетъ ли сеймъ коммиссію на безусловное подписаніе договора съ Пруссіею? Глубокое молчаніе. Тогда Бѣлинскій объявилъ, что рѣшеніе состоялось единогласное. 25 сентября (н. ст.) договоръ былъ подписанъ. Съ Россіею заключенъ былъ договоръ, по которому обѣ державы взаимно ручались за неприкосновенность своихъ владѣній, обязывались подавать другъ другу помощь въ случаѣ нападенія на одну изъ нихъ, при чемъ главное начальство надъ войскомъ принадлежало той державѣ, которая выставитъ бо̀льшее число войска; Россія могла во всѣхъ нужныхъ случаяхъ вводить свои войска въ Польшу; безъ вѣдома Россіи Польша не могла заключать союза ни съ какою другою державою; безъ согласія императрицы Польша не можетъ ничего измѣнить въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Число Польскаго войска не должно превышать 15,000 и не должно быть менѣе 12,000.

Такъ произошелъ второй раздѣлъ Польши, доказавшій прежде всего, что въ Польшѣ не было народа; народъ молчалъ, когда шляхетскіе депутаты волновались въ Гроднѣ вслѣдствіе требованій Россіи и Пруссіи. Оказались слѣдствія того, что въ продолженіе вѣковъ народъ молчалъ, и шумѣлъ только одинъ шляхетскій сеймъ, на немъ только раздавались красивыя рѣчи. Но такое явленіе не могло быть

*) Краснодемскаго, Шидловскаго, Микорскаго и Скаржинскаго.

продолжительно, и сеймъ принужденъ былъ онѣмѣть, потому что все вокругъ было нѣмо. Быть можетъ нѣкоторые будутъ поражены этимъ нѣмымъ засѣданіемъ сейма, быть можетъ въ нѣкоторыхъ возбудится сильное сочувствіе къ онѣмѣвшимъ депутатамъ: но развѣ ихъ не сильнѣе поражаетъ еще болѣе страшное онѣмѣніе, онѣмѣніе цѣлаго народа? развѣ они не видятъ въ онѣмѣніи депутатовъ послѣдняго сейма только необходимое слѣдствіе онѣмѣнія цѣлаго народа?

Въ то время, когда Россія и Пруссія вознаграждали себя на счетъ Польши, Австрія и Англія стремились вознаградить себя на счетъ Франціи. Теперь Пруссія уже бьетъ тревогу и взываетъ къ императрицѣ Русской, чтобъ она не позволяла Австріи слишкомъ усиливаться. Въ концѣ августа въ главную квартиру Прусскаго короля явился графъ Лербахъ съ тайнымъ порученіемъ отъ императора Франца. Лербахъ объявилъ уже извѣстное намъ, именно, что промѣнъ Бельгіи на Баварію труденъ по сопротивленію родственниковъ Палатинскаго дома и по сопротивленію Англіи; императору слѣдовательно остается вознаградить себя на счетъ Франціи, а въ такомъ случаѣ Эльзасъ и Лотарингія больше всего ему пригодны и завоевать ихъ всего легче. Лербахъ требовалъ, чтобъ Прусскій король обязался вести войну съ Франціею до тѣхъ поръ, пока Австрія не получитъ это вознагражденіе. Фридрихъ Вильгельмъ отказалъ Лербаху и отправилъ жалобу въ Петербургъ: «Ея И. В—ство, руководясь чувствомъ дружбы, насъ соединяющей, отдастъ мнѣ справедливость, что я сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ сколько обязался сдѣлать, и что при всемъ моемъ желаніи, я не могу продолжать на свой счетъ войны, которой я принесъ въ жертву, въ продолженіе двухъ разорительныхъ кампаній, мою казну и кровь моихъ подданныхъ. Австрія отказалась приступить къ Петербургской конвенціи (о вознаграж-

деніи Россіи и Пруссіи на счетъ Польши) и до сихъ поръ даромъ пользовалась моею помощію, а теперь отвращается отъ настоящей цѣли войны и имѣетъ только въ виду завоеваніе французскихъ областей, и мы не знаемъ еще, гдѣ будетъ положенъ предѣлъ этимъ завоеваніямъ; нельзя повѣрить, чтобы графъ Лербахъ, назвавши мнѣ Эльзасъ и Лотарингію, исчерпалъ этимъ притязанія своего двора; безъ сомнѣнія сюда присоединится еще Французская Фландрія, которая уже завоевана отчасти. Англія также питаетъ завоевательные замыслы противъ своей старинной соперницы, и я взываю къ просвѣщенной политикѣ Ея И. В—ства, слѣдуетъ ли мнѣ, къ моему собственному ущербу, содѣйствовать обширнымъ замысламъ этихъ обоихъ государствъ? и развѣ это будетъ большая требовательность съ моей стороны, если я у нихъ попрошу денежныхъ пособій на издержки третьей кампаніи, отъ которой они получатъ главныя выгоды» *).

Денежныя пособія, которыхъ Фридрихъ-Вильгельмъ II потребовалъ у союзниковъ, простирались до 22 милліоновъ, изъ нихъ 9 должна была заплатить Англія, 3 Австрія, остальные 10 должны быть распредѣлены между членами Германской имперіи; но такъ какъ съ послѣднихъ вдругъ собрать такой суммы нельзя, то пусть Австрія и Англія заплатятъ и эти 10 милліоновъ, а потомъ уже сами вѣдаются съ Германскими владѣтелями. Прусскій король объявилъ, что если ему не заплатятъ этихъ 22 милліоновъ, то онъ по необходимости долженъ будетъ отказаться отъ главной роли въ войнѣ, и ограничиться поданіемъ той помощи, которую онъ обязанъ давать Австріи, въ ея качествѣ главной державы, подвергшейся нападенію, независимо отъ Прусскаго участка въ имперской арміи **).

---

*) Депеша Гольцу 25 октября 1793.

**) Депеша Гольцу 15 ноября.

Вѣнскій дворъ, въ свою очередь, приходилъ въ ужасъ отъ поведенія Пруссіи и обращался въ Петербургъ съ горькими жалобами на «ненавистныя процедуры нечестной политики Берлинскаго двора» *). Въ Петербургѣ спѣшили успокоить Вѣну, по крайней мѣрѣ, относительно Польши, объявили, что у Россіи съ Польшею будетъ вѣчный союзъ, который исключитъ всякое вліяніе Прусскаго двора на Польское правительство. Чтобъ обезпечить Польшу отъ дальнѣйшихъ замысловъ Пруссіи, республика будетъ приглашена укрѣпить многіе города, въ томъ числѣ Краковъ и другіе, на которые укажетъ Австрія, какъ на необходимое прикрытіе Галиційской границы отъ враждебныхъ движеній Пруссіи; мало того, Австріи дано будетъ право держать въ этихъ крѣпостяхъ гарнизоны. Россія обѣщала все это сдѣлать для Австріи, лишь бы только императоръ не настаивалъ на свое право, въ крайнемъ случаѣ искать вознагражденія въ Польшѣ, чтобъ отказался отъ своего проекта овладѣть Краковомъ и распространить свои владѣнія на счетъ Польши.

Всѣ эти предложенія изъ Петербурга нисколько не могли уменьшить въ Вѣнѣ страшной тоски по вознагражденіямъ. Тугутъ писалъ Кобенцелю: **) «Мы знаемъ очень хорошо, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ союза между Россіею и Польшею будетъ неограниченное вліяніе первой на вторую, благодаря которому Польша превратится почти въ провинцію Россійской имперіи; но такъ какъ императоръ вполнѣ увѣренъ въ чувствахъ императрицы и знаетъ, что взаимныя интересы обѣихъ имперій не допускаютъ зависти относительно выгодъ, получаемыхъ тою или другою изъ нихъ, то послу Русскому въ Вѣнѣ, графу Разумовскому данъ былъ самый удовлетворительный отвѣтъ на счетъ союза Россіи съ Польшею. Что касается двухъ другихъ пунктовъ, то я

*) Тугутъ Кобенцелю 18 декабря.

**) 18 декабря.

представилъ графу Разумовскому, что Его В—ство можетъ отказаться отъ права въ крайнемъ случаѣ искать вознагражденія въ Польшѣ только при увѣренности, что его августѣйшая союзница укажетъ ему на другое вознагражденіе и обяжется облегчить ему его пріобрѣтеніе всѣми своими силами и средствами».

Съ началомъ 1794 года все болѣе и болѣе усиливались жалобы Австріи на Пруссію за ея требованіе пособій во Французской войнѣ деньгами и натурою. 27 февраля Тугутъ писалъ Кобенцелю: «Императоръ смѣетъ ожидать съ довѣренностію отъ дружбы, великодушія и справедливости своей августѣйшей союзницы, что она соблаговолитъ неотлагательно воспользоваться своимъ первенствующимъ положеніемъ и употребитъ самыя дѣйствительныя средства для предупрежденія и сдержки дальнѣйшихъ неправдъ отвратительной политики Берлинскаго двора». Россія платила Австріи ежегодно по 400,000 рублей на военные издержки; но въ мартѣ 1794 года Вѣнскій дворъ, кромѣ этого пособія, сталъ просить еще корпуса русскихъ войскъ для прямаго дѣйствія противъ Французовъ*). На этотъ разъ войска нельзя было отправить противъ Французовъ; войско опять стало нужно — въ Польшѣ.

ГЛАВА XII.

Послѣ печальнаго конца майской конституціи у ея приверженцевъ, какъ выѣхавшихъ за границу, такъ и остав-

*) Тугутъ Кобенцелю 13 марта 1794.

шихся въ Варшавѣ было одно средство дѣйствовать въ пользу проиграннаго дѣла — составлять заговоры, возбуждать неудовольствіе и дожидаться удобнаго случая для поднятія возстанія. Въ Варшавѣ главнымъ дѣятелемъ былъ генералъ графъ Дзялынскій; но для успѣха дѣла ему нужны были союзники въ другихъ сословіяхъ, и онъ обратилъ вниманіе на самаго виднаго человѣка между купцами, Капостаса. Капостасъ былъ родомъ изъ Венгріи*), въ 1780 году переѣхалъ въ Варшаву, служилъ сначала у купца Бaугофера, а въ 1785 году завелъ самъ банкирскую контору въ товариществѣ съ Мазингомъ. Начались преобразовательныя движенія; Капостасъ былъ уже купеческимъ старшиною и ратманомъ въ магистратѣ; онъ составилъ проектъ банка, напечаталъ и представилъ въ 1790 году сейму, за что возведенъ былъ въ шляхетство. Когда въ 1793 году, въ исходѣ мая или началѣ іюня Капостасъ пришелъ къ Дзялынскому для сведенія торговыхъ счетовъ, то Дзялынскій началъ говорить ему: «Ко мнѣ ежедневно стекаются военные и гражданскіе чиновники, мѣщане, всѣ хотятъ революціи, хотятъ видѣть Польшу независимою и завоевать недавно потерянныя земли». — «Объ этомъ дѣлѣ надобно подумать и подумать, отвѣчалъ Капостасъ: не трудно начать, но какъ кончить? чтобъ не было хуже!» — «Я говорилъ тоже самое многимъ», сказалъ на это Дзялынскій: «но мнѣ возражаютъ, что хуже настоящаго положенія быть не можетъ, потому что если мы и будемъ побѣждены, то можно ожидать только общаго раздѣла всего государства: но не лучше ли быть подъ какою-нибудь чужою державою, нежели подъ нынѣшнимъ нашимъ правленіемъ?» Тутъ же Дзялынскій познакомилъ Капостаса съ людьми, принимавшими дѣятельное участіе въ движеніи. Для заговорщиковъ было важно привлечь на свою

*) Собственныя показанія Капостаса генералъ-прокурору Самойлову въ Петербургѣ (неизданныя).

сторону Закржевскаго, человѣка очень виднаго, поборника конституціи 3 мая, и бывшаго муниципальнымъ президентомъ въ Варшавѣ до отмѣны конституціи 3 мая. Дзялынскій и Капостасъ спрашивали у Закржевскаго, не хочетъ ли онъ съ ними соединиться и подкрѣпить предпріятіе совѣтами и деньгами? Закржевскій не согласился изъ любви къ женѣ и дѣтямъ. Онъ обѣщалъ только хранить все въ тайнѣ, прибавивъ: «Если вы сдѣлаете что-нибудь благоразумное, то послѣ явнаго начатія дѣла пожертвую собою благу отечества.» Главными заправителями дѣла стали теперь: Дзялынскій, Капостасъ, Сцисъ, Павлиновскій, Ельскій и Алое. Они рѣшили начинать дѣло не прежде, какъ удостовѣрятся: во 1) какъ расположено общество въ другихъ городахъ; 2) какъ расположены военные въ провинціяхъ; въ Варшавѣ же заговорщики могли вполнѣ положиться на войско, потому что офицеры были главными дѣятелями въ распространеніи революціоннаго духа; 3) имѣетъ ли все государство довѣренность къ Косцюшкѣ? 4) Приметъ ли Косцюшко на себя опасное званіе предводителя возстанія? 5) Могутъ ли заговорщики положиться хотя на тайную помошь Австріи, по крайней мѣрѣ, на дружественный нейтралитетъ, чтобъ изъ Австрійскихъ областей получить все нужное для войны? 6) Начнетъ ли Турція или Швеція войну противъ Россіи и Пруссіи? 7) Нельзя ли получить отъ Франціи въ займы денегъ? 8) Нельзя ли начать вездѣ вдругъ, обезоружить войска Русскія и Прусскія*)?

Дзялынскій, Ельскій и Капостасъ собрали деньги и от-

*) Тутъ Капостасъ прибавляетъ: «А послѣ намѣревались мы отправить немедленно въ Петербургъ курьера съ порученіемъ, что если Ея В—ство позволитъ намъ возстановить конституцію 3 мая и востребовать отъ Пруссіи земли вооруженною рукою, то мы уступимъ ей въ Украйнѣ и Подоліи такую часть, какую она признаетъ нужною для сообщенія съ предѣлами Турецкими, да наслѣдство Польскаго престола отдали бы одному изъ Россійскихъ принцевъ».

правили на нихъ двоихъ эмиссаровъ — одного въ Краковъ съ областью, другаго въ Литву и Вильну испытывать расположеніе тамошнихъ жителей. Два дня спустя по отправленіи эмиссаровъ Капостасъ пришелъ къ Дзялынскому и засталъ у него бригадира Мадалинскаго съ подполковникомъ Петровскимъ: они объявили, что въ Краковскомъ корпусѣ, состоявшемъ изъ 13,000 человѣкъ, заключена уже конфедерація, чтобъ освободить Польшу и не допустить до уменьшенія ея войскъ; Мадалинскій затѣмъ и пріѣхалъ въ Варшаву, чтобъ присоединить къ конфедераціи Варшавскій гарнизонъ и мѣщанство. Дзялынскій и Капостасъ уговорили его оставить это намѣреніе и приступить къ ихъ плану, т. е. чтобъ выбрать Косцюшку начальникомъ возстанія. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого пришли извѣстія отъ эмиссаровъ изъ Кракова и Литвы, также изъ Великой Польши, что тамъ все готово къ возстанію. Тогда Варшавскіе заговорщики отправили двоихъ нарочныхъ къ Косцюшкѣ, Игнатію Потоцкому и Коллонтаю, которые жили въ Лейпцигѣ.

Косцюшко *), послѣ приступленія короля къ Тарговицкой конфедераціи, оставилъ службу и сначала жилъ въ Варшавѣ, потомъ поѣхалъ во Львовъ, чтобы удостовѣриться, правда ли, что̀ всѣ говорили и писали въ газетахъ, будто госпожа Косаковская подарила ему имѣніе съ 20,000 флориновъ дохода. Косцюшко былъ у нея, и она лично подтвердила ему это извѣстіе. Косцюшко отказался отъ подарка, хотя былъ бѣденъ. При выходѣ въ отставку у него было только 1000 червонныхъ; потомъ двѣ дамы дали ему около 1000 червонныхъ. Публика женила его тогда разомъ на пяти женщинахъ, хотя онъ ухаживалъ за одною — вдовою Потоцкаго съ цѣлію жениться, но дѣло не сладилось. Когда на возвратномъ пути изо Львова Косцюшко былъ въ Замостьѣ является къ нему австрійскій офицеръ съ приказані-

*) Собственныя его показанія въ Петербургѣ (неизданныя).

емъ отъ своего правительства оставить Австрійскія владѣнія, и въ тоже время Косцюшко получаетъ анонимное письмо изъ Варшавы съ предостереженіемъ, чтобъ не возвращался въ Польшу, потому что русскія войска получили приказаніе его схватить. Это письмо заставило Косцюшко пролить много слёзъ, по его собственному признанію. Онъ въ ту же ночь оставилъ Замосць и отправился въ Лейпцигъ, гдѣ нашелъ Игнатія Потоцкаго, Коллонтая, Забелло, Вейсенгофа и другихъ эмигрантовъ. Получая извѣстія о событіяхъ 93 года въ Польшѣ, они придумывали средства, какъ бы помочь бѣдѣ. Сначала рѣшили обратиться къ Вѣнскому двору, и Потоцкій написалъ поздравительное письмо къ Тугуту со вступленіемъ въ министерство, но не получилъ никакого отвѣта. Потомъ придумали послать кого-нибудь во Францію съ просьбою о помощи, выборъ палъ на Косцюшку, и онъ отправился. Пріѣхавши въ Парижъ, онъ обратился къ министру Лебрёну, но тотъ отпотчивалъ его неопредѣленными и невѣрнымм обѣщаніями денежнаго пособія и помощи со стороны Турокъ. Косцюшко возвратился ни съ чѣмъ опять въ Лейпцигъ. Тутъ-то явились къ нему посланцы отъ Варшавскаго комитета, съ просьбою принять начальство надъ войскомъ, котораго болѣе 20,000; посланцы объявили, что Варшава хочетъ непремѣнно свергнуть невыносимое иго, что неудовольствіе ростетъ въ странѣ день ото дня, что рѣшились защищать Варшавскій арсеналъ, который Русскіе хотятъ непремѣнно взять, и надобно бояться, чтобы дѣло уже не началось въ Варшавѣ. Косцюшко отвѣчалъ, что единственное желаніе его—сражаться за отечество, и что если десять человѣкъ согласны, то онъ охотно пойдетъ въ одиннадцатые; но прибавилъ, что Варшава не Польша; если Варшавяне начнутъ, тѣмъ хуже для нихъ; но если они хотятъ дѣйствительно предпринять защиту отечества, то должны снестись съ жителями и войсками во всей Польшѣ и запа-

стись средствами для борьбы. Нѣсколько недѣль спустя Ельскій съ другимъ товарищемъ пріѣхали опять отъ того же Варшавскаго комитета съ просьбою, чтобъ Косцюшко, изъ любви къ отечеству пріѣхалъ бы, по крайней мѣрѣ, въ Краковъ, потому что всѣ въ страшномъ отчаяніи, что пришелъ указъ уменьшить войска, хотятъ взять арсеналъ и всѣ хотятъ защищать его при малѣйшемъ движеніи Русскихъ войскъ. Косцюшко отвѣчалъ, что арсеналъ пустяки въ сравненіи съ Польшею, и далъ Ельскому инструкцію съ бланкетами для генераловъ въ воеводствахъ, чтобъ они набирали людей, доставали оружіе, припасы, деньги, платье; въ назначенное время генералы должны были прислать ему подробное донесеніе обо всемъ. Въ Лейпцигѣ послѣ этого нашли опять нужнымъ отправить Барща во Францію представить тамошнему правительству, что отчаяніе заставляетъ Поляковъ взяться за оружіе, и просить денегъ. Чрезъ нѣсколько недѣль Косцюшко явился въ окрестностяхъ Кракова, гдѣ имѣлъ свиданіе съ генераломъ Водзицкимъ и бригадиромъ Монжетомъ, и видя, что ничего еще не сдѣлано по его инструкціямъ и найдя очень немного изъ обѣщанныхъ донесеній, уѣхалъ вь Римъ, оставя письма къ генераламъ, въ которыхъ увѣрялъ, что всегда будетъ съ ними для защиты отечества.

Между тѣмъ въ Польшѣ все сильнѣе и сильнѣе волновались военные слухомъ объ уменьшеніи арміи; чтобъ предупредить эту мѣру, они торопили возстаніе, пріѣзжали въ Варшаву къ Дзялынскому и требовали, чтобъ до прибытія Косцюшки, онъ сдѣлался начальникомъ возстанія, угрожая смертію если не согласится. Тоже дѣлали офицеры Краковскаго корпуса съ Мадалинскимъ. Дзялынскій и Капостасъ всѣми силами старались отсрочить вспышку, и, единственно для успокоенія горячихъ головъ, отправили Ельскаго и Горзковскаго въ октябрѣ 1793 года въ Италію отыскать

Косцюшку и привезти его переодѣтаго если не въ Варшаву, такъ въ Краковъ. Посланные возвратились только въ генварѣ 1794 года и объявили, что нашли Косцюшку въ Римѣ, откуда онъ поѣхалъ въ Дрезденъ, велѣвши сказать въ Варшавѣ, что дѣло еще не готово, что нѣтъ надежды на денежное пособіе и вообще на иностранные дворы, и что надобно отложить революцію до будущей весны. Отвѣтъ этотъ не понравился офицерамъ, которыхъ распалилъ еще больше Ясинскій, полковникъ Литовской артиллеріи, пріѣхавшій делегатомъ Литовскихъ войскъ изъ Вильны, съ объявленіемъ, что всѣ тамъ готовы. Дзялынскій и Капостасъ послали просить Косцюшку, чтобъ онъ вначалѣ февраля пріѣхалъ въ Галицію для переговоровъ съ ними, потому что они ѣхали во Львовъ на контракты. Горячія головы *) нѣсколько успокоились; Ясинскій уѣхалъ въ Вильну. Дзялынскій и Капостасъ въ началѣ февраля пріѣхали во Львовъ, но о Косцюшкѣ не было никакого слуху. Капостасъ возвратился въ Варшаву. Дзялынскій въ свои деревни. Между тѣмъ выданъ былъ декретъ Постояннаго Совѣта объ уменьшеніи польской арміи въ исходѣ февраля и началѣ марта. Горячія головы опять взволновались, хотѣли поднять возмущеніе немедленно, начались конференціи, составлялись военные планы. Капостасъ настоялъ отправить еще разъ къ Косцюшкѣ, и послали Прозора, Литовскаго обознаго и священника Дмуховскаго. 25 февраля назначена была конференція у камергера Венгерскаго; собралось человѣкъ болѣе 70; тутъ же уже не говорили, начинать ли безъ Косцюшки или нѣтъ, но начинать ли чрезъ два дня или нѣтъ? Капостасъ началъ говорить, чтобъ предпріятіе было отложено на 5 или на 6 дней до полученія отвѣта отъ Косцюшки; но тутъ артиллерійскій капитанъ Миллеръ выхватилъ шпагу и, замахнувшись на

*) Я употребляю выраженіе Капостаса. Весь этотъ разсказъ въ точности составленъ по соединеннымъ показаніямъ Косцюшки и Капостаса.

Капостаса, закричалъ: «Я вижу, что ты измѣнникъ, ты нарочно къ намъ присоединился, чтобъ мѣшать намъ и средства къ спасенію государства отдать въ руки враговъ, потому что гдѣ будутъ черезъ пять или шесть дней храбрые воины и оружіе наше, когда уже сего дня начинаютъ уменьшать число ихъ! Лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, ибо странно предположить, чтобъ враги не знали о нашихъ движеніяхъ. Они нарочно притворяются для того, чтобъ послѣ уменьшенія арміи тѣмъ удобнѣе перехватать насъ одного за другимъ».—«Гораздо лучше умереть тысячѣ, чѣмъ нѣсколькимъ стамъ тысячъ людей вслѣдствіе нашего безразсуднаго предпріятія», отвѣчалъ Капостасъ. Собраніе успокоилось, всѣ разошлись; но на другой же день все было узнано.

Полномоченнымъ посломъ императрицы въ Варшавѣ былъ въ это время генералъ Игельстромъ, человѣкъ давно знакомый съ Польшею, бывшій въ Варшавѣ еще при Репнинѣ и отличавшійся точнымъ исполненіемъ приказовъ. Но, какъ часто бываетъ, вѣрный исполнитель чужихъ приказаній, Игельстромъ оказался не совсѣмъ состоятельнымъ, когда пришлось самому быть главнымъ распорядителемъ; оказалось также, что Игельстромъ, не смотря на давнее пребываніе свое въ Польшѣ, не совершенно изучилъ Поляковъ. Между жителями Варшавы поднялся сильный ропотъ вслѣдствіе помѣщенія русскихъ войскъ и особенно офицеровъ: благодаря распоряженію польскихъ чиновниковъ, о которомъ мы уже имѣемъ понятіе по донесеніямъ Булгакова въ 1792 году, вознагражденіе за квартиры получали только избранные по разнымъ отношеніямъ, бѣдные должны были держать постояльцовъ даромъ, тратить большія деньги на отопленіе въ зимнее время; притомъ же квартиры вздорожали, что̀ было тяжко для бѣдныхъ людей, неимѣющихъ своихъ домовъ. Игельстромъ, слыша жалобы и желая сдѣлать облегченіе городу, вывелъ часть русскихъ войскъ изъ

Варшавы; но ропотъ не уменьшился; только уменьшились средства противъ заговорщиковъ *), что придавало духа послѣднимъ, и мы видѣли, какія начались многочисленныя сборища. Сборище 25-го февраля однако не могло утаиться отъ Игельстрома. На другой день онъ распорядился, чтобъ за всѣми пріѣзжающими изъ-за границы былъ строгій надзоръ съ цѣлію отыскать между ними Косцюшку; также былъ отданъ приказъ схватить Венгерскаго, Капостаса и другихъ подозрительныхъ лицъ. Венгерскаго и Сѣрпинскаго схватили; они указали, какъ ходилъ слухъ **), начальниковъ предпріятія—двоихъ Потоцкихъ, Игнатія и Станислава, Коллонтая, Малаховскаго, Сапѣгу, Косцюшку и другихъ. Дзялынскаго отправили въ Кіевъ. Но Капостасъ былъ предувѣдомленъ 28 февраля: онъ переночевалъ слѣдующую ночь въ чужомъ домѣ, зашелъ на другой день поутру домой, чтобъ взять денегъ и спрятаться въ предмѣстіи Прагѣ; здѣсь онъ получилъ отвѣтъ отъ Косцюшки: «дожидаться; уменьшеніе войска не такъ вредно, какъ преждевременное начатіе революціи». Послѣ этого Капостасу нельзя было долѣе оставаться въ Прагѣ; 15 марта онъ выѣхалъ оттуда черезъ Краковъ въ Кальварію, въ Галиціи.

Между тѣмъ Игельстромъ, обезпокоенный Варшавскими заговорами далъ знать объ нихъ въ Петербургъ и просилъ увеличить его войско. Екатерина не любила этихъ просьбъ: она думала, что *количество* дѣло послѣднее, что безъ него можно легко обойтись, когда есть хорошія *качества*, и потому отвѣчала Игельстрому отъ 30 марта: «Примѣченное вами дурное расположеніе умовъ и въ самой Варшавѣ по справедливости возбуждаетъ заботу и попеченіе ваши. Но казалось бы, на ускромленіе и удержаніе ихъ въ должныхъ

*) Записки генерала Пистора: въ Pamiętniki z 18 wieku. I, 16.

**) Ceux-ci ont nommé, dit-on. Такъ выражается король Станиславъ-Августъ въ своихъ запискахъ (неизданныхъ).

предѣлахъ при твердости довольно было и тѣхъ силъ, кои вы понынѣ въ вашемъ распоряженіи въ окружностяхъ сей столицы имѣли. Отъ умноженія оныхъ можно опасаться различныхъ неудобностей, а между прочимъ того, чтобъ не обнажить во все и другихъ важныхъ мѣстъ, не затруднить пропитаніе и притомъ излишними предосторожностями не придать злонамѣреннымъ отваги и наглости и не дать имъ болѣе уваженія, чѣмъ достойны они, а тѣмъ самымъ и ускорить произведеніемъ въ дѣйство враждебныхъ ихъ замысловъ. Вы изъ опытовъ знаете, что мы почти всегда не столько числомъ, сколько мужествомъ и храбростію войскъ нашихъ побѣждали и покоряли нашихъ враговъ, почему и почитаемъ, что найдете достаточнымъ число войскъ нашихъ нынѣ до 10,000 въ окружностяхъ Варшавы и въ ней самой простирающееся къ удержанію тишины и повиновенія, тѣмъ болѣе, что не взирая на увѣреніе гетмана Косаковскаго, нужно вамъ самимъ на Литву обращать все вниманіе и не выводить болѣе изъ нее войскъ. Повелѣваемъ вамъ употреблять всѣ дѣятельные способы, въ рукахъ вашихъ находящіеся къ усмиренію волненія, наблюдая строго поступки людей подозрительныхъ, захватывая подъ стражу всѣхъ тѣхъ, которые нескромностію рѣчей или поведенія изобличатся въ худыхъ намѣреніяхъ и предавая иныхъ сеймовому суду, а другихъ удаляя изъ города въ такія мѣста, гдѣ ихъ злые умыслы могли бы остаться безъ дѣйствія. Всѣ сіи дѣянія можете вы оправдывать силою и разумомъ самого союзнаго нашего трактата съ республикою польскою, которымъ препоручаются намъ попеченіи о предохраненіи внутренней и внѣшней ея безопасности».

Мы видѣли, что главное побужденіе къ революціонному движенію заключалось въ уменьшеніи войска. Эту мѣру должно было привести въ исполненіе къ 15 марту: но какъ это дѣлалось? Полкъ Дзялынскаго, находившіеся въ Варшавѣ,

отпуститъ только 16 человѣкъ, объявивъ Игельстрому, что это весь лишекъ противъ числа, опредѣленнаго Гродненскимъ сеймомъ *). Бригада Мадалинскаго, стоявшая между Бугомъ и Наревомъ, собравши свои эскадроны подъ Остроленкою, прямо объявила, что не допуститъ до сокращенія своихъ кадръ. Игельстромъ немедленно отправилъ противъ нея отрядъ войска подъ начальствомъ Багреева: узнавъ объ этомъ, Мадалинскій рѣшился на отчаянное предпріятіе: вдоль Прусскихъ границъ пробраться въ Галицію и тамъ со всею брегадою вступить въ Австрійскую службу. Багреевъ не могъ догнать Мадалинскаго, который изъ Млавы перешелъ Прусскую границу и гоня передъ собою малые отряды Прусскихъ гусаръ, составлявшихъ пограничную стражу, переправился чрезъ Вислу у Вышегрода, въ 7 миляхъ отъ Варшавы; отсюда пошелъ двумя дорогами; одинъ отрядъ направлялся чрезъ южную Пруссію, другой Варшавскимъ округомъ до Иновлодза, гдѣ, перешедши Пилицу, направилъ путь чрезъ Сендомирское воеводство къ Кракову. Игельстромъ отправилъ за нимъ войско подъ начальствомъ генерала Тормасова.

Между тѣмъ Косцюшко получилъ извѣстіе въ Дрезденѣ, что многіе заговорщики схвачены въ Варшавѣ, что жители ея черезъ два или три дня непремѣнно возьмутся за оружіе; чрезъ нѣсколько времени пришло вѣрное извѣстіе, что Мадалинскій началъ возстаніе. Косцюшко разсердился на эту поспѣшность; но дѣлать было нечего, выѣхалъ изъ Дрездена съ Зайончекомъ, братомъ Коллонтая и Дмуховскимъ. Пріѣхавши въ Краковъ, онъ нашелъ тамъ уже много людей, которые его ждали, и превозгласилъ возстаніе 24 марта (н. с.) Въ это самое время явился въ Краковъ и Капостасъ, потому что хозяинъ дома, гдѣ онъ жилъ въ Кальваріи, не хотѣлъ держать его болѣе трехъ дней. Косцющко сначала

*) Писторъ стр. 15

встрѣтилъ Капостаса очень холодно, упрекалъ, зачѣмъ оставилъ Варшаву и не хотѣлъ слушать оправданій; но потомъ смягчился, когда Капостасъ купилъ на свой счетъ 5000 косъ и подарилъ ихъ революціонному войску. Соединившись съ Мадалинскимъ и набравши толпы повстанцевъ, вооруживъ крестьянъ косами, топорами и пиками, Косцюшко выступилъ изъ Кракова, 24 марта (4 апрѣля) подъ деревнею Рацлавицами встрѣтилъ отрядъ генерала Тормасова и сломилъ его, пользуясь перевѣсомъ своихъ силъ и невыгодою положенія русскихъ *).

Это дѣло, ничтожное само по себѣ, имѣло важное значеніе какъ первый удачный шагъ начальника возстанія, особенно въ такомъ впечатлительномъ, увлекающемся народѣ какъ Поляки. Еше какъ только Косцюшко провозгласилъ возстаніе въ Краковѣ, Варшавскіе заговорщики начали сильно волноваться: на углахъ улицъ стали появляться афишки, призывавшія народъ къ соединенію съ Косцюшкою; въ театрахъ возбуждали патріотизмъ піесами, принаровленными къ настоящему положенію; наконецъ стали поднимать чернь частыми пожарными всполохами. Извѣстіе о пораженіи Тормасова еще болѣе усилило революціонное движеніе. Ни одному изъ Русскихъ не позволялось входить въ арсеналъ, а между тѣмъ всѣ знали, что тамъ день и ночь работаютъ, льютъ пули и ядра и готовятъ все нужное для артиллеріи. Генералъ-квартермистръ Писторъ предложилъ Игельстрому захватить арсеналъ, окружить ночью и побрать въ плѣнъ полкъ Дзялынскаго и баталіонъ канонерскій, отличающіеся революціоннымъ духомъ. «Какъ можно! отвѣчалъ Игельстромъ: а союзный трактатъ съ Польшею! возстаніе начинаетъ не республика, а только нѣкоторыя лица, правительство республики высказалось противъ Косцюшки въ своемъ манифестѣ; взять арсеналъ—значитъ начать непріятельскія

*) Писторъ, стр. 25.

дѣйствія противъ республики, шагъ этотъ будетъ сигналомъ къ возстанію цѣлаго города». Игельстромъ полагался на великаго гетмана короннаго Ожаровскаго, который головою ручался за вѣрность гарнизона; Ожаровскій смотрѣлъ на все глазами Варшавскаго комменданта Циховскаго, а Циховскій принадлежалъ къ числу заговорщиковъ.

Между тѣмъ вторженіе Мадалинскаго въ Прусскія границы встревожило Прусаковъ, войска ихъ начали стягиваться и приближаться къ Варшавѣ, сносясь съ Игельстромомъ на счетъ совокупнаго дѣйствія противъ Косцюшки. Это испугало Варшавянъ; магистратъ прислалъ къ Игельстрому съ просьбою, чтобъ не позволялъ Прусскимъ войскамъ входить въ городъ и размѣщаться по квартирамъ; генералъ обѣщалъ исполнить просьбу магистрата съ условіемъ, если Варшавяне будутъ вести себя спокойно, въ противномъ случаѣ Прусаки войдутъ въ городъ. Магистратъ далъ торжественное обѣщаніе, что онъ съ добрыми гражданами будетъ противиться изо всѣхъ силъ затѣямъ головорѣзовъ. Не менѣе Варшавянъ испугалось движенія Прусскихъ войскъ Австрійское правительство. Тугутъ, объявляя Петербургскому двору*) объ отъѣздѣ императора Франца въ Бельгію, просилъ, чтобъ русское правительство «наблюдало и сдерживало своими войсками вредные проекты, которыми можетъ заняться безпокойная политика двора, равно опаснаго для обѣихъ имперій. Извѣстіе о нѣкоторыхъ оскорбленіяхъ, какія позволилъ себѣ Мадалинскій, проходя вдоль новыхъ границъ Прусскихъ, едва достигло Берлина, какъ сейчасъ же былъ отданъ приказъ двинуть войска въ Польшу, а между тѣмъ при дворѣ и въ городѣ не скрывали радости, что это событіе должно повести къ раздѣлу остальной Польши, ибо надобно положить конецъ правительству слабому, неспособному обезпечить спокойствіе своихъ сосѣдей. Мы постоянно

*) Тугутъ Кобенцелю 10 апрѣля 1794.

надѣемся, писалъ Тугутъ, что храбрость русскихъ войскъ скоро потушитъ смуту, возбужденную безразсудною дерзостію нѣсколькихъ искателей приключеній; мы надѣемся также, что баронъ Игельстромъ, оправившись отъ перваго впечатлѣнія внезапнаго взрыва, увидитъ, что собственныхъ его силъ очень достаточно для уничтоженія нестройныхъ бандъ, и во все ненужно прибѣгать къ помощи Прусскихъ войскъ». Тугутъ удивляется, что Игельстромъ согласился на вступленіе Прусскихъ войскъ въ Польшу.

Къ несчастію Игельстромъ не успѣлъ еще оправиться отъ впечатлѣнія, произведеннаго первымъ внезапнымъ взрывомъ, какъ послѣдовалъ другой. Игельстромъ церемонился, не хотѣлъ захватывать арсенала и войскъ, зараженныхъ революціоннымъ духомъ, уважая права союзнаго государства; но заговорщики не церемонились, разглашая, что Русскіе намѣрены захватить арсеналъ и въ наступающее Свѣтлое Воскресенье произвести всеобщую рѣзню въ Варшавѣ, въ которой Прусаки примутъ ревностное участіе, что слѣдовательно надобно предупредить враговъ возстаніемъ. Главными подстрекателями были военные, но они знали, что безъ мѣщанъ и черни ничего не сдѣлаютъ; Капостасъ ушелъ, и потому заговорщики обратились къ другому богатому мѣщанину, также ратману магистрата. Въ 1780 году пріѣхалъ изъ Познани въ Варшаву башмачникъ Янъ Килинскій. Молодой, ловкій, красивый краснобай Килинскій въ короткое время пріобрѣлъ большую извѣстность у Варшавскихъ дамъ, сдѣлался моднымъ башмачникомъ, купилъ два каменныхъ дома, сталъ членомъ магистрата. Будучи самымъ виднымъ человѣкомъ въ цехѣ сапожниковъ, многочисленнѣйшемъ изъ Варшавскихъ цеховъ, Килинскій могъ оказать возстанію самую дѣятельную помощь; ксендзъ Мейеръ свелъ его съ офицерами-заговорщиками; но первое свиданіе, первое братское цѣлованіе съ ними дорого стоило Килинскому. О сборищѣ

донесли Игельстрому; на другой же день явился отъ него офицеръ къ Килинскому и пригласилъ его къ генералу. Килинскій захватилъ съ собою кинжалъ, чтобъ заколоть Игельстрома и себя, если бы генералъ велѣлъ засадить его въ тюрьму; но онъ самъ признается, что когда вошелъ въ домъ, занимаемый генераломъ, то ноги у него задрожали отъ великаго страха*). Игельстромъ началъ его *распекать*: «Ахъ ты бестія, бунтовщикъ, шельма, измѣнникъ, каналья, воръ! вотъ я тебя велю повѣсить!» Кончивши распеканье, Игельстромъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Что жь ты, дуракъ, думаешь?» — «Не знаю, зачто изволите гнѣваться? отвѣчалъ Килинскій, до сихъ поръ не слышу о моемъ преступленіи». Игельстромъ пошелъ въ кабинетъ и вынесъ рапортъ, гдѣ было подробно описано вчерашнее свиданіе Килинскаго съ заговорщиками. Опять у Килинскаго задрожали ноги и волосы встали на головѣ, когда генералъ сталъ читать ему рапортъ. Какъ быть? запереться нельзя: нельзя ли обмануть и вывернуться отъ бѣды? «Ясновельможный добродѣй! отвѣчалъ Килинскій: я стою передъ тобою виноватымъ, это правда: но кто же тому причиною, какъ не самъ панъ? У вашей милости на дняхъ былъ нашъ президентъ магистратскій, и вы его просили, чтобъ насъ всѣхъ ратмановъ отъ вашего имени просилъ наблюдать въ кофейныхъ, погребкахъ и билліардныхъ, что̀ толкуютъ о бунтѣ и доносить президенту, который будетъ доносить вамъ, либо самъ арестовывать виновныхъ. Президентъ насъ обо всемъ этомъ просилъ вашимъ именемъ, и я старался отыскивать людей, толкующихъ о бунтѣ, и вчера нашелъ ихъ; когда я къ нимъ вошелъ, то они стали и меня уговаривать къ бунту; но мнѣ что̀ же было имъ другое говорить, какъ только поддакивать, ибо иначе я бы ничего отъ нихъ не узналъ: вотъ я имъ и началъ говорить все что у васъ тамъ написано въ донесе-

*) Записки Килинскаго въ: Pamietniki z 18 wieku, I, 177.

ніи; а еслибъ я имъ сказалъ, что не хочу быть съ ними за одно, то они бы меня сейчасъ же вытолкали, а можетъ и убили гдѣ-нибудь въ закоулкѣ. Я ужь обо всемъ началъ у себя писать, чтобъ донести президенту, а всѣхъ офицеровъ-заговорщиковъ позвалъ къ себѣ, и какъ бы только они ко мнѣ пришли, то я послалъ бы за полиціею и всѣхъ ихъ перехваталъ». Игельстромъ всему повѣрилъ, началъ просить извиненія у почтеннаго гражданина, что такъ съ нимъ сначала обошелся, велѣлъ принести вина и потчивалъ Килинскаго, а Килинскій, возвратившись съ торжествомъ домой, началъ всѣми силами хлопотать, какъ бы привлечь къ заговору побольше ремесленниковъ, только дѣйствовалъ осторожно.

Днемъ возстанія назначенъ былъ четвергъ Страстной недѣли, 6 (17) апрѣля. Ночью было все спокойно на улицахъ, и чѣмъ ближе было къ взрыву, тѣмъ менѣе можно было ожидать его. Килинскій раздавалъ деньги черни, роздалъ 6,000 злотыхъ *). Между войскомъ разгласили, что Русскіе въ эту ночь овладѣютъ арсеналомъ и пороховымъ магазиномъ**). Въ 4 часа утра послышалось какое-то движеніе въ арсеналѣ; потомъ отрядъ конной гвардіи выѣхалъ изъ своихъ казармъ и ударилъ на русскій пикетъ, который стоялъ съ двумя пушками между казармами и желѣзными воротами Саксонскаго сада. Пикетъ выстрѣлилъ два раза изъ пушекъ и отступилъ предъ многочисленнѣйшимъ непріятелемъ. Отрядъ, подрубивши колеса у пушекъ, возвратился въ казармы; вслѣдъ затѣмъ выѣхала вся конная гвардія: два экскадрона направились къ арсеналу, два къ пороховому магазину. Изъ арсенала даны были сигнальные выстрѣлы. Генералъ Циховскій послалъ приказъ полку Дзялынскаго выступать, а самъ изъ окна кричалъ народу: «къ оружію!

*) Показанія Деболи (неизданныя).

**) Записки короля С. А. Понятовскаго (неизданныя).

къ оружію!» Съ разныхъ сторонъ стремились къ арсеналу войска: скарбовая милиція, народовая кавалерія. Въ арсеналѣ раздавали палаши и ружья всякому, кто только хотѣлъ брать; лучшіе мѣщане сидѣли спокойно по домамъ, заперши двери; главное участіе въ возстаніи принимали ремесленники, лакеи, извощики. Гдѣ только завидятъ русскаго— хватаютъ, бьютъ, умерщвляютъ, офицеровъ забираютъ въ плѣнъ, деньщиковъ, по большей части, убиваютъ. Генералъ Игельстромъ, услыхавъ о возмущеніи, приказалъ генералъ-поручику Апраксину разставить всѣ отряды русскаго войска на опредѣленныхъ заранѣе мѣстахъ. Главное нападеніе повстанцевъ было на квартиру Игельстрома на Медовой улицѣ. Нѣсколько разъ съ разныхъ концовъ напирала толпа и всякій разъ была отражаема русскими войсками. Что же дѣлалось въ это время во дворцѣ? Короля разбудили въ 5 часовъ: къ нему пріѣхалъ маршалъ Постояннаго Совѣта, графъ Анквичь съ извѣстіемъ, что отъ его дома снятъ почетный караулъ; вслѣдъ за Анквичемъ пріѣхали во дворецъ великій маршалъ Мошинскій и великій гетманъ Ожаровскій, которые не знали, что значитъ эта суматоха въ городѣ. Король сначала посылаетъ за своею конною гвардіею и за уланами, чтобъ ѣхали немедленно ко дворцу, но ихъ уже и слѣдъ простылъ: они отправились къ арсеналу и пороховому магазину. Король сошелъ внизъ на дворцовый дворъ, чтобъ увѣриться, тутъ ли, по крайней мѣрѣ, обычные караулы, и запретилъ имъ двигаться съ мѣста; потомъ вышелъ въ сопровожденіи пяти или шести человѣкъ, посмотрѣть, что̀ дѣлается на улицѣ, и видитъ, что вооруженныя толпы куда-то бѣгутъ. Минутъ десять спустя раздается шумъ сзади: король оборачивается: гвардейцы, которые сейчасъ дали ему слово не трогаться съ мѣста, бѣгутъ. Король идетъ къ нимъ на встрѣчу, кричитъ, машетъ рукою; солдаты останавливаются; молодой офицеръ подходитъ къ королю и, съ клят-

вами въ вѣрности къ Его В—ству, объявляетъ, что они должны идти туда, куда зоветъ ихъ честь. — «Честь и обязанность повелѣваютъ вамъ быть подлѣ меня», отвѣчаетъ король. Но въ это самое время слышится выстрѣлъ въ той сторонѣ, гдѣ живетъ Игельстромъ, и гвардія бросается туда, такъ что король едва не былъ сбитъ съ ногъ; во дворцѣ не остается ни одного караульнаго. Часъ спустя является магистратъ съ объявленіемъ, что онъ потерялъ всякую власть надъ мѣщанами, которые разломали оружейныя лавки, вооружились и бѣгутъ на соединеніе съ войсками. Тутъ король посылаетъ своего брата къ генералу Игельстрому съ предложеніемъ выйдти изъ города съ русскими войсками, чтобъ ему, королю можно было успокоить городъ, ибо народъ и солдаты кричатъ, что безъ этого они не перестанутъ драться. Игельстромъ отвѣчаетъ, что принимаетъ предложеніе. Подождавши часъ, и видя, что Игельстромъ не трогается и стрѣльба не перестаетъ, король посылаетъ къ Игельстрому стараго генерала Бышевскаго съ прежнимъ предложеніемъ. Игельстромъ хотѣлъ сначала самъ ѣхать къ королю, но когда Бышевскій представилъ ему, что онъ рискуетъ подвергнуться большимъ опасностямъ со стороны народа, то Игельстромъ посылаетъ племянника своего для переговоровъ съ королемъ. Вмѣстѣ съ молодымъ Игельстромомъ ѣдутъ Бышевскій и Мокрановскій съ цѣлію защищать его отъ народа; но разъяренныя толпы кидаются на Игельстрома и умерщвляютъ его, Бышевскій, хотѣвшій было защитить его, самъ тяжело раненъ въ голову; Мокрановскій, какъ видно, не употреблялъ большихъ усилій къ защитѣ, и потому остался цѣлъ и невредимъ. Станиславъ-Августъ затѣялъ всѣ эти переговоры и приказывалъ извѣстить Игельстрома о расположеніи войска и народа, вовсе не зная этого расположенія. Только когда убили молодаго Игельстрома, король вышелъ на балконъ и сталъ говорить народу, что

надобно выпустить Игельстрома съ войскомъ изъ города. Народъ закричалъ, что Русскіе могутъ выйдти, положивши оружіе. Король отвѣчалъ, что Русскіе никогда на это не согласятся; тогда въ толпѣ раздались оскорбительные для короля крики, и онъ долженъ былъ прекратить разговоръ. Въ десять часовъ привели къ королю тамбуръ-мажора, который отличился тѣмъ, что овладѣлъ русскою пушкою. Станиславъ-Августъ не счелъ приличнымъ съ нимъ объясняться и велѣлъ ему выйдти изъ комнаты; но тутъ же, въ виду короля и въ его комнатахъ, собрали большую подписку для тамбуръ-мажора *). Между тѣмъ завязался сильный бой на улицѣ Свентокржыской, гдѣ генералъ Милашевичь и полковникъ князь Гагаринъ удерживали полкъ Дзялынскаго, находившійся подъ начальствомъ полковника Гаумана. Здѣсь Поляки сначала хотѣли дѣйствовать обманомъ: отъ Гаумана явился къ Милашевичу офицеръ съ увѣреніями, что Дзялынцы не имѣютъ никакого враждебнаго намѣренія, а идутъ, по королевскому приказу, въ за́мокъ, чтобъ заодно съ Русскими дѣйствовать противъ повстанцевъ; но Милашевичь не вдался въ обманъ, потому что имѣлъ отъ Игельстрома точное приказаніе не пропускать полка Дзялынскаго. Послѣ пріѣхалъ къ Милашевичу генералъ Мокрановскій, съ требованіемъ отъ королевскаго имени, чтобъ пропустилъ полкъ Дзялынскаго, который долженъ дѣйствовать заодно съ Русскими противъ мятежниковъ; но Милашевичь, вмѣсто отвѣта, показалъ ему приказъ Игельстрома. Еще въ третій разъ Дзялынцы потребовали пропуска, и, получивши опять отказъ, начали стрѣлять картечами. Долго Милашевичь и Гагаринъ съ успѣхомъ отбивались отъ непріятеля, но, истративши боевые запасы и терпя сильный уронъ отъ стрѣльбы изъ оконъ домовъ, отступили на Саксонскую площадь. При этомъ отступленіи оба генерала были тяжело ранены, отне-

*) Записки короля; показанія Деболи.

сены въ ближайшіе дома, и здѣсь Милашевичь былъ взятъ въ плѣнъ, а князь Гагаринъ умерщвленъ чернью. Это несчастіе имѣло рѣшительное дѣйствіе. И безъ того русскія войска находились въ самомъ печальномъ положеніи. Русскіе солдаты привыкли дѣйствовать въ чистомъ полѣ, брать города; а теперь они были застигнуты мятежемъ въ тѣсныхъ улицахъ большаго города, гдѣ на каждомъ шагу засада, гдѣ стрѣляютъ изъ оконъ домовъ; до чего могло доводить это движеніе по закоулкамъ, доказательствомъ служитъ, что одинъ русскій батальонъ, шедшій для соединенія съ своими, встрѣтилъ ихъ, принялъ за Поляковъ и такъ попотчивалъ пушечными ядрами, что тѣ должны были рвануться въ сторону. Баталіоны, расположенные поодиночкѣ въ разныхъ мѣстахъ, были предоставлены самимъ себѣ, не могли стягиваться для общаго дѣйствія, ибо не было общаго направленія, не было общаго начальника, сообщенія были прерваны, адъютанты не могли скакать съ приказаніями: ихъ били повстанцы. Сыскался одинъ герой-медикъ Лебедевъ, который взялся передавать приказанія, продираясь между рядами повстанцевъ, но одного Лебедева было мало, притомъ же ему плохо вѣрили, не зная, кто его уполномочилъ! Послѣ этого нечему удивляться, что большая часть русскихъ войскъ, стянувшихся подъ начальствомъ генерала Новицкаго, ушла изъ Варшавы, не зная, что̀ дѣлается у квартиры Игельстрома, предоставляя своего главнаго начальника собственной его судьбѣ. При соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, нельзя, какъ намъ кажется, много толковать о томъ, что русскаго войска было достаточно для подавленія мятежа*), потому что польскихъ войскъ было не болѣе 1,200 человѣкъ и столько же повстанцевъ изъ народа: число при извѣстныхъ мѣстныхъ условіяхъ теряетъ свое значеніе, надобно принимать въ соображеніе главное, какой вредъ мог-

*) 9 батальоновъ и двѣ компаніи, 8 эскадроновъ, 36 пушекъ.

ла наносить небольшая толпа повстанцевъ при благопріятныхъ имъ мѣстныхъ условіяхъ и какое впечатлѣніе эта возможность должна была производить на Русскихъ. Говорятъ *), что надобно было руководствоваться обстоятельствами, а не предписаніями. Но нельзя требовать отъ каждаго батальоннаго начальника суворовской геніальности и вмѣстѣ смѣлости взять на себя отвѣтственность. Главнокомандующій зналъ, что готовится возстаніе, но не зналъ дня, когда оно должно вспыхнуть. Войска не были приготовлены; офицерамъ и солдатамъ въ голову не приходило, что могло случиться что-нибудь подобное. Одному батальону была очередь говѣть на Страстной недѣлѣ, и въ великій четвергъ, въ день возстанія онъ находился въ церкви для пріобщенія св. Таинъ; здѣсь онъ былъ окруженъ повстанцами, перерѣзанъ или разобранъ въ плѣнъ.

Но обратимся къ генералу Игельстрому, который отбивался у своей квартиры на Медовой улицѣ. Въ первый день отбиты были всѣ нападенія повстанцевъ. Ночью Игельстромъ сжегъ секретнѣйшія бумаги, но не рѣшился оставить своей квартиры и выйдти изъ города, воспользовавшись темнотою, хотя ему и представляли, что на другой день можетъ быть плохо, потому что о русскихъ войскахъ, которые могли бы прійдти къ нему на помощь, не было слышно (Новицкій уже ушелъ изъ Варшавы). На разсвѣтѣ другаго дня повстанцы начали нападеніе на квартиру генерала со стороны Подвальной улицы, открыли убійственный огонь на домъ Игельстрома съ домовъ Сенаторской улицы. Оставивъ отрядъ для защиты своей квартиры, Игельстромъ съ остальнымъ войскомъ перешелъ на площадь Красинскихъ, ибо на Медовой улицѣ держаться было нельзя, ее обстрѣливали со всѣхъ сторонъ. Но и новое положеніе было невыгоднѣе стараго:

*) Листоръ, который хочетъ сложить всю вину на нераспорядительность Русскихъ.

повстанцы сосредоточили свои силы въ окрестностяхъ, и Русскіе попали въ перекрестный огонь. Игельстромъ попробовалъ, нельзя ли дать дѣлу мирный оборотъ и послалъ бригадира Бауера въ арсеналъ для переговоровъ. Командовавшій въ арсеналѣ генералъ Мокрановскій велѣлъ отвѣчать, что непріятельскія дѣйствія прекратятся, когда Игельстромъ запретитъ своимъ стрѣлять и сдастся на милость. Тогда Игельстромъ началъ отступленіе и подъ выстрѣлами, преодолѣвая множество затрудненій, пробился съ своимъ маленькимъ отрядомъ за городъ и соединился съ Прусаками въ Повонзкахъ (дача княгини Чарторыйской). Маленькіе русскіе отряды, оставшіеся въ разныхъ мѣстахъ Варшавы, послѣ упорнаго сопротивленія, были истреблены или забраны.

Русскихъ не было болѣе въ Варшавѣ, надобно было учредить революціонное правительство. Еще въ первый день возстанія толпы народа ворвались во дворецъ, схватили здѣсь Мокрановскаго и Закржевскаго, понесли ихъ въ ратушу и тамъ провозгласили — Закржевскаго муниципальнымъ президентомъ Варшавы, а Мокрановскаго военнымъ начальникомъ города. На третій день, 8 (19) въ ратушѣ устроили правительственный совѣтъ изъ Закржевскаго, Мокрановскаго и 12 другихъ особъ, 8 шляхтичей и 6 мѣщанъ, въ числѣ послѣднихъ былъ и Килинскій. Члены новаго совѣта послали сказать королю, что сохраняютъ въ отношеніи къ нему уваженіе и привязанность, но повинуются только Косцюшкѣ, желаютъ, чтобъ король благопріятствовалъ ихъ намѣренію и требуютъ, чтобъ онъ не покидалъ Варшавы. Король въ отвѣтъ предложилъ имъ вести себя не по якобински, уважать религію и позаботиться о полиціи. На другой день, въ Свѣтлый праздникъ, король могъ удостовѣриться, какое уваженіе будетъ ему оказываемо: Закржевскій надѣлъ орденъ Бѣлаго Орла, и подвергся за это оскорбленіямъ отъ

народа. Килинскій явился съ просьбою объ арестованіи нѣкоторыхъ лицъ и въ просьбѣ назвалъ себя главою народа.

29 апрѣля назначено было торжественное поминовеніе по убитыхъ 17 и 18 числа. Король отправился въ соборную церковь къ заупокойной обѣднѣ. Во время проповѣди ораторъ, Вытошинскій обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Такъ какъ вы здѣсь сами лично, государь, то позвольте обратиться къ вамъ съ свободою служителя алтаря и вольнаго гражданина: я знаю доброту и кротость вашего характера; вы могли быть обмануты; кто знаетъ, какіе совѣты посмѣютъ вамъ давать еще; но теперь наступила послѣдняя эпоха вашего царствованія, дѣло идетъ о томъ, возстановится ли Польша на прочномъ основаніи, или могущественный и мстительный врагъ изгладитъ навсегда имя Польское: теперь вы не можете, вы не должны отдаляться отъ націи, вы должны или погибнуть или спастись вмѣстѣ съ цѣлымъ народомъ. Соблаговолите, Государь, испытать вашу душу и приготовить ее къ этимъ двумъ крайностямъ. Соблаговолите отвратить слухъ вашъ навсегда отъ измѣнниковъ и враговъ отечества. Быть можетъ, указывая вамъ какой-нибудь лучь надежды, они будутъ вамъ совѣтовать отдѣлиться отъ народа или что-нибудь еще хуже этого: приходите въ гнѣвъ и ужасъ при мысли объ этомъ! Неужели вы захотите царствовать только надъ измѣнниками отечества и надъ рабами, неужели вы захотите приблизиться къ своему трону по могиламъ гражданъ. Я знаю твое сердце кроткое и благодѣтельное: ты этого не сдѣлаешь, я увѣренъ, что ты твердо рѣшился жить или умереть съ народомъ.»— При этихъ словахъ король, по его собственному выраженію, не могъ долѣе удержать своей чувствительности, но, прервавши проповѣдь, сказалъ громкимъ голосомъ: «Вы говорите непонапрасну. Я поступлю по вашимъ совѣтамъ. Я буду всегда съ народомъ, хочу жить и умереть съ народомъ!»

Все это было сказано заднимъ числомъ. Все это было умѣстно 3 или 5 мая 1791 года, когда движеніе происходило подъ королевскимъ знаменемъ, когда королю готовы были вручить диктаторскую власть. Но теперь революція шла другимъ путемъ: теперь и Килинскій, въ опьяненіи отъ новой роли, называлъ себя главою народа. Революціонеры признали верховнымъ правителемъ своимъ *генералиссимуса* Косцюшку. Каково же было положеніе короля? Двѣ власти, старая и новая другъ подлѣ друга, что вело необходимо къ образованію двухъ партій, къ борьбѣ между ними. 1 мая пріѣхалъ курьеръ отъ Косцюшки: генералиссимусъ одобрялъ все, сдѣланное въ Варшавѣ, назначалъ Мокрановскаго своимъ намѣстникомъ; вмѣстѣ съ этимъ озаботился и на счетъ своего соперника — короля; предлагалъ взять предосторожности, чтобъ Станиславъ Августъ не уѣхалъ изъ Варшавы, ни съ кѣмъ не переписывался, чтобъ всѣ особы, близкія къ королю, были арестованы. Вслѣдствіе этого члены новаго правленія явились во дворецъ съ требованіемъ, чтобъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ приверженцевъ Россіи, Виленскій епископъ князь Мосальскій, отдалъ имъ драгоцѣнный крестъ, полученный отъ русской императрицы послѣ подписанія Гродненскаго трактата. Въ тотъ же день, въ 9 часовъ вечера, явился къ королю Мокрановскій съ требованіемъ, чтобъ велѣлъ арестовать Виленскаго епископа и выдать его правленію; король отказался: тогда правленіе само распорядилось, арестовало Мосальскаго, Скорчевскаго, епископа Хельмскаго и Мошинскаго великаго маршала: всѣ трое помѣщены были въ Брюльскомъ дворцѣ. Король рѣшился завести сношенія съ генералиссимусомъ, 6 мая послалъ объявить Косцюшкѣ, что тѣсно соединилъ свое дѣло съ народнымъ и не сдѣлаетъ ни одного отдѣльнаго шага для собственнаго спасенія. Но въ Варшавѣ не вѣрили этимъ заявленіямъ. 8 мая король выѣхалъ погулять изъ Варша-

вы въ Прагу: народъ взволновался, думая, что онъ хочетъ бѣжать, и правленіе прислало просить его, чтобъ онъ не выѣзжалъ больше изъ Варшавы въ предмѣстіе. Между тѣмъ народъ волновался и по другой причинѣ: онъ требовалъ казни лицъ, извѣстныхъ своею приверженностію къ Россіи, и поспѣшили удовлетворить требованіямъ народа: 9 мая были повѣшены гетманъ коронный Ожаровскій, гетманъ Литовскій Забѣлло, Анквичь; народъ требовалъ казни Мосальскаго, и епископа повѣсили, не смотря на протестъ папскаго нунція Литты. Народъ не былъ доволенъ: поджигаемый Килинскимъ и какимъ-то Чижомъ, онъ требовалъ новыхъ жертвъ: тогда Закржевскій вышелъ къ нему и сказалъ: «Поставьте висѣлицу передъ моимъ домомъ и повѣсьте меня перваго.» Эти слова произвели дѣйствіе: толпы стихли.

Эмигранты возвратились: Игнатій Потоцкій, Коллонтай, Капостасъ. 27 мая король имѣлъ любопытный разговоръ съ Потоцкимъ, который клялся, что онъ не якобинецъ; но такъ какъ должно дѣлать стрѣлы изъ всякаго дерева, и такъ какъ крестьяне сдѣлали и дѣлаютъ много для революціи, то надобно имъ льстить до извѣстной степени, равно какъ и горожанамъ; а потомъ, мало по малу, надобно обрѣзывать все, что будетъ слишкомъ. Король: Должно ли вѣрить слухамъ, что Косцюшко имѣлъ тайныя сношенія съ Прусаками? Потоцкій: Никогда не было прямыхъ сношеній объ этомъ; но Косцюшко старался дать понять Прусакамъ на дѣлѣ, что не хочетъ враждебно дѣйствовать даже противъ настоящихъ границъ прусскихъ, если только Прусаки не будутъ непріятельски поступать противъ насъ. Король: Каковы наши отношенія къ Австріи? палатинъ Венгерскій будетъ ли моимъ наслѣдникомъ съ условіемъ принятія конституціи 3 мая? Потоцкій: Дѣло объ этомъ только начинается. Если Тугутъ утвердитъ свой кредитъ, то наши надежды могутъ увеличиться. Король: Что̀ вы мнѣ скажете о Туркахъ? Потоцкій:

Пока еще ничего; но по моему мнѣнію они двинутся. Король: получили вы деньги изъ Франціи? Потоцкій: Нѣтъ, но, можетъ быть, получимъ. Король: Если вы ихъ получите, то будете принуждены слѣдовать французской системѣ и французскимъ правиламъ? Потоцкій: Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! въ началѣ будетъ нѣкоторое сходство, но не впослѣдствіи»*).

28 мая, по распоряженію генералиссимуса, образовался верховный правительственный совѣтъ, членами котораго были: Сулистровскій, Вавржецкій, Мышковскій, Коллонтай, Закржевскій, Веловейскій, Игнатій Потоцкій и Яскевичь. На другой день Закржевскій и Потоцкій явились къ королю и показали ему подлинное предписаніе Косцюшки, что верховный совѣтъ обязанъ отдавать почетъ королю и сообщать ему обо всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ. Обнародованіе новаго учрежденія произвело сильное волненіе между мѣщанами: въ прежнемъ совѣтѣ они были членами на одинакихъ правахъ съ шляхтою, а изъ новаго исключены! допущены въ каждый департаментъ такъ называемые *застенпцы*, но не въ качествѣ дѣйствительныхъ членовъ, ибо безъ рѣшительнаго голоса. Килинскій объявилъ, что воспротивится открытію новаго Совѣта именемъ всего Варшавскаго мѣщанства, пока Косцюшко не назначитъ въ члены совѣта и изъ мѣщанъ. Капостасъ, видя, что сопротивленіе Килинскаго можетъ ослабить кредитъ Косцюшки, столь необходимый для успѣха революціоннаго дѣла, настоялъ, чтобъ не принимать предложенія Килинскаго, не мѣшать дѣйствію новаго совѣта, но отправить депутацію къ Косцюшкѣ съ просьбою исполнить желаніе мѣщанства. Депутація возвратилась безъ успѣха: генералиссимусъ отвѣчалъ, что онъ, слѣдуя желаніямъ своего сердца, охотно бы согласился на требованія мѣщанъ, но никакъ не можетъ этого сдѣлать по разнымъ,

---

*) Записки С. А. Понятовскаго.

ему одному извѣстнымъ, важнымъ политическимъ причинамъ, а потому и просилъ ради Бога не безпокоиться. Мѣщанство успокоилось*). Капостасъ, если вѣрить его собственному свидѣтельству, много работалъ въ это время: какъ ратманъ магистрата онъ имѣлъ надзоръ за мучниками, булочниками и мясниками, чтобъ они не поднимали цѣнъ на необходимые съѣстные припасы; наблюдалъ за раздачею денегъ бѣднымъ, большое число которыхъ отсылалось ежедневно работать надъ городскими укрѣпленіями. Капостасъ сочинилъ проектъ о дисциплинѣ и правахъ мѣщанскаго войска; проектъ этотъ, съ небольшими измѣненіями, былъ одобренъ, напечатанъ и разосланъ ко всѣмъ начальникамъ мѣщанскихъ войскъ для руководства. Въ званіи генералъ-инспектора казенной ассигнаціонной дирекціи, Капостасъ, съ помощію разныхъ людей, особенно купцовъ, сочинилъ указъ верховнаго совѣта, которымъ выпускались ассигнаціи; написалъ другой проектъ о приведеніи въ порядокъ ассигнаціонной дирекціи и о составленіи ассигнацій. Не смотря на всю эту дѣятельность Капостасъ не могъ соперничать съ Килинскимъ относительно вліянія на толпу: Капостасъ работалъ въ магистратѣ, въ ассигнаціонной дирекціи, а Килинскій всегда находился съ толпою, начальствовалъ при работахъ на шанцахъ, и работать было весело, благодаря тому же Килинскому, который нанималъ музыку, угощалъ тѣхъ, которые могли доставлять ему вліяніе. Капостасъ не безъ зависти смотрѣлъ на значеніе, пріобрѣтенное Килинскимъ, что видно изъ отзывовъ его о знаменитомъ башмачникѣ. Говоря объ участіи Килинскаго въ заговорѣ, Капостасъ замѣчаетъ: «Килинскій обѣщалъ въ случаѣ возмущенія выставить тотчасъ въ разныхъ мѣстахъ многія партіи мѣщанъ на помощь войску. Но онъ, какъ я подъ рукою узналъ, а особливо отъ Гасчеровскаго, тогдашняго адъютанта

*) Показанія Капостаса.

коронной гвардіи, выполнилъ это очень дурно или, лучше сказать, ничего не выполнилъ, и еслибъ чернь не присоединилась къ войскамъ вскорѣ сама собою, то они бы погибли именно вслѣдствіе неисполненія Килинскимъ своего обѣщанія. Даже многіе сказывали мнѣ, что не понимаютъ, почему Килинскому приписываютъ такъ много важнаго, тогда какъ никто не знаетъ за нимъ ни одного поступка, достойнаго такихъ похвалъ, какія ему расточаютъ. Зная самолюбіе его непомѣрное, не сомнѣваюсь я нисколько, чтобъ онъ не хвалился тридцатью подвигами, изъ которыхъ едва ли справедливъ тридцатый. Какъ ни честенъ характеръ этого человѣка, однако онъ такъ слабъ и не дальновиденъ, что каждый мнимый патріотъ можетъ склонить его ко всему, къ чему угодно» *). Скоро Килинскій долженъ былъ оставить Варшаву; но чтобъ объяснить причину этого удаленія, мы должны обратиться къ военнымъ дѣйствіямъ.

Мы видѣли, что по выходѣ своемъ изъ Варшавы генералъ Игельстромъ соединился съ Прусаками; отрядъ его заключалъ въ себѣ около 250 человѣкъ; потомъ, перешедши въ Ловичь , онъ стянулъ около себя 7,000 войска. Генералъ Денисовъ стоялъ съ своимъ корпусомъ въ Щекоцинахъ (на рѣкѣ Пилицѣ, къ сѣверу отъ Кракова), въ двухъ миляхъ отъ Щекоцинъ въ Жарновцѣ стояли Прусаки подъ начальствомъ генерала Фавра. Къ нимъ на помощь скоро явился съ войскомъ самъ король Фридрихъ Вильгельмъ II. Прусаки спѣшили наступательными движеніями на Польшу, вопервыхъ для того, чтобъ не дать распространиться мятежу въ областяхъ, присоединенныхъ къ Пруссіи: вовторыхъ, чтобъ воспользоваться малочисленностію русскихъ войскъ въ Польшѣ и взять себѣ здѣсь первенствующую роль, которая бы дала возможность пріобрѣсть хорошій кусокъ при третьемъ, послѣднемъ раздѣлѣ: раздѣлъ

*) Показанія Капостаса.

этотъ былъ несомнѣненъ при такъ безразсудно начатомъ движеніи со стороны Поляковъ. 6 іюня (н. с.) Косцюшко напалъ на соединенныя русскія и прусскія войска при Щекоцинахъ и потерпѣлъ пораженіе. 8 іюня русскій генералъ Дерфельденъ поразилъ при Хельмѣ Поляковъ, бывшихъ подъ начальствомъ Зайончека, 15 іюня Краковъ сдался Прусакамъ. Косцюшко былъ въ отчаянномъ положеніи. Онъ хотѣлъ поднять крестьянъ, набралъ изъ нихъ отрядъ, поддѣлывался къ нимъ, надѣлъ деревенскую сермягу, ѣлъ и цѣлые дни проводилъ съ ними. Но все это не вело ни къ чему: прицавленные крестьяне не понимали, какое у нихъ можетъ быть общее дѣло съ шляхтою; не понимали, зачѣмъ они должны драться, чтобъ дать торжество такъ называемой Польской республикѣ надъ ея врагами? Крестьяне не поднимались, а между тѣмъ шляхта сильно встревожилась, увидавъ поведеніе генералиссимуса относительно крестьянъ, и нисколько не думала сообразоваться съ этимъ поведеніемъ. Въ то время когда Косцюшко заставлялъ крестьянъ въ рядахъ своихъ биться за *ойчизну*, шляхта обременяла женъ и дѣтей ихъ *паньщизною* (барщиною). Косцюшко разослалъ универсалъ, въ которомъ стращалъ шляхту, что Москва старается поднять польскихъ крестьянъ, указывая имъ на ихъ злую долю и обѣщая облегченіе властію императрицы Екатерины. Косцюшко требовалъ, чтобъ крестьянинъ былъ лично объявленъ свободнымъ, чтобъ рабочіе дни были уменьшены; чтобъ землевладѣлецъ могъ отнимать у крестьянина землю только доказавши передъ судомъ, что тотъ не исполняетъ своихъ обязательствъ; чтобъ землевладѣльцы и управляющіе за притѣсненія крестьянъ отвѣчали передъ судомъ какъ виновные въ намѣреніи погубить дѣло національнаго возстанія **). Универсалъ возбудилъ въ шляхтѣ стра-

*) Pamiętnik józefa Zajączka, въ: Pamiętniki z 18 wieku, II, 118.

**) D'Angeberg—Recueil des traités et. c. p. 373.

шный ропотъ на нарушеніе права собственности и остался безъ исполненія *).

Въ это время, когда шляхта не хотѣла сдѣлать ни малѣйшаго облегченія сельскому люду, въ Варшавѣ въ церкви св. Креста, проповѣдникъ съ каѳедры, во время обѣдни, произносилъ похвальное слово Робеспьеру. Понятно, что королю послѣ этого стало не очень пріятно въ Варшавѣ. 16 іюня, увѣдомляя Ко цюшку о необходимости укрѣпить Варшаву въ извѣстныхъ мѣстахъ, Станиславъ Августъ писалъ, что надобно отправить дамъ изъ города и освободить знатныхъ арестантовъ, чтобъ революція не носила якобинскаго характера; тутъ же король изъявлялъ желаніе находиться въ лагерѣ подлѣ генералиссимуса, и жаловался, что верховный совѣтъ сообщаетъ ему о дѣлахъ поверхностно, и то когда уже рѣшеніе постановлено, что члены совѣта избѣгаютъ свиданія съ нимъ, Потоцкій и Закржевскій были только разъ во дворцѣ. Когда король повторилъ эти желанія и жалобы Деболи, тотъ отвѣчалъ: «Мое мнѣніе — оставайтесь здѣсь и будьте покойны, оставьте правительствующимъ лицамъ дѣлать все, что они хотятъ». Король сказалъ на это: «Если бы я руководился единственно самолюбіемъ, то былъ бы вашего мнѣнія; но я люблю народъ и хочу спасти настоящее правительство». — «Правительство въ хаосѣ, оставайтесь спокойнымъ зрителемъ», отвѣчалъ Деболи **). По свидѣтельству Нѣмцевича, Коллонтай употреблялъ всѣ средства, чтобъ погубить короля ***).

Вѣсти о пораженіяхъ Косцюшки и Зайончека и о сдачѣ Кракова подали поводъ въ Варшавѣ къ явленіямъ, напомнившимъ сентябрьскіе дни Французской революціи. 27 іюня Казимиръ Конопка, бывшій секретарь Коллонтая, сталъ про-

*) Zajączek. 119.

**) Записки С. А. Понятовскаго.

***) Показанія Нѣмцевича (неизданныя).

износить предъ народными толпами зажигательную рѣчь, указывалъ на измѣну Краковскаго комменданта Венявскаго, сдавшаго городъ Прусакамъ, говорилъ, что въ стѣнахъ Варшавы много такихъ же измѣнниковъ, пощаженныхъ 9 мая, увѣщевалъ народъ тробовать ихъ казни. Ночью народъ въ разныхъ мѣстахъ поставилъ висѣлицы, а на другой день, 28 числа, толпы направились къ тюрьмѣ, повѣсили прежде всего начальника тюрьмы, Маевскаго, за то, что онъ не хотѣлъ имъ выдать списка заключенныхъ, а потомъ перевѣшали безъ разбора и послѣднихъ. Капостасъ вмѣстѣ съ Килинскимъ старались тутъ утишить разсвирѣпѣвшую толпу, но понапрасну: имъ самимъ грозили висѣлицею. Килинскій разсердился и подалъ въ верховный совѣтъ предложеніе— забрать нѣсколько тысячъ бѣдныхъ и безпокойныхъ людей, участвовавшихъ въ дѣлѣ 28 числа, и отправить ихъ въ армію къ Косцюшкѣ. Предложеніе было принято, и самого Килинскаго сдѣлали полковникомъ и отправили къ войску: «воспользовались случаемъ, говоритъ Капостасъ, чтобы только съ честію выпроводить его изъ города, потому что слишкомъ сильное вліяніе его на чернь, при всей честности его сердца, но при слабости ума, могло сдѣлаться вреднымъ».

Но удаленіе безпокойныхъ людей и Килинскаго не уничтожило якобинскихъ замашекъ, которыя сильно тревожили короля. 1-го іюля онъ писалъ Косцюшкѣ: «Надобно, чтобъ вы знали, въ какомъ положеніи находится Варшава. Открыто на рынкѣ и въ питейныхъ домахъ поютъ пѣсню, въ концѣ которой говорится: Мы, Краковяне носимъ на поясѣ шарикъ: мы на немъ повѣсимъ короля и примаса. Тѣ же угрозы слышались въ толпахъ 28 іюня. Всей Варшавѣ извѣстно, что въ продолженіи двухъ ночей передъ 28 числомъ дворецъ и Вислу стерегла община рыбаковъ, чтобъ воспрепятствовать моему мнимому бѣгству; слухами объ этомъ бѣствѣ свернули головы народу и слѣдствіемъ были ужасы

28 іюня. Въ цѣлой Варшавѣ теперь нѣтъ ни одного человѣка, которому было бы поручено и который былъ бы въ состояніи охранять меня. Поэтому я прошу васъ прислать сюда отрядъ войска для сохраненія безопасности и спокойствія, и для моей защиты, только бы этотъ отрядъ состоялъ не изъ рекрутъ, недавно набранныхъ въ Варшавѣ».

Но Косцюшкѣ было не до этого. Послѣ пораженія при Щекоцинахъ онъ поспѣшилъ къ Варшавѣ и ввелъ свои войска въ линіи ея укрѣпленій; но въ тоже время стремился къ Варшавѣ и король Прусскій, и 13 іюля осадилъ ее, подкрѣпляемый русскимъ войскомъ, которымъ предводительствовалъ Ферзенъ, смѣнившій Игельстрома. Прусаки хотѣли воспользоваться своимъ численнымъ преимуществомъ, чтобъ распорядиться Польшею въ свою пользу; Русскіе, разумѣется, не должны были допускать ихъ до этого. Фридрихъ Вильгельмъ II жаловался, что Ферзенъ день ото дня становится менѣе *traitabel* (сговорчивъ). Къ ужасу своему, король узналъ, что императоръ Францъ хочетъ пріобрѣсть себѣ южные палатинаты Польши — Люблинъ, Хельмъ, Краковъ и Сендомиръ. Прусаки сильно сердились, а Ферзенъ хладнокровно говорилъ, что австрійскія желанія вполнѣ справедливы. Въ Прусскомъ лагерѣ было разногласіе во мнѣніяхъ относительно веденія войны: Люкезини совѣтовалъ дѣйствовать энергически, взять Варшаву, перейти Вислу, вступить въ Литву, такъ чтобы послѣ, при раздѣлѣ, можно было хвалиться умѣренностію, ограничившись линіею Вислы съ Сендомиромъ и Краковомъ. Другаго мнѣнія былъ Бишофсвердеръ: онъ говорилъ, что не слѣдуетъ тратить прусскихъ солдатъ въ кровопролитномъ дѣлѣ взятія Варшавы, которая должна сама сдаться, когда жители увидятъ серіозныя приготовленія къ осадѣ. Рѣшено было длить осаду и пускать Русскихъ биться около польскихъ шанцевъ: пусть ихъ тратятъ своихъ солдатъ. Но Ферзенъ на

это не поддался. Когда король приглашалъ его къ отдѣльному нападенію, то онъ отвѣчалъ, что слишкомъ слабъ, чтобъ дѣйствовать порознь, а вмѣстѣ съ Прусаками готовъ. Гольцъ присылалъ изъ Петербурга вѣсти, что тамъ вполнѣ одобряютъ поведеніе Ферзена, что генералъ этотъ, пожалуй, уйдетъ за Вислу и оставитъ Прусаковъ однихъ. Фридрихъ Вильгельмъ въ августѣ отправилъ въ Петербургъ одного изъ своихъ дипломатовъ, Тауенцина, который долженъ былъ внушить русскому министерству, что король желаетъ для себя земель между Силезіею, южною Пруссіею и Вислою; король считаетъ полезнымъ, чтобъ между Россіею и Пруссіею находилось небольшое отдѣльное владѣніе; это владѣніе Тауенцинъ долженъ былъ предложить графу Зубову, съ условіемъ, чтобъ тотъ поддержалъ Прусскія требованія противъ Австрійскихъ. Но скоро пришла вѣсть, что король Прусскій отступилъ отъ Варшавы. Самъ Фридрихъ Вильгельмъ увѣдомилъ объ этомъ императрицу слѣдующимъ письмомъ*): «Съ горестію узналъ я о Варшавскихъ убійствахъ, и, преисполненный такимъ же негодованіемъ, какое было возбуждено и въ В. В—ствѣ, я съ рѣдкою энергіею занялся средствами наказать ихъ виновниковъ. Я собралъ наспѣхъ всѣ войска, какія только были поблизости и разбилъ, вмѣстѣ съ генераломъ Денисовымъ, постоянно возраставшую армію такъ называемаго генералиссимуса, котораго повстанцы себѣ назначили. Не обращая вниманія на тысячу военныхъ потребностей, которымъ я не имѣлъ времени удовлетворить, я ускорялъ походъ нашихъ побѣдоносныхъ войскъ; я заставлялъ непріятеля покидать одну позицію за другою и заставилъ наконецъ броситься въ линіи Варшавы. Но если наши храбрыя войска умѣли побѣждать въ открытомъ полѣ, то существуютъ препятствія, которыхъ одно мужество преодолѣть не въ состояніи. Я нашелъ передъ столицею, гдѣ я

*) Отъ 1-го сентября 1794.

надѣялся уничтожить гнѣздо мятежа, страшныя укрѣпленія, многочисленную артиллерію, а у меня именно недоставало артиллеріи. Въ то время, какъ я распоряжался, чтобъ осадныя орудія были взяты изъ Прусскихъ крѣпостей и доставлены подъ Варшаву съ большими издержками, мятежники успѣли усовершенствовать свои укрѣпленія и, что всего хуже, возбудить мятежъ въ провинціяхъ, недавно мною пріобрѣтенныхъ, и характеръ этого мятежа становился день ото дня опаснѣе. Я долго льстилъ себя надеждою, что, взявши Варшаву, я предупрежду взрывъ, и еслибы корпусъ генерала Дерфельдена, находившійся уже въ Пулавахъ, не получалъ приказа принять другое направленіе вмѣсто того чтобъ пособить мнѣ нанести рѣшительный ударъ, то конечно я не обманулся бы въ моей надеждѣ. Принужденный ограничиться собственными средствами, я однако не терялъ мужества не смотря на умножавшіяся препятствія. Я приказалъ сдѣлать всѣ распоряженія къ послѣдней аттакѣ; но наканунѣ получаю печальное извѣстіе, что суда мои съ странспортомъ взяты или потоплены инсургентами. Со всѣхъ сторонъ меня извѣщаютъ, что мятежъ въ южной Пруссіи пріобрѣтаетъ день ото дня болѣе силы. Наши сообщенія прерваны, полученіе запасовъ ненадежно, равно какъ и спокойствіе моихъ провинцій.

«Въ этомъ положеніи, при потерѣ надежды, что или корпусъ войска вашего величества или императорскій могутъ на правомъ берегу Вислы помочь усиліямъ, которыя я посвящалъ взятію Варшавы, такъ какъ не было возможности и по опасности сообщеній и по малости времени вознаградить скоро потерю снарядовъ, которыхъ я ожидалъ съ такимъ живымъ нетерпѣніемъ, то мнѣ не оставалось другаго выбора какъ отступить съ моими войсками, при чемъ часть ихъ ввести въ взбунтованную провинцію, остальныя же помѣстить въ недальнемъ разстояніи отъ столицы, чтобъ держать въ страхѣ ея виновныхъ защитниковъ».

Когда письмо это было получено въ Петербургѣ, то на Тауенцина повѣялъ дипломатическій холодъ: Императрица проходила мимо молча; Марковъ и Остерманъ толковали, какую ошибку сдѣлалъ король, потому что одно взятіе Варшавы могло положить конецъ волненіемъ въ прусскихъ областяхъ. Зубовъ, на извѣстное предложеніе отвѣчалъ, что слишкомъ много чести, да и Австрійцы не позволятъ; что всего хуже для Тауенцина, Зубовъ объявилъ, что Австрію надобно вознаградить за ея борьбу съ Французскою революціею, а вознаградить больше негдѣ, какъ въ Польшѣ. Когда Тауенцинъ объявилъ притязанія своего двора на земли въ 1300 квадратныхъ миль, то Зубовъ, Марковъ и Остерманъ отвѣчали, что хотя доля и велика, однако они употребятъ у императрицы всѣ старанія въ пользу Пруссіи. Но Екатерина отвѣчала, что она проситъ короля отказаться отъ воеводствъ Краковскаго и Сендомірскаго, необходимыхъ для Австріи; что же касается до русской доли, то сама природа указала границы: Бугъ и Нѣманъ; да еще къ Россіи отойдетъ Курляндія, потому что при двухъ прежнихъ раздѣлахъ Россія не получила приморскихъ городовъ. Вся остальная Польша отдавалась Пруссіи съ городомъ Варшавою. При этомъ третьемъ раздѣлѣ Россія получала 2000 съ чѣмъ нибудь квадратныхъ миль, Австрія 1000, Пруссія съ чѣмъ нибудь 700; но хуже всего для Пруссіи было то, что Австрія получала перевѣсъ. Тауенцинъ былъ въ самомъ печальномъ положеніи. Къ большему его несчастію приходитъ извѣстіе, что договоръ Пруссіи съ Англіею для веденія французской войны нарушенъ что генералъ Моллендорфъ идетъ назадъ съ Рейна. «Императрица, говорилъ Остерманъ, не хочетъ обсуживать, кто здѣсь правъ кто виноватъ, Пруссія или Англія? Но Ея Величество не понимаетъ, противъ кого Пруссіи нужно усиливать войска свои въ Польшѣ? Она думаетъ, что Пруссія не должна была бы показывать себя въ

такой зависимости отъ англійскихъ денегъ; теперь она видитъ, какъ хорошо сдѣлала, что не послала своихъ войскъ на западъ въ такую коалицію. Какъ блистательно отличается поведеніе Австріи, которая, не смотря на всѣ пожертвованія, продолжаетъ оказывать ревность къ французской войнѣ» Марковъ говорилъ: «Въ Пруссіи забыли благодѣянія договора 1793, не хотятъ обратить вниманіе на то, что южная Пруссія составляетъ вознагражденіе не за одинъ, но за пять походовъ; позабыли, что въ договорѣ прямо обѣщано не оканчивать войны до совершеннаго уничтоженія французской революціи». Всѣ эти разговоры заставили Пруссію торопиться начатіемъ сношеній съ Франціей; а Россіи былъ данъ отвѣтъ, что Пруссія не можетъ уступить Кракова, который въ прусскихъ рукахъ будетъ только пунктовъ защиты, потому что лежитъ на сѣверъ отъ горъ, а въ Австрійскихъ пунктомъ нападенія, и Прусская Силезія будетъ со всѣхъ сторонъ окружена Австрійскими владѣніями. Если же нельзя удовлетворить требованіямъ Пруссіи, то она вовсе не желаетъ раздѣла *).

Судьба Польши рѣшилась русскимъ оружіемъ: для этого императрица отправила Суворова, хотя званіе главнокомандующаго носилъ графъ Румянцевъ-Задунайскій. Суворовъ поразилъ корпусъ генерала Сѣраковскаго при монастырѣ Крупчицѣ, потомъ добилъ его въ окрестностяхъ Бреста 8 сентября: 8 часовъ бились холоднымъ оружіемъ, Поляковъ едва спаслось 500 человѣкъ, плѣнныхъ было взято мало, едва нѣсколько сотъ. «Ея И. В—ства побѣдоносныя войска, писалъ Суворовъ Румянцеву, платили его (непріятеля) отчаянность, не давая пощады, отчего нашъ уронъ примѣчателенъ, хотя не великъ; поле покрыто убитыми тѣлами свыше пятнадцати верстъ. Мы очень устали»**). Суво-

*) Sybel—Geschichte des Revolutionszeit, III, 268 и слѣд.

**) Донесеніе изъ Бреста 8 сентября 1794 года.

ровъ шелъ на соединеніе съ Ферзеномъ; 3000-й польскій отрядъ подъ начальствомъ Понинскаго былъ высланъ помѣшать переправѣ Ферзена черезъ Вислу; но онъ не успѣлъ этого сдѣлать, оправдывая себя впослѣдствіи густою мглою. Въ такихъ обстоятельствахъ Косцюшко рѣшился соединиться съ остатками корпуса Сѣраковскаго, съ Понинскимъ и напасть на Ферзена, не допуская его до соединенія съ Суворовымъ. Главная квартира польскаго войска, послѣ удаленія Прусаковъ, перенесена была въ Мокотово, имѣніе княгини Любомирской. 5-го октября (н. с.) Косцюшко отдалъ приказъ, чтобъ два полка пѣхоты съ нѣсколькими орудіями перешли мостъ подъ Прагою и шли на соединеніе съ отрядомъ Сѣраковскаго. Вечеръ Косцюшко, Игнатій Потоцкій, Нѣмцевичь и нѣсколько другихъ членовъ ихъ кружка, провели у Закржевскаго; вечеръ былъ веселый и оживленный; никто изъ собесѣдниковъ не предчувствовалъ, что разстаются такъ надолго и что ихъ ожидаетъ такое тяжкое несчастіе *). На другой же день, 6 числа Косцюшко вмѣстѣ съ Нѣмцевичемъ отправился въ лагерь Сѣраковскаго; 7-го недождавшись ни подкрѣпленія изъ Варшавы, ни Понинскаго, Косцюшко выступилъ противъ Ферзена съ 6500 пѣхоты и 4000 кавалеріи; 9 числа, около 4 часовъ пополудни, Поляки, держа путь къ селенію Мацѣевицѣ, вышли изъ большаго лѣса. Косцюшко и Нѣмцевичь, въ товариществѣ нѣсколькихъ улановъ, выѣхали напередъ и черезъ нѣсколько минутъ открылась имъ русская армія, стоявшая обозомъ вдоль Вислы. Польскіе вожди должны были признаться, что впечатлѣніе, производимое этою арміею, было сильно и надавало страху. Поляки немедленно же начали перестрѣлку съ казаками; но эта перестрѣлка скоро утихла; ночью приготовились къ битвѣ. Русскіе превосходили числомъ

*) Нѣмцевича: о битвѣ подъ Мацѣёвицами, въ Pamiętniki z 18 wieku, t. II.

войска и орудій; у Поляковъ было выгоднѣйшее положеніе: они стояли на землѣ сухой и возвышенной, тогда какъ Русскіе въ болотѣ, гдѣ съ каждымъ шагомъ грязли орудія и люди. Русскіе дѣйствовали убійственно своею артиллеріею; потомъ, приблизившись на карабинный выстрѣлъ, начали страшный ручный огонь. Въ мгновеніе ока земля покрылась убитыми и ранеными. Польскія пушки умолкли, Поляки потеряли всякое терпѣніе; польскій отрядъ полковника Крженцкаго рванулся было, чтобы ударить въ атаку; но русскія ядра стелятъ его мостомъ, и не даютъ проходу крестьянамъ, вооруженнымъ косами. Наконецъ Поляки обращаются во всеобщее бѣгство. Ихъ было побито на мѣстѣ 5000, да взято въ плѣнъ 1500, большею частью раненыхъ; уронъ Русскихъ, отъ отчаяннаго сопротивленія непріятелей, былъ не малъ. Честь дѣла принадлежитъ генералу-майору Денисову; Ферзенъ явился уже къ концу битвы. Польскіе Генералы: Каминскій, Сѣраковскій, Княжевичь, бригадиръ Копецъ, Нѣмцевичь, были взяты въ плѣнъ. Около пяти часовъ вечера явился въ главную квартиру отрядъ русскихъ солдатъ, которые несли полумертваго человѣка: то былъ Косцюшко. Кровь покрывала его тѣло и голову, лице было блѣдно-синее *).

*) Извѣстно знаменитое выраженіе Косцюшки, когда онъ падалъ отъ ранъ: «Finis Poloniae». Въ послѣдствіи, въ 1803 году, въ письмѣ къ графу Сегюру онъ самъ отрицаетъ это извѣстіе: «Прежде всего, до окончанія сраженія, я былъ почти смертельно раненъ и очнулся только два дня спустя, когда уже находился въ рукахъ моихъ враговъ. Потомъ, если подобное слово непослѣдовательно и преступно въ устахъ каждаго Поляка, то оно было бы гораздо болѣе непослѣдовательнымъ и преступнымъ въ моихъ устахъ. Я не былъ послѣднимъ Полякомъ, съ моею смертію Польша не могла, и не должна была кончиться.» (Recueil des traités, conventions etc. par le Comte d'Angeberg, page 392).—Понятно, что въ 1803 году Косцюшко считалъ себя обязаннымъ опровергнуть извѣстіе о «finis Poloniae». Мы вовсе не думаемъ уличать его во лжи; но замѣтимъ, что если онъ очнулся только два дня спустя, то спрашивается: могъ ли онъ

Получивъ извѣстіе о плѣнѣ Косцюшки, Суворовъ писалъ Румянцеву: «Поздравляю въ живыхъ перваго героя, Россійскаго Нестора. Господь силъ съ нами»! Еще легче и раньше было потушено Литовское возстаніе. И здѣсь, какъ въ Польшѣ, среди спокойнаго народонаселенія страны волновалась одна Вильна, и небольшіе отряды войска были единственными представителями возставшихъ. Мы видѣли какую роль игралъ артиллеристъ Ясинскій въ Варшавскомъ заговорѣ: легко понять, что онъ былъ главнымъ двигателемъ Виленскаго возстанія, когда въ Литвѣ распространилась вѣсть о событіяхъ въ Краковѣ и Варшавѣ. Ясинскій, съ 300 солдатъ и съ небольшою толпою народа, взволновалъ Вильну; Русскій генералъ Арсеньевъ по своей невнимательности попался въ плѣнъ; Гетманъ Косаковскій былъ повѣшенъ какъ измѣнникъ. Но послѣ этого взрыва сейчасъ же оказалось, что въ Литвѣ нечего больше сдѣлать; ни людей съ правительственными способностями, ни войска, ни денегъ, а между тѣмъ русскіе отряды перекрещивали Литву во всѣхъ направленіяхъ. Командующимъ Литовскою арміею Косцюшко назначилъ Віельгорскаго. Новый главнокомандующій, пріѣхавши въ Вильну, пришелъ въ ужасъ отъ рапорта о состояніи арміи; еще въ большій ужасъ пришелъ онъ когда сдѣлавъ смотръ войскамъ, увидалъ малое число солдатъ способныхъ къ бою, недостатокъ артиллеріи. Послали къ Косцюшкѣ представить ему это бѣдственное состояніе; Косцюшко отвѣчалъ, что будучи самъ стиснутъ непріятелемъ, на-

помнить, что ему пришло на умъ и на языкъ въ минуту отчаянія. Онъ защищаетъ свою скромность; но зачѣмъ же было ему относить гибель Польши къ собственной особѣ: Польша погибала, потому что истощала послѣднія силы, и, проигравши сраженіе, выигрышъ котораго могъ бы дать еще какую-нибудь, хотя слабую надежду помѣряться съ русскими силами, Косцюшко имѣлъ полное право сказать «Finis Poloniae». Нѣмцевичь, описавшій намъ сраженіе подъ Мацѣёвицами, говоритъ прямо, что Косцюшко былъ еще живъ и не раненъ, когда уже судьба сраженія не могла быть сомнительна, когда уже Русскіе овладѣли полемъ битвы.

ходившимся у воротъ Варшавы, не можетъ раздѣлять своихъ войскъ и подать помощь Литвѣ; онъ просилъ Віельгорскаго не отчаяваться, и не начинать съ Русскими рѣшительнаго дѣла, чтобъ имѣть возможность держаться какъ можно долѣе въ Литвѣ *).

Но это было трудно сдѣлать: Русскіе явились подъ Вильною; Віельгорскій, больной физически и нравственно, сдалъ команду генералу Хлевинскому, и тотъ очистилъ Вильну передъ русскими войсками, которые вошли въ городъ 12 августа.

Оставалось покончить съ Варшавою. Вѣсть о плѣнѣ Косцюшки встрѣчена была здѣсь отчаяніемъ. Верховный совѣтъ далъ ему въ преемники генерала Вавржецкаго. Сдѣланы были разныя распоряженія; всѣ войска сосредоточены около столицы; всѣхъ жителей заставили работать надъ укрѣпленіями Праги; но уже со всѣхъ сторонъ громко толковали о необходимости сдаться Русскимъ на милость. Суворовъ не заставилъ себя долго ждать, тѣмъ болѣе, что ему хотѣлось предупредить Прусскаго короля. 4 ноября на разсвѣтѣ Русскіе начали атаку Пражскихъ укрѣпленій, особенно тѣхъ, которыя находились на лѣвомъ берегу Вислы. Въ короткое время всѣ онѣ были взяты, людей не жалѣли съ обѣихъ сторонъ, 8000 Поляковъ погибло, вся ихъ артиллерія досталась Русскимъ. Прага, состоявшая преимущественно изъ деревянныхъ домовъ, представляла однѣ обгорѣвшія трубы и кучи пепла. Бомбы много зажгли домовъ и въ самой Варшавѣ. Верховный совѣтъ рѣшился наконецъ сдать городъ; сначала онъ отправилъ къ Суворову Игнатія Потоцкаго; но Суворовъ не принялъ Потоцкаго, объявивши, что не войдетъ въ сношенія ни съ однимъ изъ главъ мятежа. Тогда магистратъ назначилъ троихъ уполномоченныхъ депутатовъ, которые и подписали съ Суворовымъ условія сдачи: жителямъ обѣщана была личная и имущественная безопасность и прощеніе прошлаго; они были всѣ обезоружены.

*) Mémoires de M. Oginski, I, 415 и сл.

Революціонное правительство было уничтожено; король на время вступалъ опять во всѣ свои права и написалъ Екатеринѣ слѣдующее письмо: «Судьба Польши въ Вашихъ рукахъ, Ваше могущество и мудрость рѣшатъ ее; какова бы ни была судьба, которую Вы назначаете мнѣ лично, я не могу забыть своего долга къ моему народу, умоляя за него великодушіе Вашего Императорскаго Величества. Польское войско уничтожено, но народъ существуетъ; но и народъ скоро станетъ погибать, если Ваши распоряженія и Ваше великодушіе не поспѣшатъ къ нему на помощь. Война прекратила земледѣльческія работы, скотъ взятъ, крестьяне, у которыхъ житницы пусты, избы сожжены, тысячами убѣжали за границу; многіе землевладѣльцы сдѣлали тоже по тѣмъ-же причинамъ. Польша уже начинаетъ походить на пустыню, голодъ неизбѣженъ на будущій годъ, особенно если другіе сосѣди будутъ продолжать уводить нашихъ жителей, нашъ скотъ и занимать наши земли. Кажется право поставить границы другимъ и воспользоваться побѣдою принадлежитъ той, которой оружіе все себѣ подчинило.» Екатерина отвѣчала: «Судьба Польши, которой картину Вы мнѣ начертали, есть слѣдствіе началъ разрушительныхъ для всякаго порядка и общества, почерпнутыхъ въ примѣрѣ народа, который сдѣлался добычею всѣхъ возможныхъ крайностей и заблужденій. Не въ моихъ силахъ было предупредить гибельныя послѣдствія и засыпать подъ ногами Польскаго народа бездну, выкопанную его развратителями, и въ которую онъ наконецъ увлеченъ. Всѣ мои заботы въ этомъ отношеніи были заплачены неблагодарностью, ненавистью и вѣроломствомъ. Конечно надобно ждать теперь ужаснѣйшаго изъ бѣдствій, голода; я дамъ приказанія на этотъ счетъ сколько возможно: это обстоятельство вмѣстѣ съ извѣстіями объ опасностяхъ, которымъ Ваше Величество подвергались среди разнузданнаго народа Варшавскаго, заставляетъ меня желать, чтобъ Ваше Величество какъ можно

скорѣе переѣхали изъ этого виновнаго города въ Гродно. Ваше Величество должны знать мой характеръ: я не могу употребить во зло моихъ успѣховъ, дарованныхъ мнѣ благостью Провидѣнія и правдою моего дѣла. Слѣдовательно Вы можете покойно ожидать, что̀ государственные интересы и общій интересъ спокойствія рѣшатъ насчетъ дальнѣйшей участи Польши».

Королю очень не хотѣлось выѣхать изъ Варшавы; онъ представилъ Суворову, что ему не съ чѣмъ выѣхать въ Гродно, не съ чѣмъ оставить въ Варшавѣ своихъ родныхъ и служителей, потому что онъ давно уже не получаетъ никакого дохода, живетъ въ долгъ. Суворовъ отвѣчалъ, что князь Репнинъ позаботится объ этомъ въ Гроднѣ. Король обратился къ Репнину и тотъ отвѣчалъ, что въ Гроднѣ все готово къ его принятію и онъ не будетъ имѣть ни въ чемъ нужды. Баронъ Ашъ, завѣдывавшій дипломатическими дѣлами, увѣрялъ короля, что всѣ остававшіеся послѣ него въ Варшавѣ будутъ обезпечены. Король въ разговорѣ съ Ашемъ, упомянувъ о новомъ раздѣлѣ Польши, сказалъ, что въ такомъ случаѣ онъ согласится лучше отрѣчься отъ престола и провести остатокъ жизни въ Римѣ. Ашъ отвѣчалъ, что отреченіе совершенно зависитъ отъ воли королевской, что Его Величество можетъ устроить это дѣло въ Гроднѣ съ княземъ Репнинымъ. 8 генваря 1795 года Станиславъ-Августъ простился съ главнокомандующимъ, и былъ такъ тронутъ нѣжнымъ прощаніемъ Суворова, что растерялся и не припомнилъ всего, что хотѣлъ ему сказать *).

Станиславъ-Августъ не возвратился въ Варшаву; Польша исчезла съ карты Европы.

КОНЕЦЪ.

---

*) Записки С. А. Понятовскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Письмо къ императрицѣ Екатеринѣ Александра Ильича Бибикова, изъ Варшавы 14 августа 1772 года. „Реляція моя извѣститъ В. И. Величество о покореніи крѣпости Ченстоховской и объ окончаніи польской войны, каковая донынѣ здѣсь продолжалась, а настоящимъ моимъ письмомъ домолвить осмѣлюсь, что хотя отъ всей католицкой горячей вѣры умаливанъ былъ чудотворной Ченстоховской Богоматери образъ, дабы Она насъ шизматиковъ до своего лика не допустила, однако усердіе наше и солдатскіе молитвы съ такою же пріятностью отъ сего святаго образа пріемлются какъ и отъ истинныхъ Римскаго исповѣданья католиковъ. Папской нунціусъ г. Дурини приписаваетъ сіе польскому невѣрію и съ досады ѣдитъ отсюда скорѣй нежели збирался. Паулинскаго ордена Ченстоховскіе монахи живутъ и жить будутъ яко со братію своею Углицкаго пѣхотнаго ордена. Не будетъ между ими такой войны, какая была у капуциновъ съ Францишканами за капишонъ св. Франциска.“

2) Записка Безбородка 1790 года о томъ, что по окончаніи шведской войны нельзя начинать войны съ Пруссіею и Англіею, но должно сблизиться съ Пруссіею. „Что война съ Портою и понынѣ продолжающаяся, и другая недавно съ шведскимъ королемъ оконченная привели государство въ большое истощаніе какъ и людьми, такъ и деньгами въ томъ не можетъ настоять ни малѣйшее сомнѣніе. Число рекрутъ въ теченіи четырехъ лѣтъ взятыхъ изъ всякихъ состояній народныхъ, простирается за 400,000 человѣкъ. Что же касается до денегъ, недостатокъ въ нихъ такъ великъ, что и са-

мые налоги не могутъ удовлетворить нуждамъ нашимъ. Вексельный курсъ съ начала турецкой войны и по сю пору упадать продолжаетъ. Займы внѣшніе отъ часу становятся затруднительнѣе. Въ таковомъ положеніи не можно не признаться чтобы не было опасно и бѣдственно отважиться на новую войну, прибавляя противъ себя толь сильныхъ непріятелей, каковы король Прусскій и его союзники. Ко внутренному положенію надлежитъ присовокупить и внѣшнее. Мы теперь не имѣемъ союзниковъ. Король Прусскій воспользовался растройствомъ Австрійской монархіи и слабостью нынѣ владѣющаго Императора, поставилъ его въ совершенное недѣйствіе, которое повидимому и по собственнымъ изъясненіямъ Вѣнскаго двора не прервется и при самомъ на насъ нападеніи, по крайней мѣрѣ на первый годъ. Между тѣмъ никто ручаться не можетъ, что если дѣйствія Прусскія въ теченіи сего года будутъ сильны и успѣхомъ сопровождаемы, Императоръ отважился бы вмѣшаться въ войну. Данія на дѣлѣ совсѣмъ выведена изъ системы нашей и отъ нея никакой помочи ожидать нельзя. Союзъ съ Швеціею еще сомнителенъ.“

3) Записка Императрицы къ графу Зубову о Людовикѣ XVI: «Aussi longtemps que le roi de France aura deux volontés contradictoires dont l'une détruira l'autre continuellement dans les effets je pense qu'il deviendra à peu pres inutile de se meler d'orenavant de ses affaires, et que dès que la volonté secrète et la volonté publique ne feront plus qu'un et cesseront d'être contradictoire, le roi de France n'aura plus besoin qu'on l'aide.»

4) Записка Императрицы относительно революціонной Франціи 1791 года: «Je crains que mes efforts ne soyent vains dans ce moment. Il me parait qu'il en est des grandes affaires en général comme des vaisseaux qu'on lance du chantier. Tous les supports sont abbattus, mais le vaisseau ne bouge que lorsque son propre poid l'ebranle. Mais alors en vain voudrait on l'arreter!» Способъ дѣйствія, предлагаемый Екатериною: D'employer cette hyver à travailler d'un parfait accord à établir et consolider un concert ou un plan positif tant entre nous qu'avec l'empereur, les rois de Prusse, d'Espagne et de Sardaigne et à tirer d'eux des promesses precises d'agir au commencement du printems. En supposant ce qui est plus que probable que l'esprit de subversion continuira longtemps en France, que l'assemblée prétendue nationale ira d'incongruité en incongruité, que personne dans ce paysne sau-

ra ni commender, ni obéir et qu'il en resultera necessairement des procedés qui fourniront de plus en plus des grifes à tous les souverains et acheveront de les indigner et provoquer, ce sera alors le cas et le moment d'entreprendre et d'executer la descente projettée (en Normandie). De tacher de savoir au vrai sur tout les sentiments et les dispositions du roi et de la reine de France et d'obtenir un aveu ou une authorisation à ce qu'on entreprendra en leur faveur afin de calmer les scrupules du roi de Prusse qui ne veut point les servir contre leur gré et de légitimer ce qu'on ferait. Il est vrai que le plein pouvoir illimité donné par le roi à Monsieur aurait pu tenir lieu d'un pareil acte aux yeux de sa Majesté Prussienne: mais comme elle y attache de l'importance, il serait bon de la contenter la dessu. Il faut endormir l'assemblée prétendue nationale, lui faire croir que la vivacité des armements est rallentie de toutes partes.

5) Письмо короля французскаго Людовика XVI къ королю шведскому Густаву III 26 ноября 1791 года. «Monsieur mon frère. Il me tardait bien de trouver une occasion sure pour témoigner à Votre Majesté toute ma sensibilité de l'interet qu'elle m'a tèmoigné dans les differents circonstances ou je me suis trouvé, je compte assez sur son amitié et sur ses sentiments pour moi pour être sur de conserver toujours en elle un allié et un ami fidéle. Votre Majesté sentira aisement que ma position exige de grands ménagements.

J'espère dans peu pouvoir lui faire part de touts mes projets, et mettant ma confiance dans sa façon de penser noble et genereuse, je ne doute pas qu'elle ne les seconde de tout son pouvoir et qu'elle n'emploie l'influence qu'elle a sur l'Emperatrice de Russie pour la decider en ma faveur. Je désire bien que Votre Majesté se serve de celle qu'elle a à Coblence et à Vorms pour empecher qu'on fasse quelque entreprise qui derangerait mes projets et ne pourrait qu'être fatale à moi et à mon royaume.

6) Письмо Людовика XVI къ королю Прусскому отъ 3 декабря 1791 года: «J'ai appris par Monsieur de Moutier l'interet que Votre Majésté avait témoigné non seulement pour ma personne mais encore pour le bien de mon royaume. La disposition de V. M. à m'en donner des témoignages dans touts les cas ou cet interet pourrait être utile pour le bien de mon peuple a excité vivement ma sensibilité, je le reclame avec confiance dans ce moment—ci ou malgré l'accep-

tation que j'ai faite de la nouvelle constitution les factieux montrent ouvertement le projet de detruire entierement les restes de la monarchie. Je viens de m'adresser à l'Empereur, à l'Emperatrice de Russie, aux rois d'Espagne et de Suede et je leur presente l'idée d'un congrés des principales puissances de l'Europe, appuyé d'une farce armèe comme la meilleure maniere pour arreter ici les factieux, donner le moyen d'établir un ordre de choses plus desirable et empecher que le mal qui nous travaille puisse gagner les autres Etats de l'Europe. J'espere que V. M. approuvera mes idées et qu'elle me gardera le secret le plus absolu sur la demande que je fais auprès d'elle.

7) Письмо Маріи Антуанеты къ Екатеринѣ II 3-го декабря 1791 года. «Dés le mois de Juillet j'ai demandé, j'ai conjuré l'Empereur de s'occuper de nos affaires, j'avois donné dés lors un plan à mon frère pour rassembler un congres ou toutes les puissances se reuniraient. Le moment etait pressant alors. et si l'Empereur m'avait repondu il aurait fixé notre conduite sur acceptation (конституціи). Il est tres essentiel que nous n'y paraissions en rien (на конгрессѣ) et même qu'ici nous puissions suivre exactement la marche que nous avons adoptée pour ne pas donner aucun soupçon. L'extrême prudence que nous devons mettre dans nos projets et toutes nos actions, fait qu'il nous a éte impossible d'instruire les frères du roi de nos idées, a Dieu ne plaise qu'il y aye la moindre méfiance entre nous comme on veut le répendre: nous jugons de leurs coeurs par les notres et nous savons bien qu'ils ne sont occupés que de nous; mais tout ce qui les entourent n'est pas de même. La legereté des uns, l'indiscretion des autres, l'ambition meme de quelques uns tout impose á nos coeurs la loi penible de ne pas leur parler avec l'abandon.»

8) Записка Екатерины безъ означенія числа: «Je suis de l'avis de Brissot que le seul moyen pour la France de sortir d'affaire c'est la guerre.

9) О Маріи Антуанетѣ по поводу проекта спасти ее одну съ дофиномъ изъ Франціи. Je ne suis pas de cet avis. Sortir de France avec son fils est tres risqueux pour tous les deux: on cassera le mariage et remariera le mari.

10) Записка безъ числа. Les nouvelles ler plus fraiches disent les Princes dans l'intention de faire une contrerevolution. On les voit triste, abatu, delaissé, faisant pitié, tout

le monde sorti de France les craint et les fuit. J'avoue que je ne leur aime point cette contenance la! Si ils sont dans l'intentión de faire une contrerevolution, je voudroit leur voir l'air noble et assuré, le visage toujours serein, intimement persuadés de la justice de leur cause et de leur entreprise, parlant peu de ce qui leur roule reellement par la tete, mais faisent sortir de grande coeur que des gens de courage et surtout d'esprit ont toujours à leur disposition quantité de ressource dont le vulgaire ne s'avise pas et que par la meme ils en savent toujours infinement plus que les autres, qu'a cette contenance ils ajoutent cette politesse de bienveillance qui gagne les esprits et ils auront fait bien du chemin, je voudroit par leur contenance les voir encourager tout le monde par la les attirer à eux mais non pas les attrister ni faire pitié, la pitié est un sentiment penible qui fait que bien des gens vous fuye an lieu que l'encouragement attire toutes les ames abbatue. C'est precisement remede qu'il faut à cette maladie du decouragement universel qu'a donné l'ancien regime et auquel le nouveau n'a pas remedié. Ces memes nouvelles disent que le roi de l'Esp. et l'Emp. donnent chaquun aux princes 10000 hommes; je le souhaite. Elles disent encore que les princes en auront 60000 et moi je dis qu'il ne leurs en faut pas tant, 10000 suffisent mais il y faut de l'ordre et de la discipline. Il ne faut rien entreprendre avant que de savoir ce que veut le roi la reine les princes sont ils unis ou desunis. Il ne doivent avoir qu'un seul interets celui du retablissement de la monarchie de l'ordre et de la tranquillité avec le maintien de l'eglise catholi romaine dans la constitution par les conciles oecumenique. Il est singulier quelle mefiance regne eutre tous les Français de tout les partis et malgré cela ils sont d'une indiscretion rare. Les princes doutes si les Autrich. les pr. d'Allemagne sont pour eux ou pour partager le gateau. De toutes les puissances celle qui ne pense aucunement au partage du gateau mais à son maintien intacte c'est la Russie.

10) La reine Elisabeth preta quelque argent à Henri IV pour l'aider á conquerir le throne de ses ayeux. Elle lui demandoit Calais et Dunkerque et la Bretagne. Catherine Seconde pretera aux princes volontiers 500000 roubles pour delivrer le roi et famille royale de captivité et son royaume de l'anarchie; ils lui rendront son argent quand ils pourront mais Elle ne leur demande rien (si non leur amitié) sinon de

n'être jamais nommée pendant l'entreprise ni même aprés, parceque la chose même rendra un servicc essentiel á toute l'Europe et que si on la nommoit d'autres puissances peut être par une jalousie mal entendue pourroit y contribuer avec moins de chaleur on meme contrarier la reussite.

11) Записка къ Румянцеву во Франкфуртъ по дѣламъ Французскимъ. Il faut mettre fin aux incertitudes et à la lenteurs de la diete de l'Empire et faire decreter une declaration de guerre en bonne et due forme et la faire soutenir par le plus de troupes que l'Empire d'Allemagne est capable de mettre sur pied. Je ne pretend pas rester en arriere ni en effet reel ni en negotiations. Mon poste est pris et mon role assigné: je me charge de veiller sur les Turcks, les Polonois et la Suede, celle-ci a presentement pour tuteur de son jeune roi un des chefs de cette engeance mistique de Theosophes (герцогъ Зюдерманландскій) qui travaille au renversement de la religion chretienne et des thrones, la Suede est rongée de democratie, le jeune roi est menacé et ses jours ne sont pas en sureté. La Pologne est aussi remplie de cloub jacobinite. Les Turks sont incité et tourmenté par milord Ainsly et les democrates à declarer la guerre à deux cours imperiales. Ma posture est telle que j'espere de tenir en respect ceux dont je me charge, outre cela je remplirai avec exactitude ce à quoi mon traité d'Alliance m'engage vis-à-vis de l'Empereur et j'assisterai le princes freres du roy du surplus de ce que j'ai offert en dela de mes engagemens. Pour ce qui regarde mon consentiment à ce projet de voyage de M. d'Artois à Petersbourg, vous pouvés assurer les princes que c'est avec satisfaction qui je ferai la connoissance personnelle de ce prince un des chefs du parti que je regarde comme juste et necessaire de soutenir si jamais l'ordre doit se retablir dans leur malheureuse patrie. Que je remets parfaitement aux jugemens des princes et de leur conseil, si le moment present peut-être favorable pour que M. le Cte d'Artois puisse s'eloigner de son partie et meme de l'endroit le plus proche des frontieres de la France où les hautes Alliés ont dessidé qu'il se tienne, si leurs partisans qui sont dépourvu de bien des choses necessaires ne trouveroient pas pour le moment à redire à la depense meme de ce voyage à peu pres inutile; outre cela il peut se presenter réellement quelque moment favorable qu'un voyage aussi lointain pourroit laisser echapper. La conversation que vous avez eu avec le baron

de Tougout à Luxembourg est assurement bien curieuse. Il est facheux qu'au milien d'aussi difficiles circonstances tout le monde aye perdu la tête, du moins faut-il convenir que le baron de Thougout le premier a eu la sincerîté rare de l'avouer. Mais si en toutes les occasions les grands faiseurs de ce tems ci employent des moyens aussi peu efficaces que ceux qu'ils ont imaginé de demander assistance des puissances d'Italie pour le roi de Sardaigne et le credit ou la bourse de l'electeur de Treves pour les princes il ne faudra plus etonner de ce que la plus belle et la plus juste des causes est aussi pitoyablement servi et que de grandes et belles armées se laissent detruire et battre par un ramas des armées de la plus vile canaille tandis que leurs chefs negocient avec les chefs de ces rebelles et qui se mocquent d'eux et qu'on voit en rang d'oignon les cachets du duc de Bronswig et celui de Dumourier ou quelque chose d'approchant. Michelson ne traitait pas avec Pougatschef, il se seroit cru criminel comme lui s'il y avait en ombre de parole portée entre eux. Il y avait amnistie publiée pour ceux qui mettoit bas les armes et pendaison pour ceux qui etaint pris les armes à la main, mais jamais armistice n'eut lieu entre les rebelles et les troupes envoyés pour les detruire. Voila l'etat des choses d'apres lequel il est tems d'arranger les mesures à prendre tout militaires que politiques pour remedier aux fautes enormes qui ont été commises parcequ'on n'a pas voulu employer à tems tous les moyens qu'on avait pour reprimer le mal dans la naissance et qu'on l'a laissé accroitre croyant qu'il etait d'une tres fine politique de detruire la rivale par elle meme. Pour moi je voulois qu'on la retablisse par elle meme, assurement il n'y a que la restauration de la monarchie qui le puisse faire, cette restauration encore ne peut se faire que par des mains françoises. Mais presentement avant tout il faut chasser de l'Allemagne et des pays bas les hordes de canibals qui ruinent et devastent et malgré cela trouvent des apotres. Les apotres il faudroit en faire des exemples et non pas les tolerer, encore moins les excuser. Je l'ai dit plus haut et je le repete il ne faudroit negliger aucun des moyens qu'on a et loin de montrer du mepris pour les emigrés, se faire un devoir de les regarder comme des victimes estimables, le roi Louis XIV foisoit moins de conquetes que les rebelles, cependant les adversaires l'accusoient de tenter à la monarchie universelle et toute l'Europe presque se ligua contre

lui. Les rebelles annoncent qu'ils veulent donner leurs lois et constitution à l'univers, ils y marchent à grand pas, dans un mois de tems ils ont percé jusqu'au centre de l'Allemagne sans resistance, ils se sont emparé de la Savoye, et menacent les pays bas dont Mons est deja prit. Il est singulier que M. Tougout vous dit que les princes et leur parti avaient été inutile pendant cette campagne tandisque vous avez été present à Mayence lorsqu'on se concertoit qu'ils le fussent et qu'à cet effet on les divisa en trois corps et que plu d'une fois vous avez entendu repeter que s'ils bougoient, que s'ils entreprenoient quelques faits militaires, les canons autrichiens et prussiens braqués sur eux en feroient raison. Il est assuremeut plus singulier encore que lorsqu'on dit à l'Empire qu'on n'a rien pour le defendre, on s'occupe á aneantir ce corps militaire des emigrés au lieu de lui prescrire de se reunir contre Custine pour le chasser des endroits qu'il occupe. De la maniere dont en a traité les princes, les emigrés et leur cause n'est pas etonnant, comme vous l'avez fait remarquer au baron de Tougout que leurs partisans en France n'ayent pas pu se montrer et en general tous les argumens dont vous vous etes servi vis-a-vis de lui, je les approuve et les trouve convainquant preuve de cela est que le baron lui-meme s'y rendit.

12) Письмо Императрицы Екатерины II-й къ принцу Нассау-Зигенъ о дѣлахъ Французскихъ: „Qu'est ce que cette nouvelle apparition du Roi (Людовика XVI) dans ce manege? pourquoi? pour declarer qu'il a pris la resolution selon le desir de la nation d'envoyer 150,000 hommes en Allemagne pour en chasser les emigrés. Mais si jamais cette nation à vingt quatre souls par jour d'apres l'avis de laquelle le conseil du roi se regle, demande que S. M. abdique. S'y resoudra-t-il et est ce que ses conseillers le lui conseilleront? Est-ce le troupeau qui mene le pasteur? ou est-ce le pasteur qui doit conduire le troupeau? et qu'est ce que le troupeau devient sans pasteur. Puisque les Tuilleries sont en contradiction avec eux-memes, de quoi vous etonnez-vous de ce que des particuliers s'avisent de precher et de propager leurs opinions, personne ne sait á quoi et à qui s'en tenir dans ce malheureux pays. Il est impossible que l'empire d'Allemagne et les princes qui le composent regardent avec indifference les invasions, les hostilités, les infractions de toutes les traités et la vente publique des biens de ceux d'entre eux qui

en ont en Alsace. Mais aussi le royaume de France aura bien des frais à payer et les régnes de touts le rois de France ensemble et toutes les guerres de la monarchie ne lui auront pas couté si cher que cette diable de revolution dégénerée non régénérante. Je n'ose dire ce que je pense, mais cent fois il m'est entré dans l'esprit que le refus noble des princes d'entendre à aucun demembrement grand ou petit a pu attieder plus d'un voisin ou participant.

13) Къ тому же 5 января 1792. Les banquiers d'Hollande se sont adressé à nous pour savoir si réellement je donnais un credit illimité à M. de Calonne et que sur ce credit prétendu il cherchait à emprunter chez eux. Comme personne de Notres n'avait ordre pour pareille chose ils ont répondu en consequence. Il seroit à souhaiter qu'à l'avenir les employés de leurs Altesses royales s'abstinssent de pareilles étourderies qui ne sauraient faire de bien à leurs affaires. N'allez pas croire que je négligerai pour cela leur interets réels, je les aiderai là ou-je verrai qu'ils en auront besoin et ou je le jugerai convenable, mais je voudrai aussi qu'on fit un emploi juste et mesuré des moyens, qu'on les appliqûat à la chose essentielle, que tout y tendît et qu'on ne mit ni ne melât aucune sorte de discredit à une aussi belle et grande cause et pour que cela soit il faut recommender à toutes les employés la plus exacte probité. Au reste il me parait que la disposition des cours est infinement plus favorable qu'elle ne l'etait il y a deux mois; mas il faut de la persévérence, ce n'est qu'elle qui peut mener les choses à une heureuse fin. Si j'etais à leur place à leur âge je n'aurois que la conduite de Henri IV devant les yeux, avec de plus petits moyens il fit beaucoup et tout ce qu'il voulût.

14) Къ тому же 24 сентября 1792. Enfin donc vous voilà en France et dans un moment vous deviez être à Paris, si les *si* et les *mais* n'etaient point de la partie. Je vous avoue sincerement que je ne comprend rien à cette continuelle penurie d'argent et que je regarde comme immense et sans exemple les moyens que les princes ont eu depuis un an. Je pense, qu'accompagné d'un coté de la justice et de l'autre de la magnanimité on pourroit marcher tout droit au but plus facilement qu'avec des biaiseries dont jusqu'ici nous n'avons encore vu sortir rien de tout et qui sert admirablement à empirer les choses, à augmenter les depenses, à faire arriver la famine, la peste et Dieu sait

quels autres inconvenients, car de fait on n'a remedié à rien ayant cependant 200 mille hommes en marche à cette fin. Je ne comprends rien à ce qu'on vous dit de l'arrivée de mes trouppes tandis qu'à moi on ma proposé des deux côtés de donner mon subside en argent à quoi j'ai acquiescé surtout voyant la tournure que prennent les affaires et sachant qu'il y a plus de trouppes qu'il n'en faut pour rétablir l'état des choses au gout des puissances dont j'ignore jusqu'ici les plans et desseins n'en entendant parler du tout que par les gazettes et autres nouvelles à la main et ignorant parfaitement tout ce qui regarde les concerts des hauts alliés à ce sujet.

15) Къ тому же 6 декабря 1792. Je suis bien faché de ce que M. le duc de Bronswic dans cette campagne aye perdu la considération dont on était persuadé qu'il jouissait à juste titre. Il faut reussir, ceux qui ne réussissent pas on leur suppose de fausses mesures et de celle-ci on s'en prend à la judiciaire. Mais enfin si le duc de Bronswic a perdu la confiance de l'armée prussienne et des Alliés je pense que le plus sage seroit que le duc lui-meme se retira chez lui pour ne pas nuire par sa présence aux affaires du roy et que S. M. prit Elle-même le commandement des troupes, et qu'avant tout on s'appliqua de chasser les hordes des rebelles de l'Allemagne, je suis persuadée que la chose en elle-meme n'est pas si dificile, je fais plus, je ne doute pas qu'il ne soit très facile de les battre, la terreur est le premier motif de leur nouveau gouvernement une fois attaqué et battu ce qui est un synonime dans ce cas, vous verrez comme la terreur s'emparera d'eux et ils courreront si loin qu'on aura de la peine à les rattraper. Toute la faute du duc Albert de Saxe qui lui ont fait perdre les pays—Bas réside dans demi-volontés et dans les eternelles négociations que je voudrois non seulment voir mise de cotè avec les rebelles mais être reconnues pour honteux et autant que nuisible à la bonne cause, car avec qui negocier? personne en France n'est en droit de negocier. Si l'on reconnoitra la republique on se mettra dans l'inconvénient tous les huit jours de reconnaitre toutes les formes par lesquelles les caprices des rebelles la feront passer, et ce seront eux qui meneront les hauts alliés et non pas ceux-ci qui ffniront les choses selon leurs déclarations en faveur de la cause des Roys. Le roy de Prusse se couvrira d'une gloire que

nul n'osera lui envier ni la disputer si en prenant lui meme le commendement de son armée il la conduira d'un pas ferme sans negocier ni vaciller à l'ennemi, chassera celui-ci de l'Allemagne, entrera en France, fera des prines et de leurs parti tel qu'il est son avant-garde, fera soutenir ceux-ci par son avant-garde Prussienne, menera à la suite l'ancien gouvernement, le retablira partout où il percera en France, ne traitera qu'avec lui. Je ne vois que ce moyen la pour ramener l'ordre en Europe; car dans ce moment ci je ne vois d'ambition qu'aux rebelles de France qui veuillent engloutir dans leur infernal gouvernement l'univers entiér. Temoin l'envoy de Semonville en Turquie par une flotte avec des millions et les bijoux de la couronne de France afin que les Turques rejoignent à eux et me déclarent la guerre de nouveau. Apres avoir forcé les Turques à cette demarche ils viendront avec eux dans la mer noire et se jetteront sur la Tauride et c. En attendant la Suede et la Pologne sont rongèe de democratie. Vous voyez par la combien peu je puis me preter à envoyer mes troupes aussi loin de chez moi.»

16) Записка къ Безбородкѣ по полученіи извѣстія о варшавскомъ мятежѣ: „Отъ Игельстрема пріѣхалъ курьеръ, по несчастію все правда что не писано, а кромѣ того, что Костюшко не пріѣхалъ въ Варшаву, но самъ король изволилъ руководствовать симъ дѣломъ. Пріѣзжай въ совѣтъ поранѣе.“

17) Изъ показаній Косцюшки: Вопросъ: Quel est le nom de Sotnik ou officier des cosaques, qui pendant le siege de Varsovie est venu aux postes avancés des polonais pour demander à parler à l'officier qui y commandait et auquel il avait remis un ecrit, contenant des offres de desertion avec plusieurs de ses camarades à de certaines conditions et quelles suites a eu cette affaire? Отвѣтъ: Je ne me souviens pas de nom de Sotnik, l'ecrit contenait sur les offres des grades et une demande si cela est vrai qu'il y a une revolte chez eux pres de Don; pour ce qui regarde des grades je les ai offert, mais quant à la seconde question, je lui fit répondre que je ne savait pas et craignant qu'on ne deboche pas nos troupes ou qu'ils ne fassent pas un pretexte pour savoir nos endroits faibles et forts, je fis cesser toute communication, sous peine rigide. Dans les choses politiques c'est Potocki qui m'auroit guidé, car je ne comprends pas du tout. Quant à l'argent que les troupes m'ont apporté c'est Manget avec

sa brigade 60 ou 80 mill. florins, Madalinski avec la sienne 40 ou 60 mill., Grochowski 80,000 ou davantage. Si les Turques faisoient la guerre à la Russie, nous aurions cherché de faire l'âlliance avec eux en demandant qu'ils ne fassent pas la paix jusqu'à ce que la Pologne n'auroit pas recouvert ses provinces prises, qu'elle ne soit independente et ne retablisse son gouvernement tel que la nation vondrait.»

18) Изъ показаній Нѣмцевича: A juger de la mefiance qu'on lui (королю С. А.) temoignait dans le cour de la revolution il parait qu'il n'a pas été du secret, ce prince malgré tant de bonnes qualités qu'il possede a une faiblesse de caractere qui le rendait toujours egalement inutile à la Russie et á son propre pays et qui eloignait de lui la confiance de deux cotés, je ne lui ai vu jouer aucun role dans la revolution, il n'est venu voir le camp qu'apres que le siege était levé, il paraissait cependant prendre part à nos succés et à nos revers, il assistait á toutes les ceremonies d'Eglise, peut etre était ce par crainte car malgré que Mr Kosciuszko lui temoignait toujours beaucoup de respect et de menagement, l'abbé Kolontay faisait tout son possible pour le perdre. Quoique je ne me rapelle pas du nom de Sotnik des cosaques, je peux cependant, Monseigneur, vous donner des details trés circonstenciés sur cette affaire et plut à Dieu que je fusse aussi bien informé du reste comme je le suis de cette circonstence. V. E. ne rejetteroit pas sur le manque de sincerité ce que n'est chez moi que manque d'information. Le sotnik dans l'ecrit qu'il a remis à notre officier désirait de savoir si les demelés qui avait eu lieu sur le Don subsistait encore? que dans ce cas s'ils pouvaient obtenir des bonnes conditions chez nous, plusieurs de ses camarades passeroient de notre cotés; nous leur promimes dans notre réponse tous les avantages imaginables, franchises, libertés, terres en proprietés, avancements, distinctions et. c. mais aprés cette reponse le Sotnik à notre grand etonnement ne revint plus à la charge, la desertion s'etant mise dans notre armée, le general a defendu toute conversation avec l'ennemi.

19) Донесеніе Премьеръ-майора Титова Генералъ-Прокурору Самойлову. *Отъ 9 декабря 1794 года*: „Донося вчерашняго дня о задумчивости г. Костюшки, которая умножается часъ отъ часу сильнѣе даже до такой степени, что начинаетъ забываться и безпрестанно плачетъ. Сколько ни старался его уговаривать, ничего не помогаетъ, къ чему приписать оное

его поведеніе не знаю, и для того большое опасеніе имѣю въ разсужденіи его жизни. *13 декабря:* „Грусть его нѣсколько уменьшилась, но началъ кашлять, и чрезвычайно мало спитъ каждую ночь. *14 декабря*: „Съ утра до вечера сидитъ на одномъ мѣстѣ въ превеликой задумчивости. Вчерашній день объявлялъ мнѣ свои мысли, что ежелибъ оный такъ счастливъ былъ, что милосердіе нашей государыни освободило его отъ сей неволи, оный ту же минуту уѣхалъ бы въ Америку, въ которой остатокъ дней своихъ остался бы. *16:* „Посѣщенія В. Высокопревосходительства подкрѣпляютъ очевидно извѣстнаго арестанта, которой чрезвычайно жалѣлъ о вашемъ вторичномъ приходѣ, что не слыхалъ отъ сего забвенія. 21: Вчерашній день г. Костюшка жаловался чрезвычайно на головную боль, которая его нѣсколько разъ въ забытіе приводила; я спрашивалъ своего штабъ-лекаря о причинѣ онаго, онъ мнѣ сказалъ, что оное происходитъ едикственно отъ того, что сидитъ на одномъ мѣстѣ недвижимъ по цѣлымъ суткамъ, сколько ему ни совѣтовалъ пройтиться по горницѣ, но онъ молчитъ и никакого лѣкарства не принимаетъ. *28:* Присланныя газеты отъ В. Высокопревосходительства извѣстный арестантъ читалъ и крайне удивлялся Французамъ, что по ихъ разстройству дѣлаютъ такіе успѣхи. *7 января 1795 года:* Арестантъ вельми нездоровъ и грустенъ по прежнему. *20 мая*: Очень боленъ; лѣкарь нашелъ, что внутренняя лихорадка. Въ началѣ іюня вслѣдствіе продолжающейся болѣзни обѣщано ему дать домъ съ садомъ.

стран.	строка	напечатано	должно читать:
6	1	Нестернимое	Нестерпимое
7		водчинить	подчинить
20	10	отнсительно	относительно
31	6	спобпость	способность
—	19	итересуются	интересуются
34	13	отвѣтокъ	отвѣтовъ
	21	скудостн	скудости
35	25	одпой	одной
37	9	могущественныхъ	могущественнымъ
49	21	были	былъ
50	16	чиновпикъ	чиновникъ
54	12	видамн	видами
57	11	Репнипъ	Репнинъ
78	11—12	исвытаннаго	испытаннаго
94	28	Наконепъ	Наконецъ
—	31	образу	обзору
96	8	нуждаются	нуждаются
100	31	волпенія	волненія
105	9	слѣлать	сдѣлать
111	18	м	и
118	6	впрочдмъ	впрочемъ
121	22	приступленія	преступленія
122	7	не	на
136	22	соласится	согласится
—	11	Австрію	Австріею
158	1	црава	права
162	6	Россіп	Россіи
—	21	вооруженнѣмъ	вооруженномъ
		вмѣсто	вмѣстѣ
194	31	Галинію	Галицію
198	10	во твѣтѣ	въ отвѣтѣ
208	въ прим. 3	Pologue	Pologne
231	29	Россійскихъ	Россійской
236	29	сіе	ее
269	15	пошилнье	пошлины
281	30	представитъ	представить

„БУКИНИСТЪ"
И. КЛОЧКОВЪ
...тейный пр. 55
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Цѣна 2 руб. сереб.

